ОП

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. КОНИ.

Инв 10426 9799
10232.

ТОМЪ II.

МАРТЪ — КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

1850.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 Марта 1850 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

ТОМЪ II.

ПАНТЕОНЪ

№ 3.

1850.

С.Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКІЙ МЕХАНИКЪ КУЛИБИНЪ. Анекдотическое представленіе, въ трехъ отдѣленіяхъ, сочиненіе *А. В. Висковатова*.

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. **КРАСНЫЙ БАШМАЧЕКЪ.** Повѣсть *Эрнеста Пуаре.*
2 **БѢДОВЫЙ ДРУГЪ.** — Разсказъ *Ѳ. П — ва.*
3. **СТИХОТВОРЕНІЯ.**

a. Онъ умеръ! . . . . . *В. Зотова.*
b. Дай счастья намъ судьба. . . . *Н. Хвощинской.*
c. Боабдилъ . . . . . *В. Зотова.*
d. Вопросъ . . . . . *Н. Хвощинской.*

III. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ИСТОРІЯ ТАНЦОВАНІЯ И БАЛЕТА. По розысканіямъ французовъ и англичанъ. Часть 1-я: *Танцовальное искусство у древнихъ народовъ.*

IV. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ГОЛЬДОНИ О ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ЖИТЕЙСКИХЪ ТРЕВОЛНЕНІЯХЪ.

V. ЮМОРИСТИКА.

УЛЫБКА ВЪ ПЯТЬ РУБЛЕЙ. Разсказъ *Вани Булочкина.*

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. **МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ** за январь и февраль. Статья *А. И. Андреева.*
II. **РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:** *Посовъ*, волшебный водевиль *П. С. Ѳедорова.*

III. ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Бенефисъ госпожи Вольнисъ: — 1 **Léon, ou L'amour maternel,** *драма въ пяти дѣйствіяхъ;* 2. — **L'idiote;** *водевиль въ одномъ дѣйствіи;* 3 — **Un tigre du Bengal,** *комедія въ одномъ дѣйствіи, и живая картина,* (*Жмурки*). — *Бенефисъ госпожи Арну-Плесси:* 2. **L'Amitié des femmes,** *комедія въ трехъ дѣйствіяхъ;* 2. **Le domino noir,** *комедія въ трехъ дѣйствіяхъ съ куплетами. Прощальный бенефисъ Г. Аллана:* 1. **Gabrielle,** *комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. соч. Ожье;* 2. **Le Cachemire vert,** *комедія въ одномъ дѣйствіи, Александра Дюма. и* **Le groom,** *комедія въ одномъ дѣйствіи. — Нѣсколько прощальныхъ словъ о г. Алланѣ.*

IV. БАЛЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Значеніе балета. — Мимика у Римлянъ. — Зачатіе современнаго балета. — Заслуга Дидло. — Упадокъ балета. Причины его. — Появленіе Маріи Тальони. — Характеръ и вліяніе ея таланта. — Балеты старика Тальони: ихъ достоинства и недостатки. — Заслуги ихъ относительно Россіи. — Равнодушіе нашей публики къ балету. — Лучшія Гранъ. — Г-жа Андреянова возстановляетъ упавшій балетъ на русской сценѣ. — *«Пахита* и *Сатанилла»*. — Пріѣздъ Фанни Эльслеръ. — Балетмейстеръ Перо и его балеты. — *«Мечта художника, «Катарина, — дочь разбойника»*. — Заслуга Перо въ отношеніи къ танцамъ и балетнымъ хорамъ. Перо, какъ мимъ и танцовщикъ. — *Лида, Швейцарская молочница»*, балетъ Геровица. — *«Тарантулы»*, балетъ Скриба и Корали. — *«Питомица Фей»*, волшебный балетъ, соч. Перо и Сен-Жоржа; музыка Адольфа Адана. — Выгоды фантастастическаго начала въ балетѣ. — Необходимыя условія для хорошаго хореграфа. — Г-жа Андреянова, какъ мимистка. — Фанни Эльслеръ. Характеръ и направленіе ея таланта,

Сравненіе ея съ Тальони. — Танцы, ею исполняемыя. Мимическое достоинство. — Чего должно ожидать отъ пребыванія г-жи Эльслеръ на нашей сценѣ.

Статья **Ѳ. А. КОНИ.**

VII. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція. (*Письмо изъ Парижа, отъ* $\frac{\text{1-го марта.}}{\text{17-го февраля.}}$

Масляничная драматургія въ Парижѣ. — **Фигаро въ тюрьмѣ**, комедія въ 1. дѣйств. въ стихахъ, соч. *Монроза* и *Легильона*. — **Страпчій изъ любви**, комедія въ 1. дѣйств. въ стихахъ, соч. *Эдмона Котне*. — **Дѣвица де Лиронъ**, историческій водевиль, соч. г. г. *Лемуана* и *Декурселя*. — **Золотопромышленники**. драма, соч. *Марка Фурнье* и *Поля Дюплесси*. — **Генріетта Дешанъ**, драма *Бирбье* и *Мишеля Карре*. — **Не Служанка а жемчугъ**, комедія *Вернера*. — Оперные дебюганты: г-жа *Гейнефеттеръ*, *Мелье*, г-жа *Ангри*. — Концертъ *Генріетты Зонтагъ* (*грф. Росси*.)

VIII. СМѢСЬ.

1. Достовѣрные разсказы объ Абазіи. Записки русскаго офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ. — *В. И. Савинова.*

Семейное счастіе. Выстрѣлъ и поцѣлуй. — Физіологія горской бабки. — Отвага или красота? — *Воспитаніе*: Споры и козни за право Аталыка. — Приговоръ старшинъ. — Аталыкъ. — *Методы воспитанія.* — День шестилѣтія. — Стрѣльба и наѣздничество. — Страшныя ночи. — Мать незнакомка. — Первый день въ пути и заарканенный конь. — Биль — Шайтанымъ. — Встрѣча съ хищниками. — Поединокъ. — *Джигитовка*: Палки и шашки. — Неудачный выстрѣлъ. — Верхъ молодечества. — Возвращеніе. — Награда Аталыка. — Молочное родство. — *Бракъ*: Свиданіе молодыхъ людей. — Предсвадебные обычаи. — Обрядъ. — Три стрѣлы на порогѣ сакли. — Пойманный мужъ хуже вора. — Выручка жены. — Палочная война.

2. Жертва зеленаго стола. — Разсказъ *Франца Вальнера.*

3. Калейдоскопъ.

1. *Знаменитый датскій поэтъ Адамъ Эленшлегеръ.* (*Некрологъ.*) — 2. *Трогательный памятникъ парижскаго архіепископа Аффра.* — 3. *Князь Барбарини — Колонна ди Скіара.* — 4. Художественныя извѣстія: — *о нашей скульптурѣ*; — *Н. А. Степановъ и его каррикатурныя статуэтки*; — *Скульпторъ де Префонтенъ и каменные паркеты его изобрѣтенія.* — 5. *Музыкальныя новости прошедшаго мѣсяца.* — 6. *Портретъ Великаго Князя Михаила, рисованный Жуковскимъ.* — 7. *Замокъ Монте-Кристо* — 8. *Знаменитый британскій живописецъ Серъ Уильямъ Элленъ.* — *Летучія мысли*; *Ѳ. Кони.*

IX. БАЛАГУРЪ.

1. *Какъ надо жить.* Куплеты изъ новаго водевиля *Д. Андреевскаго.* — 2. *Мотросъ- виртуозъ.* — 3. *Есть всякіе зрители.* — 4. *Сюрпризъ.* — 5. *Гамлетъ въ полиціи.* — 6. Дюжина съ небольшимъ анекдотовъ.

X. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

1. Нѣтъ дѣйствія безъ причины. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. *П. С. Ѳедорова.*

2. Да или нѣтъ? или **Роковое письмо.** Комедія въ одномъ дѣйствіи *П. А. Каратыгина.*

Къ этому нумеру прилагается портретъ знаменитаго русскаго трагика *П. А. Плавильщикова*, рисованный съ подлиннаго молодымъ художникомъ *Боргемъ*.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКІЙ МЕХАНИКЪ КУЛИБИНЪ.

АНЕКДОТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. В. ВИСКОВАТОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

ВЪ ПЕРВОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Иванъ Петровичъ Кулибинъ, мучной торговецъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ.
Ульяна, его жена.
Наташа, племянница Кулибина.
Проѣзжій изъ Петербурга.

Дѣйствіе происходитъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія.

ВО ВТОРОМЪ И ТРЕТЬЕМЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

Неизвѣстный.
Иванъ Петровичъ Кулибинъ.
Ульяна.
Наташа.
Эйлеръ, членъ Академіи Наукъ.
Готлибъ Карловичъ Шприхвортъ, учитель С. Петербургской Академической Гимназіи.
Александръ Осиповичъ Любиновъ, молодой человѣкъ, племянникъ Шприхворта.
Тихонъ Корниловичъ Скрыповъ, секретарь канцеляріи С. Петербургской Академіи Наукъ.
Осипъ Ивановичъ Бедринъ, чиновникъ канцеляріи Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина.
Меркулъ Ѳедуловичъ Курацапъ, помощникъ квартиръ-маіора.

Анна Трифоновна Зыкина, чиновница, живущая въ одномъ домѣ съ Кулибиными.
Елкина.
Вохрина.
Склюева.
Станкина.
} Пріятельницы Зыкиной.
Ефимьевна, работница въ домѣ Кулибиныхъ.
Десятникъ.
Рабочій.
Одинъ изъ народа.
Члены Академіи Наукъ. — Рабочіе. — Народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ЧАСОВЩИКЪ-САМОУЧКА.

Комната въ квартирѣ Кулибиныхъ, съ простою мебелью и стариннымъ фортепьяно. На задней стѣнѣ висятъ деревянные часы съ желѣзными гирями. Кулибинъ, углубленный въ чтеніе, сидитъ у стола, на которомъ разложены книги, газеты, ноты, чертежи и бумаги.

I.

КУЛИБИНЪ *(читаетъ).*

Воззри въ лѣса на бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой:
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верьви сплетены въ немъ жилы,
Отвѣдай ты свои съ нимъ силы:
Въ немъ ребра, какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

Ты можешь-ли левіафана
На удѣ вытащить на брегъ?
Въ срединѣ самой океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями,
Покрытъ, какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой....

Да, велики чудеса въ Божьемъ мірѣ! Къ этимъ чудесамъ принадлежитъ и тотъ, кто написалъ эту оду.... Дивное дѣло! нашъ братъ простолюдинъ, холмогорскій рыбакъ, сдѣлался великимъ ученымъ, засѣдалъ въ Академіяхъ, былъ почтенъ всѣми и имя его славится во всѣхъ концахъ русской земли. И старый и малый слыхали про Ломоносова, а ты Иванъ сиди въ захолустьи, починивай часы, да смотри за своимъ лабазомъ, чтобъ было чѣмъ прокормиться съ семьею. (*Встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ*). Вотъ, еслибъ привелось мнѣ быть въ Питерѣ! Да, тамъ, можетъ статься, дѣло пошло-бы иначе. Тамъ напомнилъ-бы я о себѣ матушкѣ-Царицѣ, отыскалъ бы прежнихъ моихъ благодѣтелей, нашелъ-бы работу по своему призванію и сталъ-бы жить спола-горя.

—

II.

КУЛИБИНЪ И УЛЬЯНА.

УЛЬЯНА.

Ну, вотъ кормилецъ, ты опять за бездѣльемъ. Ходишь словно шальной, изъ угла въ уголъ, да книжки читаешь; а что-бы заглядывать чаще въ лабазъ? Вѣдь того и смотри, что скоро нечѣмъ кормиться будетъ. Сосѣдъ нашъ Григорьичъ, небось, не богаче былъ нашего, а теперь живетъ себѣ припѣваючи, ни дать ни взять у Христа за пазухой. Мы, что день, то бѣдняемъ, за торговлей призору нѣтъ, товаръ пораспущенъ въ долги, никто не платитъ, а тебѣ, не въ обиду будь сказано и горюшка мало. Ох-ох-охъ, Петровичъ, плохое дѣло не въ свои сани садиться! Ну, что тебѣ изъ того, что ты начитался всякой всячины, что ты выучился чинить да дѣлать часы, да строить какіе-то струменты и машины? на то есть другіе люди, ученые, за ними ты не утянешься. Вотъ взялъ ты на попеченье и сестрину дочьку сиротинку, а на приданое не сколотилъ ей ничего. Дѣвушка кровь съ молокомъ, на возрастѣ, а того и смотри, что весь вѣкъ въ дѣвкахъ останется. Нынче времена не прежнія: безъ приданаго невѣста съ рукъ нейдетъ. Право, Петровичъ, послушайся хоть разокъ бабьяго разума! брось всѣ затѣи, да возьмись за торговое ремесло. Лучше будетъ.

КУЛИБИНЪ.

Эхъ, матушка, любишь ты про одни дрожди твердить

трожди. Съ голоду не умремъ, Наташино время еще не ушло. Дастъ Богъ, пойдетъ лучше. Трудъ и терпѣніе все превозмогаютъ.

УЛЬЯНА.

Дастъ Богъ, пойдетъ лучше!... Когда-то еще пойдетъ, а покамѣсть идетъ плохо, и что день, то плоше. Право, ужъ даже горожане посмѣиваются: что-де, говорятъ, Иванъ Петровичъ, корпитъ надъ науками, часы да машины строитъ, а богатства себѣ не выстроилъ. Горемычное наше житье, да и только.

КУЛИБИНЪ *(протягивая женѣ руку).*

Не грусти, Ульяна, Богъ милостивъ. Говорю тебѣ, что настанутъ времена лучшія.

УЛЬЯНА *(утирая передникомъ глаза, говоритъ сквозь слезы).*

Настанутъ!... а когда настанутъ? Говорятъ же люди, что пока взойдетъ красное солнышко, роса глаза выѣстъ. Охти-хти! Видно, что съ чѣмъ пришла, съ тѣмъ и ушла; видно, что не переломить ужъ мнѣ моего голубчика. Господь съ тобою, Петровичъ; смотри, спохватишься, да поздно будетъ. Пойду помогать Наташѣ. Нечего сказать, хоть и въ дворянскомъ домѣ и на заморскихъ хлѣбахъ выросла, а дѣвица рукодѣльная, подлинно труженица. Послалъ бы ей Богъ добраго женишка, да богатаго. (*Уходитъ.*)

—

III.

КУЛИБИНЪ *(одинъ, послѣ нѣкотораго раздумья, смотря вслѣдъ жены).*

Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ.... Да, она права! но какъ же быть и мнѣ? Развѣ бросить мои книги, музыку.... все, надъ чѣмъ провелъ лучшіе мои годы, все, что было утѣхою моей жизни?... Нѣтъ, этому не бывать. И Ломоносовъ терпѣлъ и ему встрѣчались препятствія, а онъ, родимый, вышелъ изъ бѣдъ и горя, какъ золото изъ горнила. Терпи Иванъ, можетъ быть придетъ и твоя череда.... Да, придетъ, но только не здѣсь, а въ Питерѣ.... А какъ заберусь я въ Питеръ? Какъ перетащу туда семью? какъ разстанусь съ родиной, съ могилами отца и матери?... Сяду опять за Ломоносова, авось въ его стихахъ найду утѣшеніе.

(Перелистываетъ книгу; въ это время входитъ проѣзжій изъ Петербурга).

—

VI.

КУЛИБИНЪ И ПРОѢЗЖІЙ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

ПРОѢЗЖІЙ.

А что, здѣсь живетъ часовщикъ? Какъ бишь его: Куби.... Кули....

КУЛИБИНЪ.

Кулибинъ?

ПРОѢЗЖІЙ.

Да, да, точно такъ, Кулибинъ; не могъ вдругъ вспомнить имени.

КУЛИБИНЪ.

Здѣсь живетъ. Я самъ къ вашимъ услугамъ. Что изволите приказать?

ПРОѢЗЖІЙ.

Дорогой изъ Петербурга, за двѣ станціи до здѣшняго города, у меня остановились часы. Безъ часовъ въ пути бѣдовое дѣло. Пріѣзжаю сюда, въ Нижній, и спрашиваю: нѣтъ-ли здѣсь часоваго мастера? Говорятъ, есть, вонъ тамъ, на концѣ улицы, спросите Кулибина, или просто часовщика, всякой укажетъ. Онъ только одинъ у насъ это ремесло знаетъ. На же, братъ, посмотри, да полно по силамъ-ли? Вѣдь это не то, что тяпъ да ляпъ. Пожалуй, такъ починишь, что и бросить впору. Это не то, что твои стѣнные. Ужъ не твоей-ли они работы?

КУЛИБИНЪ (*разсматривая часы проѣзжаго*).

Моей, батюшка! Такъ, одна изъ первыхъ попытокъ. А ваши часы отличные, англійской работы, ходъ на алмазѣ. Они не испортились, а позасорились! Надобно только вычистить. Къ вечернямъ будутъ готовы.

ПРОѢЗЖІЙ.

Браво! да ты, какъ я вижу, знаешь дѣло.

КУЛИБИНЪ.

Если бы, батюшка, не зналъ, такъ и не брался бы.

ПРОѢЗЖІЙ.

Да гдѣ-жъ ты учился: въ Москвѣ? въ Петербургѣ?

КУЛИБИНЪ.

Ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, господинъ, а здѣсь у себя, въ Нижнемъ, самоучкою.

ПРОѢЗЖІЙ.

Самоучкою? часъ отъ часу нелегче! Да ты, братъ, видно не изъ дюжинныхъ. Что это у тебя на столѣ? книги?... стихотворенія Ломоносова! Не ты-ли ужъ читаешь ихъ?

КУЛИБИНЪ.

Есть тотъ грѣхъ, батюшка! люблю читать его оды и многое знаю наизустъ. Вѣдь и онъ былъ такой же простолюдинъ.

ПРОѢЗЖІЙ (*продолжая разсматривать заглавія книгъ*).

«Сокращеніе первыхъ основаній математики, сочиненіе Христіана Вольфа»... «Краткое руководство къ теоретической геометріи, Георга Крафта»... «Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ, Крафта»... «Вольфіанская теоретическая физика».... Неужто ты и эти книги читаешь?

КУЛИБИНЪ.

Бываетъ, милостивецъ; почитываю когда на досугѣ. Самъ очень люблю механику.

ПРОѢЗЖІЙ (*продолжая перебирать на столѣ*).

Ученыя прибавленія къ Санктпетербургскимъ Академическимъ Вѣдомостямъ.... чертежи, ноты.... А къ чему же ноты, кто у тебя играетъ на фортепьяно?

КУЛИБИНЪ.

Самъ, батюшка, подъ часокъ потѣшаюсь; да еще играетъ у меня сиротка-племянница, покойной сестры дочка. Въ малолѣтствѣ она была призрѣна зажиточной барыней; да Богъ послалъ по душу благодѣтельницы. Такъ вотъ мы съ женой и взяли къ себѣ безпріютную. За то она и утѣшаетъ насъ.

ПРОѢЗЖІЙ (*продолжая смотрѣть далѣе*).

Ба! и черновыя стихотворенія : ужъ и они не твоего-ли сочиненія?

КУЛИБИНЪ.

Маракуемъ немного, батюшка! Это, изволите видѣть, кантата, написанная мною, въ честь пріѣзда въ Нижній нашей Царицы. Она, матушка, изволила пожаловать меня за нее денежною наградою.

ПРОѢЗЖІЙ (*читая кантату*).

Толь процвѣтаетъ твоя держава,
Вездѣ сіяетъ подъ солнцемъ слава,
Лучь простираетъ и досягаетъ
До другихъ державъ.

Недурно.... механикъ, музыкантъ, пишетъ стихи.... и все самоучкою!... Говорите же послѣ этого, что русскій умъ созданъ только подражать, а не творить. Нѣтъ, съ этимъ человѣкомъ надо ближе познакомиться. Послушай, г-нъ Кулибинъ, какъ величать тебя по имени и отчеству?

КУЛИБИНЪ.

Иванъ Петровъ....

ПРОѢЗЖІЙ.

Такъ послушай-ко, Иванъ Петровичъ, ты слишкомъ заинтересовалъ меня. Я вижу, что ты человѣкъ необыкновенный и очень былъ-бы радъ, если-бы ты потрудился разсказать о твоемъ происхожденіи, о твоей жизни и о томъ, какъ здѣсь въ Нижнемъ, вдали отъ наукъ и искусствъ, ты могъ познакомиться съ науками и искусствами?

КУЛИБИНЪ.

Коли вамъ непремѣно угодно, я разскажу вамъ про мою темную жизнь въ короткѣ. Отецъ мой, небогатый купецъ, торговалъ въ здѣшнемъ городѣ, въ приходѣ Успѣнія, мукою. У него выучился я читать, писать и считать по счетамъ, потомъ посадили меня въ отцовскій лабазъ сидѣльцомъ. Не до торговли было мнѣ. Бывало сижу себѣ за мучными кулями, да рѣжу изъ дерева флюгера, толчеи и другія подобныя вещи, а какъ побѣгутъ весною съ горъ водные ручьи отъ тающаго снѣга, я ставилъ надъ этими ручьями водяныя мѣльницы. Много брани и побоевъ вытерпѣлъ я за эти *шалости* и всѣ родные и знакомые пророчили, что изъ малаго проку не будетъ. Уступая отцовскимъ просьбамъ, я бросилъ эти занятія, но любопытство привлекло меня къ другой вещи. То были часы на Строгоновской колокольнѣ, съ курантами, показывавшіе движеніе небесныхъ сферъ и двѣнадцать созвѣздій. По цѣлымъ часамъ, даже по цѣлымъ днямъ, стаивалъ я передъ ними, всходилъ на самую колокольню и не понимая внутренняго устройства часовъ, полюбилъ ихъ, какъ друга. Однажды зайдя къ моему сосѣду, мнѣ было тогда 17 лѣтъ, я увидѣлъ у него стѣнные часы, съ деревянными колесами.... они-то дали мнѣ первыя понятія о механизмѣ. Съѣздивъ потомъ по чужимъ дѣламъ въ Москву,

я имѣлъ случай видѣть карманные часы и, воротясь въ Нижній, самъ сдѣлался часовщикомъ. Первое мое издѣліе были стѣнные часы съ кукушкою; вотъ эти самые, которые висятъ за вами.

ПРОѢЗЖІЙ.

И это все сдѣлалъ ты одинъ, безъ руководителя?

КУЛИБИНЪ.

Одинъ, самъ собою. Съ той поры я сдѣлался часовщикомъ, а между тѣмъ прошли еще 13 лѣтъ; я завелся семействомъ. Увидѣвъ англійскій телескопъ, съ металлическими зеркалами, послѣ того микроскопъ, а потомъ электрическую машину, я вздумалъ ухитриться, сдѣлать такіе же самъ....

ПРОѢЗЖІЙ.

И сдѣлалъ?

КУЛИБИНЪ.

Да, сдѣлалъ, и такъ сдѣлалъ, что самому было любо! Я затѣялъ устроить часы въ видѣ яйца, гдѣ внутренній механизмъ изображалъ Христово Воскресеніе. Намѣреніе мое было поднести ихъ Государынѣ, но какъ, и чрезъ кого? Работа шла ужъ три года, въ которые я много ночей проводилъ безъ сна и выносилъ труды неслыханные. Въ одну ночь, никогда не забуду я этого, — приснилось мнѣ, что къ моему окну прилетѣли три орла. Сначала я испугался, но вскорѣ ободрился и посыпалъ имъ пшена. Они начали клевать. —Высоко-ли вы летаете, орлы? спросилъ я у нихъ.—«Развѣ ты не знаешь, отвѣчалъ старшій орелъ, что мы паримъ близъ солнца.»—Съ этимъ словомъ всѣ три орла вспорхнули, и я проснулся. Глаза мои были полны слезъ. Считая сонъ Божіемъ посѣщеніемъ, я укрѣпился въ мужествѣ и продолжалъ работу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нашъ городъ былъ осчастливленъ пріѣздомъ Царицы. Я окончилъ часы и сочинилъ въ честь ей кантату, вотъ эту самую, которую вы читали. Здѣшній губернаторъ, узнавъ о моихъ трудахъ, представилъ меня тремъ вельможамъ, прибывшимъ съ государыней. Это были три родные брата. Они обласкали меня, и глядя на нихъ, я вспомнилъ про трехъ орловъ, видѣнныхъ мною въ вѣщемъ снѣ моемъ. Старшій изъ вельможей велѣлъ мнѣ взять съ собою часы, элетрическую машину, телескопъ, микроскопъ, кантату и повезъ меня къ государынѣ.

ПРОѢЗЖІЙ.

Что-жъ она?

КУЛИБИНЪ.

Она приняла меня милостиво, выслушала всѣ мои объясненія, допустила меня къ державной рукѣ своей, пожаловала за часы тысячу рублей, а самые часы и прочія вещи моей работы повелѣла отправить въ Петербургъ и хранить, какъ рѣдкость, въ кунсткамерѣ, въ той самой кунсткамерѣ, гдѣ хранятся вещи великаго государя, Петра Алексѣевича. Съ той поры живу я по прежнему въ Нижнемъ, дѣлаю по заказамъ часы, починиваю ихъ, придумываю и строю разныя машины и такъ провожу время, кое - какъ прокармливая себя трудами и небольшою торговлей, послѣ отца наслѣдованной.

ПРОѢЗЖІЙ.

Чинишь часы, дѣлаешь новые, изобрѣтаешь машины.... все это прекрасно, а знаешь-ли, Иванъ Петровичъ, что мнѣ пришло въ голову? Петербургъ, эта созданная Петромъ молодая столица Россіи, день ото дня богатѣетъ народонаселеніемъ; день ото дня украшается новыми зданіями; на берегахъ Невы красуются длинные ряды каменныхъ палатъ. Одно, и важное неудобство, имѣетъ этотъ городъ: въ весеннее и осеннее время, когда ледъ затрудняетъ, а на нѣсколько дней и совсѣмъ прекращаетъ сообщеніе между двумя половинами города, раздѣляемыми Невой, Васильевской островъ, съ Петербургскою и Выборгскою сторонами, составляетъ особенный городъ: тамъ биржа, кадетскіе корпуса, Академіи, многія тысячи жителей.... и все это претерпѣваетъ большое неудобство, отъ неимѣнія черезъ Неву постояннаго моста. Что, если-бы ты, силою твоего геніальнаго ума, придумалъ такой мостъ, да представилъ его чертежъ, или модель, чрезъ твоихъ покровителей, Государынѣ? Вѣчное спасибо было-бы тебѣ отъ петербургскихъ жителей и вѣчная слава, какъ первому соорудителю постояннаго невскаго моста. Обдумай-ко хорошенько, да и что тебѣ сидѣть въ Нижнемъ, гдѣ дарованіямъ твоимъ мало и пищи, и простора. Поѣзжай въ Петербургъ, поселись тамъ, и подъ покровительствомъ Монархини, созидай дѣла, которыя могутъ обезсмертить твое имя. Подумай объ этомъ, а междутѣмъ позволь мнѣ пожать твою руку. Черезъ три часа я вернусь за моими часами, а въ это время ты сколько-нибудь надумаешься. Помни, что подъ лежачій камень и вода не течетъ. (*Уходитъ въ одну дверь, а Ульяна входитъ въ другую.*)

—

V.

КУЛИБИНЪ И УЛЬЯНА.

УЛЬЯНА.

Что это, родимый, за господинъ такой? Ужъ не осердчалъ-ли онъ на тебя, что такъ громко разговаривалъ? Пуще смерти боюсь ссоры.

КУЛИБИНЪ.

Будь покойна, Ульяна, ссоры никакой не было, а просто, господинъ этотъ проѣзжій изъ Питера, принесъ мнѣ поправить свои карманные часы.

УЛЬЯНА.

Да что же это, родимый, онъ такъ громко разсуждалъ, что ижно въ другомъ покоѣ, за дверьми было слышно?

КУЛИБИНЪ.

Что разсуждалъ? А какъ бы ты думала, а? Знаешь-ли, что этотъ господинъ крѣпко совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ Питеръ?

УЛЬЯНА.

Въ Питеръ?

КУЛИБИНЪ.

Да, въ Питеръ. Я и самъ часто объ этомъ подумывалъ; да такъ, что-то все не рѣшался, а теперь....

УЛЬЯНА.

Что-жъ теперь? Прислали за тобой, что-ли? .. Зовутъ тебя? Кажись не зачѣмъ. Въ Питерѣ и безъ тебя часовщиковъ много.

КУЛИБИНЪ.

Не ради часовъ, и зовутъ меня не люди, а зоветъ дѣло, дѣло великое!

УЛЬЯНА.

А кокое-же, батюшка, дѣло? Ужъ не жалоба-ли какая, не тяжба-ли? Кажись, намъ тягаться не-съ кѣмъ, да и не изъ-за чего; къ тому-жъ у тебя въ Питерѣ нѣтъ и души знакомой.

КУЛИБИНЪ.

Нѣтъ, такъ найдутся. Я обращусь къ Академіи, и она приметъ меня въ свои объятія.

УЛЬЯНА.

Что это ты, родимый, упаси Господи! Да ужъ не спятилъ-ли ты съ ума? На что-жъ у тебя законная жена? съ какою ты

еще барыней тамъ обниматься хочешь? Какая это Кадемія? Видишь, Петровичъ, до чего доводятъ науки, струменты и машины. Пришла пора, что и жены мало.

—

VI.

ТѢ ЖЕ И НАТАША.

НАТАША.

Дядюшка! я васъ ищу! Да что это вы, тетушка, будто плачете, что съ вами?

УЛЬЯНА.

Охъ, плохо Наташа! Дядя твой, видишь, хочетъ ѣхать въ Питеръ, да обниматься съ какой-то Кадеміей. Богъ вѣдаетъ, что это за барыня. Ей-то ни што, а каково мнѣ безъ Ивана Петровича.

КУЛИБИНЪ (*смѣясь*).

Подлинно ученье свѣтъ, а неученье тьма. Тетка твоя приревновала меня, какъ бы ты думала, къ кому? Къ покровительницѣ наукъ и искусствъ, къ С.-Петербургской Академіи!

УЛЬЯНА

По неволѣ приревнуешь: столько лѣтъ по Божіей милости дружно и ладно жили, а теперь....

НАТАША.

Успокойтесь, тетушка! Академія не барыня, а мѣсто, гдѣ судятъ и рядятъ ученые объ ученыхъ дѣлахъ.

УЛЬЯНА.

Такъ вотъ что, давно бы сказалъ такъ, а то и ни вѣсть что подумаешь. Что это ты принесла? не опять-ли вѣдомости? Ужъ хоть-бы ихъ и на свѣтѣ не было! только моего Петровича смущаютъ.

НАТАША (*подаетъ Кулибину газеты*).

Новыя вѣдомости. Сейчасъ только принесли съ почты.

КУЛИБИНЪ (*съ жадностію схватываетъ и перелистываетъ газеты*).

Австрія.... Франція.... Англія.... Италія.... продажа.... все не то.... Ученыя извѣстія.... вотъ оно. Посмотримъ, что новаго.... Ульяна! Наташа! Пишутъ изъ Англіи, что и Лондонская Академія назначила знатное награжденіе «тому, кто сдѣлаетъ лучшую модель такому мосту, который-

«бы состоялъ изъ одной дуги или свода, безъ свай и «утвержденъ бы былъ концами своими только на берегахъ «рѣки». Который бы состоялъ изъ одной дуги безъ свай... Да, такъ, ничего не можетъ быть лучше. Я, я придумаю такой мостъ. Не унывай Иванъ, смѣлымъ Богъ владѣетъ! Теперь думать и откладывать нечего. Ульяна! Наташа! ѣдемъ въ Питеръ.

НАТАША.

Въ Питеръ?

УЛЬЯНА.

Какъ родимый, да ты и впрямъ затѣялъ въ Питеръ? Подумалъ-ли ты: сторона дальняя, знакомыхъ нѣтъ, жить дорого, а мы и здѣсь-то въ Нижнемъ еле-еле перебиваемся.

КУЛИБИНЪ

Сыты будемъ, Ульяна, а дастъ Богъ пойдетъ на ладъ дѣло, такъ сама скажешь спасибо.... Рѣшено: въ Питеръ!

УЛЬЯНА.

Помилуй, Петровичъ, да что тамъ безъ тебя не кому что-ли мостовъ строить?

КУЛИБИНЪ (*не слушая ея*).

Да что въ самомъ дѣлѣ! А развѣ я не могу, при Божьей помощи, сдѣлать такую модель моста, какъ требуетъ Лондонская Академія? Богъ съ ними, съ англійскими деньгами. Не о нихъ я думаю, а думаю объ общей пользѣ и не потаю грѣха, думаю о славѣ, какая ждетъ меня, мужика, за такое дѣло.

УЛЬЯНА.

Помяни мое слово! не доброе ты затѣваешь! Славны бубны за горами. Въ Питерѣ и безъ тебя много умниковъ да разумниковъ. Каждый годъ изъ-за моря ихъ сотнями приваливаетъ. Простому человѣку, да еще нашему брату неученому русскому тамъ не ужиться. Какъ разъ подобьютъ крылышки. Эй, не зарься на Питеръ; не мѣняй вѣрнаго на невѣрное.

КУЛИБИНЪ.

Нѣтъ, вы не уговорите меня. Здѣсь, я словно лежачій камень, а тамъ я найду.... Государыня меня вспомнитъ и не оставитъ; Академія надѣлитъ меня средствами.... Рѣшено: въ Питеръ! въ Питеръ! (*Бѣжитъ въ дверь.*)

УЛЬЯНА (*за нимъ, съ крикомъ*).

Иванъ Петровичъ! Опомнись! Иванъ Петровичъ!...

(*Занавѣсъ опускается.*)

═

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ.

Комната въ петербургской квартирѣ Кулибиныхъ; съ тѣми же стѣнными часами и фортепьяно, которые были въ первомъ отдѣленіи. Прямо и на лѣвой сторонѣ по двери. У аванъ-сцены столъ, съ раскинутыми чертежами, а у правой стѣны, близъ окна, стоитъ деревянная модель моста, объ одной аркѣ, вышиною въ ростъ человѣка.

I.

ЕФИМЬЕВНА (*обметаетъ пыль съ мебели*).

Вотъ ужъ четвертый годокъ, что нашъ Иванъ Петровичъ поселился въ этомъ хваленомъ Питерѣ. Довелось и мнѣ подъ старость его увидѣть, а подумаешь, что въ немъ особеннаго? Большія хоромы, много народу, да и только. Иванъ Петровичъ не говоритъ, а хоть что прозакладую, онъ стосковался по Нижнемъ. Насулилъ онъ здѣсь себѣ золотыя горы, а глядишь, чуть-чуть мѣдными денежками пробивается. Ужъ подлинно хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Бросила-бъ я на его мѣстѣ этотъ мостъ, да вернулась поскорѣй во свояси. Ему потѣха, а семьѣ горе. Люди только и знаютъ, что издѣваются. Вишь, говорятъ, пріѣхалъ мудрецъ изъ Нижняго учить питерскихъ. Господа изъ Академіи посматриваютъ на модель, да подтруниваютъ, даже самые сторожа посмѣиваются.

—

II.

ЕФИМЬЕВНА И ЗЫКИНА.

ЗЫКИНА (*въ дверяхъ*).

Можно посмотрѣть модель? Собрались гости, такъ любопытствуютъ видѣть.

ЕФИМЬЕВНА.

Почему же нѣтъ, матушка. Иванъ Петровичъ и всякаго чужаго пущаетъ, а вѣдь вы изъ одного дому. Отъ смотрѣнья ничего не сдѣлается, а я и мѣшать вамъ не стану. Пойду прибираться на кухнѣ. (*Уходитъ.*)

ЗЫКИНА.

Войдите, можно.

—

III.

ЗЫКИНА, ЕЛКИНА, ВОХРИНА, СКЛЮЕВА И СТАНКИНА.

ЕЛКИНА.

Такъ вотъ какой: весь деревянный!

ВОХРИНА.

А я полагала, что каменный.

СКЛЮЕВА.

А мнѣ сказывали, будто чугунный.

СТАНКИНА.

И безъ подпорокъ. Да это страшное дѣло! Неужто такъ и самый мостъ будетъ?

ЗЫКИНА.

Точно такъ, какъ есть. Вотъ видите, дорогія гостьюшки, самъ Кулибинъ сказывалъ мнѣ, что вся хитрость и есть въ томъ, что нѣтъ подпорокъ. Настоящій-то будетъ въ 140 саженъ длиною, объ одномъ прямомъ съѣздѣ на ту сторону, и объ двухъ боковыхъ на нашъ Васильевскій. Разсчитано, что такой мостъ долженъ поднимать 33,000 пудовъ грузу, такъ вотъ Кулибину и велѣно построить, на академическомъ дворѣ, для пробы, такой же фигуры мостъ, только въ десять разъ меньше, на 14 саженяхъ; потому и грузу долженъ онъ выдержать 3,300 пудовъ, и коли выдержитъ, такъ за настоящій примутся.

ЕЛКИНА.

И вы, матушка Анна Егоровна, думаете что выдержитъ?

ЗЫКИНА.

Я думаю, что не выдержитъ, и конечно не выдержитъ. Шуточное дѣло 3,300 пудовъ! Да подъ такою тяжестью не только мостъ и самая земля провалится.

ВОХРИНА.

Ну, а коли въ самомъ дѣлѣ не выдержитъ, такъ что-жъ съ мастеромъ?

ЗЫКИНА.

Что съ мастеромъ? само собою разумѣется, что по головкѣ не погладятъ. Засадятъ молодца въ казенную квартиру, для примѣру другимъ, чтобъ людей даромъ не морочили, да

казны напрасно не разоряли. Вѣдь Кулибину-то выдали на постройку модели тысячу рублей, по волѣ Государыни, а тысяча рублей не бездѣлица!

СКЛЮЕВА.

По дѣломъ вору мука! Ужъ куда нетерплю этихъ фокусниковъ. Да что-жъ, матушка Анна Егоровна, не видно, гдѣ мостъ разводиться будетъ?

ЗЫКИНА.

Въ томъ-то и штука, что не будетъ разводиться.

СКЛЮЕВА.

Стало быть и корабли за мостомъ по Невѣ ходить не станутъ?

ЗЫКИНА.

Нѣтъ, ходить будутъ по прежнему, да только подъ мостомъ.

СТАНКИНА.

Какъ подъ мостомъ? стало быть мостъ-то выше мачтъ будетъ?

ЗЫКИНА.

И конечно. Между имъ и водой будетъ вышины 12 саженъ.

ВОХРИНА.

Ахъ, страсти какія! Страшно и вздумать, что корабельныя мачты будутъ ходить подъ ногами. Нѣтъ, что до меня, такъ новому мосту меня на себѣ не видать; я все буду ходить и ѣздить по старому.

ЗЫКИНА.

Да та бѣда, что старый сломаютъ.

ВОХРИНА.

Сломаютъ? Что-бъ у этого мужичишки руки отсохли за его выдумку. По мосту ужъ ни за что не-пойду, а водой отродясь не ѣзживала, да и напредки оборони Господи! Этакъ мнѣ не придется и бывать на Васильевскомъ.

СТАНКИНА.

И къ чему подумаешь, подымаются люди на такія хитрости? Къ чему мостъ, который не разводится? Стоялъ Петербургъ безъ него отъ созданія міра, и весь вѣкъ еще простоитъ, а то, видишь, все думаютъ какъ бы лучше.

ЗЫКИНА.

Говорятъ, что нужно, а по мнѣ, такъ вовсе не нужно; я

Ленинградская Театральная БИБЛИОТЕКА имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

всего въ круглый годъ разъ пять-шесть на той сторонѣ бываю, а что весною да осенью долго моста не бываетъ, такъ тѣмъ еще и лучше: меньше изъ-за рѣки празднаго народу въ гости приваливаетъ. Знаете, всякіе люди въ гостяхъ бываютъ, и не всякому гостю радъ.

ЕЛКИНА.

И подлинно такъ. Однако, прощайте, Анна Егоровна, пора убираться домой.

ЗЫКИНА.

Какъ, матушка домой? Вѣдь вы обѣщались сегодня у насъ откушать?

ЕЛКИНА.

Да, а теперь тороплюсь до дому; желаю, что-бъ васъ порѣжѣ праздные люди тревожили. (*Уходитъ.*)

ЗЫКИНА.

Какъ? Что это? Да-вѣдь я.... Ну, и слава Богу, что провалила; такая тараторка, что упаси Господи. Видишь, чѣмъ обидѣлась.

ВОХРИНА.

Пора и мнѣ тоже. Простите, Анна Егоровна. Уйду, такъ у васъ еще одной тараторкой меньше будетъ! (*Уходитъ.*)

ЗЫКИНА.

Какъ? и вы?

СТАНКИНА.

А какъ я уберусь, такъ и еще одною убудетъ. Прощайте, Анна Егоровна. Хорошо, что проговорились. Силою же милой не будешь. (*Уходитъ.*)

СКЛЮЕВА.

Видно и до меня дошла очередь. Будьте здоровы, Анна Егоровна. Не поминайте лихомъ. (*Уходитъ.*)

ЗЫКИНА.

И она туда же.... всѣ ушли! Хороши пріятельницы, да хороша же и я! что теперь про меня говорить станутъ? А все проклятый мостъ! Что-бъ тебѣ провалиться! (*Подходитъ къ модели и въ досадѣ стучитъ въ нее кулакомъ. Въ эту минуту входитъ Кулибинъ.*)

—

IV.

ЗЫКИНА и КУЛИБИНЪ.

КУЛИБИНЪ.

Матушка, Анна Егоровна! помилосердуйте! да что вы это? что вамъ сдѣлала моя модель?

ЗЫКИНА.

А, вы здѣсь? тѣмъ лучше! Что ваша модель? По милости вашей проклятой модели, я перессорилась съ четырьмя старыми пріятельницами; по милости ея вошла въ напрасный изъянъ, наготовила лишнихъ блюдъ, а теперь хоть собакамъ выброси. Ну, ужъ вы мнѣ съ вашимъ мостомъ. Да чтобъ его и васъ.... Напредки шагу къ вамъ не сдѣлаю.

КУЛИБИНЪ.

Ваша добрая воля, матушка.

ЗЫКИНА *(ворочаясь).*

Ни шагу, слышите вы? ни одного шагу. (*Уходитъ.*)

—

V.

КУЛИБИНЪ (*одинъ*).

Что за оказія? За мою модель перессорилась съ четырьмя пріятельницами? Не понимаю! и опять виноватъ мостъ. Ну ужъ Питеръ, коли не совѣстно бы было предъ здѣшними, да не стыдно передъ земляками, такъ право бы воротился въ Нижній.

—

VI.

КУЛИБИНЪ и НАТАША.

НАТАША.

Здравствуйте дядюшка! Что вы такъ сегодня поздно вернулись? Ушли спозаранку. Да вы что-то не веселы, разстроены?

КУЛИБИНЪ.

Какое веселье, Наташа. Ходилъ на академическій дворъ — тамъ досада за досадой; прихожу домой, сосѣдка-чиновница разбранила меня въ пухъ, да еще чуть, чуть не сломала

модели. А спроси ихъ всѣхъ: изъ за чего? такъ и отвѣчать не съумѣютъ. Нечего дѣлать, терпи, все авось уладится Ты бы посидѣла здѣсь, Наташа, а я чрезъ какую нибудь четверть часа вернусь. Только снесу чертежъ десятнику: остановилась работа. (*Беретъ со стола одинъ чертежъ и уходитъ.*)

НАТАША.

До свиданія дядюшка! я стану караулить вашу модель. Нѣтъ, это ужъ черезъ чуръ. Мало того, что чиновники издѣваются надъ дядюшкинымъ мостомъ, чиновницы приходятъ сюда ломать модель, а что она имъ сдѣлала? Это уже просто злоба. Какіе есть злые люди.

—

VII.

НАТАША и ЛЮБИНОВЪ.

ЛЮБИНОВЪ (*останавливаясь у двери*).

Это вы, Наталья Васильевна. Дядюшка вашъ дома?

НАТАША.

Только сію минуту ушелъ. Не знаю, какъ вы его не встрѣтили? Впрочемъ, онъ черезъ четверть часа вернется.

ЛЮБИНОВЪ (*тихо*).

Черезъ четверть часа.... Ахъ, да какъ она хороша! Это первый разъ, что я съ нею наединѣ. Надо воспользоваться. (*Оправляется и подходитъ ближе къ Наташѣ*). Вашъ дядюшка воротится черезъ четверть часа?

НАТАША.

Да-съ. Онъ сказалъ, что чрезъ четверть часа.

ЛЮБИНОВЪ.

Вы, кажется, любуетесь погодой? Время прекрасное.

НАТАША.

Да-съ, погода стоитъ какъ нельзя лучше.

ЛЮБИНОВЪ.

А я виноватъ передъ вами, Наталья Васильевна. Не спросилъ про ваше здоровье. Ужъ не страдаете болѣе зубною болью?

НАТАША.

Мои зубы? Развѣ вы знаете, что они болѣли?

ЛЮБИНОВЪ.

Какъ же, Наталья Васильевна! я встрѣтилъ васъ одинъ день

и вы были подвязаны бѣлымъ платочкомъ. Я тотчасъ догадался, что у васъ болятъ зубы.

НАТАША.

Какъ вы внимательны.

ЛЮБИНОВЪ.

Я внимателенъ? Наталья Васильевна! да могу-ли я быть къ вамъ невнимателенъ? Я могу сказать безъ ошибки: въ какой день какое на васъ было платье, какой платочекъ. Не забуду я никогда того дня, какъ увидѣлъ васъ въ первый разъ, на гуляньи въ Лѣтнемъ саду. Вы почти и не обратили на меня вниманія, а я.... съ той минуты душа моя незнала покоя.... я думалъ только объ васъ, видѣлъ только васъ....

НАТАША.

Перестаньте, пожалуйста. Развѣ вы только за тѣмъ пожаловали къ намъ, чтобы смѣяться надо мною? На этихъ гуляньяхъ было много красавицъ.

ЛЮБИНОВЪ.

Много! можетъ быть. Но ни одна изъ нихъ не говорила моему сердцу. Да, Наталья Васильевна! я чувствую, что только однѣ вы можете составить счастіе моей жизни; я порывался уже не разъ открыть мои чувства передъ вашимъ дядюшкою, просить у него руки вашей; но могу-ли я рѣшиться на это, не зная, смѣю-ли имѣть надежду на взаимность? Одно ваше слово, одно только слово, и я.... (*Въ это время слышенъ изъ-за кулисъ голосъ Ульяны.*)

Наташа! Наташа!

НАТАША.

Сейчасъ, сейчасъ, тетушка! Извините, Александръ Осиповичъ. (*Убѣгаетъ въ другую комнату*).

ЛЮБИНОВЪ (*одинъ*).

Она ушла и я опять ни причемъ.

—

VIII.

ЛЮБИНОВЪ и КУЛИБИНЪ.

КУЛИБИНЪ.

А! батюшка Александръ Осипычъ, вы опять пожаловали. Милости просимъ. Такому разумному гостю мы всегда ради. Вѣрно опять для модели? Видно она крѣпко васъ зани-

маетъ? Благодаримъ за это. Кабы да всѣ думали по вашему....

ЛЮБИНОВЪ.

Да-съ, я для модели.... точно для модели.... я какъ-то ужъ давно не видалъ ее.

КУЛИБИНЪ.

Какъ давно? Да вы еще вчера у насъ были.

ЛЮБИНОВЪ.

Да, вчера, это правда. Но въ разговорахъ о томъ, о семъ, я какъ-то не разсмотрѣлъ ее хорошенько.... А вѣдь правду сказать она прекрасна, она очень мнѣ нравится, я полюбилъ ее всѣмъ сердцемъ и никогда бы не желалъ съ нею разстаться.

КУЛИБИНЪ.

Слишкомъ много чести, Александръ Осипычъ, я право радъ, что въ Питерѣ нашелся человѣкъ, съ такою любовью къ наукамъ и искусствамъ.

ЛЮБИНОВЪ

О! я всегда любилъ, люблю и буду любить все изящное! Однако, Иванъ Петровичъ, я совсѣмъ забылъ спросить, какъ идетъ ваше дѣло? кончились-ли всѣ ваши непріятности?

КУЛИБИНЪ.

Кончились-ли онѣ? Нѣтъ, Александръ Осипычъ, онѣ, кажется, что день, то увеличиваются. Не скрою отъ васъ, что иногда очень горько приходится мнѣ; бываютъ минуты, что готовъ, закрывъ глаза и зажавъ уши, бѣжать безъ оглядки, далеко отъ людей, а потомъ, какъ пройдетъ первая досада, то опять оживаешь надеждою и на сердцѣ какъ-то становится веселѣе. Скажу вамъ еще болѣе, что можетъ быть, я давно бы уже все бросилъ, давно бы совсѣмъ упалъ духомъ, если бъ не поддерживалъ меня своими совѣтами и утѣшеніями, этотъ умный, добрый господинъ, о которомъ помнится, я вамъ уже сказывалъ.

ЛЮБИНОВЪ.

Тотъ, который раза два посѣщалъ васъ и о которомъ вы даже не знаете, кто онъ таковъ?

КУЛИБИНЪ.

Да, тотъ самый. Какъ ни бился я узнать его званіе, чинъ, фамилію, даже имя, отечество, онъ всегда твердилъ одно: какая тебѣ будетъ польза, если ты это узнаешь? называй меня просто добрымъ человѣкомъ, или какъ тамъ хочешь.

Всякій разъ самымъ внимательнымъ образомъ разсматриваетъ онъ мои чертежи и эту модель. Право, родиться бы ему большимъ бариномъ, знатнымъ вельможею; а впрочемъ, у него есть и замашка большаго барина. По примѣру нашего свѣтлѣйшаго, онъ прихотничаетъ до нельзя. Какъ-то разъ далъ онъ мнѣ цѣлый кошелекъ съ золотыми и попросилъ купить ананасъ: скушалъ ломтикъ и потомъ запилъ квасомъ. Въ другой разъ, опять далъ онъ деньги, чтобы послать ему за виноградомъ и покушавъ его, потребовалъ соленой осетрины! На сихъ дняхъ обѣщался онъ быть опять.

ЛЮБИНОВЪ.

Очень жалѣю, что я ни разу не встрѣтился у васъ съ этимъ неизвѣстнымъ, добрымъ, какъ вы называете, господиномъ. Хотя онъ и не можетъ быть знатнымъ бариномъ, потому, что знатный баринъ не спустится съ высоты своихъ чертоговъ въ нижній этажъ скромнаго жилища простолюдина, — а все-таки, разсказываемое вами о немъ дѣлаетъ честь его сердцу и воспитанію. (*Всторону.*) Однако, благо есть случай, попытаюсь заговорить издалека. (*Обращаясь къ Кулибину*) Позвольте спросить васъ, Иванъ Петровичъ, вы были молоды? то-есть, я хочу сказать, по-моложе теперешняго?

КУЛИБИНЪ.

Я? былъ-ли я молодъ и по-моложе теперешняго? да развѣ есть человѣкъ, который бы родился прямо старикомъ?

ЛЮБИНОВЪ.

Конечно, но ... я не такъ выразилъ мои мысли.... я хотѣлъ спросить.... я хотѣлъ сказать.... что бишь я хотѣлъ сказать?

КУЛИБИНЪ.

Осмѣлюсь замѣтить, что вы сегодня что-то больно разсѣяны, Александръ Осипычъ! нѣтъ-ли ужъ у васъ чего на сердцѣ?

ЛЮБИНОВЪ.

Нѣтъ, особеннаго ничего, а такъ.... знаете, человѣкъ не всегда одинаковъ.... иногда.... (*смотритъ на часы*). Однако довольно поздно, товарищи мои давно всѣ въ должности.... пора и мнѣ. До свиданія, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ; вы вѣрно позволите мнѣ опять завернуть къ вамъ, насладиться вашею пріятною, умною бесѣдою?

КУЛИБИНЪ.

Оставьте похвалы, Александръ Осипычъ, мы люди про-

стые, говоримъ, какъ умѣемъ, въ учености не заносимся, а вамъ всегда, во всякое время ради.

КУЛИБИНЪ (*одинъ*).

Славный человѣкъ! Уменъ, какъ книга, да жаль, что подчасъ бываетъ разсѣянъ. Видно, что и у него есть болѣзнь подражать знатнымъ. (*Любиновъ уходитъ*).

—

IX.

КУЛИБИНЪ и ШПРИХВОРТЪ.

ШПРИХВОРТЪ.

Здравствуйте, любезнѣйшій г. Кулибинъ! мое вамъ нижайшее почтеніе. Все-ли вы въ добромъ здоровьи?

КУЛИБИНЪ.

Слава Богу, Готлибъ Карловичъ, живемъ помаленьку, какъ Господь милуетъ.

ШПРИХВОРТЪ.

И слава Богу. А что ваши лѣлишки? ваша большая модель невскаго моста?

КУЛИБИНЪ.

Такъ себѣ, ничего, подвигается мало-по-малу.

ШПРИХВОРТЪ.

Мало-по-малу! Да, я и самъ вижу, что по-малу. А что, г. Кулибинъ, у васъ кажется очень много хлопотъ и горя съ этой моделью? Я только удивляюсь вашему терпѣнію.

КУЛИБИНЪ.

Не безъ того, Готлибъ Карловичъ! да вѣдь какъ и прожить вѣкъ безъ хлопотъ, горя и терпѣнія. Такъ ужъ намъ всѣмъ на роду написано.

ШПРИХВОРТЪ.

Оно такъ, а все лучше, когда ихъ меньше. Знаете-ли что: я бы на вашемъ мѣстѣ всѣхъ этихъ штукъ не сталъ затѣвать. На такіе прожекты есть здѣсь ученые люди, есть цѣлая Академія. Не отнимаю у васъ ума, сохрани Богъ! а только думаю, что для такого дѣла, какъ построеніе постояннаго моста черезъ Неву, нужно заблаговременно приготовить себя. Вы сдѣлали превосходные часы, которымъ всѣ удивляются, это правда; но сами вы разсудите, вѣдь часы не мостъ! часовыхъ мастеровъ много, а еще никто не

придумалъ строить мостъ объ одной аркѣ на сорока саженяхъ.

КУЛИБИНЪ.

Осмѣлюсь сказать, Готлибъ Карловичъ, что вы очень добрый, очень ученый и почтенный человѣкъ, а и у васъ есть та же наклонность, что у всѣхъ господъ нѣмцевъ: не имѣть довѣрія къ свѣдѣніямъ и опытности русскаго человѣка.

ШПРИХВОРТЪ.

Ошибаетесь г. Кулибинъ, и ошибаетесь, во-первыхъ, ужъ потому, что считаете меня нѣмцемъ. У васъ русскихъ, есть очень дурная привычка называть нѣмцами всѣхъ говорящихъ по-нѣмецки, безъ разбора. Это совершенно несправедливо. Портной, сапожникъ, булочникъ, всякій нѣмецъ, который работаетъ руками, есть простой нѣмецъ, а нашъ братъ ученый, который трудится головою, умомъ, разсудкомъ, и который, какъ я, выѣхалъ изъ Саксоніи, есть германецъ. Да, милостивый государь, нѣмецъ и германецъ суть двѣ вещи между собою очень различныя.

КУЛИБИНЪ.

Извините, батюшка Готлибъ Карловичъ, а я такъ, право, думалъ, что все ровно. Теперь буду знать, что вы не нѣмецъ, а германецъ.

ШПРИХВОРТЪ.

Да и какой еще.... древній германецъ!...

КУЛИБИНЪ.

Коли на то ужъ пошло, такъ позвольте и мнѣ похвалиться давностью рода! Онъ идетъ прямо отъ нашего праотца Адама.

ШПРИХВОРТЪ.

Отъ Адама? да что тутъ за важность? Знаете-ли, г. Кулибинъ, что въ тѣ времена не было ни ученыхъ, ни дворянъ, ни чиновниковъ, — этимъ родствомъ вы не много выиграли.

КУЛИБИНЪ.

Ученому и книги въ руки. Ну, вѣдь вы, Готлибъ Карловичъ, не больно жалуете нашу русскую братью.

ШПРИХВОРТЪ

Напротивъ, я очень люблю русскихъ, давно живу между русскими и выдалъ покойную сестру мою за русскаго дворянина—очень богатаго;—а все дѣло въ томъ, г. Кулибинъ, что вамъ, то-есть, господамъ русскимъ, надо брать на себя труды по силамъ. Вотъ, гдѣ нужно постоять грудью, да при-

стукнуть кулакомъ, это ваше дѣло, и съ этимъ вы далеко уйдете, а гдѣ работа ума, тамъ предоставьте дѣйствовать намъ, иностранцамъ.

КУЛИБИНЪ.

Развѣ мы не имѣемъ своихъ ученыхъ, которыхъ имена громки не въ одной Россіи? Возьмемъ для примѣра Ломоносова: сынъ простаго рыбака....

ШПРИХВОРТЪ.

Ломоносова! Ломоносова! У васъ, господа, только и слова, что про господина Ломоносова. А знаете-ли вы, что онъ былъ больше германецъ, нежели русскій, потому, что всѣмъ своимъ образованіемъ обязанъ Германіи. У него ничего не было русскаго, кромѣ рожденья и имени. Имени.... нѣтъ, постойте, я и этого вамъ не подарю.... Да, да, г. Кулибинъ! Ха, ха, ха! Да, вотъ что значитъ съ молодыхъ лѣтъ посвятить себя ученымъ занятіямъ. Я вамъ докажу, какъ два раза два четыре, что и самая фамилія господина Ломоносова не русская.

КУЛИБИНЪ.

Какъ! Ломоносовъ не русская фамилія? Да послѣ этого....

ШПРИХВОРТЪ.

Именно не русская. Вотъ, видите, дѣло очень простое. Одинъ изъ предковъ господина Ломоносова былъ или германецъ, по фамиліи Лемназе (Lehmnase), или грекъ съ острова Лемноса. Участвуя въ какой-нибудь морской экспедиціи на сѣверъ, онъ былъ заброшенъ бурею на берега Двины и поселился въ Холмогорахъ; а вы, господа русскіе, по привычкѣ переиначивать чужестранныя имена, изъ Лемназе, или Лемносъ, сдѣлали Ломоносъ, да прибавили свой обычный *овъ*.... Это очень, очень близко и вѣроятно. Вотъ что значитъ наука! А? что вы на это скажете?

КУЛИБИНЪ.

Да, послѣ этого, пожалуй, вы и меня, нижегородца Кулибина, изволите также записать въ чужестранцы?

ШПРИХВОРТЪ.

Разумѣется, вы вѣрно и не подозрѣваете, что ваша фамилія нѣмецкая, чистая нѣмецкая!

КУЛИБИНЪ.

Моя? это ужъ что-то очень мудрено, Готлибъ Карловичъ!

ШПРИХВОРТЪ.

А по-моему, очень просто. Вотъ видите: окончаніе вашей

фамиліи: *бинъ*, есть ничто иное, какъ первое лице изъявительнаго наклоненія вспомогательнаго глагола sein, быть. Вы вѣрно слыхали, какъ говорятъ: их-бинъ... предокъ вашъ безпремѣнно былъ какой-нибудь Ливонецъ, захваченный на войнѣ новгородцами въ плѣнъ и переселенный потомъ въ Нижній Новгородъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ назывался Кольбинъ (Kohlbin): а вы, господа русскіе, перекрестили его въ Кулибинъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣрно, что такъ-какъ отецъ вашъ, дѣдъ, и, можетъ-быть прадѣдъ торговали мукою, слѣдовательно имѣли у себя съ мукою кули, то вмѣсто Кольбины и прозвали ихъ Кули-бины. А что? Каково? Вы этого вѣрно никакъ не думали, г. Кулибинъ? Пожалуйста, только не сердитесь не меня, что я вамъ русскаго не оставляю.

КУЛИБИНЪ.

Вотъ-те и разъ! Пришлось и мнѣ попасть въ нѣмцы! Жаль, что я не зналъ этого давича, когда у насъ былъ Александръ Осипычъ, я бы спросилъ его, неужто и онъ меня нѣмцемъ считаетъ?

ШПРИХВОРТЪ.

Александръ Осипычъ? Мой племянникъ? Да что ему здѣсь дѣлать? что за бѣготня въ гости, когда надо сидѣть у должности? Знаете-ли, г. Кулибинъ, что мнѣ крѣпко не нравятся эти частые визиты, которые вамъ дѣлаетъ мой племянникъ. Я очень смѣтливъ и дальновидѣнъ и давно уже замѣтилъ, что ему нравится ваша племянница, да изъ этого ничего не выйдетъ. Мнѣ совсѣмъ нѣтъ охоты, чтобы въ моей фамиліи торчала русская борода. Извините, г. Кулибинъ, я выразился немножко круто, но я человѣкъ, какъ вотъ эта моя палка, то-есть, такой-же прямой. У васъ есть очень хорошая русская пословица: всякой сверчокъ знай свой шестокъ. А вы ужъ слишкомъ высоко забираетесь, г. механикъ!

КУЛИБИНЪ.

Напрасно изволите сердиться, Готлибъ Карловичъ! Племяннику вашему мы всегда ради, но ходить къ намъ его не приневоливаемъ; что-же до моей племянницы, то я въ первый разъ отъ васъ слышу; а что касается до русской бороды, то она безчестья собой не приноситъ!

ШПРИХВОРТЪ.

Да и чести много не дѣлаетъ. Иначе, вашъ же великій

императоръ Петръ-Первый не обрилъ бы ее у своей націи.

КУЛИБИНЪ.

На то была его царская воля, Готлибъ Карловичъ. За то много было у насъ и вельможъ съ бородами, а это все-таки не мѣшало имъ пользоваться общимъ уваженіемъ и оставить по себѣ славныя имена въ исторіи.

ШПРИХВОРТЪ.

Aliud tempus, alii mores, иное время, иные нравы, г. Кулибинъ. Впрочемъ, разсуждайте себѣ, какъ хотите, а племянника моего въ роднѣ своей вамъ не видать, какъ ушей своихъ безъ зеркала.

—

X.

ТѢ ЖЕ И ЛЮБИНОВЪ.

ШПРИХВОРТЪ (*увидѣвъ Любинова*).

А! ты опять здѣсь! Что тебѣ здѣсь надобно?

ЛЮБИНОВЪ.

Мнѣ?... такъ... ничего, дядюшка... Я пришелъ посмотрѣть на мостъ.

ШПРИХВОРТЪ.

На мостъ?... Нѣтъ, племянничекъ, я не такъ простъ. Этотъ мостъ ты уже сто разъ видѣлъ, а я очень хорошо знаю, зачѣмъ ты сюда ходишь. Да этому не бывать! пока я живъ, этому не бывать!

ЛЮБИНОВЪ.

Но дядюшка....

ШПРИХВОРТЪ.

Но племянничекъ!... Я очень давно знаю, что я твой дядюшка. Я это зналъ гораздо прежде, нежели ты былъ на свѣтѣ. У господъ русскихъ есть очень хорошая пословица: стараго воробья не обманешь! Я старый воробей. — Да вы премудрый человѣкъ, г. Кулибинъ. Въ одно и то же время строите два моста: одинъ для коммуникаціи города съ Васильевскимъ островомъ, а другой для коммуникаціи моего племянника съ вашей племянницей. Прекрасно!

КУЛИБИНЪ.

Вы меня ужъ обижаете, Готлибъ Карловичъ. Пусть, по

вашему, я не стою ни чьего вниманія, потому что ношу бороду, но я никогда не былъ безчестнымъ человѣкомъ и дорожу моею честію. Грѣшно клеветать на безвиннаго.

ЛЮБИНОВЪ.

Дядюшка! вы напрасно обижаете Ивана Петровича. Я самъ...

ШПРИХВОРТЪ.

Не ваше дѣло, г. племянникъ. Я знаю, что говорю и дѣлаю. У васъ есть очень хорошая русская пословица: Яица курицу не учатъ! — и я хоть не курица, но не хочу, чтобы вы меня учили. Извольте уйти вонъ, я вамъ приказываю! Я буду жаловаться вашему г-ну директору.

—

XI.

ТѢ ЖЕ УЛЬЯНА И НАТАША.

ШПРИХВОРТЪ.

Хорошо, что и вы пожаловали. Стыдно вамъ, мадамъ Кулибинъ, заманивать молодыхъ людей въ свой домъ, да протежировать ихъ любовнымъ затѣямъ. Да и вы, мамзель, не знаю, какъ ваша фамилія, гораздо-бы лучше сдѣлали, если-бы стали ловить на удочку сердце какого-нибудь бородача, чѣмъ молодаго человѣка, и притомъ дворянина. Я все знаю, знаю и то, что вамъ непріятно меня слушать, да дѣлать нечего. Честный германскій ученый не умѣетъ воздерживаться отъ гнѣва, когда его, по вашему русскому выраженію, берутъ за живое!

УЛЬЯНА.

Да помилуйте, Готлибъ Карловичъ, что все это значитъ? Какая я мадамъ? Я Ульяна Егорова дочь, по мужѣ Кулибина, и не заслужила такой напраслины, чтобы меня называли мадамой; да и племянница мужнина совсѣмъ не мамзель, а честная, хотя бѣдная дѣвушка. Бѣдность не порокъ, Готлибъ Карловичъ, и грѣхъ вамъ такъ обижать насъ по-напрасну.

ШПРИХВОРТЪ.

Онѣ же еще правы! Ужъ не кланяться-ли вамъ, да просить извиненія? Нѣтъ, господинъ и госпожа Кулибины, скорѣе я не буду живъ, нежели допущу, чтобы родной сынъ

моей родной сестры женился на вашей племянницѣ. Этому не бывать, никогда не бывать.

УЛЬЯНА.

Да помилуйте, объ этомъ у насъ никогда и рѣчи не было! Хаживалъ къ намъ Александръ Осипычъ, да всегда бесѣдовалъ только про умное и разумное, да спрашивалъ про мостъ.

ШПРИХВОРТЪ.

Да, мостъ! Знаемъ мы этотъ мостъ. Вотъ видите, г. Кулибинъ, я совѣтовалъ вамъ, какъ-бишь по-вашему, русскому.... об.... нам.... да, вспомнилъ: обиняками и намеками, чтобы вы оставили Петербургъ и уѣхали назадъ въ вашъ Нижній. Это нужно для счастія моего племянника, для спокойствія моего, для спокойствія Академіи и для спокойствія всего околотка, которому нѣтъ покоя отъ безпрестанной стукотни и возни на вашей пустой, вздорной, несбыточной модели. Теперь совѣтую вамъ, безъ церемоніи, убираться отсюда, какъ вы, господа русскіе выражаетесь, по добру, по здорову, а то, право, наживете много хлопотъ и бѣды. Я знаю, что вамъ можетъ быть не съ чѣмъ подняться въ дорогу, но я покажу вамъ, что я человѣкъ не злой: я заплачу за вашу дорогу.

КУЛИБИНЪ.

Благодаримъ покорно, Готлибъ Карловичъ. Когда дойдетъ до того, то при Божіей помощи, доплетемся и за свои гроши, а пока не дострою модели, не тронусь ногой изъ Питера. Сама Государыня защититъ меня!

ШПРИХВОРТЪ.

Государыня? Ахъ, какъ вы счастливы, г. Кулибинъ, что во всякую минуту можете утруждать государыню! Ей только и заботы что о васъ, да о вашей модели.

ЛЮБИКОВЪ.

Дядюшка! вы ужъ слишкомъ разсердились. Вы напрасно такъ обижаете это почтенное семейство.

ШПРИХВОРТЪ.

Почтенное семейство! Почтенное семейство! Да развѣ я самъ не почтенное семейство? Развѣ учитель Академической Гимназіи хуже человѣка, который въ Нижнемъ-Новѣгородѣ торговалъ мукой, а здѣсь морочитъ всѣхъ своимъ смѣшнымъ прожектомъ? Я сержусь, я хочу сердиться, я буду сердиться, я смѣю сердиться! Не извольте учить меня, г. племянникъ.

А вы, г. ученый, никакъ не хотите отстать отъ своего моста?

КУЛИБИНЪ.

Никакъ, Готлибъ Карловичъ.

ШПРИХВОРТЪ.

Пойдемъ же, г. племянникъ. Запрещаю вамъ строго, наистрожайше, заглядывать въ этотъ домъ; а вамъ г. механикъ-самоучка, предсказываю, что при первомъ опытѣ надъ вашею моделью она обрушится.

КУЛИБИНЪ (*кланяясь*).

Богъ милостивъ, Готлибъ Карловичъ.

ШПРИХВОРТЪ.

И вы обрушитесь вмѣстѣ съ нею.

КУЛИБИНЪ.

Богъ милостивъ.

ШПРИХВОРТЪ (*уходя*).

Безпремѣнно обрушитесь!

—

XII.

КУЛИБИНЪ, НАТАША И УЛЬЯНА

УЛЬЯНА.

Вотъ, родимый, день отъ дня не легче. Теперь ужъ добрались и до меня съ Наташей. Я мадамъ, а она мамзель! Просимъ покорно подумать, до какого стыда мы здѣсь дожили! Богъ тебѣ судья, Иванъ Петровичъ, что ты твоимъ упрямствомъ довелъ насъ до такой обиды.

НАТАША.

Не сердитесь, тетушка! онъ вѣрно былъ огорченъ чѣмъ-нибудь другимъ, а мы первыя подвернулись подъ его гнѣвъ. Я знаю, что онъ человѣкъ вспыльчивый, но добрый. Обидятъ, а потомъ и самимъ жаль.

УЛЬЯНА.

Пусть такъ; да съ чего онъ взялъ, будто мы навязываемъ тебя въ невѣсты Александру Осипычу и какъ могъ онъ выбранить меня мадамой?

КУЛИБИНЪ.

Успокойся матушка, это не бранное слово, а по иностранному то же, что по нашему госпожа.

УЛЬЯНА.

Да не хочу я быть иностранною! Самъ онъ иностранецъ! Такъ ты, мой родной, видно ужъ никакъ не хочешь оставить Питера?

КУЛИБИНЪ.

Никакъ. По-крайней-мѣрѣ, пока не окончу модели.

УЛЬЯНА.

А тамъ что?

КУЛИБИНЪ.

А тамъ... что Богъ дастъ.

УЛЬЯНА.

Охъ! ужъ эта мнѣ ученость. Грѣхъ да и только! Помни-жъ, родной, что завтра срокъ за фартеру. (*Уходятъ вмѣстѣ съ Наташей.*)

КУЛИБИНЪ (*одинъ*).

Часъ отъ часу не легче! Чѣмъ все это кончится?.... Авось дастъ Богъ и терпѣнія достанетъ! Кто-то входитъ! Ахъ, это мой добрый неизвѣстный господинъ! Посѣщеніе его очень кстати.... Кромѣ его, никто не утѣшитъ, не ободритъ меня!

—

XIII.

КУЛИБИНЪ И НЕИЗВѢСТНЫЙ.

КУЛИБИНЪ (*кланяясь*).

Нижайшее почтеніе, добрый мой господинъ! Я имѣлъ какое-то предчувствіе, что вы скоро пожалуете.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*подавая Кулибину руку*).

Въ самомъ дѣлѣ? Здоровъ-ли ты, Иванъ Петровичъ? какъ идутъ твои дѣла?

КУЛИБИНЪ.

Здоровьемъ Богъ милуетъ, а дѣла все по старому: что день, то досадъ прибавляется. Жена только и твердитъ: оставь Питеръ, да поѣзжай назадъ въ Нижній. Теперь только передъ вами, учитель Академической Гимназіи, Готлибъ Карловичъ, разбранилъ меня и мою семью, за то, что будто бы мы заманиваемъ къ себѣ его племянника, въ женихи нашей племянницѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Наташѣ? Что-жъ? Если хорошій женихъ, такъ и съ Богомъ. А кто этотъ племянникъ?

КУЛИБИНЪ.

Александръ Осипычъ, по фамиліи Любиновъ, молодой чиновникъ, не знаю, гдѣ служитъ; человѣкъ хорошій, честный, умный, ну словно, какъ вы.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Благодарю за честь, Иванъ Петровичъ. Я вижу, что и ты выучился комплиментамъ. Вотъ, что значитъ пожить въ столицѣ! Ну, а коли этотъ молодой человѣкъ точно таковъ, какъ ты о немъ говоришь, такъ по моему нечего и думать: по рукамъ да и подъ вѣнецъ.

КУЛИБИНЪ.

Подъ вѣнецъ? Вотъ то-то батюшка, милостивый господинъ, что у насъ про это не только рѣчи, но и помышленія не бывало, а Господь вѣдаетъ, съ чего взялъ дядя? Отдѣлалъ насъ такъ, что хоть здѣшнему помощнику квартиръ-маіора, впору.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Помощнику квартиръ-маіора? А развѣ ты и отъ него терпишь?

КУЛИБИНЪ.

Да какъ же безъ того, батюшка! Однако-жъ, какой я невѣжа: разболтался да и не пригласилъ дорогаго гостя присѣсть. (*Придвигаетъ стулъ къ краю стола.*) Не изволите-ли, батюшка?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Спасибо; я не усталъ. Ты говорилъ что-то о помощникѣ квартиръ-маіора?

КУЛИБИНЪ.

Да, сударь! велѣно мнѣ, какъ вамъ извѣстно, по волѣ матушки-царицы, строить на академическомъ дворѣ модель моего моста, и выдана на то тысяча рублевъ. Плата работникамъ идетъ поденная, они и принимаются за дѣло, какъ водится, съ позаранку, а иные обыватели жалуются, что Кулибинъ-де мѣшаетъ имъ спать. Не проходитъ недѣли, чтобы господинъ помощникъ не являлся къ мосту съ крикомъ да бранью.... Я-де когда-нибудь его сломаю!... да и

со мной-то говоритъ не иначе, какъ: «Эй ты! борода»! Сами разсудите, легко-ли переносить это? И что бы этому господину сказать просто: «послушай, братецъ, не можешь-ли начинать по позже работы? господа просятъ» — А то нѣтъ. Я говорю ему учтиво, что работаю съ дозволенія начальства, а онъ отвѣчаетъ: «Я тебѣ покажу начальство. Никого знать не хочу! Пріѣзжай себѣ хоть самъ свѣтлѣйшій». Свѣтлѣйшій! шуточное дѣло! за глазами языкъ что хочетъ мелетъ, а какъ дошло-бы до дѣла, такъ я думаю, свѣтлѣйшій-то раздавилъ бы его сизаго голубчика, словно муху какую или таракана. Неправда-ли, батюшка?

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*въ разсѣяніи*).

Можетъ статься.... Что-бишь хотѣлъ я сказать.... Да; не можешь-ли ты, Иванъ Петровичъ, сослужить мнѣ службу: я только что позавтракалъ икрою да шинкованной капустой, такъ хотѣлось-бы закусить чѣмъ нибудь послаще!—Нѣтъ-ли здѣсь по близости персиковъ?

КУЛИБИНЪ.

Извольте, батюшка! достать можно. Близехонько отсель живетъ садовникъ съ Аптекарскаго. У него есть, — сейчасъ пошлю. (*Уходитъ въ другую комнату.*)

—

XIV.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, подходя къ модели разсматриваетъ ее. **КУРАЦАПЪ**, не видя его входитъ съ шляпою на головѣ и палкой въ рукѣ.

КУРОЦАПЪ.

Ужъ я его проучу! Я дамъ ему знать! Эй, ты, борода! гдѣ ты тамъ?

КУЛИБИНЪ. (*Возвращаясь*).

Что вамъ угодно, Меркулъ Ѳедулычъ?

КУРОЦАПЪ.

Что угодно? угодно то, слышишь-ли борода! угодно, чтобы ты пересталъ спозаранку стучать надъ твоею моделишкою. Бригадирша изъ Коллегій опять присылала. Она только въ постелю, а ты за топоры. Чтобъ этого впередъ не было. Начинай работу, когда люди идутъ къ должности.

КУЛИБИНЪ.

Да этакъ, Меркулъ Ѳедулычъ, я и въ десять лѣтъ модели не выстрою и не только тысячи, пяти тысячъ на уплату рабочимъ не хватитъ.

КУРОЦАПЪ.

Безъ разсужденія. Бригадирша такъ хочетъ. Какое ей дѣло до твоего моста. Она барыня знатная, а ты что? А! клавикорды! Ахъ, ты клавикорщикъ! Повѣсилъ бы у себя балалайку, да бренчалъ-бы себѣ на ней селезня, либо «Чѣмъ тебя я огорчила», а то видишь, тоже за господами тянется. Клавикорды! (*Ефимовна вноситъ персики, ставитъ ихъ на столъ и уходитъ*). Это что еще? Персики! Ахъ, ты лакомая губка! что бы ѣсть огурцы съ солью, либо рѣпу, морковь, а то, просимъ посмотрѣть: персики, да еще и какіе крупные! Вѣрно хороши (*беретъ одинъ персикъ и начинаетъ ѣсть*). Чистый сахаръ!

КУЛИБИНЪ.

Позвольте васъ просить не кушать этихъ персиковъ; они для гостя и на его деньги.

КУРОЦАПЪ.

Что? для гостя? Велика птица должна быть этотъ гость! Какой нибудь землякъ съ хлѣбной барки, либо съ толкучаго.... (*Нечаянно взглядываетъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ неизвѣстный и приходитъ въ ужасъ*).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что вы такъ встревожились? Продолжайте, кушайте на здоровье. Прошу васъ покорно быть моимъ гостемъ.

КУРОЦАПЪ.

Ваше.... Ваша.... виноватъ.... не зналъ.... Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Продолжайте, прошу васъ. Конфузиться не для кого. Я точно землякъ хозяина и тоже съ двора, хотя и не толкучаго.

КУРОЦАПЪ

Виноватъ.... не погубите.... Ваша....

КУЛИБИНЪ (*тихо*).

Да что это съ нимъ? Видно онъ принялъ этого барина за знатнаго господина. Тѣмъ лучше.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Иванъ Петровичъ! да подчуй же дорогаго гостя. Пригласи его сѣсть, мы посидимъ вмѣстѣ. Его благородіе будетъ

кушать, а я буду смотрѣть....кушайте же господинъ....какъ-бишь васъ величаютъ.

КУРОЦАПЪ (*садясь къ столу*)

Меркулъ Ѳедуловъ сынъ, Куроцапъ.... Ва.... Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*садясь*).

Меркулъ Ѳедулычъ Куроцапъ! Славное имя! Ну, Меркулъ Ѳедулычъ, г-нъ Куроцапъ, смѣю я васъ просить, чтобъ вы продолжали? Не обижайте отказомъ, да не безпокойтесь снимать шляпу. Она вамъ такъ къ лицу.

КУЛИБИНЪ.

Экъ онъ оторопѣлъ! Словно ошибся. (*Куроцапу*). Не церемонтесь, ваше благородіе; господинъ этотъ баринъ добрый и отъ души васъ подчуетъ.... сейчасъ я отберу вамъ персики, которые получше.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*тихо Куроцапу*).

Слушай ты: если ты только осмѣлишься подать теперь видъ, или послѣ сказать хозяину, кто я.... то я тебя... понимаешь-ли?

КУРОЦАПЪ.

Понимаю.... очень понимаю. Ваша.... кругомъ виноватъ. Не погубите: служба, жена, дѣти.... Ей-ей, не хотѣлъ обидѣть, а такъ съ проста, по привычкѣ....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

По привычкѣ! Хороша привычка! Помни-же, ни видомъ, ни словомъ!

КУЛИБИНЪ (*поднося талерку къ Куроцапу*).

Вотъ, батюшка, съ этой стороны лучшіе фрукты.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Зачѣмъ же выбирать, Иванъ Петровичъ. Г. Куроцапъ все скушаетъ, не обидитъ хозяина.... Кушайте же, г. Куроцапъ!

КУРОЦАПЪ (*съѣвъ нѣсколько персиковъ*).

Простите.... не могу больше.... сытъ.... Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Продолжайте, прошу васъ. Вы меня обидите, если не скушаете всѣхъ, до послѣдняго.

КУЛИБИНЪ (*въ сторону*).

Экъ онъ его подчуетъ! Ну, видно нашла коса на камень. (*Куроцапу*). Не извольте церемониться, потѣшьте добраго господина.

КУРОЦАПЪ (*съѣвъ еще*).

Не могу, ей, ей, не могу больше.... не могу.... позвольте.... будьте милосердны!... позвольте въ карманъ взять!... Послѣ доѣмъ, ей-Богу доѣмъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Такъ и быть! Возьмите остальные съ собою. Вы, кажется, сказали, что женаты?

КУРОЦАПЪ.

Грѣшенъ.... женатъ....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И, кажется, имѣете дѣтей?

КУРОЦАПЪ.

Виноватъ! есть четверо....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ну, такъ снесите имъ. Это лакомство вѣрно имъ не въ привычку?

КУРОЦАПЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. Точно такъ.... Исправлюсь!... Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Иванъ Петровичъ! что-же ты не помогаешь мнѣ уговорить гостя? Онъ такой скромный и церемонный. Положи ему самъ въ карманы.

КУЛИБИНЪ (*накладывая персики въ карманы Куроцапу*).

Безъ вины виноватъ! И не догадался. Пусть кушаютъ себѣ во здравіе.

КУРОЦАПЪ.

Прощенья просимъ.... виноватъ.... не погубите, Ваша....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Прощайте, г. Куроцапъ! да не забывайте насъ и на предки. Я готовъ васъ опять поподчивать.

(*Куроцапъ уходитъ кланяясь до самой двери такъ, чтобы не стать спиною къ неизвѣстному, и выходя въ дверь, спотыкается о порогъ*).

КУЛИБИНЪ.

Ну, ужъ посмѣялся я до-сыта. Экъ, какъ его скорчило! Хотѣлъ бы я знать, за кого онъ васъ принялъ? Вотъ, что значитъ только походить на кого-нибудь изъ вельможей! Ка-

ково-же самому быть вельможею? Ужъ куда-бы мнѣ хотѣлось видѣть этого благопріятеля передъ его свѣтлостью! Я думаю, его бы не только въ три, въ четыре погибели согнуло!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Почему знать? можетъ быть еще и придется увидѣть. Кстати, о свѣтлѣйшемъ князѣ. Ты, Иванъ Петровичъ, терпишь столько горя и непріятностей, жалуешься, что не имѣешь покровителей, попытался-бы добраться до князя.

КУЛИБИНЪ.

До князя? Нѣтъ, батюшка, долга пѣсня. До него, да до инаго другаго вельможи труднѣе добиться, чѣмъ до самой Государыни. Сперва швейцары, а тамъ лакеи, камердинеры, ординарцы, адъютанты, штабы, генеральство. Нашего брата и за полверсты не допустятъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Напрасно ты такъ думаешь. Говорятъ, что князь доступенъ, любитъ покровительствовать талантамъ, особенно отечественнымъ.

КУЛИБИНЪ.

Оно все такъ, батюшка, князь самъ доступенъ, да къ нему-то нѣтъ доступа. Нѣтъ, ужъ объ этой дорогѣ мнѣ нечего и думать.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ну, а что-жъ твоя Академія? Я еще и не спросилъ.

КУЛИБИНЪ.

Академія? Да что вамъ сказать: все по прежнему: г. Эйлеръ, препочтенный и предобродѣтельный человѣкъ, и еще нѣкоторые, на моей сторонѣ, а другіе, то есть, большая часть, противъ меня. Говорятъ: «Куда-де лезетъ? Ну, русскому-ли самоучкѣ тягаться противъ ученаго иностранца?»— Вотъ и вся не долга. Онамедни одинъ г. академикъ, не хочу называть его имени, — сказалъ при всѣхъ мнѣ въ насмѣшку: «Г. Кулибинъ великій механикъ! Посмотрите господа, онъ скоро устроитъ намъ лѣстницу на небо!» Всѣ захохотали, — смѣяться легко, а каково тому, надъ кѣмъ смѣются? Ахъ! если-бъ удалось мнѣ благополучно достроить мою модель, да она бы выдержала должную тяжесть! можетъ быть еще дожилъ-бы я до того, что построилъ по ней черезъ Неву мостъ. Какъ радуга небесная былъ-бы онъ перекинутъ съ одного берега Невы на другой и эта радуга соединила-бы, примирила-бы меня съ Академіей. Г. Эйлеръ еще не-

давно одобрилъ мое сочиненіе объ исчисленіи тяжестей и говорилъ, что по его мнѣнію, мостъ долженъ выдержать. Да, онъ выдержитъ, да выдержу-ли я? человѣкъ не камень и не желѣзо.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мужайся, Иванъ Петровичъ. Нѣтъ плода безъ труда и испытаній. Я увѣренъ въ успѣхѣ твоего дѣла и душевно этого желаю. Еще разъ повторяю тебѣ: вооружись терпѣніемъ и имя твое не умретъ въ потомствѣ. Прощай! Скоро, можетъ быть, опять мы увидимся. (*Подаетъ руку Кулибину и уходитъ*).

КУЛИБИНЪ.

Прощайте, добрый мой благодѣтель! (*Проводивъ Неизвѣстнаго!*) О! если-бы этотъ человѣкъ былъ сильнымъ вельможею!

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

КУЛИБИНСКІЙ МОСТЪ.

Театръ представляетъ дворъ Петербургской Академіи; на лѣво отъ зрителя идетъ фасадъ академическаго зданія; въ глубинѣ ворота; на право начинается деревянный мостъ, идущій за сцену.

I.

Весь академическій дворъ полонъ народомъ, толпящимся въ глубинѣ сцены. Въ окнахъ множество головъ; у одного окна въ среднемъ этажѣ за богатой гардиной, показывается по временамъ **НЕИЗВѢСТНЫЙ**. На воротахъ сидятъ мужики и ребятишки. У самого моста группы рабочихъ, носятъ на мостъ полосы желѣза, тутъ-же лежащаго; впереди ихъ десятникъ. На лѣвой сторонѣ, въ углу, группа академиковъ, въ полныхъ мундирахъ, между ними **ЭЙЛЕРЪ**. Посреди народа: **УЛЬЯНА, НАТАША, ЛЮБИНОВЪ, ШПРИХВОРТЪ, ЗЫКИНА. КУРОЦАПЪ** хлопочетъ между народомъ. На аванъ-сценѣ **КУЛИБИНЪ**.

ДЕСЯТНИКЪ.

И три тысячи двѣсти!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Слышали? Три тысячи двѣсти! Вѣдь этакъ мостъ того гляди и выдержитъ!

ЗЫКИНА.

Да, пожалуй, что и выдержитъ!

КУРОЦАПЪ.

Тише вы тамъ! Соблюдайте порядокъ! Не напирайте такъ впередъ!... Госпожа капитанша, васъ честью просятъ!... господинъ ассесоръ, вамъ русскимъ языкомъ говорятъ!... Ты куда, борода? туда-же впередъ носъ суешь? Чего не видалъ?

КУЛИБИНЪ.

Господи! благодарю Тебя! Теперь я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ! Выдержитъ! право выдержитъ! Еще нѣсколько полосъ и все кончено! Господа академики уже не улыбаются!... Добрый знакъ, радуйся Иванъ! Эта минута вознаградитъ тебя за столько лѣтъ огорченій и страданій!...

ДЕСЯТНИКЪ.

И три тысячи триста!

(*Въ народѣ говоръ удивленія. Кулибинъ набожно складываетъ руки. Академики подходятъ къ нему*).

КУЛИБИНЪ.

Позвольте, господа! Это еще не все! Я хочу самъ убѣдиться въ прочности моей модели! Здѣсь еще осталось желѣза пудовъ на тысячу, да вонъ тамъ у стѣны кладенъ кирпичъ для постройки! Будьте ужъ тамъ добры, господа, позвольте мнѣ все это наложить на мостъ?

АКАДЕМИКИ.

Ого!... Еще?... Съ удовольствіемъ! Извольте! (*По знаку ихъ, рабочіе начинаютъ носить желѣзо и кирпичъ*).

КУРОЦАПЪ. (*бросаясь къ мосту*).

Тише вы!... Не бросайтесь всѣ разомъ!... носите въ порядкѣ, чинно, ровнымъ шагомъ!... Осторожнѣе!... (*Одному рабочему, который его толкнулъ.*) Ты! немытое рыло! не видишь, что-ли, кого толкаешь?... Гдѣ у тебя глаза, въ затылкѣ что-ли?

РАБОЧІЙ.

Да вы, батюшка, ваше благородіе, изволили стать на самой дорогѣ.

КУРОЦАПЪ.

Такъ что-жъ, что на дорогѣ? Обойти что-ли не можешь? я тебя, знаешь, куда за грубости упрячу?... Я тебя (*заглядываетъ нечаянно на окно Академіи, гдѣ видѣнъ Неизвѣстный, стоящій съ дамою въ голубой лентѣ; тотъ грозитъ ему*

пальцемъ. Куроцапъ теряется и вытянувшись въ струнку, говоритъ рабочему): Проходи съ Богомъ, любезный! Это ничего.... это я такъ, пошутилъ!... Простите!... Ваша.... не буду.... толкай себѣ сколько угодно!... Это ничего!... Я очень радъ.... дѣлай свое дѣло.

ЭЙЛЕРЪ (*Кулибину*).

У вашего моста настоящая русская натура, г. Кулибинъ, вашъ мостъ скрыпитъ, а не поддается!

КУЛИБИНЪ.

Скрыпучее дерево два вѣка живетъ! говоритъ наша пословица, батюшка.

ЭЙЛЕРЪ.

Смотрите, съ какимъ усердіемъ носятъ рабочіе желѣзо и кирпичъ на вашу модель! Они вдвое скорѣе противъ прежняго стали работать! и какъ будто тоже чему-то радуются.

КУЛИБИНЪ.

Да какъ же имъ и не радоваться, батюшка! вѣдь они тоже Русскіе люди, — такъ успѣхъ русскаго человѣка и у нихъ лежитъ на сердцѣ!

ДЕСЯТНИКЪ

Пять тысячъ пятьсотъ пудовъ!

ЭЙЛЕРЪ.

Какъ, уже столько? — Заранѣе поздравляю васъ, г. Кулибинъ, съ желаннымъ успѣхомъ, котораго, признаюсь, я не ожидалъ, хоть и зналъ, что вычисленія ваши вѣрны. Я-бы совѣтовалъ вамъ требовать награду, обѣщанную Лондонской Академіей.

КУЛИБИНЪ.

Что мнѣ въ этой наградѣ?... Я трудился не для Англіи, а для матушки-Россіи, — и награжденъ вполнѣ моимъ успѣхомъ и вниманіемъ добрыхъ людей... Развѣ не награда доказать, что и простой русскій мужикъ-самоучка на что-нибудь пригоденъ!

ЭЙЛЕРЪ.

Никто не сомнѣвается въ дарованіи и способностяхъ вашего народа, но и въ немъ вы составляете блистательное исключеніе.

КУЛИБИНЪ.

Много чести, батюшка! Не я первый, не я послѣдній! Да что-жъ это рабочіе, кажись, пріостановились? аль устали, голубчики?... Что-жъ не носятъ желѣзо?

ДЕСЯТНИКЪ.

Нѣту больше желѣза!

КУЛИБИНЪ.

Ну, такъ пусть-бы хоть кирпичу прикинули.

ДЕСЯТНИКЪ.

И кирпичу нѣту! весь складенъ!

ЭЙЛЕРЪ.

Весь?... Сколько-же на мосту?

ДЕСЯТНИКЪ.

Пять тысячъ семьсотъ пудовъ! (*Минута молчанія. — Кулибинъ въ нѣмой радости поднимаетъ глаза къ небу. — Въ народѣ говоръ одобренія*).

КУЛИБИНЪ (*академикамъ*).

Господа! въ довершеніе моей радости, позвольте просить васъ вмѣстѣ со мною пожаловать на мостъ, пройтись по немъ!... Будьте благонадежны! не обрушимся. (*Видя нерѣшительность академиковъ, обращается къ рабочимъ.*) Православные! Покажите-ка намъ дорогу! Ну-ка, благословясь, на мостъ! Не бойтесь, вѣдь это наши идутъ, а мы своихъ не сгубимъ.

ДЕСЯТНИКЪ.

Съ нашимъ удовольствіемъ, батюшка Иванъ Петровичъ! (*Идетъ на мостъ, за нимъ бросаются рабочіе.*)

КУЛИБИНЪ.

Теперь, кажись, и намъ можно попробовать.... Богъ милостивъ! живы будемъ!

ЭЙЛЕРЪ.

Господа! прошу покорно! исполнимъ просьбу нашего механика! Пойдемте, г. Кулибинъ, извольте идти впередъ.

(*Кулибинъ, а за нимъ Эйлеръ и прочіе академики входятъ на мостъ. Народъ окружаетъ мостъ. Куроцапъ старается сохранить порядокъ, стоя все лицомъ къ окну и задомъ къ мосту*).

КУРОЦАПЪ.

Господа! позвольте! не нарушайте порядка! Сдѣлайте Божескую милость!... Покорнѣйше прошу васъ!

ЗЫКИНА (*въ народѣ*).

Ахти, мои матушки! мостъ-то не проваливается! Ей-Богу, не проваливается! — Поди-ко ты, чудо какое! Вотъ они взошли на мостъ.... останавливаются.... снимаютъ шляпы... окружаютъ Кулибина, кланяются ему.... поздравляютъ!

НАРОДЪ (*за сценой*).

Ура, Кулибинъ!

ЗЫКИНА.

Батюшки! Иванъ-то Петровичъ чуть не плачетъ! Сходятъ съ моста!... Идутъ сюда!

КУРОЦАПЪ (*видя, что окно, у котораго стоялъ Неизвѣстный, закрылось, вдругъ поворачивается къ народу*).

Тише вы тамъ! Чего разорались? чему обрадовались? Вишь ротозѣи! (*Кулибинъ выходитъ изъ первой кулисы направо, въ сопровожденіи академиковъ. На встрѣчу ему бросаются Ульяна и Наташа*).

УЛЬЯНА.

Иванъ Петровичъ! голубчикъ ты мой! не провалился!

НАТАША.

Дядинька! (*обнимаютъ его*).

КУЛИБИНЪ.

Жена! Наташа! Ну что, убѣдились-ли вы, что я не сумасшедшій?

ЗЫКИНА (*пробиваясь сквозь толпу*).

Батюшка! голубчикъ Иванъ Петровичъ! проздравляю! проздравляю! Ай-да мостъ! Я всегда знала и говорила, что чудный мостъ. Просто чудесный! Проздравляю васъ, Ульяна Егоровна, и васъ, Наталья Васильевна! Дай Богъ всякаго благополучія!

КУЛИБИНЪ.

Благодарю, матушка Анна Егоровна. Вѣдь вы какъ-то на меня разсердиться изволили?

ЗЫКИНА.

Что за сердце, батюшка! да можно-ли на такое золото сердиться? Это была такъ, шутка.

(*Шприхвортъ, а за нимъ Любиновъ выходятъ изъ толпы.*)

ШПРИХВОРТЪ.

Здравствуйте, Иванъ Петровичъ! Я и племянникъ мой, мы оба пришли васъ поздравить. Я человѣкъ прямой и говорю, что вы истинно человѣкъ необыкновенный! Я всегда думалъ и буду думать, что русскій умъ далеко идти можетъ.

КУЛИБИНЪ.

Благодаримъ нижайше, Готлибъ Карловичъ. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такое ваше вниманіе и мнѣніе. Помнится, что въ послѣдній разъ....

ШПРИХВОРТЪ.

Эхъ! то было такъ, ничего, и къ тому-же у васъ есть очень хорошая русская пословица: кто старое вспомянетъ, тому глазъ прочь.

ЛЮБИНОВЪ.

Извините дядюшку, Иванъ Петровичъ; онъ тогда былъ не въ духѣ, имѣлъ огорченіе; а онъ, право, васъ уважаетъ отъ всего сердца.

ШПРИХВОРТЪ.

Именно отъ всего сердца. Чтобы доказать это, я, г. Кулибинъ, сдѣлаю вамъ маленькое предложеньице, хоть здѣсь и не мѣсто. Надѣюсь, что вы не откажете и не разсердитесь. У меня есть племянникъ, у васъ племянница; оба они, какъ кажется, другъ другу непротивны, лѣтами другъ къ другу подходятъ. Нельзя-ли устроить такъ, чтобъ къ вашей семьѣ прибылъ племянникъ, а къ моей прибыла племянница? Я человѣкъ прямой, и потому говорю безъ околичностей!

КУЛИБИНЪ.

А что на это скажутъ моя жена и сама племянница?

ШПРИХВОРТЪ.

Что тутъ за церемоніи! Молодые люди другъ друга любятъ и дѣло кончено. Дайте руку Иванъ Петровичъ.

КУЛИБИНЪ.

Извольте. Я увѣренъ, что они будутъ счастливы; но, кажется, Готлибъ Карловичъ, этой свадьбѣ есть помѣха?

ШПРИХВОРТЪ.

А какая помѣха?

КУЛИБИНЪ.

Да та, что въ вашей роднѣ будетъ торчать русская борода.

ШПРИХВОРТЪ.

И! что такое! Не въ бородѣ, въ достоинствахъ дѣло, а у васъ ихъ такъ много и одно ваше имя стоитъ многихъ длинныхъ родословныхъ деревъ, у которыхъ плоды начинаются ананасомъ, а оканчиваются какимъ-нибудь негоднымъ грибомъ.

КУРОЦАПЪ (*подходя*).

Почтеннѣйшему Ивану Петровичу наше всенижайшее почтеніе, съ супружницею и всѣми домочадцами, поздравленіе приносимъ!

КУЛИБИНЪ.

И вы, Меркулъ Ѳедулычъ, про насъ вспомнили? Много благодарствую. Я, право, думалъ, что вы на меня сердиты,— въ послѣдній разъ...!

КУРОЦАПЪ.

Помилуйте! Смѣлъ-ли я сердиться? Вѣдь, право, безъ вины виноватъ. Ужъ такая признаться натура; только и знаешь, что день деньской сердишься, да бранишься. Вѣдь и самъ ни отъ кого добраго слова не слышишь!

КУЛИБИНЪ.

Ну, что говорить про старое; я радъ даже вашему поздравленію.

—

II.

ТѢЖЕ И СКРЫПОВЪ (выходитъ изъ Академіи).

СКРЫПОВЪ.

Г. Кулибинъ! Сейчасъ полученъ въ Академіи конвертъ изъ комнатъ Ея Величества, съ повелѣніемъ вскрыть его, если проба надъ моделью благополучно кончится. Вотъ его содержаніе. Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила Нижегородскаго купца Ивана Кулибина причислить къ С. Петербургской Императорской Академіи Наукъ, съ званіемъ механика; производить ему отъ Академіи жалованье и отдать въ его завѣдываніе состоящую при Академіи механическую мастерскую.

КУЛИБИНЪ.

Механикомъ Академіи! Государыня! да благословитъ тебя тотъ, кто царствуетъ надъ царями!

—

III.

ТѢЖЕ И БЕДРИНЪ (изъ Академіи).

БЕДРИНЪ.

Г. механикъ, Иванъ Петровичъ Кулибинъ! Я присланъ къ вамъ по повелѣнію свѣтлѣйшаго князя, поздравить васъ отъ его имени съ благополучнымъ успѣхомъ и вручить вамъ пожалованные Ея Величествомъ, серебряный кубокъ, почетный кафтанъ и золотую медаль для ношенія на шеѣ. Его свѣтлости угодно, чтобы вы теперь же ее надѣли.

КУЛИБИНЪ.

Еще милости! Его свѣтлость!... Это ужъ слишкомъ много,

Вотъ видите, родные, что надежды и труды мои не пропали! Но какъ могъ его свѣтлость узнать обо мнѣ?

БЕДРИНЪ.

Помните-ли, около четырехъ лѣтъ тому назадъ?... Онъ знаетъ васъ очень хорошо; и вы также имѣли случай видѣть его, хотя не зная. Почетный кафтанъ прошу васъ надѣть теперь же, потому что сейчасъ будетъ сюда его свѣтлость. По порученію Государыни Императрицы онъ повезетъ васъ обѣдать къ Ея Величеству.

КУЛИБИНЪ.

Господи!... сколько милостей!... И я удостоюсь предстать передъ великою!... Но какъ могла Государыня такъ скоро узнать объ успѣхѣ моего предпріятія?

БЕДРИНЪ.

Ея Величество смотрѣла изъ окна Академіи во время производства опытовъ надъ моделью и была свидѣтельницею вашего торжества; слѣдовательно она уже знаетъ все. Съ прибытіемъ сюда свѣтлѣйшаго, вы увидите еще одного изъ вашихъ знакомыхъ.

КУЛИБИНЪ.

Боже мой!... Я понимаю!... я догадываюсь!... Неужели я былъ такъ счастливъ!... Поскорѣе поспѣшу исполнить волю его свѣтлости. (*Надѣваетъ почетный кафтанъ*).

БЕДРИНЪ.

Я также нѣсколько знакомъ вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, хотя въ радости вы позабыли обо мнѣ.

КУЛИБИНЪ (*взглядывая на лицо Бедрина*).

Вы были у меня въ Нижнемъ! Вы первый навели меня на мысль о мостѣ. Да! это были вы. (*Кидается обнимать Бедрина*). О, какъ я радъ видѣть васъ, перваго виновника моего успѣха!

БЕДРИНЪ.

Возвратясь недавно въ столицу изъ продолжительной поѣздки, по дѣламъ службы, я, служа въ канцеляріи свѣтлѣйшаго и услыша о вашей модели, имѣлъ счастіе обратить на васъ вниманіе его свѣтлости, который самъ захотѣлъ лично

узнать васъ. Но вотъ и онъ самъ является поздравить русскаго механика.

ЭЙЛЕРЪ.

Да здравствуетъ русскій механикъ Кулибинъ! Да будутъ вѣчно помнить о немъ потомки и всѣ тѣ, кому дорога честь русскаго имени, польза и слава отечества!

ВСѢ.

Да здравствуетъ!

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КРАСНЫЙ БАШМАЧЕКЪ.

(ПОВѢСТЬ ЭРНЕСТА ПУАРЕ.)

I.

КАЗНЬ БАНДИТА.

— «Muerte al ratero, — казнь бандиту!»

Таковъ былъ единодушный крикъ народоселенія Эсихи, маленькаго испанскаго городка, лежащаго по дорогѣ изъ Кордовы въ Севилью.

Улицы залились народомъ. Мѣщане, крестьяне и милиція образовали вездѣ отдѣльныя группы. Окрестные дома безпрестанно извергали изъ своей внутренности новыя толпы. Всѣ другъ другу разсказывали какую-то необыкновенную новость, и при этомъ всѣ лица, даже самыя спокойныя, оживлялись негодованіемъ, воспламенялись гнѣвомъ, и всеобщая ярость обнаружилась наконецъ криками смерти и проклятія.

Что было причиною этого необычайнаго волненія? Въ шумѣ и говорѣ толпы ничего нельзя было разслышать. Ужасная драма готовилась въ Эсихѣ. На площади воздвигнутъ былъ эшафотъ для казни преступника.

Вскорѣ въ толпѣ послышался говоръ удовольствія. Всѣ взоры устремились на уголъ улицы,—и крики ярости возоб-

новились. Изъ-за угла выступалъ отрядъ *урбаносовъ*, предводимый алькадомъ, который въ рукѣ держалъ знакъ своей власти; бѣлую длинную палку. Изрѣдка дотрогивался онъ ею до самыхъ буйныхъ изъ толпы, — и волны народа тотчасъ же отступали передъ нимъ. Позади всего шествія спокойно шелъ другой человѣкъ, передъ которымъ тоже толпа широко раздавалась съ чувствомъ суевѣрнаго омерзенія. Это былъ палачъ.

Между этими двумя лицами, распредѣлителями судебной жизни и смерти, шли еще двое, которыхъ едва было видно, и при видѣ ихъ всеобщіе крики ярости и проклятія возобновились. Мы лучше увидимъ этихъ людей на эшафотѣ.

Наконецъ, послѣ всего печальнаго шествія тянулись ряды монаховъ, приглашающихъ звономъ колокольчиковъ всѣхъ присутствующихъ къ поданію милостыни, чтобъ служить мессы за спасеніе душъ казнимыхъ преступниковъ.

Тихо подвигалось впередъ шествіе. Въ ту минуту, какъ оно огибало уголъ площади, невольно остановилось предъ великолѣпнымъ домомъ, котораго печальная и молчаливая наружность составляла рѣзкую противоположность съ шумомъ улицъ.

Изъ дома этого вышелъ старикъ въ глубокомъ траурѣ. Походка его и взглядъ были горды; все обнаруживало въ немъ привычку повелѣвать. По холодному и строгому его лицу рѣдко можно было угадать мысли, волнующія его душу. Но если этотъ надменный видъ, который составляетъ необходимую принадлежность древнихъ *гидалго*, производитъ съ перваго взгляда непріятное впечатлѣніе, то глядя на печальныя его морщины, какъ на слѣды глубокихъ страданій, невольно всякой чувствовалъ уваженіе и состраданіе.

Подлѣ него стоялъ человѣкъ въ темной одеждѣ. Это былъ его управитель. Физіономія его внушала невольное отвращеніе. Лобъ у него былъ узкій и приплюснутый; глаза дикіе и блуждающіе; губы блѣдныя и сжатыя, щеки впалыя, волосы рѣдкіе и стоячіе. Зурбаранъ вѣрно воспользовался бы этимъ лицомъ для своихъ картинъ, изобилующихъ мертвецами и злодѣями. Онъ не носилъ ни шпаги, ни кинжала: что означало недворянское его происхожденіе. Онъ ходилъ потупя голову и согнувъ шею, хотя и былъ еще во всей силѣ мужескихъ лѣтъ. Казалось, что онъ ползъ за своимъ господиномъ, стараясь казаться тихимъ и униженнымъ, чтобъ никто не обращалъ на него вниманія. Однимъ словомъ, это было олицетворенное лицемѣріе.

Онъ былъ итальянецъ, простаго происхожденія и очень бѣдный. Съ перваго взгляда на него видно было, что душа его наполнена злостію, завистію и предательствомъ. Уже двадцать лѣтъ былъ онъ въ услуженіи у донъ Руи-Діаса, и никогда еще не казался такимъ живымъ и разговорчивымъ.

Когда онъ вступилъ въ службу къ дону Діасу, тотъ былъ веселъ, здоровъ, богатъ, гостепріименъ и окруженъ друзьями, дѣтьми и удовольствіями. Впродолженіе двадцати лѣтъ онъ успѣлъ истребить это все: радости, веселія, гостей, друзей — и даже дѣтей.

Этого человѣка звали—Моргани.

Когда донъ Руи-Діасъ услышалъ позади себя шаги его, то наклонился къ нему и съ смущеніемъ спросилъ:

— Развѣ нужно, чтобъ я присутствовалъ при казни этого несчастнаго?

— Необходимо,—отвѣчалъ итальянецъ, не поднимая головы.

— Но я усталъ, изнуренъ. Воспоминаніе о моемъ сынѣ преслѣдуетъ меня и терзаетъ.—И это новое для меня мученіе: видѣть лицомъ къ лицу убійцу его!

— Честь ваша требуетъ этого, — отвѣчалъ Моргани похороннымъ голосомъ.

Старикъ бросилъ отчаянный взглядъ къ небу, какъ будто отыскивая *тамъ* себѣ защиты, въ которой ему здѣсь отказывали. Но смотрѣть онъ не хотѣлъ на мѣсто казни и на преступника.

— Это убійца сына вашего, котораго вы такъ любили, —сказалъ итальянецъ старику неумолимымъ голосомъ.— Излишняя любовь ваша къ нему была уже грѣхомъ. Накажите себя сами, присутствуя при этой казни, помня при этомъ, что вѣра велитъ намъ прощать и врагамъ своимъ.

По знаку Моргани шествіе продолжало свой путь. Донъ Руи-Діасъ, окруженный толпою служителей, шелъ позади всѣхъ; итальянецъ же воротился въ замокъ.

Никто не слышалъ этого разговора, однако же вся толпа при выходѣ старика сдѣлалась печальною и молчаливою, какъ бы раздѣляя его страданія.

Достигнувъ до эшафота, урбиносы составили кругъ, въ срединѣ котораго помѣстились алькадъ и донъ Руи-Діасъ. На эшафотъ же вошли два преступника и *вердуго* (слуга смерти), и осужденнымъ прочли приговоръ.

Кто-же были осужденные? Высокой мужчина и мальчикъ.

Мужчина былъ объявленъ ratero—бандитомъ.

*

Мальчикъ-же? О немъ никто ничего не зналъ.

Осужденный бандитъ былъ лѣтъ сорока, съ выразительною физіономіею. Ростъ, взглядъ и лицо его выражали гордость. Нѣсколько насупленныя брови и безпрестанныя движенія верхней губы обнаружили наблюдателю твердою рѣшимость и презрѣніе. Быстрый, блестящій и проницательный взглядъ выражали откровенность, энергію и дерзость. На этомъ эшафотѣ, посреди площади, окруженный безчисленною толпою, готовою растерзать его, онъ болѣе похожъ былъ на оратора форума, нежели на осужденнаго.

Мальчикъ-же съ робостію смотрѣлъ на этотъ океанъ головъ—и вездѣ встрѣчалъ физіономіи, жаждущія мести. Бѣдное и кроткое созданіе! заслужило-ли оно эту постыдную казнь, когда все преступленіе его состояло въ томъ, что онъ принадлежалъ своему товарищу? Бѣлыя и нѣжныя руки его распухли отъ веревокъ, связывавшихъ ихъ. Мальчикъ былъ маленькаго роста, но сложенъ, какъ античная этюда. Ему было пятнадцать лѣтъ, но казалось гораздо менѣе. Прелестныя черты его, голубые глаза и шелковистые волосы—обѣщали въ немъ будущаго любимца женщинъ.

Ратеро былъ одѣтъ въ баранью шкуру, что при большихъ усахъ его и всклокоченной бородѣ, придавало ему дѣйствительно видъ одного изъ бандитовъ Сьеры-Морены.

Если старшій былъ одѣтъ въ такое пастушеское платье, то на младшемъ была самая щегольская андалузская одежда, съ аксельбантами, шитьемъ, богатымъ поясомъ и красною *резиліею*.

Когда теперь на высотѣ вся толпа всмотрѣлась въ нихъ, то, видя спокойствіе одного, и дѣтскую невинность другаго, она перемѣнила прежніе свои порывы ненависти на живѣйшее любопытство.

— Жители Эсихи! — сказалъ ратеро....

Это слово возбудило всеобщій крикъ негодованія. Осужденный осмѣливался говорить съ жителями. Это оскорбило всѣхъ и толпа заревѣла опять. Одинъ донъ Руи-Діасъ молчалъ.

Вѣроятно бандитъ ожидалъ, что его не допустятъ говорить, потому-что остался совершенно спокойнымъ, и видя совершенную невозможность быть выслушаннымъ, онъ тотчасъ-же прибѣгнулъ къ выразительной пантомимѣ, которой краснорѣчивые жесты сильно поразили самыхъ ожесточенныхъ зрителей и разшевелили сердца ихъ. Связанные руки его склонились на голову мальчика, по виду почти ребенка; гор-

дый взглядъ его сдѣлался умоляющимъ, чтобъ выпросить у народа чужую жизнь. Собственную свою онъ считалъ ни за что. Этотъ нѣмой и патетическій языкъ тронулъ всѣхъ, и толпа, забывъ на минуту о *ратеро*, съ любопытствомъ начала разсматривать ребенка.

— Это вѣрно сынъ его, — сказалъ одинъ голосъ. Зачѣмъ жалѣть его? Тигръ не производитъ ягнятъ.

— Ты правъ, сосѣдъ, отвѣчалъ другой. — У этого мальчика презлое лицо. Весь въ отца.

— Какой вздоръ, сказала одна женщина. Онъ такъ молодъ, такъ нѣженъ.... Онъ скорѣе похожъ на дѣвушку.

— Да притомъ-же онъ не здѣшній, — сказалъ милиціонный воинъ. Жители Эсихи никогда не носятъ костюма валенскаго *махоса*».

— Значитъ, онъ не горецъ?

— Нѣтъ, это жертва злодѣя ратеро.

Слѣдуя измѣнчивости чувствъ, волнующихъ толпу, ратеро протянулъ руку и сказалъ:

— Убейте меня! я терпѣливо перенесу ваше мщеніе. Но пощадите этого мальчика. Что онъ вамъ сдѣлалъ? За что вы его осудили? Онъ даже не сынъ мой, онъ родился въ вашемъ городѣ и, можетъ быть, въ этой толпѣ есть даже отецъ его....

Это объявленіе, сдѣланное твердымъ голосомъ, произвело въ толпѣ величайшее волненіе. Всѣ переглядывались, всѣ спрашивали другъ друга, всѣ шумѣли, разговаривали, догадывались.

Одно слово донъ Руи-Діаса воспламенило ярость толпы.

— Альфонсо! — сказалъ онъ, — и глухое рыданіе заглушило его.

Вся толпа поняла слова старика, и опять заревѣла: смерть ратеро! Казнь убійцѣ храбраго Альфонса!—Посмотрите на нашего стараго господина: онъ проливаетъ слезы о своемъ сынѣ. — И какъ онъ былъ убитъ? говорятъ злодѣй караулилъ его три дни въ горахъ. У старика только и былъ одинъ сынъ! О! надобно отмстить за него! И кромѣ того, онъ умертвилъ многихъ монаховъ и путешественниковъ.... Педро видѣлъ трупы ихъ! Смерть ратеро отмститъ за дона Діаса.

Но ратеро былъ холоденъ и непоколебимъ. Онъ съ улыбкою смотрѣлъ на эту грозу, шумящую вокругъ него.

Остановитесь!—вскричалъ онъ громкимъ голосомъ.

Всѣ замолчали съ изумленіемъ, и ратеро спросилъ:

— Нѣтъ-ли между вами человѣка, который тринадцать лѣтъ назадъ потерялъ въ горахъ дочь?

Глухой шумъ пробѣжалъ по толпѣ. Донъ Руи-Діасъ вдругъ поднялъ голову.

— Что говоритъ этотъ несчастный?—спросилъ старикъ.

— Онъ ищетъ, сеньоръ, человѣка, который потерялъ дочь въ горахъ, отвѣчалъ алькадъ.

— Дочь? какъ! Развѣ онъ знаетъ?

— Да, сеньоръ! знаю! смѣло отвѣчалъ ратеро.

Съ живостію подошелъ къ нему старикъ.

— Но, несчастный, вѣдь это былъ я, я потерялъ дочь, вскричалъ онъ.—Я потерялъ Флориту.... тому тринадцать лѣтъ.... Боже мой! Неуже-ли она мнѣ будетъ возвращена?... Но нѣтъ! ты лжешь, ты лжешь! Старость моя запечатлѣна проклятіемъ.... у меня нѣтъ больше дѣтей.

— Есть, сеньоръ! Дочь ваша жива, и я не лгу.

— Какъ? возможно-ли? Дочь, которую я столько лѣтъ оплакивалъ.... Говори скорѣе: гдѣ она? что съ нею?...

— Я буду говорить, отвѣчалъ ратеро, — когда этотъ ребенокъ будетъ на свободѣ.—При этомъ онъ указалъ на осужденнаго своего товарища.

— О! только скажи мнѣ: гдѣ она? Цѣлыя тринадцать лѣтъ оплакивалъ я смерть ея, и все-таки всякій день молилъ Бога возвратить мнѣ ее.... О! благодарю тебя, Господи! я забылъ всѣ страданія и отчаяніе. Я опять счастливъ, у меня будетъ дочь! Но скажи-же мнѣ, гдѣ она? я пойду искать ее, какъ древніе пилигримы, босикомъ и со свѣчею въ рукахъ.

Эта неожиданная сцена совершенно измѣнила физіономію старика. Любовь отца озарила ее величіемъ и красотою. Близкій къ такому великому счастію, онъ чувствовалъ, что избытокъ радости готовъ перелиться черезъ край. Онъ забылъ все, настоящее и прошедшее, и думалъ объ одномъ будущемъ.

Но ратеро отвѣчалъ ему только тѣмъ, что указывая на осужденнаго ребенка, требовалъ его освобожденія.

— О Боже мой! — вскричалъ старикъ,—сколько потеряннаго времени? Послушай! я богатъ; у меня много золота, бриллiантовъ; я берегъ ихъ для нея. Теперь отдамъ все тебѣ. Пойдемъ, пойдемъ искать ее....О! она вѣрно меня ищетъ. Это былъ ребенокъ съ темными локонами и голубыми глазами.... Теперь она выросла и, вѣрно, прелестна. Я одинъ состарѣлся, но это оттого, что я много проливалъ слезъ. Пойдемъ, она вѣрно въ горахъ....я ее непремѣнно узнаю.... Но ты все еще ничего не отвѣчаешь?—О! сердце мое стѣсняет-

ся страхомъ. Дочь моя! Гдѣ дочь моя? Можетъ быть, ты-же и похитилъ ее и теперь смѣешься надъ моими мученіями.... Но ты не уйдешь отъ моего мщенія, злодѣй! отдай мнѣ дочь мою, или я убью тебя.

Донъ Руи-Діасъ былъ въ иступленіи. Переходъ отъ страданій къ радости лишилъ его почти чувствъ. Заботливость служителей возвратила ему самосознаніе. Тогда опытный старикъ всмотрѣлся въ лицо ратеро, чтобъ убѣдиться, правду-ли онъ говоритъ. — По прозбѣ его, алькадъ тотчасъ-же освободилъ молодаго *махо*.

— Теперь говори, сказалъ донъ Руи-Діасъ.

— Исторія моя длинна, а площадь Эсихи не совсѣмъ удобна для разсказа. Тринадцать лѣтъ тому назадъ ребенокъ былъ похищенъ изъ твоего дома. Все, что я узналъ о жизни и судьбѣ его, я готовъ открыть тебѣ, но тебѣ одному. — Отведи меня въ свой домъ. Только тамъ узнаешь ты эту тайну.

— Послушай, сказалъ старикъ. — Вотъ мои условія. Если ты говоришь правду, если возвратишь мнѣ дочь, — я раздѣлю съ тобою мое имущество. Помни, что я не ошибусь и имѣю вѣрныя примѣты, чтобъ узнать ее. Но если ты хотѣлъ обмануть меня, то смерть тебѣ и твоему товарищу.

— Я иду за тобою.

— Пойдемъ. Я горю нетерпѣніемъ.

Съ позволенія алькада они пошли.

До-сихъ-поръ юноша слушалъ этотъ разговоръ съ разсѣянностью и невниманіемъ, но когда увидѣлъ, что товарищъ его идетъ со старикомъ, бросился къ нему и, повиснувъ у него на рукѣ, спросилъ умоляющимъ голосомъ:

— А я?

Тутъ былъ нѣжный упрекъ и мольба. Ратеро понялъ ихъ и съ нѣжностію отвѣчалъ ему тихимъ голосомъ, въ которомъ выражалась и любовь и насмѣшка.

— Къ тебѣ сейчасъ явится другъ твой Альваресъ.

— А! братъ мой здѣсь? вскричалъ юноша, радостно всплеснувъ руками.

— Онъ вѣрно уже прибылъ. — Сеньоръ Діасъ, продолжалъ ратеро, обратясь къ дону Діасу, я прошу вашего гостепріимства этому ребенку, котораго вы спасли отъ смерти.

— Это твой сынъ? спросилъ Діасъ.

— Сильвіо дитя моего сердца.

Донъ Руи-Діасъ взглянулъ на Сильвіо, склонившаго передъ

ними свою голову. Прелестный видъ этого юноши растрогалъ его. Онъ вспомнилъ то счастливое время своей жизни, когда онъ проводилъ цѣлые часы у колыбели своего ребенка. Это чувство опять возрождалось въ душѣ его, — и онъ, положа руку свою на голову Сильвіо, въ знакъ оказываемаго имъ покровительства, сказалъ отцу:

— Пойдемъ говорить о моей дочери.

—

II.

РАЗСКАЗЪ.

Замокъ дона Руи-Діаса былъ въ мавританскимъ вкусѣ и простроеніе его восходило къ X вѣку. Массивныя стѣны, косая дверь съ перестилемъ, арки, поддерживаемыя колоннами, составляли всегдашнюю принадлежность мавританской архитектуры. Но преобладающее качество ея состояло въ этой пестротѣ украшеній, которая перешла къ намъ подъ названіемъ арабесковъ. Эти украшенія доходили даже до излишества. Это было кружевное шитье, мозаики, фестоны, гирлянды и т. п.

Однако, эти безчисленные орнаменты, эти аркады, смѣлыя и красивыя, очаровывали зрителя. Казалось, что они переносили въ волшебный міръ *Тысяча и одной ночи*, всреду халифовъ, принцессъ и волшебниковъ. Это были не произведенія искусства, а чудеса волшебныя.

Внутренность замка дона Руи-Діаса еще болѣе отличалась этими украшеніями. Зала, въ которую онъ привелъ ратеро, составляла паралеллограмъ, освѣщенный узенькими окнами. Нѣсколько портретовъ во весь ростъ представляли знаменитѣйшихъ предковъ его фамиліи. Стулья съ высокими рѣзными спинками были единственною мебелью залы. На обояхъ были вышиты картины, изображающія бой быковъ. Двѣ двери вели въ эту залу: одна отворялась въ корридоръ, другая на балконъ.

Въ ту минуту, какъ всѣ трое входили въ замокъ, Сильвіо оглянулся и радостно воскликнулъ:

— Вотъ онъ! вотъ онъ!

И указалъ на молодаго человѣка, который пробившись сквозь толпу, казалось, отыскивалъ ихъ. Это былъ высокій

юноша съ едва пробившимися усами, гибкою, стройною таліею, нѣсколько робкимъ взоромъ, но съ сердцемъ мужественнымъ, какъ его шпага и готовымъ на всѣ опасности, кромѣ одной, еще неизвѣстной ему: опасности отъ пламенныхъ взглядовъ любви.

— Это Альваресъ, сказалъ ратеро съ улыбкою.

— Онъ вѣрно насъ ищетъ, прибавилъ Сильвіо.

— Такъ надобно подождать его.... Но вотъ и онъ. Я оставлю тебя съ братомъ....

Дѣйствительно, Альваресъ явился, и Сильвіо увлекъ его въ садъ.

Войду въ залу, донъ Руи-Діасъ сѣлъ въ большія кресла и указалъ другой стулъ ратеро, приглашая его сѣсть.

Сперва оба молчали нѣсколько мгновеній. Горецъ первый началъ говорить.

— Прежде всего, позвольте, сеньоръ, поблагодарить васъ за то, что вы меня спасли отъ позорной казни, — сказалъ ратеро съ нѣкоторою торжественностію. Вашъ алькадъ осудилъ меня, не выслушавъ ни слова въ оправданіе.

— Я зналъ, что онъ лжетъ! вскрикалъ старикъ. Онъ только хотѣлъ отсрочить казнь свою, чтобъ спасти презрѣнную свою жизнь.

— Вы слишкомъ вспыльчивы, сеньоръ, по вашимъ лѣтамъ, сказалъ горецъ. Вы поступаете, какъ алькадъ вашъ: осуждаете, не выслушавъ. Я вамъ прощаю ваше обидное сомнѣніе. Но почему вы думаете, что я лгу?

— Берегись, несчастный! Смерть твоя неизбѣжна.

— Да я ужъ слышалъ, что вы мнѣ предоставляете выборъ между богатствомъ и смертью.—Повѣрьте, что выборъ мой будетъ хорошъ для васъ и для меня. Но избѣжавъ опасности, не долженъ-ли я былъ почесть первымъ своимъ долгомъ выразитъ вамъ свою благодарность за оказанное мнѣ покровительство? Я спасся отъ адскихъ хитростей этого итальянца, который возбудилъ противъ меня все народоселеніе города. Еще разъ благодарю васъ за ваше гостепріимство, сеньоръ. Я о немъ никогда не забуду.

— Не благодари еще. Жизнь твоя пока на волоскѣ.

Донъ Руи-Діасъ все ждалъ извѣстія о своей дочери. Находясь между надеждою найти опять свою любимую Флориту и страхомъ увидѣтъ вновь всѣ свои надежды разрушенными, онъ не смѣлъ начать допроса, отъ котораго зависѣла вся его жизнь. Онъ еще придумывалъ, какъ лучше и вѣрнѣе начать распросы, чтобъ добиться истины. Онъ хотѣлъ про-

никнуть въ душу горца, чтобъ не быть имъ обманутымъ. Но покуда умъ его разсчитывалъ все это, сердце заговорило сильнѣе, и онъ воскликнулъ.

— Дочь мою!

Ратеро молчалъ. Казалось, что онъ колебался.

— Что-жъ? Будешь-ли ты говорить? Ты истощаешь все мое терпѣніе.

— Богъ свидѣтель, — отвѣчалъ горецъ, — что для меня это будетъ самый счастливый день въ жизни, когда я буду въ состояніи сказать вамъ: Донъ Руи-Діасъ! будь счастливъ, вотъ твое дитя!

— Злодѣй! вскричалъ старикъ, понимаешь-ли ты, что я тринадцать лѣтъ провелъ въ отчаяніи, молитвахъ и страданіи, и теперь, когда ты обѣщаніемъ своимъ возвратить мнѣ дочь оживилъ опять во мнѣ всю привязанность къ жизни, теперь каждая минута разлуки съ нею кажется мнѣ годомъ, цѣлымъ вѣкомъ. Теперь отсутствіе ея мучитъ меня больше, нежели страданія всѣхъ прошедшихъ лѣтъ, когда я почиталъ ее умершею.

Смущенный ратеро опустилъ глаза, — и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія отвѣчалъ съ прямодушіемъ горца, непривыкшаго льстить и скрывать свои чувства.

— Я долженъ вамъ, сеньоръ, откровенно признаться, что еще не настало время, чтобъ возвратить вамъ дочь. Это дѣло требуетъ осторожности. Притомъ-же нужны нѣкоторыя условія. Могу только увѣрить васъ, что дочь ваша жива и что мѣсто ея убѣжища мнѣ извѣстно.

— Но кто мнѣ поручится къ истинѣ словъ твоихъ?

— Условія, которыя, я вамъ сейчасъ предложу.

Донъ Руи-Діасъ обнаруживалъ видимое нетерпѣніе.

— Меня схватили, какъ преступника, хотя мнѣ и было очень легко оправдаться. Но народъ Эсихи самый пылкій во всей Андалузіи и поступилъ со мною очень опрометчиво. Человѣкъ, съ которымъ а уже три раза въ жизни сталкивался въ самыхъ гибельныхъ обстоятельствахъ, какой-то итальянецъ, или лучше сказать, демонъ, жаждущій моей погибели, возмутилъ противъ меня все населеніе города... Народъ схватилъ меня, притащилъ къ алькаду, и я былъ осужденъ. Этотъ случай можетъ возобновиться еще разъ, и васъ небудетъ тутъ, чтобъ спасти меня. И такъ, вотъ что я требую отъ васъ. Что-бы ни случилось, вы должны быть моимъ покровителемъ, и замокъ вашъ долженъ быть моимъ убѣжищемъ. За жизнь мою будетъ отвѣчать жизнь вашей

дочери. Вамъ можетъ быть странно, что бѣднякъ и осужденный бандитъ говоритъ съ вами такъ смѣло, но все равно! Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи любимой дочери. Не сердитесь, а примите мои условія. Между нами нѣтъ уже ни синьора, ни горца, но два отца, изъ которыхъ одинъ откровенно говоритъ другому: послушай! я хочу отдать тебѣ все, что есть священнаго и радостнаго для человѣка, семейство! Домъ твой пустъ, я наполню его. Ты призывалъ смерть, какъ цѣлительницу всѣхъ золъ, а я тебѣ подарю жизнь счастія и радостей. Скучной, уединенной твоей старости я дамъ генія хранителя — дочь!

Говоря это, черты ратеро оживились и смягчились. Это уже былъ не житель горныхъ ущелинъ, не осужденный преступникъ. Взглядъ его былъ благороденъ и откровененъ, голова поднялась съ гордостію, голосъ былъ одушевленъ и убѣдителенъ: однимъ словомъ, нельзя было сомнѣваться въ истинѣ его словъ.

Гордость гидальго уступила нѣжности отца.

— Я принимаю всѣ твои условія, сказалъ донъ Руи-Діасъ, поникнувъ головою. Но я такъ долго оплакивалъ свою дочь, почитая ее умершею, и теперь долженъ оплакивать ее, хотя и знаю, что она жива; это терзаетъ мою душу. Каждая минута ожиданія будетъ для меня цѣлымъ вѣкомъ страданій. Я вѣрю словамъ твоимъ, а все-таки сомнѣніе терзаетъ меня. Сердце говоритъ: это правда! а разсудокъ твердитъ: невозможно! — Но я хочу, хочу вѣрить, потому что это такъ пріятно.

Бѣдный старикъ закрылъ лицо обѣими руками и предался печальнымъ размышленіямъ. И ратеро сдѣлался задумчивъ.

— Послушайте, сеньоръ, сказалъ онъ Руи-Діасу твердымъ и спокойнымъ голосомъ, внушающимъ довѣріе. Я хочу успокоить васъ тѣмъ, что дамъ вамъ несомнѣнныя доказательства въ существованіи вашей дочери.

— Я слушаю, отвѣчалъ старикъ.

Горецъ началъ свой разсказъ.

— Тринадцать лѣтъ тому назадъ былъ я въ горахъ нашей Сіерры. Я былъ еще молодъ и искалъ тамъ убѣжища отъ злаго и несправедливаго свѣта, который отравилъ мою юность, растерзалъ мое сердце и разрушилъ все спокойствіе и счастіе моей жизни. Я тоже, сеньоръ, плакалъ и страдалъ; я тоже состарѣлся преждевременно, и многія страницы моей жизни были облиты слезами. Люди меня изгнали, друзья

отвергли, семейство прокляло. Я имѣлъ званіе, богатство, ласкателей, и сдѣлался изгнанникомъ, ратеро, пригоднымъ только на то, чтобъ быть брошеннымъ на произволъ изступленной черни. Въ этомъ изгнаніи, въ этой борьбѣ съ людьми, съ самимъ собою, одинъ Богъ поддерживалъ меня. Онъ дозволилъ мнѣ найти въ моемъ несчастіи сердце женщины и любовь ребенка.

И такъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ былъ я въ горахъ Сьерры-Морены. День уже вечерѣлъ и длинная тѣнь горъ ложилась на долины. Зная, что вблизи бродитъ «Partida», я былъ вооруженъ. Настала ночь, и при свѣтѣ мелькающихъ звѣздъ увидѣлъ я человѣка, который въ двадцати шагахъ отъ меня быстро прошелъ по тропинкѣ. Онъ мнѣ казался очень смущенъ и озабоченъ какою-то ношею. Онъ внушилъ мнѣ подозрѣніе. Лицо его обнаруживало свершенное преступленіе.

— Преступленіе! сказалъ Руи-Діасъ, прерывая его.

— Если-бъ я прожилъ тысячу лѣтъ, то и тогда-бы не забылъ этого демонскаго лица. Ненависть, зависть, мщеніе, корыстолюбіе, всѣ страсти грубыя и низкія отпечатаны были на немъ. Обнаживъ свой кинжалъ, я пошелъ за нимъ. Но вскорѣ я замѣтилъ, что онъ едва-ли не лучше меня знаетъ всѣ тропинки въ горахъ, такъ быстро и вѣрно пробѣгалъ онъ по нимъ. Близъ пещеры del Zapatero, гдѣ въ царствованіе Донъ-Педро севильскій башмашникъ убилъ каноника, незнакомецъ оборотился, бросилъ вокругъ себя испытующій взглядъ и исчезъ.

Тутъ я услышалъ вдругъ глухіе крики... бросился впередъ и подошелъ въ ту самую минуту, какъ злодѣй спасался бѣгствомъ; я остановилъ его, подставя ему кинжалъ.... Но противникъ мой вѣрно былъ опытнѣе меня и быстрѣе молніи нанесъ мнѣ сильный ударъ кинжаломъ въ грудь; я упалъ, а онъ скрылся.

Когда я доползъ до пещеры, то увидѣлъ тамъ плачущаго ребенка, который звалъ къ себѣ на помощь какого-то *Альфонса*!

— Альфонса! вскричалъ Руи-Діасъ. — Это было имя брата Флориты. О Santa Virgen! Ты спасъ ее!... Это была она, моя дочь!

Когда старикъ немного успокоился, то горецъ продолжалъ разсказъ:

— Увидя меня, бѣдный ребенокъ испугался и задрожалъ. Я взялъ его на руки, началъ ласкать, называя нѣжнѣйши-

ми именами и стараясь внушить довѣренность къ себѣ. Но дѣвочка все продолжала плакать, отталкивала меня своими маленькими рученками, какъ-бы доказывая этимъ, что не меня она звала. Что мнѣ было дѣлать, сеньоръ? я видалъ смерть вблизи, и въ сраженіяхъ и недавно еще на эшафотѣ; перенесъ много несчастій и ранъ, присутствовалъ при многихъ драмахъ человѣческой жизни, испилъ всю чашу горечи, и былъ всегда холоденъ, безчувственъ и недовѣрчивъ.—Но тутъ, горесть младенца обезоружила меня: слезы ребенка разстрогали меня до глубины души. Незная, чѣмъ утѣшить дѣвочку, я сталъ съ нею плакать.

Донъ Руи-Діасъ всталъ. Лицо его сіяло какою-то торжественностію. Глаза его обратились къ небу, какъ-бы ища въ немъ подтвержденія великодушной своей мысли.

— Кто-бы ты ни былъ, — сказалъ онъ незнакомцу: прими благословеніе старика, стоящаго на краю могилы, благословеніе отца, которому ты спасъ дочь. Теперь я тебѣ вѣрю и подвергнусь всѣмъ условіямъ, какія ты предпишешь. Ты уже въ глазахъ моихъ не осужденный ратеро, но другъ, но братъ.

— Сеньоръ! — вскричалъ растроганный горецъ. Вы забываете, кто я!

— Да! я забываю и то, что оскорбилъ тебя, я помню только-то, что ты плакалъ съ моею дочерью. Нѣтъ, нѣтъ! — Тотъ не можетъ-быть злодѣемъ, кто умѣетъ понимать и почитать беззащитную невинность. Прости меня, я еще неспросилъ тебя: какъ зовутъ спасителя моей дочери?

— Въ горахъ зовутъ меня Редильясомъ.

— И такъ, другъ Редильясъ, — сдѣлай милость, опиши мнѣ портретъ моей дочери, какъ ты ее нашелъ въ пещерѣ del Sapatero.

Редильясъ продолжалъ:

У нея были большія голубыя глаза, исполненныя кроткою задумчивостію; каштановые волосы сбѣгали шелковистыми кудрями по обнаженнымъ плечамъ. Были минуты, когда головка ея склонялась съ невыразимою печалью; тогда она не улыбалась и отказывалась отъ всего. Въ эти минуты сердце мое сжималось и я трепеталъ, чтобъ небо не отняло у земли этого маленькаго ангела.

Горецъ пересталъ говорить, — а старикъ все еще слушалъ. Какъ по вечерамъ иногда предаются звукамъ отдаленной арфы, какъ мечтаютъ иногда о дняхъ прошедшихъ радостей, или сбывшихся надеждахъ, Руи-Діасъ вслушивался

въ слова горца, которыя ему казались сладостнѣе эоловой арфы. Неожиданное счастіе, о которомъ онъ несмѣлъ и мечтать, казалось ему теперь сномъ, отъ котораго онъ боялся проснуться.

—

III.

ДВА БРАТА.

Мы оставили Сильвіо и Альвареса въ полной радости свиданія. Они, какъ любовники, ходили по темнымъ аллеямъ и разсказывали другъ другу свои приключенія и чувства.

Часъ *сіесты* уже прошелъ; дневной жаръ спалъ, — и подъ тѣнію дикихъ смоковницъ южное far niente казалось истиннымъ наслажденіемъ. Подъ тѣнью деревъ всѣ народы Европы обнаруживаютъ національный свой характеръ: англичанинъ пьетъ, нѣмецъ мечтаетъ, французъ поетъ, испанецъ куритъ, итальянецъ влюбляется.

Сильвіо безпрестанно смотрѣлъ на Альвареса, а тотъ ему улыбался.

— Братецъ! — сказалъ Сильвіо. Я уже боялся, что не увижусь съ тобою

— Дитя! ты уже испугался....

— Какое ужасное утро....

— Что-жъ такое случилось? Батюшка ушелъ съ тобою по утру въ Эсиху. Это миленькій городокъ, въ которомъ съ вами ничего не могло встрѣтиться непріятнаго... А теперь я нашелъ тебя въ прелестномъ саду, подъ тѣнію смоковницъ, окруженнаго шумомъ водопадовъ и пѣніемъ птицъ; на что-же ты жалуешься?

— Да развѣ ты, пробиваясь по площади, ничего не слыхалъ?

— Ничего особеннаго! толпа о чемъ-то шумѣла, толковала.... кажется, о казни какихъ-то двухъ бѣдняковъ....

— Одинъ изъ этихъ бѣдняковъ — былъ я!...

— Что такое?

— А другой — былъ нашъ отецъ.

Съ изумленіемъ смотрѣлъ Альваресъ въ глаза Сильвіо и старался понять послѣднія его слова.

— Да, милый Альваресъ, — продолжалъ Сильвіо. Сегодня по утру, по выходѣ изъ горъ, присоединились къ намъ по дорогѣ пять или шесть погонщиковъ. Они тоже шли въ Эсиху и говорили, что никогда еще тамъ не были. Батюшка былъ, по обыкновенію, очень неразговорчивъ, но спутники не отставали отъ него. Только у самого предмѣстья одинъ изъ нихъ изчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ насъ окружила толпа народа, осыпая проклятіями. Мы хотѣли уйти, но со всѣхъ сторонъ бѣжала чернь — и въ нѣсколько мгновеній около насъ была уже стѣна народа. Тотъ, кто ушелъ отъ насъ у предмѣстья, явился тогда, — и я бросился къ нему, умоляя о спасеніи отца.

— Да, да! милый сынокъ, — отвѣчалъ онъ съ адскою улыбкою. Я помогу сейчасъ отцу твоему и тебѣ взойти на эшафотъ.

Онъ кликнулъ своихъ товарищей — и насъ потащили къ алькаду, — а народъ бѣжалъ за нами съ криками ярости и проклятія.

— Злодѣи! — вскричалъ Альваресъ. Какое-же у нихъ было намѣреніе? Въ какомъ преступленіи могли они обвинить отца нашего? А тебя-то, милый Сильвіо?... Я изумленъ, — я ничего не понимаю.

— Я не знаю въ чемъ насъ обвиняли.... Я не въ силахъ былъ ни думать, ни понимать.... только одно ужасное слово поражало мой слухъ: смерть ратеро! Смерть ему! — Когда-же мы вышли отъ алькада, который обвинилъ и осудилъ насъ, не выслушавъ, кто-то явился къ отцу и сказалъ ему: «Узнаешь-ли ты меня? Часъ мщенія насталъ»!

— Нѣтъ еще! — отвѣчалъ отецъ съ улыбкою, — и насъ повели дальше.

Сильвіо замолчалъ, — всѣ ужасныя происшествія этого дня произвели сильное впечатлѣніе на нѣжную душу ребенка. Если-бъ присутствіе Альвареса не одушевило его, то онъ не въ состояніи былъ-бы разсказать всего, что безсвязнымъ хаосомъ кружилось въ умѣ его. Видъ эшафота и теперь еще заставлялъ его трепетать. Онъ сжималъ руки Альвареса и повторялъ ему, что смерть потому только ужасною ему казалась, что разлучала его съ нимъ.

Чистѣйшая дружба соединяла этихъ двухъ юношей. И самъ Альваресъ, не смотря на свои двадцать лѣтъ и на усы, которыми такъ гордился, былъ тоже почти ребенкомъ. Наука жизни не открыла ему еще своей горечи. Онъ шелъ постезѣ жизни, которой вовсе не зналъ. Оба они выросли въ

горахъ, гдѣ уединенная жизнь и зрѣлище природы образовали ихъ души ко всему высокому, прямому, откровенному.

Во время этого разговора двухъ братьевъ, послышался позади ихъ шумъ.

Они оборотились, и у обоихъ исторгся крикъ ужаса. Моргани шелъ по двору.

Онъ проходилъ медленно съ тою автоматическою походкою, которая была ему свойственна. Погруженный въ мрачныя свои размышленія, онъ не поднялъ и головы своей, чтобъ посмотрѣть на дѣтей. Какъ мраморная статуя командора, идущая ужинать къ Донъ-Жуану, пошелъ онъ вверхъ по лѣстницѣ замка.

Альваресъ и Сильвіо, блѣдные и трепещущіе, смотрѣли вслѣдъ ему неподвижно и не говоря ни слова. Только тогда уже, какъ итальянецъ изчезъ, глубокій вздохъ облегчилъ грудь ихъ и они переглянулись.

— Это онъ! — сказалъ Альваресъ.

— Это онъ! — повторилъ Сильвіо.

— Я бы его узналъ изъ тысячи, по этому неподвижному взгляду и длинному, худощавому лицу.

— Но гдѣ-жъ ты его видѣлъ? — спросилъ Сильвіо.

— Въ горахъ, недѣлю тому назадъ.

— Въ тотъ день, какъ умерщвленъ былъ бѣдный молодой человѣкъ?

— Въ тотъ самый день и часъ. Я заблудился, гоняясь за кабаномъ у Альмеирской пустыни. Наступилъ уже вечеръ. Вдругъ отдаленные крики поразили слухъ мой. Слышно было, что кто-то былъ въ крайней опасности. Это были крики страха и отчаянія, сперва рѣзкіе, потомъ глухіе. Наконецъ раздался послѣдній, ужасный, раздирающій вопль, поражающій холодомъ, какъ желѣзо въ грудь. Это былъ послѣдній призывъ на помощь человѣчеству, которая не являлась, послѣдняя борьба жизни, и все замокло. Молчаніе сказало мнѣ все. Человѣкъ умеръ, пораженный вѣрно измѣннически, сзади....

— Но ты, Альваресъ, — развѣ не бросился къ нему на помощь?...

— Между мною и сценою убійства была глубокая бездна. Надобно было обѣжать ее кругомъ, — и покуда я бѣжалъ, со мною уже встрѣтился убійца съ ужасною блѣдностію въ чертахъ и съ мрачнымъ пламенемъ въ глазахъ. Онъ подозрительно посмотрѣлъ на меня, но моя безпечность успокоила его. Онъ пошелъ далѣе, а я искалъ того мѣста,

гдѣ слышны были крики. Я нашелъ его, увидѣлъ тутъ смятую траву, нѣсколько капель крови, но убитаго тутъ не было. Только въ нѣсколькихъ шагахъ нашелъ а еще одну вещь, которая, вѣроятно, принадлежала умерщвленному. Сегодняже я узналъ, что дѣйствительно убитъ былъ единственный сынъ знатнаго человѣка и что молодаго человѣка звали Альфонсомъ.

При этомъ имени Сильвіо вздрогнулъ, стараясь что-то припомнить.

— Альфонсо! — повторилъ онъ. Гдѣ-же я слышалъ это имя?... Такъ точно. Его кричалъ весь народъ, когда насъ вели на казнь. Насъ обвиняли въ убійствѣ этого молодаго человѣка, — а тотъ, кто возмутилъ противъ насъ всю чернь, кто повлекъ насъ къ алькаду, былъ тотъ-же самый, который.... Альваресъ! Альваресъ! пойдемъ скорѣе къ батюшкѣ.

— Но гдѣ онъ?

— Пойдемъ, пойдемъ! надобно разсказать ему....

— Объясни мнѣ сперва, Сильвіо....

— Развѣ ты не знаешь, гдѣ мы? — Приготовь свое оружіе и пойдемъ. Мы у дона Руи-Діаса, у отца умерщвленнаго молодаго человѣка. Отецъ нашъ у него теперь, — а смертельный врагъ нашъ, предавшій его на казнь, пошелъ къ нимъ... понимаешь-ли ты?

— Побѣжимъ! — вскричалъ Альваресъ, — отецъ нашъ въ опасности.

— Дай Богъ, чтобъ мы не опоздали, — сказалъ Сильвіо, схватя Альвареса за руку.

—

IV.

ИТАЛЬЯНЕЦЪ.

Чтобъ лучше понять послѣдующія сцены, надобно воротиться къ разговору горца и дона Руи-Діаса.

Эти два человѣка, которые съ перваго взгляда принадлежали къ крайнимъ ступенямъ человѣческаго общества, имѣли однако-же въ эту минуту много сходства между собою. Случай сблизилъ ихъ, привычка могла-бы даже соединить. Два сердца скоро соединяются, когда у нихъ есть что-нибудь общее въ прошедшемъ, когда съ одной стороны является несчастіе, а съ другой преданность. Раздѣленное страда-

ніе есть уже утѣшеніе. Что за дѣло тогда до званія и богатства! Когда кто въ опасности, то не разбираетъ, откуда подаютъ ему помощь.

Горецъ успѣлъ уже въ самое короткое время пріобрѣсть довѣренность дона Діаса, — и не лестью и униженіемъ, которыхъ-бы слѣдовало ожидать отъ пастуха предъ знатнымъ господиномъ, но откровеностію и благородствомъ. Онъ умѣлъ убѣждать его и успокоивать.

— Другъ Редильясъ, — сказалъ донъ Руи-Діасъ. Я бы хотѣлъ тебѣ сдѣлать одинъ вопросъ, но боюсь, чтобъ онъ не оскорбилъ тебя. Впрочемъ, въ дружескомъ расположеніи моемъ ты не можешь сомнѣваться. Между честными людьми довольно нѣсколькихъ словъ, чтобъ понять и оцѣнить другъ друга. Я узналъ твое доброе и благородное сердце, — и желалъ-бы на старости имѣть такого друга, какъ ты, — но....

Редильясъ улыбнулся, — и старикъ не смѣлъ продолжать.

— Любопытство ваше естественно, — отвѣчалъ горецъ. Оно даже лестно для меня. И потому я готовъ отвѣчать на вашъ вопросъ. Если не ошибаюсь, то онъ состоялъ въ томъ, чтобы узнать: какимъ образомъ костюмъ пастуха попалъ на плеча человѣка, который кажется довольно образованнымъ? Это значитъ требовать исторію моей жизни.

— Ты мой гость, — и потому совершенно свободенъ. Если не хочешь открыть своего прошедшаго, то за важную услугу, которую мнѣ оказалъ, позволь мнѣ позаботиться о твоемъ будущемъ.

— Сеньоръ! вы уже наградили меня самымъ драгоцѣннымъ подаркомъ: своею дружбою. Быть можетъ, близокъ день, когда я потребую доказательствъ этой дружбы. Дотѣхъ-поръ оставьте меня въ моихъ горахъ съ моимъ костюмомъ изъ бараньихъ шкуръ. Лишь-бы я увѣренъ былъ, что найду всегда убѣжище въ вашемъ домѣ и доброе воспоминаніе въ вашемъ сердцѣ, — больше мнѣ ничего не нужно!

— Ты неумолимъ, но твой сынъ! въ его нѣжные годы, за что осуждать его на суровый образъ жизни?

— Альваресъ не захочетъ разстаться со мною. Въ немъ всѣ чувства отца и добродѣтели матери.

— Ты назвалъ Альвареса, — сказалъ старецъ вздрогнувъ. Это имя моего брата.

— Какъ! у васъ есть братъ, а вы жаловались на одиночество. Вы сказали, что пустынный домъ вашъ лишенъ всѣхъ семейныхъ радостей; вы претерпѣвали неслыханныя страданія, говорите вы; въ глазахъ вашихъ цвѣли и увяли ва-

ши дѣти, эти юные и нѣжные цвѣты, которые должны были украшать вашу старость; вы населили свое уединеніе одними воспоминаніями и сожалѣніями о прошедшемъ; вы были оставлены всѣми, лишены спокойствія, будущности, друзей, семейства, и чтобъ усладить это уединеніе, эти страданія, вы не призвали на помощь самый святой союзъ въ природѣ, вы не призвали къ себѣ брата, который, далеко отъ васъ можетъ быть и не зналъ о вашей участи? чтобы онъ сказалъ, если-бъ узналъ отъ васъ, что вы эти тринадцать лѣтъ столько страдали? Не имѣлъ-ли бы онъ права обвинить васъ въ томъ, что вы забыли о немъ? По какому праву могъ брать отдѣлить своего брата отъ судьбы своей, какова-бы она ни была? О сеньоръ! вы жалуетесь, — а у васъ есть братъ.

Редильясъ сказалъ все это съ такимъ одушевленіемъ, что самъ едва могъ воздержать свое волненіе.

Донъ Руи-Діасъ, какъ-бы убѣжденый его увлекательнымъ краснорѣчіемъ, хранилъ глубокое молчаніе. Онъ выслушалъ горца, не прерывая его. Въ душѣ его происходила страшная борьба. Онъ какъ будто слышалъ неумолимый голосъ совѣсти. Казалось, что какое-то раскаяніе заставляло его молчать....

Но вдругъ онъ поднялъ голову и глядя на Редильяса тѣмъ холоднымъ и неподвижнымъ взглядомъ, который старается проникнуть въ сокровеннѣйшіе изгибы сердца, онъ однимъ словомъ охладилъ всю его восторженность.

— У меня нѣтъ брата, — отвѣчалъ онъ.

— Развѣ онъ умеръ? — съ живостію спросилъ горецъ.

— Тринадцать лѣтъ тому назадъ онъ умеръ для меня. Мѣсто его было вотъ тутъ!...

И донъ Руи-Діасъ указалъ пальцемъ на портретъ, завѣшенный чернымъ флеромъ въ золотой рамѣ.

Редильясъ сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ, чтобъ въ жару негодованія сорвать этотъ флеръ, — но вдругъ опомнился и остановился. Онъ только судорожно схватился за сердце, какъ бы желая унять его біеніе. Но лицо его тотчасъ-же опять сдѣлалось спокойнымъ, на губахъ появилась ироническая улыбка, только взгляды не могли оторваться отъ этой картины, завѣшанной чернымъ флеромъ.

— Простите, сеньоръ, моей безвременной логикѣ, сказалъ онъ. Я не знаю вашихъ свѣтскихъ рѣчей, а говорю, какъ дитя природы. Я увлекся чувствомъ братской любви, потому только, что у меня не было никогда брата; но я живо вообра-

жаю какъ бы любилъ его, если-бъ небо наградило меня такимъ счастіемъ. Въ первые дни моего печальнаго изгнанія, когда я возвращался печаленъ и унылъ въ свое убѣжище, одиночество убивало меня, и я мечталъ тогда о существѣ, которое одно могло-бы утѣшить меня и защитить, о любви и вреданности брата.... Но это были однѣ мечты. Подобно намъ, сеньоръ, я давно уже отказался отъ этой надежды. И у меня нѣтъ брата!

Все это было сказано съ какою-то меланхолическою ироніею. Старикъ былъ тронутъ. Онъ всталъ и протянулъ горцу руку.

— Ты замѣнишь его въ моемъ сердцѣ, сказалъ онъ ему, указывая на портретъ. Вѣдь ты былъ уже вторымъ отцемъ моей дочери....

Въ эту самую минуту вошелъ итальянецъ.

— Нѣтъ, Руи-Діасъ, нѣтъ! сказалъ онъ, Онъ былъ не отцомъ твоей дочери, а ея похитителемъ. Это убійца твоего сына, который обезчестилъ твое имя. Однимъ словомъ, это тотъ, который похитилъ *красный башмачекъ*.

— Братъ мой! вскричалъ старикъ.

Горецъ подошелъ къ Руи-Діасу, не удостоивая итальянца даже взглядомъ.

— Да! я братъ твой, сказалъ онъ. Я тотъ Альваресъ, котораго ты изгналъ, какъ прокаженнаго и котырой теперь простираетъ къ тебѣ свои объятія; тотъ самый Альваресъ, котораго портретъ ты завѣсилъ, чтобъ предки не стыдились его сосѣдства. Этотъ Альваресъ возвратился къ тебѣ послѣ пятнадцати-лѣтнихъ страданій и раскаянія. Ужели ты отвергнешь его? Ужели ты будешь безжалостенъ къ сыну твоей матери, который любилъ тебя такъ нѣжно и искренно, и отдалъ-бы жизнь свою, чтобъ услышать изъ устъ твоихъ одно слово прощенія и забвенія, одно слово, которое-бы изгладило все прошедшее и было бы залогомъ твоего примиренія?... Братъ!...

— Я уже сказалъ тебѣ, что у меня нѣтъ брата.

Это былъ отвѣтъ Руи-Діаса. Быстрыми шагами ходилъ онъ по залѣ. Внутреннее волненіе придавало еще больше важности печальному его лицу. Вспышки гнѣва поднимали иногда грудь его. Горецъ, прислонясь къ стѣнѣ и протянувъ руки, обратилъ на него умоляющіе свои взгляды. Итальянецъ же стоялъ въ глубинѣ залы и высокимъ ростомъ своимъ, казалось, властвовалъ надъ происходившею сценою. Лицо его было также блѣдно и безжизненно; взглядъ также

коваренъ и проницателенъ. Только въ эту минуту торжествующая ненависть его придавала его чертамъ что-то гордое и дикое.

Вдругъ явились Сильвіо и Альваресъ, чтобъ дополнить группу. Они тотчасъ поняли, откуда грозитъ опасность отцу ихъ. Увидя Моргани, они прижались къ отцу, чтобъ защитить его.

Этотъ видъ удвоилъ гнѣвъ Руи-Діаса. Эта дѣтская нѣжность еще болѣе растравляла его раны. Передъ нимъ стоялъ злодѣй, и около него два существа, которые его любили.

— Батюшка; мы здѣсь, съ тобою! сказалъ Сильвіо нѣжнымъ своимъ голосомъ.

Горецъ улыбнулся и пожалъ ребенку руку. Казалось, что видъ юноши придалъ ему силы, потому-что онъ рѣшился сдѣлать еще попытку надъ братомъ.

— Донъ Руи-Діасъ! сказалъ онъ. Ты видишь, что я окруженъ предметами самыхъ святыхъ и драгоцѣнныхъ чувствъ. Думаешь-ли ты, что можно при нихъ говоритъ неправду?

Донъ Руи-Діасъ бытъ слишкомъ благороденъ, чтобъ думать противное. Онъ молчалъ.

— Не смотря на всѣ ужасныя преступленія, въ которыхъ меня обвиняютъ, продолжалъ горецъ, ни одно изъ нихъ не доказано. Я тебѣ сейчасъ сказалъ, что *спасъ* твою дочь, другой говоритъ, что я *укралъ* ее. Но когда я разсказывалъ тебѣ, какимъ образомъ нашелъ ее въ пещерѣ, то вспомни, что я говорилъ о человѣкѣ, который пробѣжалъ мимо меня съ ношею. Этотъ человѣкъ вѣрно узналъ меня, не смотря на тринадцать лѣтъ со дня этого происшествія.

Эта рѣчь, какъ кровавая иронія падала на итальянца. Но мраморное лицо его но обнаружило ни малѣйшаго смущенія, ни одинъ мускулъ, ни одна фибра не пошевилились.

Что-же касается до убійства вашего сына Альфонсо, продолжалъ горецъ, то вотъ Альваресъ, который можетъ вамъ сообщитъ о немъ. И это злодѣйство происходило въ горахъ. Тамъ нѣтъ свидѣтелей, тропинокъ много, легко подкараулить, а пропасти вѣрны и глубоки. Оттуда мертвые не возвращаются . Много прошло лѣтъ послѣ перваго его злодѣянія. Но года, убѣливъ голову злодѣя, не поселили въ ней раскаянія. Человѣкъ, укравшій ребенка, сдѣлался убійцею.

Прошла минута всеобащго молчанія.

Голосъ Редильяса раздавался въ ушахъ Руи-Діаса, какъ зловѣщая труба.

Лицо Альвареса горѣло отъ негодованія при видѣ, что

отецъ его обязанъ былъ оправдываться въ подобныхъ обвиненіяхъ. Онъ даже не постигалъ, чтобъ можно было взводить такія клеветы.

Сильвіо съ гордостью улыбался своему брату и, казалось, говорилъ ему: будемъ любить другъ друга — и злые намъ ничего не сдѣлаютъ.

Что же касается до Руи-Діаса, то умъ его начиналъ уже колебаться. Онъ, правда, не вѣрилъ горцу и желалъ-бы какою нибудь рѣшительною мѣрою освободиться отъ вліянія, которое тотъ пріобрѣлъ надъ нимъ. Но могъ-ли онъ такъ скоро забыть разговоръ его о дочери?

Одинъ Моргани былъ холоденъ и непоколебимъ. Онъ стоялъ и съ лицемѣрною набожностью перебиралъ свои четки. Онъ, казалось, и не слушалъ словъ Редильяса.

— Но это еще не все; продолжалъ горецъ. Я не кончилъ описанія всѣхъ злодѣйствъ. Истина могла открыться и надобно было пріискать виновнаго, на котораго можно бы было все свалить. Въ народѣ былъ распущенъ слухъ, что Альфонсо былъ умерщвленъ въ горахъ и что ратеро скоро будетъ пойманъ. Дѣйствительно, схватили одного человѣка, указали на него и осудили, не выслушавъ. Выборъ былъ хорошъ. По-видимому, жертва была незначуща. Никому не нужно было защищать ее; никто ее не зналъ. Она взведена была на эшафотъ.... Но Богъ не дозволилъ, чтобъ невинный погибъ и, въ свою очередь, эта жертва явно обвиняетъ убійцу. Онъ здѣсь, Руи-Діасъ, въ твоемъ домѣ, передъ тобою.

— Что ты хочешь сказать? вскричалъ старикъ.

Редильясъ съ торжественностью обратился къ портретамъ, висѣвшимъ по стѣнамъ.

— О вы, благородные предки моего семейства! вы, слѣдившіе за всѣми поступками моей жизни! Васъ призываю я въ свидѣтели оскорбленія, нанесеннаго мнѣ въ отеческомъ моемъ домѣ. Меня обвиняютъ въ гнусныхъ преступленіяхъ — и я долженъ былъ унизиться до того, чтобъ оправдываться. Будьте же вы судьями между мною и виновнымъ. Предъ вами и предъ Руи-Діасомъ обвиняю громогласно Моргани. Онъ укралъ твою дочь.

Альваресъ и Сильвіо съ жаромъ прибавили:

— Онъ убилъ твоего сына!

— Онъ предалъ насъ алькаду.

Итальянецъ приблизился.

— Я предвидѣлъ эти обвиненія, — сказалъ онъ, не подни-

мая глазъ и не обнаруживая ни малѣйшаго смущенія. Я бы о нихъ ни мало не безпокоился, еслибъ не нужно было обличить злодѣя. Сцена эта слишкомъ долго продолжается, и мнѣ не много надо словъ для оправданія себя. Сеньоръ Руи-Діасъ! У васъ былъ братъ и служитель. Впродолженіе двадцати лѣтъ господинъ всегда видѣлъ при себѣ служителя вѣрнымъ, честнымъ и усерднымъ къ пользамъ и чести дома; и въ печали, и въ опасности служитель слѣдовалъ за господиномъ, какъ тѣнь, какъ мысль. Братъ-же попралъ ногами честь дома, остававшуюся безъ пятна впродолженіе дѣсяти поколѣній; братъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, ограбя сокровища своего брата; наконецъ, братъ измѣннически поразилъ кинжаломъ жену своего брата. Кто-же былъ изъ этихъ людей истиннымъ братомъ? Пусть самъ господинъ рѣшитъ между нами. Объ этомъ недостойномъ братѣ забыли уже совсѣмъ въ здѣшнемъ замкѣ, какъ вдругъ либимое дитя изчезло, а недавно очередь дошла до вашего сына, Руи-Діасъ. Молодой человѣкъ подавалъ величайшія надежды и былъ, замѣтьте, вашимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Теперь вы одни; горе состарило васъ; смерть близка, можетъ быть, и все ваше огромное богатство достанется этому брату, который только и ждетъ этого, какъ плода всѣхъ своихъ трудовъ и преступленій. Прошедшее служитъ ручательствомъ за будущее: прошедшее было трикратно преступно, что же будетъ въ будущемъ?

Моргани поклонился и замолчалъ.

Какія обвиненіи! Какая борьба! Каждое слово было ударомъ кинжала для сердца Руи-Діаса; каждое слово раскрывало прежнія раны; каждое воспоминаніе вызывало чью нибудь тѣнь, или какое нибудь страданіе. Какое единоборство между Редильясомъ и Моргани! и мѣстомъ боя было родительское сердце, а оружіемъ—гнуснѣйшія обвиненія въ убійствѣ, грабежѣ и въ постыднѣйшихъ намѣреніяхъ.

Бѣдный Руи-Діасъ! что ему было выбрать между двадцати-лѣтнею вѣрностью испытаннаго слуги и преступленіями своего брата! Но онъ еще колебался, до того узы крови всегда святы въ сердцѣ.

— Дона Карменъ была прелестна, шепнулъ итальянецъ на ухо Руи-Діаса. Она васъ любила, а передъ вами убійца ея.

— Уведите этого несчастнаго! съ яростью вскричалъ Руи-Діасъ, и вышелъ въ совершенномъ отчаяніи.

Нѣсколько слугъ вошли и окружили горца.

— Ну, что! сказалъ итальянецъ, и голосъ его усилился,

а глаза заблистали торжествомъ. Не правъ-ли я былъ сегодня по утру, говоря тебѣ у алькада: часъ мщенія моего насталъ!

— И здѣсь, какъ у алькада, Моргани, я скажу тебѣ въ отвѣтъ: нѣтъ еще!

—

V.

ЦАРИЦА ПРАЗДНИКА.

О, Испанія! Какъ ночи твои прелестны! Какъ восхитительно твое небо, усѣянное яркими звѣздами! Земля любви и романовъ, сказалъ Бейронъ! Въ особенности-же Андалузія, этотъ цвѣтокъ земнаго творенія, этотъ поясъ красоты, сотканный изъ розъ, жасминовъ и магнолій, какъ прекрасны твои красавицы, твои пылкіе юноши и твоя прелестная полночь съ ея таинственностію, серенадами, синьоринами съ бархатными глазками, съ ея пѣсьнями, цвѣтами и поэзіею.

Полночь! — Дуэны стоятъ у калитокъ; молодыя дѣвушки на балконѣ; подъ балкономъ прячется счастливецъ. Это часъ, въ который засыпаютъ городскіе фонари, опекуны и корежидоры. Полночь! это иногда часъ мщенія обманутыхъ супруговъ.

Насталъ пріятный часъ. У Дона Руи-Діаса великолѣпный праздникъ. Гости разсыпались по парку. Ко всѣмъ красотамъ природы присоединилось искусство и создало что-то волшебное. Вездѣ блестятъ фонари, люстры, жирандоли. Они тысячами разсыпаны по кіоскамъ, по аллеямъ и по изгородямъ. Огоньки синіе, розовые, бѣлые и зеленые, взвиваются на высоту, разлетаются и опять спускаются въ видѣ тысячи ракетъ и сноповъ. Гдѣ-же ночь? Все свѣтло.

Загремѣла музыка. Вотъ очередь быстрымъ и легкимъ ногамъ. Танцующія пары свиваются, какъ змѣи, толпятся, смѣшиваются. Но, пробѣжавъ пламеннымъ взоромъ всѣхъ красавицъ, я ищу царицу праздника.

Что это за блѣдная фигура, что за отвратительное привидѣніе? Всѣ даютъ ему дорогу, шепчутся между собою. Донъ Руи-Діасъ представляетъ его всему кастильскому дворянству, какъ будущаго своего зятя, и улыбка радости этого зятя похожа больше на гримасу. Не угадаешь съ перваго взгляда: участникъ-ли онъ празднества, или исполнитель какого нибудь мщенія. Но подлѣ него нѣтъ царицы праздника.

Посмотрите на Руи-Діаса, какъ веселъ этотъ добрый старикъ. Онъ подаетъ всѣмъ руку и всѣхъ обнимаетъ. Походка его быстра; онъ улыбается. Съ нимъ происходитъ что-то необычайное. Но и подлѣ него нѣтъ царицы праздника.

— Сеньоръ кавалеръ, сказалъ молодой крестьянинъ, старавшійся пробраться въ садъ, одному изъ гостей. Не знаете-ли вы Пачеко?

— А кто это? спросилъ кавалеръ.

— Пачеко мой двоюродный братъ, здѣшній садовникъ.

— Такъ какъ-же мнѣ знать его, глупецъ!

— Виноватъ, сеньоръ! Дѣло въ томъ, что онъ обѣщался показать мнѣ всѣхъ здѣшнихъ дамъ и кавалеровъ.... Ахъ, Боже мой! Да ваша мантія вѣрно изъ чистаго золота.... Какъ она блеститъ.... глазамъ больно!... Да и вы какой молодецъ....

— Я вижу, ты не глупъ, сказалъ кавалеръ, закручивая свои усы. На, вотъ, подержи мою мантію, покуда я буду танцовать, а послѣ отыщешь своего Пачеко.

Молодой крестьянинъ накинулъ на себя этотъ плащъ и смѣло пошелъ по саду. Всѣ смотрѣли на него; особливо женщины, которыя между всѣми гостями не видѣли такого красавца. Но юноша не смотритъ ни на кого и пробирается все дальше и дальше. Чего же онъ ищетъ? Вотъ онъ вступилъ въ темныя аллеи. Звуки музыки становились слабѣе.... Свѣтъ огней изчезъ.... одна луна озаряетъ эту бесѣдку изъ померанцовыхъ деревъ. Тамъ сидитъ женщина, печально склонясь на руку головою.... Молодой человѣкъ быстро подходитъ къ ней.

— Альваресъ! вскричала она.

— Сильвіо!... братъ мой.... Но что это значитъ?

— Ты не узнаешь меня?

— Голосъ Сильвіо!... Но это платье....

— Да! я и забыла тебѣ написать, что твоего Сильвіо зовутъ уже Флоритою....

Поблѣднѣвшій Альваресъ опустилъ руки, которыя уже протянулъ, чтобъ обнять Сильвіо.

— Но что-же значитъ этотъ праздникъ?...

Флорита поблѣднѣла въ свою очередь, — и опустя голову, едва внятнымъ голосомъ прошептала:

— Мой отецъ — Руи Діасъ — выдаетъ меня сегодня замужъ за итальянца Моргани....

— Что говоришь ты, Флорита?

— О! не называй меня этимъ именемъ!... Ты мой братъ, а я твой Сильвіо.

— Тебѣ выйти за убійцу?... О! хорошо, что я поспѣлъ во-время. Убѣжимъ, Сильвіо! Скорѣе! Горы ожидаютъ насъ....

Вскорѣ всѣ огни въ саду потухли — и гости разошлись. Донъ Руи уже не улыбался. Моргани былъ блѣднѣе ночнаго привидѣнія.

Все празднество прекратилось. Царица праздника изчезла.

—

VI.

БѢГСТВО.

Альваресъ увезъ Флориту. Съ быстрою рѣшимостью успѣлъ онъ тотчасъ-же все устроить къ этому бѣгству. Какой-то погонщикъ муловъ ждалъ у дверей *Венты* двухъ запоздалыхъ путешественниковъ. Альваресъ, не входя съ нимъ въ переговоры, приподнялъ дѣвушку и посадилъ на одно сѣдло, самъ вскочилъ на другое ... Мулы пятятся, хотятъ лягаться.... погонщикъ бросается на Альвареса, но тотъ бросаетъ ему въ лицо кошель съ дублонами. Подхватя этотъ неоскорбительный ударъ и взглянувъ въ кошелекъ, погонщикъ остановился, какъ вкопаный.

Долго стоялъ онъ въ этой пріятной позѣ, какъ вдругъ услышалъ топотъ скачущихъ всадниковъ. Передній былъ высокій кавалеръ на превосходной лошади; за нимъ слѣдовали двое слугъ. Кавалеръ, увидя погонщика, считающаго деньги, остановился и закричалъ:

— Эй, другъ! подойди сюда!

Погонщикъ подошелъ.

— Гдѣ твои мулы?

— Щиплютъ траву на дворѣ.

— Или скачутъ при лунномъ свѣтѣ по дорогѣ въ горы?

— Быть можетъ, если имъ пришла такая фантазія, — хладнокровно отвѣчалъ погонщикъ.

— Кто у тебя ихъ взялъ?

— А вотъ этотъ кошелекъ, въ которомъ я нашелъ двадцать пять дублоновъ.

— Такъ вотъ тебѣ прибавка!...

Это была самая полновѣсная пощечина.

— Говори! Кто взялъ у тебя муловъ?

— Молодой кавалеръ красивой наружности, — отвѣчалъ погонщикъ, очень учтиво снявъ шляпу. Ему лѣтъ двадцать, не больше.

— Не было-ли съ нимъ молодой женщины, которую онъ называлъ Флоритою?

— Была, — въ бѣломъ платьѣ.

— Сказали-ли они, куда ѣдутъ?

— Когда они вскочили на муловъ, то молодой человѣкъ взялъ дѣвушку за руку и сказалъ; не бойся ничего, сестра. Я возвращу тебя въ домъ отца.

Съ быстротою молніи понесся высокій незнакомецъ. Если-бы суевѣрный человѣкъ увидѣлъ его въ этотъ полночный часъ, скачущимъ такимъ бѣшенымъ галлопомъ, то вѣрно принялъ-бы за злаго демона, летящаго на чью-нибудь погибель.

— Въ самую минуту торжества такая неудача! — сказалъ черный кавалеръ. — Какое-то предчувствіе стѣсняетъ грудь мою. Я даже начинаю терять свое неизмѣнное хладнокровіе. Неуже-ли всѣ труды двадцати-лѣтняго моего мщенья должны погибнуть? Нѣтъ! быть не можетъ! Но это мщеніе.... въ немъ вся жизнь съ самой той минуты, какъ кинжалъ его пригвоздилъ мою руку къ игорному столу. О! какъ я ихъ всѣхъ ненавижу! — Скоро я одинъ буду властвовать въ твоемъ замкѣ, Руи Діасъ. Ты и вся твоя семья, вы всѣ будете лежать мертвы у ногъ моихъ. Я буду тогда и молодъ, и прекрасенъ, и могуществен, потому что буду богатъ. Скорѣй, скорѣй, мой конь! какой-то пламень пожираетъ меня. Неси меня къ лютѣйшему моему злодѣю. Со мною ты несешь ему смерть.

Разскажемъ однако читателямъ, что случилось съ Редильясомъ съ той минуты, какъ Моргани задержалъ его.

Полный успѣхъ увѣнчалъ пронырства Моргани. Онъ не только оправданъ былъ въ глазахъ Руи Діаса, но еще ужасныя обвиненія пали на обвинителя. Онъ навсегда положилъ преграду къ примиренію братьевъ. Для этого онъ зналъ, что ему только стоило напомнить о *красномъ башмачкѣ*. Какая-же кровавая исторія скрывалась въ этомъ воспоминаніи? Одинъ итальянецъ зналъ эту тайну и умѣлъ ею пользоваться.

Оставшись одинъ съ Редильясомъ, Моргани велѣлъ отвести его въ городскую тюрьму. Горецъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія. Будучи также спокоенъ въ цѣпяхъ, какъ на эшафотѣ, онъ обнаруживалъ удивительное мужество. Альваресъ не понималъ, что значитъ это равнодушіе отца,

который былъ всегда такъ рѣшителенъ и отваженъ. Онъ внутренно страдалъ, видя, что отецъ его улыбается, какъ будто съ нимъ ничего не случилось особеннаго.

— Батюшка! — шепталъ онъ ему, когда его вели въ тюрьму. Ихъ всего четверо. Братъ Сильвіо поможетъ, — и мы тебя освободимъ.

Но отецъ отвергъ это предложеніе.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ уже сидѣлъ въ мрачныхъ стѣнахъ темницы, а двое дѣтей его печально шли по дорогѣ въ горы.

Донъ Руи-Діасъ съ своей стороны ничего не зналъ о заключеніи брата. Онъ ни о чемъ уже не спрашивалъ. Надежда, на одну минуту блеснувшая душѣ его — увидѣть потерянную дочь, — опять изчезла и навсегда. Изгнанный и враждебный братъ вѣрно уже теперь не согласился-бы открыть ея убѣжища. Всѣ прежнія его страданія ничего не значили противу тѣхъ, которыя онъ теперь ощущалъ, вторично потерявъ ее.

Вдругъ однажды получилъ онъ письмо отъ брата, которое принесъ Сильвіо. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Сеньоръ Руи-Діасъ!

«Я свободенъ. Цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ я въ тюрьмѣ и ждалъ, чтобъ вы пришли ко мнѣ съ вопросомъ: гдѣ-же моя дочь? — Неуже-ли вы не знали, что меня по вашему приказанію посадили въ тюрьму?

«Теперь я свободенъ, — потому-что захотѣлъ быть на свободѣ. Я бѣгу не отъ суда, а отъ вашего непростительнаго забвенія.

«Исполняю мое обѣщаніе, — и возвращаю вамъ вашу дочь. Вы сами спасли ее отъ казни. Это Сильвіо.

«Любите ее, — и позвольте, чтобъ она иногда говорила вамъ о томъ, кто любилъ ее, какъ собственное свое дитя.»

Сильвіо стоялъ предъ Руи Діасомъ. Онъ не звалъ о содержаніи письма. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда исполня свое порученіе, можетъ онъ опять воротиться въ горы и обнять брата своего Альвареса.

Письмо выпало изъ рукъ старца. Сильвіо хотѣлъ было поднять его, но Руи-Діасъ схватилъ его за руку и повлекъ съ судорожною силою къ окну; тутъ осмотрѣлъ онъ его бѣглымъ взоромъ, съ живостію ухватилъ лѣвую его руку, разодралъ на ней одежду и съ радостнымъ изступленіемъ вскричалъ:

— Три знака!.. Она! она!... О! милосердый Боже! благодарю тебя! я нашелъ свою дочь.

Съ-тѣхъ-поръ Флорита носила уже одежду своего пола.

Но новое счастіе не долго радовало ее. Она вздыхала, чувствуя, что между ею и братомъ ея Альваресомъ воздвиглась преграда. Впрочемъ, если Сильвіо былъ прелестный мальчикъ, то Флорита была рѣдкая красавица. Наивность воспитанія и мечтательность души придавали ей непостижимую прелесть.

Четыре мѣсяца продолжалась эта новая, небывалая для нея жизнь. Иногда съ безпокойствомъ спрашивала она отца объ участи друзей своихъ, живущихъ въ горахъ; разсказывала ему эпизоды о своемъ прошедшемъ, о любви и заботливости Редильяса.... Но она ни разу не произнесла имени Альвареса, хотя имя его безпрестанно повторялось въ ея сердцѣ. — Любовь и стыдливость представляютъ такія физіологическія тайны, что опредѣлять ихъ и разбирать значило-бы помрачать.

Самъ-же Альваресъ не являлся въ Эсихѣ; отецъ нарочно скрылъ отъ него судьбу Сильвіо. Онъ предчувствовалъ любовь этихъ дѣтей и долженъ былъ теперь пріучать ихъ къ вѣчной разлукѣ, потому-что судьба Флориты зависѣла уже отъ отца ея.

Донъ Руи-Діасъ согласился въ это время наградить вѣрную службу Моргани, выдавъ за него единственную свою дочь и наслѣдницу. Нужно-ли говорить, что Флорита чувствовала только ужасъ и отвращеніе при видѣ назначеннаго ей супруга. Не смѣя явно противиться воли неумолимаго отца, она однако-же рѣшилась лучше погибнуть, нежели вступить въ этотъ противный бракъ. Она рѣшилась написать къ Альваресу, и не говоря ему ни о чемъ, требовала только, чтобъ онъ явился для ея спасенія въ такой-то день, часъ и такое-то мѣсто. Она писала ему еще, какъ братъ Сильвіо, и расчитывала, что въ суматохѣ праздника бѣгство всего удобнѣе и вѣрнѣе.

Мы видѣли, какъ все это удалось, и какъ теперь они бѣжали въ горы на отнятыхъ мулахъ.

Ночь была тиха. Звѣзды сіяли во всей своей красѣ. Издали горы воздымали остроконечныя свои вершины Дорога къ нимъ вилась по чернымъ тѣснинамъ, окруженнымъ бездонными пропастями. Изрѣдка эта дорога превращалась въ узенькія тропинки, заваленныя каменьями, обрушившимися съ вершины.

Альваресъ и Флорита достигли уже до тѣснины «del Roca», но тутъ утомленные мулы пошли шагомъ и то часто спотыкались. Тропинки болѣе и болѣе съуживались, груды камней становились чаще.

— Каково тебѣ, Флорита? спросилъ озабоченный Альваресъ.

— Я счастлива, потому-что ты со мною, отвѣчала она.

— Не пугаетъ-ли тебя прежняя наша жизнь въ горахъ?

— О нѣтъ! я ее предпочитаю той роскоши, въ которой жила эти четыре мѣсяца.

— И ты не сожалѣешь о покинутыхъ богатствахъ?

— На что они мнѣ?

— И ты опять будешь жить какъ Сильвіо?

— Эта была самая пріятная жизнь.

— И по прежнему любить своихъ друзей?

— Зачѣмъ-же я и ушла?

Альваресъ былъ внѣ себя отъ восторга. Ему хотѣлось-бы отвѣчать на это тысячью фразами любви и нѣжности, но для этого надлежало быть смѣлымъ, а счастье всегда такъ робко. Но если въ неопытныхъ рѣчахъ ихъ ни слова не слышно было о любви, то глаза ихъ тысячу разъ повторяли: я люблю тебя.

Какъ ночь тиха и прекрасна! сказала Флорита. — Она вливаетъ въ сердце какую-то задумчивость; она осыпаетъ восхитительными благоуханіями; она усыпаетъ мысли и наполняетъ душу самыми сладостными чувствами.... Укроти, Альваресъ, бѣгъ нашихъ муловъ, чтобъ можно было насладиться этою ночью.

— Я тебя слушаю, Флорита, отвѣчалъ Альваресъ, и каждый звукъ твоего голоса кажется мнѣ жемчужиною, падающею на мое сердце. Голосъ Сильвіо былъ тоже сладкозвученъ, но я этого не замѣчалъ. Теперь-же я всю жизнь-бы провелъ, слушая тебя. Теперь онъ пробуждаетъ во мнѣ безвѣстные отголоски, разливаетъ по жиламъ моимъ какой-то волшебный огонь и производитъ во мнѣ мечтательную задумчивость. Мнѣ кажется, что до-сихъ-поръ жизнь моя была продолжительнымъ дѣтствомъ. Теперь только чувствую, что я возмужалъ...

Флорита покраснѣла, сама не зная отъ чего.

Мулы, отдохнувшіе во время этого разговора, пустились опять вскачь.... Изъ-подъ ногъ ихъ вылетѣла сова, испуская зловѣщіе крики.

Флорита вздрогнула и прижалась къ Альваресу. Сердце ея сильно забилось...

— Боже мой! скоро-ли мы пріѣдемъ? сказала она.

Альваресъ остановилъ на минуту муловъ... Позади ихъ послышался топотъ коней.

Сильно пришпоривъ муловъ, они опять понеслись, но топотъ все болѣе и болѣе приближался. Они въ эту минуту въѣзжали на крутизну.

— Если мы успѣемъ добраться до вершины, то спасены, сказалъ онъ.

Онъ зналъ, что на той сторонѣ склона стоитъ домъ отца его.

Но преслѣдователь ближе и ближе догонялъ ихъ. Мулъ Флориты споткнулся и упалъ. Альваресъ остановился и быстро пересадилъ ее къ себѣ... Но въ это время блѣдный всадникъ уже былъ близко.

Альваресъ усиливаетъ бѣгъ своего мула, но тотъ колеблется подъ двойною тяжестію.

— Ободрись, Флорита! вскричалъ Альваресъ; вотъ домъ отца моего.

Дѣйствительно, въ купѣ деревъ виднѣлся сельской домикъ, прислонившійся къ горѣ.

— Мы погибли! вскричала Флорита, узнавъ итальянца. Это онъ!

Всѣ вдругъ прискакали къ двери домика. Моргани бросился какъ голодный тигръ на Альвареса.

— А! волченокъ! это ты! сказалъ онъ съ яростью. И ты смѣлъ бороться со мною? Умри-же, и пусть первымъ предметомъ, который поразитъ завтра отца твоего, будетъ трупъ любимаго его сына.

— Батюшка, помогите! кричалъ Альваресъ.

Флорита кричала тоже и уцѣпилась за Моргани, противъ котораго Альваресъ оборонился всѣми силами своего отчаянія.

Но дверь все еще не отпиралась: никто не являлся. Альваресъ, пораженный кинжаломъ, уже исходилъ кровью. Итальянецъ, не ожидавшій такого сильнаго сопротивленія, поразилъ его еще разъ. Послѣдній крикъ отчаянія исторгся изъ груди юноши. Онъ упалъ, увлекши въ паденіи Моргани. Флорита подхватила кинжалъ, выпавшій изъ рукъ итальянца.

Вдругъ дверь домика отворилась съ шумомъ. Вышла женщина высокаго роста и величественной осанки. Она бросилась къ группѣ сражающихся и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Моргани, который приподнимался, пораженный

слабою рукою Флориты. Видь этой женщины привелъ итальянца въ какое-то оцѣпѣненіе.

— Дона Карменъ! вскричалъ онъ глухимъ голосомъ.... *Красный башмачекъ!*... Ахъ! Развѣ мертвые уже возстаютъ изъ гробовъ?

—

VII.

ДОНА КАРМЕНЪ.

Новое лицо, такъ кстати явившееся, чтобъ помѣшать торжеству Моргани, составляло невидимую цѣпь всей повѣсти. Мы уже видѣли, что Руи-Діасъ любилъ ее; что Моргани употребилъ ея имя, какъ могущественнѣйшій талисманъ, чтобъ не допустить примиренія братьевъ и что Ридильясъ былъ обвиненъ въ убійствѣ этой женщины. Посмотримъ же на прошедшее, чтобъ познакомиться съ нею.

. . . . . .

Вся мадритская знать была приглашена на свадьбу къ дону Руи-Діасу, которая должна была праздноваться черезъ три дня. Онъ женился на питомицѣ своей, донѣ Карменъ, только-что окончившей воспитаніе свое въ провинціяльномъ монастырѣ, гдѣ тетка ея была настоятельницею. Едва только дѣвушка эта пріѣхала въ столицу, какъ уже ей объявили, что она черезъ три дни должна выйти замужъ за опекуна своего. О согласіи ея никто не спрашивалъ: бракъ этотъ былъ слѣдствіемъ фамильнаго договора. Даже въ бытность ея въ монастырѣ никто не предварилъ ее объ этомъ.

Едва слухъ объ этомъ бракѣ разнесся по Мадриту, какъ, по обыкновенію, начались догадки и пересуды. Будущему супругу было уже за сорокъ; лобъ его былъ покрытъ морщинами, а въ бородѣ были уже сѣдые волосы. Невѣстѣ было только шестнадцать лѣтъ. Надъ этимъ неравнымъ бракомъ острились всѣ молодые любезники и всѣ старыя дѣвы.

Сама дона Карменъ съ видимою неохотою повиновалась этому семейному распоряженію. Сердце ея уже было несвободно. Въ томъ городѣ, гдѣ она воспитывалась, видала она часто молодаго офицера, съ которымъ сперва переговорила глазами, и когда этотъ важнѣйшій разговоръ былъ конченъ къ полному удовольствію обоихъ, то начались словесныя объясненія, а иногда и пожатія рукъ.—Но въ эти лѣта довольствуются самыми незначущими фразами, а о

тѣхъ, которыя по-нужнѣе, не думаютъ, Притомъ-же свиданія влюбленныхъ были самыя кратковременныя, украдкою, мимоходомъ. Молодой человѣкъ былъ вхожъ къ ея теткѣ и тоже видимо былъ ей близкая родня, потому – что всегда звалъ ее: тетинька. Но какъ было спросить, кто онъ, въ какой степени родня Да ей даже казалось это совсѣмъ не нужнымъ. Она знала, что его зовутъ Альваресомъ и что онъ безъ ума въ нее влюбленъ. Этого было довольно шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ.

Когда же насталъ срокъ отправленія въ Мадритъ, Альваресъ поклялся, что еще прежде ея туда пріѣдетъ и будетъ просить руки ея, и въ первый же день пріѣзда явится къ ней въ полночь подъ балкономъ, на который и она выйдетъ, чтобъ сообщить обо всемъ, что успѣетъ узнать о будущей своей участи.

Дѣйствительно, едва она успѣла пріѣхать въ домъ своего опекуна, какъ уже тотъ объявилъ ей о предназначенномъ черезъ три дня бракѣ, и отвелъ ей особыя комнаты. Потомъ, напечатлѣвъ на челѣ ея отеческій поцѣлуй, оставилъ ее одну, чтобъ она могла безпрепятственно подумать, помечтать, порадоваться, или погоревать. Въ мечтахъ объ Альваресѣ провела она весь вечеръ и, сидя на балконѣ, съ нетерпѣніемъ ждала Альвареса. Еще за четверть часа до полуночи явился онъ на своемъ посту и увидя, что дона Карменъ на балконѣ, съ удивительною ловкостью и дерзостью вскорабкался къ ней. Разговоръ ихъ былъ непродолжителенъ.

— Альваресъ!—сказала она съ горестью: намъ надобно разстаться; черезъ три дня я должна выйти замужъ.

— Черезъ три дня! какой вздоръ!—вскричалъ Альваресъ. А я въ сегоднишнюю-же ночь увезу тебя. Согласна-ли ты?...

— Но если это дурно, Альваресъ?...

— Нѣтъ, обожаемая дона Карменъ. Ты оставляешь ненавистнаго жениха и избираешь того, кого любишь. Противный бракъ обѣщаютъ тебѣ черезъ три дня, а нашъ будетъ завтра поутру.

— Но твое семейство позволитъ-ли?

— У меня нѣтъ семейства.... одинъ только старшій братъ, которому все равно, на комъ-бы я ни женился.

— Но мой опекунъ.... ты не знаешь его....

— И знать не хочу.... Когда ты будешь моею женою, то успѣю еще познакомиться....

— Боже мой!... Бѣги, Альваресъ.... Вотъ онъ воротился изъ дворца... можетъ быть, онъ ко мнѣ зайдетъ, или за мною

пришлетъ....Бѣги....черезъ два часа я буду опять на балконѣ....

— И я тоже.... Между тѣмъ я все приготовлю.... Прощай, обожаемая моя невѣста.... жди своего вѣрнаго жениха.

Онъ ушелъ и на улицѣ началъ думать о средствахъ къ похищенію. Оно было очень легко, но совершеніе брака представляло гораздо болѣе затрудненій. Опекунъ доны Карменъ долженъ быть значущій человѣкъ и вѣрно по-утру объявитъ вездѣ о похищеніи. Сообщено будетъ вездѣ запрещеніе вѣнчать его съ доною Карменъ; слѣдственно, надобно было уѣхать изъ Мадрита, чтобъ по-утру обвѣнчаться гдѣ-нибудь, куда еще запрещеніе не могло достигнуть.

На все это нужны были деньги, а чтобъ получить, надобно было обратиться къ управителю старшаго брата, къ итальянцу Моргани, котораго онъ терпѣть не могъ. Да и гдѣ найти его ночью. Онъ зналъ, что этотъ человѣкъ шатался по ночамъ и промышлялъ себѣ деньги по игорнымъ домамъ. Онъ ему, бывало, часто тамъ проигрывалъ ночью, что днемъ получалъ отъ него по доходамъ съ имѣнія.

Задумчиво шелъ онъ по темной улицѣ.... Вдругъ при поворотѣ у фонаря увидѣлъ двухъ людей, которые дрались на шпагахъ. Въ Испаніи это самое обыкновенное дѣло. У балкона красавицы соберутся нѣсколько обожателей, чтобъ дать серенаду. Тотчасъ-же изъ-за этого ссора и дуэль. Изъ любопытства подошелъ онъ къ сражавшимся, и въ одномъ изъ нихъ узналъ своего знакомца Моргани, о которомъ только что думалъ.

Съ легкомысленностію юноши бросился онъ между ними и сказалъ:

— Господа! Если вы для препровожденія времени деретесь, то сдѣлайте милость отложите свой поединокъ до утра. Мнѣ въ эту минуту очень нуженъ сеньоръ Моргани, и я его прошу пойти со мною на минуту. Если же онъ или противникъ его, недовольны тѣмъ, что я остановилъ ихъ бой, то я съ удовольствіемъ готовъ завтра дать удовлетвореніе кому и какое угодно.

Бойцы остановились, посмотрѣли на Альвареса и взглянулись между собою миролюбивымъ образомъ.

— Всякой другой поплатился бы мнѣ за это странное вмѣшательство, — сказалъ Моргани, — но съ такимъ сумазбродомъ, какъ мой почтенный господинъ Альваресъ, дѣлать нечего.

Сражавшіеся разошлись, а Моргани пошелъ съ Альваресомъ.

— Ну, что вамъ надобно отъ меня? спросилъ его Моргани.

— Всегда одно и тоже—денегъ! отвѣчалъ Альваресъ.

— Помилуйте! теперь, ночью! Пожалуйте завтра ко мнѣ.

— Завтра меня не будетъ въ Мадритѣ. Черезъ часъ долженъ я похитить удивительную дѣвушку у какого-то стараго скряги опекуна, который хочетъ на ней жениться. Завтра по-утру я обвѣнчаюсь, а ввечеру, пожалуй, привезу ее и представлю старшему брату.

— А что онъ скажетъ, когда узнаетъ всю эту исторію, которая, вѣрно, надѣлаетъ шумъ въ Мадритѣ?...Да у кого вы похищаете питомицу? какъ ее зовутъ?

— У кого похищаю? право не спросилъ. Да некогда и было. Сегодня только пріѣхалъ сюда; только на минуту могъ увидѣться съ доною Карменъ и ничего не успѣлъ....

— Дона Карменъ? вскричалъ Моргани....

— Да! А что, развѣ ты ее знаешь? ..

Какое-то мрачное удовольствіе блеснуло въ глазахъ Моргани.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ.... Такъ, что-то слышалъ.... А хороша она собою?

— Выше всѣхъ вашихъ мадритскихъ красавицъ.... Но дѣло не въ томъ. Давай деньги и пиши росписку....

— Пойдемте, сказалъ Моргани съ нѣкоторою задумчивостью.

— Куда же?

— Теперь, кромѣ игорныхъ домовъ, вездѣ заперто.

— Ты вѣрно хочешь половину росписки отыграть сперва.... Но, право, мнѣ некогда.... я еще долженъ нанять карету и привести ее къ дому той дѣвушки....

— Да вѣдь я и не намѣренъ задерживать васъ....

Говоря такимъ образомъ, пришли они въ одинъ изъ тѣхъ вертеповъ, гдѣ собираются несчастныя жертвы гнусной страсти къ картамъ. Зала была полна и игроки группами сидѣли за разными столами.

Сперва Моргани, имѣвшій всегда при себѣ туго набитый кошелекъ, выдалъ Альваресу требуемую имъ сумму и взялъ съ него росписку.

— Теперь, я бы предложилъ вамъ сыграть на нѣсколько реаловъ, сказалъ Моргани; но нѣтъ! вы сегодня должны быть чертовски счастливы. Какъ? пріѣхать изъ провинціи въ Мадритъ! Въ пять минутъ уговорить дѣвушку, чтобъ она бѣжала съ вами! Найти потомъ ночью на улицѣ человѣка, который снабдилъ васъ деньгами! Черезъ часъ уѣхать и

завтра быть мужемъ первой красавицы въ Мадритѣ, нѣтъ! Вы должны быть во всемъ непобѣдимы.

— Распѣвай, хитрая сирена, съ хохотомъ удовольствія отвѣчалъ Альваресъ. Понимаю я твои тонкости. Ты задѣваешь мое самолюбіе, но смотри, не ошибись: я въ самомъ дѣлѣ можетъ быть отыграю у тебя всѣ свои прежніе проигрыши. Изволь! я тебѣ могу подарить полчаса. Только помни уговоръ. Деньги, которыя у тебя взялъ, мнѣ необходимы. Если я буду такъ глупъ что проиграю ихъ тебѣ, то ты долженъ снова дать мнѣ эту же сумму!

— Сеньоръ Альваресъ, съ униженностію отвѣчалъ Моргани. У васъ есть наслѣдственнаго имѣнія триста тысячъ реаловъ. Изъ нихъ, правда, вы уже умѣли перебрать у меня около ста, но покуда въ моемъ распоряженіи будетъ хоть десять льярдовъ, вы смѣло можете брать у меня сколько угодно.

Они начали играть.

Черезъ четверть часа вся сумма уже возвратилась въ карманъ Моргани, и Альваресъ съ бѣшенствомъ далъ еще росписку, продолжая играть.

Черезъ нѣсколько минутъ бѣшеной игры изчезла и эта сумма. Потомъ еще такая же, потомъ еще.

Черезъ часъ Моргани отложилъ карты и хладнокровно составя счетъ, объявилъ Альваресу, что ему уже нечего проигрывать, потому-что все родовое его имѣніе показано было въ полученіи на роспискѣ.

Какъ громомъ пораженный стоялъ юноша, трепеща отъ ярости. Демонъ игры все еще подстрекалъ его, но ужасное слово: тебѣ не на что уже играть, оковывало всѣ его мысли.

— Но помни уговоръ, Моргани, сказалъ онъ глухимъ голосомъ. Ты долженъ мнѣ дать двѣ тысячи реаловъ для извѣстнаго тебѣ предпріятія.

— Извините, сеньоръ Альваресъ; я обѣщалъ давать вамъ до-тѣхъ-поръ, пока у васъ что-нибудь останется отъ трехъ сотъ тысячъ реаловъ; наслѣдства у васъ теперь никакого нѣтъ, и я не могу давать деньги, не имѣя надежды получить ихъ.

— Бездѣльникъ!

— На брань могъ бы я отвѣчать такою-же бранью, но вѣдь это ни къ чему не поведетъ насъ. Вѣдь все дѣло въ томъ, что вамъ хочется еще играть, а не похищать красавицъ. Безъ денегъ худо вамъ будетъ жить и съ красавицею. Любовь всегда улетаетъ въ окно, когда голодъ входитъ въ дверь. Послушайте, я докажу вамъ, что я добрый малый. На что вамъ теперь дона Карменъ, Проиграйте мнѣ ее....

— Какъ ты смѣешь!...

— Да полно бѣситься! Разсудите свое положеніе и поймите: у васъ ровно ничего нѣтъ. Вамъ хочется играть и отыграться. Можетъ быть, счастье и поворотится. Великодушнѣе меня поступить нельзя: я вамъ предлагаю за дону Карменъ сто тысячъ реаловъ. Если-же вы ихъ проиграете мнѣ, то я съ вашею роспискою въ уступкѣ мнѣ вашей невѣсты, явлюсь къ ней и предложу ей мою руку. Если она согласится принять ее, то вы не имѣете права препятствовать, если-же откажется, то мы квитъ, вотъ и все.

— Давай! я согласенъ!

Росписка заранѣе написана, и игра съ новымъ жаромъ возобновилась. Но почему-то Альваресъ сдѣлался теперь внимательнѣе и хладнокровнѣе. Онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ итальянца. Проигрышъ его продолжался съ тою же ожесточенностію судьбы.... Вдругъ онъ замѣтилъ, что Моргани плутуетъ и что карты фальшивы....

— Идетъ на все остальное, вскричалъ онъ и подвинулъ болѣе пятидесяти тысячъ.

Разумѣется карта его проиграла, но въ ту самую минуту, какъ Моргани ее передергивалъ, Альваресъ съ непостижимою быстротою прокололъ ему руку и колоду своимъ кинжаломъ.

— Если карты не фальшивы, то я виноватъ, сказалъ онъ хладнокровно.

Всѣ игроки залы бросились къ нимъ, и осмотрѣвъ карты нашли, что Альваресъ правъ. Моргани со стыдомъ выгнали, а Альваресъ, забывъ о всѣхъ своихъ роспискахъ, весело пошелъ отыскивать карету, чтобъ похитить свою дону Карменъ.

Бѣдная дѣвушка давно уже ожидала его на балконѣ.... Вдругъ кто-то постучался къ ней въ дверь. Хотя она и не съ той стороны ожидала прибытія своего жениха, но вообразила, что онъ могъ найти средство и оттуда къ ней пробраться, быстро побѣжала и отперла.

Передъ нею стоялъ Моргани. Въ одной рукѣ держалъ онъ шляпу, другая (раненая) спрятана была за жилетъ. Онъ былъ блѣденъ, но глаза его горѣли какимъ-то дикимъ огнемъ.

Дона Карменъ нѣсколько испугалась, но спросила его: что ему угодно.

Вы ждали Альвареса, сказалъ онъ. Онъ не будетъ. Онъ сейчасъ не только проигралъ все свое имущество, но не постыдился проиграть даже васъ. Вотъ и росписка его.

Какъ ни странны показались донѣ Карменъ и слова и по-

явленіе Моргани, но она пробѣжла, росписку и довольно спокойно отвѣчала ему.

— Все, что я могу понять, сеньоръ состоитъ въ томъ, что, или вы не туда зашли, или, что вашъ разсудокъ нѣсколько разстроенъ. Вы вѣрно забыли, что нечаянно ворвались ночью къ дѣвушкѣ благороднаго происхожденія и говорите ей самыя неприличныя вещи....

— Напротивъ, сеньора. Все знаю и все помню. Вы, питомица дона Руи-Діаса, согласились бѣжать въ эту ночь съ презрѣннымъ молодымъ человѣкомъ, который, повторяю вамъ, все проигралъ и даже васъ самихъ. Вмѣсто его является къ вамъ человѣкъ, который васъ больше его любитъ, который богатъ и купилъ васъ у него. Онъ предлагаетъ вамъ свою руку. Если вы не примете ее добровольно, то я тотчасъ же позову вашего онекуна и все ему открою. Тогда жребій вашъ будетъ вѣчное заключеніе въ монастырѣ....

— Прошу васъ, сеньоръ, съ гордостію и гнѣвомъ сказала дона Карменъ, оставьте меня, и поступайте, какъ угодно.

— Вѣрно я не за этимъ рѣшился сюда придти, дона Карменъ, чтобъ быть вами выгнаннымъ. Напротивъ, я васъ прошу тотчасъ-же рѣшиться. Мнѣ некогда. Выбирайте, или мою руку, или смерть и безчестіе.

Онъ вынулъ кинжалъ. Дѣвушка испустила пронзительный крикъ,

— Вашъ крикъ нанесетъ уже вамъ вѣчное безчестіе. Васъ застанутъ ночью съ мужчиною....

— Убійцы! разбойники! помогите! закричала она.

Съ яростью бросился на нее Моргани, опрокинулъ на диванъ и занесъ кинжалъ.... на улицѣ послышался шумъ....

— Проклятое отродье! заревѣлъ итальянецъ.... хорошо же! Альваресъ прокололъ мнѣ руку, я проколю за это только этотъ красный башмачекъ....

Судорожно сорвалъ онъ съ ноги Доны Карменъ красный башмачекъ и положа его на грудь ея, вонзилъ въ него кинжалъ. Совершивъ это злодѣйство, онъ съ крикомъ бросился къ дону Руи-Діасу, и разбудивъ его, разсказалъ ему, что видѣлъ брата его Альвареса, тайно возвратившагося въ Мадритъ и ворвавшагося сейчасъ съ кинжаломъ въ комнату доны Карменъ, чтобъ умертвить ее.

— Я было бросился защищать ее, прибавилъ Моргани, но я былъ безъ оружія, и Альваресъ проткнулъ мнѣ руку своимъ кинжаломъ.... я принужденъ былъ кричать и бѣжать къ вамъ.

Онъ показалъ Руи-Діасу окровавленную свою руку и тотъ бросился въ комнату доны Карменъ. Дверь была заперта. Долго ломали ее, но наконецъ она уступила всеобщимъ усиліямъ....

Какое зрѣлище представилось Руи-Діасу! Комната была пуста, но въ совершенномъ безпорядкѣ. Доны Карменъ не было нигдѣ, но на полу лежалъ красный башмачекъ ея весь въ крови и пронженный кинжаломъ. Вмѣстѣ съ башмачкомъ лежалъ обрывокъ верхней одежды ея, какъ будто она похищена послѣ самой отчаянной и кровавой борьбы. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, разстолковалъ все это Моргани Руи-Діасу, прибавя, что причиною злодѣйскаго поступка Альвареса было низкое корыстолюбіе. Покуда Руи Діасъ былъ не женатъ, братъ его былъ единственнымъ его наслѣдникомъ, но бракъ съ доною Карменъ лишалъ его всѣхъ надеждъ.

Этого довольно было, чтобъ побудить Руи-Діаса вскорѣ жениться на другой дѣвушкѣ, которая, давъ ему сына Альфонса и дочь Флориту, сама скорѣ умерла.

Прежнюю же невѣсту свою онъ почиталъ умерщвленною, потому-что въ ту же ночь братъ его скрылся изъ Мадрита и пропалъ безъ вѣсти.

Только Моргани не дремалъ. Онъ понялъ, что Альваресъ похитилъ дону Карменъ, покуда онъ бѣгалъ за Руи-Діасомъ. Живую, или мертвую—этого онъ не зналъ только; но что самъ Альваресъ былъ живъ, въ этомъ онъ былъ увѣренъ. Долго отыскивалъ онъ его чрезъ своихъ агентовъ во всѣхъ городахъ Испаніи и даже Америки. Нигдѣ его не было.

Тогда возникла въ немъ другая адская мысль. Онъ рѣшился истребить все семейство Руи-Діаса, чтобъ сдѣлаться его наслѣдникомъ, какимъ бы образомъ ни было. Сперва удалось ему увезти тихонько маленькую Флориту, которую онъ бросилъ въ горахъ въ одной пещерѣ, увѣренъ будучи, что дикіе звѣри съѣдятъ ее. Мы уже видѣли, кто ее спасъ.

Потомъ умертвилъ онъ измѣннически сына, Альфонсо, и встрѣча съ молодымъ горцемъ Альваресомъ, котораго черты внезапно пробудили въ немъ воспоминаніе о прежнемъ своемъ врагѣ, вдругъ заставила его разослать лазутчиковъ въ горы. Тогда онъ все открылъ. Альваресъ былъ живъ и у него былъ еще сынъ того же имени.

Надобно было погубить ихъ обоихъ, и Моргани очень искусно распространилъ сперва слухи, что убійца Альфонсо открытъ; что это горецъ Редильясъ и что онъ берется выманить его изъ горъ.

Мы уже видѣли, чѣмъ кончилось и это покушеніе. Братья едва было не помирились, и только воспоминаніе о *красномъ башмачкѣ* могло оттолкнуть Руи-Діаса отъ мнимаго убійцы доны Карменъ.

Внезапное возвращеніе Флориты внушило Моргани новую мысль. За всѣ свои услуги и преданность къ Руи-Діасу, просилъ онъ у него руки его дочери и старикъ согласился.

Вдругъ въ самую минуту свадьбы ее похитили. Онъ тотчасъ же догадался, куда бѣглецы направили шаги свои. Дорога въ горахъ была ему уже извѣстна, и онъ догналъ ихъ: онъ поразилъ даже Альвареса, и хотя самъ былъ пораженъ слабою рукою Флориты, но уже вставалъ, что бъ довершить свои злодѣянія.... Вдругъ явилась передъ нимъ дона Карменъ....

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены пріѣхалъ самъ Руи-Діасъ въ сельскій домикъ брата своего.

Дона Карменъ разсказала ему все.

— Гдѣ-же братъ мой? спросилъ онъ, по окончаніи разсказа.

Старый Альваресъ явился.

— Я виноватъ предъ тобою, братъ, сказалъ онъ ему, съ жаромъ прижимая его къ груди.

— Все забыто. отвѣчалъ Альваресъ. Всѣ несчастія произошли отъ первой моей вины. Прежде, чѣмъ думать о похищеніи чужой невѣсты, я долженъ былъ открыть тебѣ нашу любовь. Тогда бы все открылось, и мы всѣ были бы спасены. Но я ввѣрился злодѣю, и погубилъ себя.

— Гдѣ-же этотъ злодѣй?

— Надъ нимъ исполнилось правосудіе небесное, отвѣчалъ братъ. Когда дона Карменъ увидѣла раненаго своего сына, то вмѣстѣ съ Флоритою внесла его въ домъ и перевязала раны, а Моргани, гонимый страхомъ убѣжалъ, боясь вѣроятно, что я выйду, чтобъ наказать его за злодѣянія. Но я былъ въ отсутствіи. Когда же я воротился и увидѣлъ, что раны моего сына не опасны, то послалъ за тобою, а самъ пошелъ отыскивать Моргани. Увы! я нашелъ его у самой пещеры *дель-Запатеро*, гдѣ онъ нѣкогда бросилъ Флориту. Вѣроятно, онъ туда дотащился въ измеможеніи, и дикіе звѣри растерзали его. Я засталъ еще вороновъ, которые выклевывали, ему глаза.

Чрезъ нѣсколько дней потомъ праздновали свадьбу молодаго Альвареса и Флориты.

БѢДОВЫЙ ПРІЯТЕЛЬ.

—

РАЗСКАЗЪ.

—

Въ 18.. году мы стояли на якорѣ у береговъ Мальты. Офицеры англійскаго корабля «Генуа» давали обѣдъ штабу фрегата, гдѣ я былъ пассажиромъ.

За столомъ я помѣстился между двумя отличными офицерами. Сосѣдъ мой слѣва былъ высокій, сухой мужчина, сѣдой, молчаливый и порядочный питухъ; онъ ни слова не говорилъ по-французски. Я раза три наливалъ ему стаканъ и больше не думалъ о немъ. Сосѣдъ справа былъ лѣтъ тридцати, не болѣе, прекрасно сложенъ, брюнетъ, красавецъ и щеголь; онъ выражался по французски съ удивительною легкостію, но съ акцентомъ, который впрочемъ едва замѣтно измѣнялъ его природному происхожденію. Онъ былъ родомъ Датчанинъ, принявшій подданство Англіи.

По какому-то странному влеченію, я скоро сошелся съ этимъ сосѣдомъ. До обѣда мы вовсе не знали другъ друга, но за пудингомъ обходились уже какъ старые знакомые. Когда же на скатерти поднялись къ нашимъ услугамъ пирамиды сухихъ плодовъ и бутылки съ французскимъ виномъ, тогда мы не только говорили съ нимъ о нашемъ прошедшемъ и настоящемъ, но даже о будущемъ.

Между нами завязалась дружба на жизнь и на смерть.

По обыкновенію, введенному въ обѣды англичанами, мы отби-

вали у рюмокъ ножки, съ той цѣлью, чтобы послѣ тоста, не было никакой возможности поставить на столъ недопитую рюмку. Наши безчисленные тосты, въ честь соединенныхъ флаговъ, почти безпрерывно слѣдовали одинъ за другимъ каждыя пять минутъ; отъ этого обѣдъ продолжался около трехъ часовъ. Послѣ вина намъ подавали пуншъ. Мы съ наслажденіемъ пили этотъ пуншъ, испарявшійся ароматомъ, и были, если не совсѣмъ на веселѣ, то очень откровенны и безгранично довѣрчивы между собою.

Мой новый другъ, какъ онъ самъ говорилъ, кромѣ воды ничего не пилъ; но на этотъ разъ, вѣроятно для меня, и въ честь нашей новой дружбы, отступилъ отъ своего обыкновенія.

Онъ, кажется, не обращалъ никакого вниманія на отеческія предостереженія стараго офицера съ лѣвой стороны, безпрестанно повторявшаго ему по-англійски:

— Не пейте! вотъ два года, какъ мы съ вами на одномъ кораблѣ и я никогда не видалъ, чтобы вы проглотили хоть каплю грогу. Не пейте! не имѣя привычки пить, вы этимъ убьете себя.

Но мой задушевный другъ, я назову его Вольфомъ, какъ видно, не былъ расположенъ воспользоваться отеческою внимательностію сосѣда. Пуншъ видимо начиналъ производить нѣкоторое дѣйствіе на Вольфа. Его лицо, сперва блѣдное, постепенно одушевлялось, краснѣло, глаза его блистали огнемъ; разговоръ становился живѣе, откровеннѣе. Сперва я полагалъ найти въ Вольфѣ слишкомъ холоднаго человѣка; но онъ воспламенялся мало-по-малу, и скоро я открылъ въ немъ слѣды той скрытой пылкости сѣвернаго жителя, которая такъ рѣзко отличается отъ эфемерной, изнѣженной живости питомца юга. Передъ нами все еще стояли стаканы съ ароматическимъ даромъ Ямайки и мы не переставали шумѣть, кричать и спорить; темою нашего вакхическаго спора, сколько помню, были: *любовь и пожертвованія, которыя мы иногда приносимъ любви.* Забавно было слушать споръ десятковъ двухъ разгульныхъ моряковъ, которые, какъ извѣстно, очень мало занимаются теоріею этого нѣжнаго чувства.

— Ба! вскричалъ Вольфъ, обращаясь ко мнѣ, но поставивъ свой стаканъ на столъ съ такою силою, что онъ разбился въ дребезги, эти господа глупы; они судятъ о любви, какъ слѣпые о краскахъ! Не хотите ли выйти со мною на ютъ?

— Съ удовольствіемъ! притомъ-же здѣсь становится не выносимо жарко.

Мы вышли на ютъ; въ воздухѣ было тепло, даже удушливо; флаги неподвижно висѣли на мачтахъ....

— Послушайте! я хочу разсказать вамъ одно событіе изъ моей жизни, можетъ быть оно займетъ васъ; но съ условіемъ, чтобы это было между нами, говорилъ Вольфъ съ серьознымъ выраженіемъ, устремивъ на меня свои сверкающіе глаза. Чтобы мнѣ задохнуться! если я хоть сколько-нибудь понимаю причину моей къ вамъ довѣрчивости. Пуншъ-ли это, воздухъ-ли, судьба-ли, только я не въ силахъ скрыть отъ васъ мою тайну. Когда вы меня выслушаете, вы будете смотрѣть на меня, какъ на негодяя; но все равно, какъ бы то ни было, я не могу долѣе молчать.

Въ выраженіи лица и въ самомъ тонѣ словъ Вольфа было столько правды, что я тотчасъ-же понялъ вліяніе на него винныхъ паровъ. Роковое вліяніе! въ немъ человѣкъ хотя и можетъ дать себѣ отчетъ, но не въ силахъ бороться съ нимъ, если-бы дѣло казалось даже до священной тайны. Я понялъ это и потому съ приличною скромностію замѣтилъ моему другу:

— Послушайте, Вольфъ, я бы лучше желалъ выслушать васъ завтра; мы будемъ спокойнѣе и тогда....

— Но завтра то я и не разскажу вамъ моей исторіи; надобно, чортъ возьми, чтобы я вамъ разсказалъ ее... сегодня-же. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что разсказавъ вамъ сегодня мою повѣсть, завтра я вспомню объ этомъ и предложу вамъ стрѣляться со мною.... Это тоже необходимо для того, чтобы моя тайна или погасла вмѣстѣ съ вашею жизнью, или съ моею смертію потеряла свою важность. Вы мнѣ скажете, что это очень глупо, мой другъ; но думайте, что вамъ угодно, а я долженъ сдѣлать то, что приказываетъ страшная тоска, давно терзающая мою грудь.

Этотъ проклятый Вольфъ былъ такъ простъ и небреженъ въ своихъ манерахъ, что я не въ силахъ былъ сердиться на него и еще менѣе былъ расположенъ отказаться отъ разсказа, котораго послѣдствія такъ много обѣщали.... Я расположился слушать. Мы усѣлись и Вольфъ, дружески пожавъ мнѣ руку, началъ свой разсказъ.

II.

— Это происходило во время войны; тому около двухъ лѣтъ. Я командовалъ галіотомъ въ Средиземномъ морѣ, и моя экспедиція ограничивалась конвоированіемъ купеческихъ судовъ. Я стоялъ

на якорѣ въ Порто-Венере. Это не большой итальянскій портъ близъ Пальмовыхъ острововъ.

Имѣя полную довѣренность къ лейтенанту, командовавшему на галіотѣ, въ мое отсутствіе, я часто выходилъ на берегъ, хотя Порто-Венере самъ по себѣ былъ чрезвычайно скученъ. Дѣло въ томъ, что я познакомился въ немъ съ одною хорошенькою дѣвушкою; отецъ ея былъ комендантомъ порта.

Представте себѣ, дѣвушка въ восемнадцать лѣтъ, съ нѣжнымъ румянцемъ, съ розовыми, коралловыми губками, съ бѣлыми зубами, съ таліею, которую можно было обнять четырмя пальцами, вообразите бѣлоснѣжную шейку и двѣ ножки.... ностоящія андалузскія ножки!... глаза, всегда полуприкрытые длинными рѣсницами.... прибавте еще къ этому густые, черные волосы, правильно очерченныя брови, и вы будете имѣть только слабое понятіе о Пепѣ. Да, мой другъ, если бы вы ее видѣли въ утреннемъ платьѣ, красиво обхватывающемъ всѣ формы ея очаровательной таліи, когда, съ непокрытою головою, она лѣниво качалась на своей тростниковой сѣткѣ, наслаждаясь свѣжестью утра... О! при видѣ ея, надо было сойти съ ума, и я сошелъ съ ума.

Мать Пепы умерла, отецъ былъ старый, немного глупый, но добрый человѣкъ. Я скоро познакомился съ нимъ. Нѣкоторыя мелочныя услуги, которыя я всячески старался оказывать отцу Пепы, вскорѣ такъ расположили его ко мнѣ, что онъ открылъ мнѣ наконецъ свой домъ, чего я такъ пламенно желалъ и добивался. Этого было уже много. Надо сказать вамъ, что Пепа была строгой нравственности и твердыхъ правилъ. Чтобы понравиться дѣвушкѣ, я старался поддѣлываться подъ ея характеръ и вкусъ. Вмѣстѣ съ нею преклоняя колѣна въ храмѣ, я находилъ такую радость въ нашихъ молитвахъ, какую вы не можете себѣ вообразить. Однажды я сказалъ Пепѣ:

— Если-бы вы молились за меня, Пепа, а я молился за васъ?...

Дѣвушка приняла мое предложеніе. Спустя нѣсколько времени послѣ этого условія, въ одинъ очаровательный вечеръ Пепа спросила у меня, какими именно словами я молюсь за нее? Я отвѣчалъ откровенно:

— Боже! молю тебя, пусть Пепа полюбитъ меня такъ, какъ я ее люблю.

Дѣвушка разсердилась, закраснѣлась и сказала, что она, напротивъ, горячо проситъ небо только о томъ, чтобы не любить меня.

Разумѣется, послѣ подобнаго признанія, я любилъ Пепу еще больше; не оставлялъ ее ни на минуту, ни на шагъ не отходилъ

отъ нея. Наконецъ я успѣлъ увѣрить ее въ моей страсти, которая, признаюсь вамъ, была такъ сильна, такъ глубока, что я не могу вамъ передать ее словами. Я любилъ въ первый разъ, и любилъ, какъ помѣшанный. Да и можно-ли было не любить Пепу? у этой дѣвушки, кромѣ всѣхъ ея достоинствъ, было благородное сердце. Надобно прибавить, что отецъ ея былъ человѣкъ богатый и никогда не согласился бы отдать свою единственную дочь за мужъ за меня, бѣднаго моряка и притомъ иностранца. Я хотѣлъ сначала заставить ее полюбить меня, а потомъ похитить... Не скажу вамъ однако-же, чтобы выдумка моя была благородна. Однажды отцу Пепы пришла идея самому осмотрѣть въ морѣ какой-то подозрительный корабль. Случилось такъ, что на томъ кораблѣ были больные въ чумѣ и старый комендантъ, попавъ на корабль, долженъ былъ подчиниться необходимости, раздѣлить вмѣстѣ съ ними строгій, восьмидневный карантинъ.

Вообразите мою радость. Пепа оставалась дома одна, съ своею старою гувернанткой. Я бросился въ шлюпку и поспѣшилъ на берегъ. По пути, однако-же, я держался въ почтительномъ разстояніи отъ корабля, на которомъ находился отецъ Пепы. Пріѣхавъ къ Пепѣ я спѣшилъ успокоить ее на счетъ отца, поговорить съ нею... о томъ же, о чемъ почти всегда говорилъ ей о любви моей, о свадьбѣ нашей въ Англіи. Но, увы, мой другъ, Пепа никогда не соглашалась на мои просьбы. Она говорила, что боится отдаться мнѣ, боится наскучить мнѣ, боится избыткомъ счастія охладить мою страсть.

Въ продолженіе первыхъ шести дней карантина коменданта, я не переставалъ искушать его дочь, но дѣвушка оставалась непреклонною. На седьмой день передъ вечеромъ, я рѣшился безъ размышленія, раздробить себѣ черепъ, если Пепа еще разъ откажетъ мнѣ.

— Когда я собрался ѣхать на берегъ, то увидѣлъ сигналъ съ адмиральскаго корабля и тотчасъ-же послалъ туда офицера. Онъ скоро возвратился ко мнѣ съ адмиральскими депешами. Адмиралъ предписывалъ: завтра-же съ разсвѣтомъ дня поднять паруса и присоединиться къ эскадрѣ, не говоря впрочемъ о причинахъ этого приказанія.

Я былъ пораженъ; я никакъ не думалъ о такомъ скоромъ отъѣздѣ. Отдавъ въ свою очередь приказанія, необходимыя къ исполненію воли адмирала, я отправился на берегъ увѣдомить Пепу объ этой неожиданной новости и проститься съ нею.

— Завтра я уѣзжаю, Пепа и можетъ быть, мы больше никогда не увидимся! говорилъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ?... ты уѣзжаешь, и даже завтра! вскричала Пепа съ какою-то радостію, которая вовсе не понравилась мнѣ. Онъ уѣзжаетъ завтра! О, какъ я рада! прибавила дѣвушка, упавъ на колѣна.

— Пепа!... вскричалъ я съ упрекомъ.

Но она съ безумною радостію бросилась ко мнѣ на шею и въ первый разъ осыпала меня поцѣлуями.

— Ты уѣзжаешь! Но вѣдь, ты ѣдешь завтра утромъ, неправда-ли? Слѣдовательно весь этотъ вечеръ еще можетъ принадлежать намъ, не такъ ли, мой другъ? Ты будешь сожалѣть и о твоей Пепѣ.... о, какъ ты пожалѣешь о ней! говорила Пепа съ радостью невиннаго ребенка и съ восторгомъ страстной женщины. — Ты меня оставляешь тогда, какъ я люблю тебя болѣе.... чѣмъ бы ты даже хотѣлъ. Ты не знаешь, ты не можешь знать, какъ я люблю тебя! Если предчувствіе не обманываетъ меня, то я уже не увижу тебя.... никогда, мой другъ!

— О, да ваша Пепа была преоригинальное созданіе; но, какъ бы то ни было, вы были очень счастливы?

— Если только можно назвать счастіемъ—положеніе сумасшедшаго. Послѣ разговора съ Пепой я скоро возвратился на галіотъ, чтобы ожидать послѣднія приказанія о завтрешнемъ утрѣ.

Было около трехъ часовъ по полудни, когда я на маленькой шлюпкѣ, одинъ, безъ свидѣтелей, плылъ на берегъ. Проѣзжая, какъ и прежде мимо корабля, на которомъ былъ отецъ Пепы, я увидѣлъ издали старика и увѣрялъ его, что карантинъ окончится не позже завтрашняго утра. Комендантъ поручилъ мнѣ передать нѣсколько родительскихъ нѣжностей его дочери, послѣ чего, сдѣлавъ ему прощальный знакъ рукою, я направилъ свой путь къ той точкѣ берега, гдѣ красовался маленькій садъ и домикъ Пепы....

— Но вы мнѣ ни слова не сказали объ угрызеніяхъ совѣсти, которыя должны были васъ мучить, послѣ свиданія съ довѣрчивымъ отцомъ дѣвушки, которую вы такъ торопились соблазнить....

— Не говорите мнѣ о томъ, отвѣчалъ Вольфъ съ особенною живостью, которую я приписалъ дѣйствію пунша. Развѣ могли быть у помѣшаннаго человѣка какія нибудь мысли, когда онъ спѣшитъ сказать прости такой дѣвушкѣ, какъ Пепа?!

До берега было еще не близко, когда я замѣтилъ на рейдѣ, что-то похожее на человѣка, какъ будто-бы плывшаго ко мнѣ между камнями, встрѣчавшимися ему на пути. Черезъ нѣсколько минутъ я уже пересталъ сомнѣваться въ томъ, что вижу человѣка

голаго, смуглаго, съ кудрявою головою, который плылъ ко мнѣ, дѣлая знаки подождать его. Спустивъ свой парусъ, я легъ въ дрейфъ. Между-тѣмъ этотъ человѣкъ подплывъ къ шлюпкѣ, спросилъ меня по англійски: не офицеръ-ли я съ гальота?

— Я командиръ гальота!

— А, если такъ, то я избавляюсь отъ труда плыть на гальотъ; порученіе мое собственно до васъ касается.

Съ этимъ словомъ онъ снялъ съ шеи маленькую жестяную коробочку, одною рукою подалъ ее мнѣ и, облокотясь другою на руль моей лодки, спокойно оставался, погруженный всѣмъ тѣломъ въ водѣ. Я разломалъ коробочку лезвіемъ кортика и прочиталъ.... Знаете-ли вы, что это было?

— Нѣтъ, мой милый Вольфъ.

— Это было новое приказаніе адмирала поднять паруса не по утру, какъ было приказано прежде, но тотчасъ-же, сію-же минуту, по полученіи мною этого приказанія. Скорость моего гальота была извѣстна и адмиралъ предписывалъ мнѣ тотчасъ отправиться къ нему, чтобы выполнить какое то порученіе. «Вы имѣете еще время, писалъ онъ мнѣ, выйти изъ порта. Но завтра, ночью, можетъ быть вечеромъ, съ часу на часъ даже, это сдѣлается для васъ рѣшительно невозможнымъ, потому-что французы торопятся отрѣзать отъ нашей эскадры корабли, стоящіе въ Портѣ-Венере. Они, можетъ быть, уже успѣли въ своемъ намѣреніи». Поэтому, опасаясь за меня, адмиралъ послалъ ко мнѣ одного изъ своихъ любимцевъ, Специя, отличнаго водолаза, человѣка надежнаго и вѣрнаго. Онъ приказалъ ему оставить свой челнъ гдѣ нибудь между камнями и достигнуть рейда, если можетъ, вплавь, чтобы такимъ образомъ обмануть бдительность непріятеля, въ случаѣ, еслибы онъ крейсировалъ уже по близости порта.

Специй съ успѣхомъ исполнилъ приказаніе своего начальника.

— Капитанъ,—говорилъ онъ, не перемѣня своего положенія, и устремивъ на меня глаза, такъ какъ вы будете ретироваться, то, не угодно ли вамъ будетъ взять меня съ собою; адмиралъ приказалъ мнѣ оставаться на вашемъ гальотѣ, если бы мнѣ посчастливилось спастись отъ акулъ, и ускользнуть отъ бдительности французовъ. Это послѣднее обстоятельство, какъ вы видите, удалось мнѣ, однако-же не безъ труда; надо вамъ сказать, что я уже замѣтилъ французскій фрегатъ и бригъ на вѣтрѣ; если мы не кончимъ поскорѣе нашей бесѣды, и не отправимся обратно на гальотъ, то очень можетъ статься, что черезъ полчаса будетъ уже поздо, капитанъ.

— Это ужасно!... А Пепа?!.. спросилъ я моего друга Вольфа.

— Погодите! Чтобы исповѣдь моя была полнѣе, я долженъ раз-

сказать вамъ все, что пришло мнѣ въ голову въ эту критическую минуту. Не понимаю, какъ все это случилось, но только и теперь еще я помню всѣ мои тогдашнія мысли, какъ будто-бы это случилось вчера. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что я очень часто думаю объ этомъ, прибавилъ Вольфъ, послѣ минутнаго молчанія.

Первою мыслью моею, бывшею основаніемъ всѣхъ другихъ, было не послушаться приказаній; другою, очень естественною, — что за это я буду разстрѣлянъ. Но для меня вопросъ состоялъ въ томъ, какъ отдѣлаться отъ адмиральскаго посланца. Нельзя было и подумать чѣмъ-нибудь соблазнить или подкупить этого стараго матроса. Я его зналъ хорошо. Въ случаѣ моего отказа сняться съ якоря онъ поплылъ-бы на гальотъ, объявилъ приказаніе начальства и тогда мнѣ было необходимо сняться съ якоря. Но вы мой лейтенантъ, офицеры и экипажъ, волею или силою, заставили понимаете, что значило для меня въ эту минуту слово: отплытіе? Вы понимаете теперь, когда имѣете понятіе о Пепѣ?!..

— О! я очень хорошо это понимаю; на вашемъ мѣстѣ я даже жалѣлъ бы, сказать между нами, о томъ, что адмиральскаго посланца не проглотила акула.

— Я думалъ точно также, какъ вы. Какъ жаль! говорилъ я себѣ, если-бы акула проглотила этого матроса, тогда, конечно, я не получилъ-бы приказанія, о которомъ увѣдомлялъ меня адмиралъ, и слѣдовательно не былъ-бы обязанъ отплыть прежде утра. Конечно, въ такомъ случаѣ, я бы рисковалъ встрѣтиться съ непріятелемъ; но за то ночь съ послѣднимъ поцѣлуемъ Пепы, я полетѣлъ-бы въ кровавую, неровную битву, которая, можетъ-быть, покрыла-бы меня славой.... Вы понимаете, что я тогда съ радостію, съ отвагою игралъ-бы своею жизнью, и это сраженіе могло бы или доставить мнѣ славу, или вовсе прекратить мое существованіе, о чемъ я въ то безумное время вовсе не заботился.

— Въ самомъ дѣлѣ, все было-бы хорошо, безъ этого вѣстника.

— Да, это для меня былъ точно проклятый вѣстникъ!... Но слушайте дальше: пока меня волновали тысячу разныхъ мыслей о моемъ положеніи — моя шлюпка, незамѣтно подвигавшаяся впередъ по теченію, наплыла на небольшой водоворотъ, которые, какъ вамъ извѣстно, вслѣдствіе волканическихъ причинъ, весьма обыкновенны въ Средиземномъ морѣ, — я былъ выведенъ изъ размышленія крикомъ Специя.... Ничего не подозрѣвая, онъ спокойно слѣдовалъ за моею шлюпкою, пока внезапное теченье мгновенно не увлекло его въ водоворотъ; онъ выпустилъ изъ рукъ руль, за который держался и, крутясь среди пучины, закричалъ:

— Бросте мнѣ весло, или я утону!...

Вольфъ на минуту остановился; я побнѣднѣлъ, не смѣлъ сказать ни слова, не сводя отъ него глазъ. Вольфъ былъ безстрастенъ и холоденъ.

— Я долженъ признаться вамъ, что если-бы послѣдовалъ первому движенію моего сердца, то бросилъ-бы этому человѣку багоръ, чтобы спасти ему жизнь....

— Какое-же было ваше второе движеніе?...

— Но я не трогался съ мѣста и, напротивъ, спокойно смотрѣлъ на утопающаго. Еще нѣсколько мгновеній безполезной борьбы Спеція съ силою теченія, и онъ изчезъ въ водоротѣ; послѣднее слово его, которое онъ сказалъ мнѣ, погибая, было: убійца!... Спеції былъ правъ: въ самомъ дѣлѣ жизнь его была въ моихъ рукахъ и мнѣ также легко было его спасти, какъ застегнуть портепею.

Я поспѣшно всталъ; но Вольфъ, останавливая меня, сказалъ съ какою-то горькою улыбкою:

— Я вамъ говорилъ, что я негодяй. Вмѣстѣ съ послѣдними словами Вольфъ, бросилъ на меня острый и холодный взоръ, который глубоко проникъ мнѣ въ сердцѣ.

Я былъ такъ пораженъ его разсказомъ что не могъ сказать ни одного слова въ отвѣтъ моему другу. Онъ, не подавая вида, что замѣчаетъ мое волненіе, продолжалъ:

— Я не буду говорить вамъ о тѣхъ часахъ, которые я провелъ съ Пепою: вотъ уже два года, какъ Пепа умерла; но при одномъ воспоминаніи объ ней, видите, какъ бьются мои жилы, какъ я блѣднѣю....

На другой день, рано я снялся съ якоря. Предположенія адмирала сбылись: французы уже крейсировали въ портѣ. Въ это утро я былъ совершенно равнодушенъ къ бѣднымъ людямъ, бывшимъ подъ моею командою. Я погубилъ многихъ изъ нихъ неисполненіемъ адмиральскаго приказанія. Мнѣ-бы слѣдовало, согласно съ волею адмирала, всячески стараться избѣгать стычекъ съ непріятелемъ; но я поступилъ напротивъ. Мой экипажъ былъ провосходенъ. Мы прошли между двумя мелями, твердо рѣшившись выбраться въ открытое море. Гальотъ плылъ, какъ рыба; на немъ было восемнадцать пушекъ. Мы замѣтили бригъ на вѣтрѣ и фрегатъ подъ вѣтромъ.

Бригъ погнался за нами; мы сошлись съ нимъ и послѣ кровопролитной битвы, въ которой я былъ два раза раненъ, онъ насъ оставилъ, лишившись почти всѣхъ мачтъ.

Фрегату, чтобы догнать насъ, слѣдовало по всѣмъ правиламъ

удержаться отъ пальбы, но онъ началъ канонаду; это было причиною того, что одинъ роковой выстрѣлъ съ моего гальота срѣзалъ его большую мачту. Въ этомъ дѣлѣ мы понесли небольшой уронъ въ оснасткѣ, но не безъ особенныхъ потерь въ экипажѣ. Къ вечеру того же дня я соединился съ эскадрою.

До начала сраженія, мой экипажъ состоялъ изъ двадцати-четырехъ матросовъ и четырехъ офицеровъ. Присоединившись же къ адмиралу, у меня оставались только одинъ офицеръ и тринадцать матросовъ; остальные были убиты.

Адмиралъ остался доволенъ моею личною храбростію и обѣщалъ наградить меня чиномъ; но не могъ, при этомъ случаѣ, не пожалѣть о своемъ вѣрномъ Спеціѣ, который, какъ онъ полагалъ, былъ проглоченъ акулою или, схваченный судоргами, утонулъ.

— Какъ жаль, говорилъ адмиралъ, если бы этотъ несчастный успѣлъ доставить къ вамъ мои приказанія, мы не лишились бы столькихъ храбрыхъ людей. Но, прибавилъ онъ съ довольнымъ видомъ, тогда мы не имѣли бы удовольствія поздравить васъ съ такимъ блистательнымъ дѣломъ, капитанъ Вольфъ.

Спустя два мѣсяца, я былъ награжденъ званіемъ капитана фрегата за мое *прекрасное дѣло*, какъ писалъ министръ въ своемъ письмѣ.

Вотъ вамъ моя повѣсть!... говорилъ Вольфъ съ какимъ-то насмѣшливымъ и вмѣстѣ ужаснымъ выраженіемъ, и прибавилъ: — Вотъ вышли на палубы и наши гости; они, вѣрно, все еще спорятъ? Но гости уже не думали спорить. Они собирались возвратиться на берегъ. При общемъ размѣщеніи по шлюпкамъ, не помню, какъ мы разстались съ Вольфомъ, только въ той шлюпкѣ, гдѣ помѣстился я, его не было. Выйдя на берегъ, и также не видя его нигдѣ, я думалъ, что онъ остался на кораблѣ.

Чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе, которое оставилъ во мнѣ разсказъ друга моего Вольфа, я отправился къ хорошенькой португальской танцовщицѣ Лореттѣ, съ которою былъ знакомъ, со времени нашей стоянки у береговъ Мальты.

IV.

На другой день, рано поутру, подали мнѣ записку; она была слѣдующаго содержанія:

«Я жду васъ на валу, противъ дворца Гросмейстеровъ; мнѣ «нужно переговорить съ вами; вы вѣрно будете такъ добры, что «придете. Вольфъ».

— Кто тебѣ отдалъ записку? спросилъ я моего человѣка.

— Какой-то капитанъ, англійскій офицеръ; красивый, высокій молодой мужчина, брюнетъ.

— Хорошо; ступай на фрегатъ и ожидай меня.

Я поспѣшилъ на валъ. Мой другъ Вольфъ былъ уже тамъ. Я нашелъ, что онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, не смотря на это веселъ, и въ лицѣ его было какое-то пріятное выраженіе, котораго я не замѣчалъ наканунѣ.

Увидѣвъ меня, Вольфъ протянулъ мнѣ руку.

Я былъ увѣренъ, что увижу васъ; такъ я надѣялся на вашу услужливость и еще на что-то.... непонятное, симпатическое, такъ крѣпко привязавшее меня къ вамъ.

Я дружески пожалъ Вольфу руку и спросилъ, чѣмъ могу быть ему полезенъ.

— Мой милый другъ, вѣдь вы уже позволили мнѣ называть васъ этимъ именемъ; во первыхъ, позвольте принести вамъ тысячу извиненій: вчера, пользуясь вашимъ вниманіемъ, я разсказалъ вамъ одно происшествіе изъ моей жизни, недостойное честнаго и благороднаго человѣка....

— Я готовъ провалиться, если что нибудь помню изъ вашего разсказа! говорилъ я.... Мадера и хересъ, помнится, помогли вамъ импровизировать какой-то романъ, мой милый Вольфъ... При этомъ случаѣ вы мнѣ немножко похвастали.... Но, перестанемъ объ этомъ говорить; повторяю вамъ, что я давно забылъ все, что вы мнѣ разсказывали.

— О, нѣтъ! Я нисколько не хвасталъ вамъ, говорилъ Вольфъ, съ улыбкой сожалѣнія, все это происходило точно такъ, какъ я разсказывалъ вамъ и только вы одни знаете это роковое происшествіе.

— Но вы можете положиться на мою скромность. Справедливо-ли выдумана ваша исторія, или нѣтъ, будьте увѣрены она навсегда умретъ въ груди моей.

— О, этого быть не можетъ. Вы, я думаю, помните, о чемъ еще вчера я предупреждалъ васъ.... Съ этого часа моя тайна можетъ быть или вашею, или моею, но между обоими нами она рѣшительно невозможна.

— Мой милый Вольфъ, вы говорите это серьозно?

— Какъ нельзя больше!

— И это не шутка?

— Нѣтъ, мой другъ....

— Однако же это очень глупо!

— Напротивъ; вы владѣете такою тайною, отъ сохраненія которой зависитъ моя честь, моя жизнь, мое будущее.... Вы видѣ-

ли, что я самъ не могъ ее сохранить; я, котораго она слишкомъ интересуетъ! Можете-ли же, послѣ этого, вы сохранить мою тайну, вы, для котораго она не имѣетъ никакой важности?... Одно сомнѣнье въ этомъ было бы для меня ужасною пыткою и я бы хотѣлъ не имѣть его.

— Если вы этого непремѣнно желаете, Вольфъ....

— О, я хочу этого непремѣнно! Не откажите мнѣ, умоляю васъ, вы обяжете меня слишкомъ, если по какой-бы-то ни было причинѣ, согласитесь на мое предложеніе; вы соглашаетесь, не такъ ли?

— И такъ.... за то, что вы имѣли удовольствіе разсказать мнѣ вашу повѣсть, мы будемъ съ вами стрѣляться? Я согласенъ, если вы этого непремѣнно хотите. Однако-же, сознайтесь, что это не совсѣмъ пріятно!

— Сознаюсь: но какъ-же быть?... простите меня, мой другъ.

— Это было бы забавно, простить васъ за то, что вы раскроите мнѣ черепъ; но послушайте, чтобы шутка была полнѣе, мы стрѣляемся съ вами въ пяти шагахъ?

— Разумѣется! Отвѣчалъ Вольфъ, голосомъ молодой дѣвушки.

— Ваши секунданты?

— Вчерашній сосѣдъ вашъ съ лѣвой стороны.

— У васъ есть пистолеты?

— Да; и вы не безпокойтесь приносить ихъ съ собою, это будетъ безполезно; однако же, чтобы вы не подозрѣвали....

— Капитанъ!... сказалъ я на этотъ разъ очень серьезно.

— Простите, мой другъ; но предупредите вашего секунданта, что дуэль наша можетъ окончиться только смертью одного изъ насъ и чтобы онъ не старался расточать убѣжденій помириться.

— А это бы не мѣшало! потому что, сознайтесь, мой другъ Вольфъ, что мы поступаемъ съ вами очень глупо: скажите же, наконецъ, когда и гдѣ?

— Въ часъ.... мы сойдемся за развалинами старой гавани.

— Хорошо; за развалинами старой гавани.

— Вашу руку?

— Вотъ она.

— Скажите-же, что вы не сердитесь на меня?

— Напротивъ, чортъ возьми, я сержусь на васъ и даже очень!

Вольфъ улыбнулся, учтиво поклонился мнѣ и мы съ нимъ разстались.

V.

Я возвратился на фрегатъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, и написалъ нѣсколько писемъ. Мнѣ казалось, что все это я вижу во снѣ. Капитанъ фрегата, одинъ изъ достойныхъ друзей моихъ, когда узналъ объ условіяхъ смертельной дуэли въ пяти шагахъ, съ живостію принялъ предложеніе быть моимъ секундантомъ. Сверхъ того, по условію, изъ двухъ пистолетовъ одинъ только былъ заряженъ пулею и, слѣдовательно, жить или умереть одному изъ насъ зависѣло совершенно отъ слѣпаго случая, отъ выбора пистолетовъ. Что въ особенности мнѣ надоѣдало, это неумѣстныя выходки моего секунданта, на счетъ моего счастія, какъ онъ говорилъ, въ дуэляхъ.

— И на этотъ разъ, говорилъ онъ, вы будете имѣть точно такое же дѣло, какое имѣли на Мартиникѣ. У васъ такая легкая рука, мой другъ.... однако же, и съ вами можетъ случиться несчастіе.... Какъ жаль! Молодой офицеръ съ такими прекрасными надеждами и...

Когда же я, не давая кончить капитану, повторялъ ему въ сотый разъ, что не я зачинщикъ ссоры, то онъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ возражалъ мнѣ:

— Полноте, полноте! Капитанъ Вольфъ ничего не пьетъ, кромѣ воды; онъ извѣстенъ всѣмъ своимъ кроткимъ, веселымъ характеромъ; онъ скромный и солидный человѣкъ. Кой же чортъ, вы хотите увѣрить меня, что онъ подкутилъ и первый обидѣлъ васъ? Это невозможно.

— Но послушайте, капитанъ! вскричалъ я наконецъ, выведенный изъ терпѣнія.

— Хорошо; хорошо! Я вижу, что вы хотите еще и со мною поссориться, чтобы еще лучше доказать, что вы никогда не начинаете ссоры!

Послѣднее замѣчаніе капитана сдѣлало меня совершеннымъ глупцомъ; я былъ убитъ заранѣе.

Кончивъ письма, и поручивъ кое-что своему камердинеру, я спросилъ себѣ шлюпку и вмѣстѣ съ секундантомъ отправился къ старой гавани.

Когда мы вышли на берегъ, Вольфъ былъ уже на мѣстѣ и первый подошелъ ко мнѣ. Онъ не былъ такъ блѣденъ, какъ поутру; щеки его пылали легкимъ румянцемъ, волосы съ нѣкоторою изысканностію были завиты, глаза блистали какимъ то огнемъ. Признаюсь, я мало видѣлъ мужчинъ такой замѣчательной красоты.

— Наконецъ и вы явились, лѣнивецъ? сказалъ мнѣ Вольфъ тономъ дружескаго, шуточнаго упрека.

Странная вещь! Во время переѣзда я дѣлалъ все, чтобы, какъ говорятъ, поставить себя въ уровень съ обстоятельствами, въ какихъ я находился — но всѣ старанія мои были напрасны! Я спѣшилъ подставить лобъ подъ пулю безъ сожалѣнья, безъ досады, безъ желчи, даже безъ причины, а такъ, изъ ложнаго понятія о чести. Я хорошо зналъ Вольфа и былъ твердо увѣренъ, что если откажусь отъ дуэли, — то онъ заставитъ меня драться, заставитъ, можетъ быть, неизгладимою обидою. И такъ, мнѣ оставалось только драться съ нимъ. Я не могъ не ненавидѣть Вольфа за его вызовъ; я не могъ даже сердиться на него. Признаюсь, это странное существо имѣло на меня какое-то непостижимое вліяніе. Задумчивое выраженіе голубыхъ его глазъ — его нѣжный, женскій голосъ, его видимое спокойствіе, непонятное сходство нашихъ идей, вылившихся еще въ первыя минуты моего съ нимъ знакомства и врожденная любовь моя ко всему необыкновенному, все это вмѣстѣ было для меня достаточною причиною, чтобы ни минуты не подумать о смерти, можетъ быть, ожидавшей меня. Я только удивлялся странному стеченію обстоятельствъ.

— Господа, говорилъ мой секундантъ, всѣ увѣщанія конечно безполезны?

— Безполезны! повторилъ Вольфъ.

— Вы знаете, однако жъ, говорилъ секундантъ Вольфа, что это убійство, что одинъ изъ васъ будетъ вѣрною жертвою.

— Мы это знаемъ! возразилъ спокойно Вольфъ.

— Начинайте же, господа, и да проститъ васъ Богъ! съ особенною важностью произнесъ мой добрый капитанъ.

Секундантъ Вольфа отмѣрилъ пять шаговъ; мой взялъ принесенные Вольфомъ пистолеты, съ намѣреніемъ ихъ освидѣтельствовать.

— Я вамъ формально запрещаю это, вскричалъ я, останавливая моего секунданта.

— Капитанъ поступаетъ, какъ слѣдуетъ, говорилъ Вольфъ, крѣпко пожимая мнѣ руку; — но господа, позвольте предложить вамъ одну просьбу: вы конечно будете столько довѣрчивы ко мнѣ, чтобы предоставить мнѣ самому выбрать пистолеты, хотя бы они были даже мои?

Прежде, чѣмъ наши секунданты могли что-нибудь сказать противъ этого, я взялъ оба пистолета и подалъ ихъ Вольфу.

Онъ взялъ одинъ, у меня остался другой.

Странное поведеніе Вольфа, хотя и заставляло съ перваго раза предполагать, что можетъ быть вся эта дуэль — ничто иное, какъ оригинальность, или даже мистификація, однако же, я очень серьозно занялъ свое мѣсто противъ Вольфа.

Въ цѣлую жизнь мою я не забуду его улыбки, его позы, въ которой видно было столько спокойствія, даже счастія. Поправивъ сначала свои густые, прекрасные черные волосы, потомъ на минуту приложивъ руку ко лбу, Вольфъ, какъ будто бы старался припомнить что-то. Съ выраженіемъ глубокой признательности, онъ поднялъ глаза на небо, потомъ перенесъ ихъ на меня и, медленно приподнимая правую руку съ пистолетомъ, навелъ его мнѣ прямо въ сердце. Я въ свою очередь поднялъ свой, и дулы нашихъ пистолетовъ почти сходились.

— Вы готовы, господа? спросили секунданты.

— Готовы!...

— Боже, прости имъ! говорилъ англичанинъ, старый, молчаливый офицеръ, ударивъ въ ладоши три раза....

Оба выстрѣла раздались вмѣстѣ.

На нѣсколько секундъ я былъ ослѣпленъ и даже ошеломленъ выстрѣломъ Вольфа; но когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что оба секунданта нагнулись надъ Вольфомъ, который сидѣлъ на землѣ, упершись локтемъ въ колѣно и поддерживая рукою голову.

— Боже мой, Боже мой! Не сами-ли вы хотѣли этого? съ отчаяніемъ говорилъ я Вольфу. Онъ былъ весь въ крови. Вы знаете, что я не виноватъ!... О, прости, прости меня....

— Я первый вызвалъ васъ.... и за это наказанъ.... Я вамъ отъ души прощаю мою смерть, говорилъ Вольфъ ослабѣвающимъ голосомъ; потомъ прибавилъ, нагнувшись къ моему уху:

— Мое желаніе умереть отъ твоей руки, мой милый другъ, исполнилось; благодарю тебя!... О! Пепа, Пепа!... Спеціи!... Я злодѣй!...

Съ этими словами Вольфъ умеръ. Пуля пробила ему грудь на вылетъ. Для меня стало понятно: отчего Вольфъ самъ хотѣлъ выбрать пистолеты....

Ѳ. П—въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОНЪ УМЕРЪ!

Свершилось! Въ холодной и твердой землѣ
Кому-то могилу копали,
Кого-то въ часъ ночи, въ таинственной мглѣ
Въ объятья земли опускали;
Съ почетомъ, съ пальбой засыпали землей
Отжившаго бренное тѣло;
Отъ выстрѣловъ дымъ подымался густой
И глухо окрестность ревѣла.
Въ три гроба положенъ былъ трупъ мертвеца
И залитъ свинцомъ разтопленнымъ;
И камень положенъ, безъ знаковъ рѣзца,
На память вѣкамъ отдаленнымъ.
Замолкла надъ гробомъ и зависть и месть;
Могила дана для покоя! —
Со страхомъ, съ уныньемъ услышала вѣсть
Европа о смерти героя.
У мертвыхъ враги есть — завистниковъ нѣтъ!
Во гробѣ великій скиталецъ!
И въ грустномъ мечтаньи задумался свѣтъ,
Сказавши: «Онъ умеръ, страдалецъ!»

«Онъ умеръ!» холодный Британецъ сказалъ,
Вздохнувши легко и отрадно, —
«Онъ въ замыслахъ гордыхъ мнѣ вѣчно мѣшалъ,
Меня унижалъ безпощадно».

«Онъ умеръ!» сказалъ партизанъ гверильясъ,
Съ плеча карабинъ опуская,
И тихо Мадоннѣ Святой помолясь,
«Теперь я могу, отдыхая
Отъ тяжкихъ трудовъ, быть спокойнымъ весь вѣкъ
И новой войны не бояться;
Враги не рѣшатся на новый набѣгъ
И не съ кѣмъ теперь мнѣ сражаться.»
«Онъ умеръ!» сказалъ, возведя къ небесамъ
Свой пасмурный взоръ ладзарони.
«Грозой не помчатся по нашимъ полямъ
«Ихъ рати, ихъ пушки, ихъ кони.
Не будетъ разгулъ насъ пировъ утомлять,
Ни браней кровавыя сцены,
Я въ праздности буду теперь согрѣвать
На солнцѣ усталые члены.»
«Онъ умеръ!» мечтатель Германецъ сказалъ,
«Врагъ славный на многіе годы
Отчизну спасая, я первый возсталъ,
Какъ въ брань ополчились народы.»
«Онъ умеръ!» примолвилъ степной Бедуинъ,
Летавшій грозой предъ полками,
Аллаха любимецъ и доблести сынъ,
За чѣмъ не остался онъ съ нами?»
«Онъ умеръ!» такъ Русскій сказалъ. «Для чего
Ходилъ онъ къ намъ незванный въ гости?
Онъ сдѣлалъ намъ зло, но пусть въ мирѣ его
Покоятся грѣшныя кости!»
«Онъ умеръ!» сказалъ гренадеръ ветеранъ.
«Онъ умеръ и мнѣ не подъ силу!
Зачѣмъ же солдата, больнаго отъ ранъ,
Съ собою онъ не взялъ въ могилу?»

Онъ умеръ!... и долго тотъ звукъ роковой
Повсюду толпа повторяла.
И съ грустною думой, склонясь головой,
«Онъ умеръ!» Европа шептала.

В. ЗОТОВЪ.

—

ДАЙ СЧАСТЬЯ НАМЪ СУДЬБА.

Дай счастья намъ судьба, но дай намъ въ пору,
Покуда грудь желанія полна,
Покуда жизнь настойчивымъ разборомъ
Еще своихъ лучей не лишена,
Покуда нѣтъ у насъ воспоминанья,
Чтобы жалѣть и счастіе сравнить,
Пока насъ тѣшитъ ожиданье,
И живы тѣ, съ кѣмъ любимъ все дѣлить....

Ребенокъ куклы проситъ: но высоко
Она стоитъ; она сбережена,
Ее даютъ — по прихоти жестокой,
Когда ему присмотрится она.
Судьба! Когда еще ты внемлешь слову,
Мольбѣ души, измученной въ борьбѣ,
То поздній даръ — быть можетъ мнѣ готовый,
Отдай другимъ — или оставь себѣ.

Къ чему на снѣгъ глубокій и холодный
Зерно цвѣтка весенняго бросать?
Къ чему дары, когда душа безплодна
И все равно ей — брать или не брать.
Отдай тому, кто приметъ съ восхищеньемъ.
Не жалко-ли, что будетъ встрѣченъ онъ,
Твой даръ — однимъ пустымъ благодареньемъ,
Какъ за питье, за пищу, кровъ и сонъ....

Н. ХВОЩИНСКАЯ.

—

БОАБДИЛЪ.

(ИЗЪ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ.)

Дышетъ свѣжестью миртъ, померанецъ и лавръ,
На закатѣ лучъ солнца горитъ;

По горамъ скачетъ блѣдный, встревоженный мавръ;
Онъ бы могъ умереть — но бѣжитъ!

То послѣдній Гренады король Боабдилъ.
Не вернуть царства павшаго вновь!
И за городъ, который Фернандъ покорилъ,
Только слезы льетъ мавръ, а не кровь.

На скалѣ бѣдный мавръ въ горькой думѣ сидитъ,
По лицу его слезы текутъ, —
Та скала въ дикой Сверрѣ донынѣ стоитъ,
Ту скалу — *Вздохомъ Марта* зовутъ.

Говоритъ онъ: «Я калифомъ
Быть всевластнымъ не умѣлъ!
Я давно-ль Хенералифомъ
И Альямброю владѣлъ!
Предо мною всѣ дрожали,
Всѣ меня любили, знали,
И въ садахъ моихъ гуляли
Триста женъ, красы тая,
А теперь одинъ, разбитый,
Я скитаюсь, позабытый,
И за мною, вмѣсто свиты,
Бродитъ только тѣнь моя.

Рвися сердце, плачьте очи!
Мнѣ отчизны не видать;
Жара дня, прохлады ночи
Мнѣ въ Гренадѣ не встрѣчать.
Навсегда я покидаю
Этотъ край, его — я знаю —
Не увижу, не желаю
Я увидѣть никогда!...
Но объ васъ мои долины,
Горъ обрывистыхъ вершины
Буду плакать до кончины,
Полный грусти и стыда!...»

—

В. ЗОТОВЪ.

ВОПРОСЪ.

Ты не спросилъ у осени печальной,
Куда она мчитъ смятые цвѣты,
И свѣжіе, свершая путь свой дальній,
У ногъ своихъ опять найдешь-ли ты?

А на вопросъ веселымъ обѣщаньемъ
Тебѣ могла бы осень отвѣчать,
И ты бы ждалъ, и сладко въ ожиданьи
Надежды сномъ забыться и мечтать.

Ты не спросилъ, но съ жизнію летучей
Ты споръ завелъ и задалъ ей вопросъ:
Гдѣ сны твои, гдѣ свѣжесть силъ могучихъ,
Куда твое блаженство унеслось?

И ты спросилъ отчаянно и смѣло;
Къ чему?... Взгляни — все хрупко, какъ стекло:
Нисходитъ ночь и небо потемнѣло,
И все навѣкъ прошло, прошло, прошло....

Н. ХВОЩИНСКАЯ.

=

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ИСТОРІЯ ТАНЦОВАНІЯ И БАЛЕТА,

ПО РОЗЫСКАНІЕМЪ ФРАНЦУЗОВЪ И АНГЛИЧАНЪ.

1. ТАНЦОВАНІЕ У ДРЕВНИХЪ.

Пляска или танцованіе безспорно одно изъ самыхъ древнихъ искусствъ; и самое благородное, самое высокое, если вѣрить писателямъ, занимавшимся этимъ предметомъ, начиная съ Лукіяна, который оставилъ намъ о немъ весьма любопытное сочиненіе. По словамъ его, начало искусства танцованія относится къ сотворенію міра; движеніе и гармонія небесныхъ свѣтилъ были первымъ основаніемъ его правилъ.

Какъ и всѣ искусства, архитектура, ваяніе, живопись, музыка, драма, — пляска имѣла первоначально значеніе чисто религіозное; она была посвящена исключительно прославленію божества и принадлежала къ обязанностямъ и преимуществамъ жрецовъ. Это доказывается свѣдѣніями, довольно скудными, которыя дошли до насъ о древнѣйшихъ пляскахъ египтянъ, грековъ и римлянъ.

Египтяне, такъ долго считавшіеся древнѣйшимъ и мудрѣйшимъ племенемъ на землѣ, до того чествили пляску и она имѣла такое значеніе въ ихъ таинствахъ, что преступавшихъ завѣты этихъ таинствъ они называли плясоотступниками. Изъ египетскихъ плясокъ были особенно извѣстны двѣ, о которыхъ Платонъ, Лукіянъ и нѣкоторые другіе писатели разсказываютъ чудеса; это *астрономическая пляска*, и пляска въ честь быку Апису. Первая встрѣчается впослѣдствіи въ Греціи гдѣ ей обучились у Орфея,

и въ Италіи, куда перенесъ ее Пиѳагоръ. Хоры греческихъ и римскихъ трагедій сохранили намъ всѣ ея движенія. Возвышеніе, стоявшее на срединѣ, изображало солнце; танцоры вращались около него, представляя знаки зодіака, планеты, созвѣздія и подражали ходу небесныхъ тѣлъ.

Но самою знаменитою, самою торжественною пляскою въ Египтѣ была пляска въ честь бога Аписа. Каждый, кто сколько нибудь знакомъ съ древнею миѳологіею, знаетъ, что такое былъ этотъ рогатый богъ. По ученію египетскихъ жрецовъ, верховное божество, Озирисъ (Нилъ), являлось чрезъ каждые двадцать пять лѣтъ подъ видомъ тельца. Этотъ телецъ былъ зачатъ телицею отъ молніи, и раждался съ особыми примѣтами; онъ былъ черной шерсти, имѣлъ на спинѣ изображеніе орла, подъ языкомъ изображеніе скорпіона, двойной волосъ въ хвостѣ, и на лѣвомъ боку бѣлую мѣтину въ видѣ полулунія. Впродолженіе сорока дней его кормили на берегу Нила; за нимъ ухаживали нагія женщины. Потомъ вели его въ Мемфисъ, гдѣ начиналось торжество его апоѳеозы. Жрецы исполняли религіозный балетъ, изображавшій жизнь Озириса, главнаго египетскаго божества; во время шествія къ храму различныя движенія, то медленныя, то страстныя, при звукахъ тысячи инструментовъ, изображали чудесное рожденіе бога, его дѣтство, любовь и бракосочетаніе съ Изидою (египетскою землею). Далѣе представлялись его завоеванія, учрежденіе гражданственнаго образованія въ Индіи, возвращеніе побѣдоноснаго Озириса въ Египетъ, смерть его предательскихъ братьевъ, казненныхъ его рукою. По прибытіи въ храмъ, пляска дѣлалась живѣе и веселѣе; самъ народъ раздѣлялъ восторгъ жрецовъ, и выражалъ его въ бурныхъ кликахъ и пляскахъ. Но проходили двадцать пять лѣтъ, наступалъ срокъ, когда Озирису слѣдовало переселиться въ тѣло другаго быка, Аписа, а старый обрекался закланію. Смерть его сопровождалась такими же торжествами и плясками, какъ и его обоготвореніе; но уже не веселыми, не радостными, а печальными, погребальными.

У евреевъ, народа руководимаго перстомъ Божіимъ, пляска, конечно, не могла быть необходимою принадлежностью богослуженія, какъ у прочихъ племенъ древняго міра. Многія мѣста Вѣтхаго Завѣта, особенно книги псалмовъ и пророковъ, показываютъ, что евреи вообще были очень склонны къ пляскѣ и хороводамъ, и дѣвы израильскія имѣли обыкновеніе въ нѣкоторые торжественные дни собираться въ назначенныхъ мѣстахъ, вести хороводы при звукахъ различныхъ инструментовъ, особенно бубенъ. Такъ, напримѣръ, когда юношамъ Веньяминова племени не достало женъ,

потому что всѣ прочія племена поклялись не давать имъ своихъ дочерей, старцы израильскіе посовѣтовали имъ спрятаться въ виноградникахъ и дождаться, пока дѣвы города Сило выйдутъ, чтобы вести хороводы, по древнему обычаю, и тогда похитить ихъ и бѣжать съ ними въ свою землю. Что они и исполнили.

Греки, получившіе изъ Египта свои первыя религіозныя понятія, заимствовали въ то же время и религіозные обряды, въ томъ числѣ и пляску, которая достигла необыкновенной степени развитія въ этой странѣ вкуса, поэзіи, удовольствій и красоты. Тамъ граціи, присоединившись къ нимфамъ лѣсовъ, мѣрно ударяли ногами по лужайкѣ, при тихомъ и томномъ свѣтѣ луны; невинныя дѣвы, танцуя, сходили съ вершины Кпоерона, съ корзинами на головахъ; дѣвы спартанскія, прикрытыя своею цѣломудренною стыдливостью, изображали кровавыя игры Марса; вакханки съ бурнымъ восторгомъ прядали вокругъ старика Силена.

Съ достовѣрностью можно сказать, что ни одинъ народъ не уважалъ такъ пляски, какъ греки; по мнѣнію ихъ, она родилась вмѣстѣ съ любовью, и вѣчно была ея неотлучною подругою; и самъ Аполлонъ, устами своей прорицательницы, начерталъ первыя правила этого искусства. Всѣ поэты наперерывъ воспѣвали его. Гомеръ, говоря о самыхъ невинныхъ наслажденіяхъ, исчисляетъ только сонъ, любовь и пляску; да и изъ тѣхъ, прибавляетъ онъ, чуть ли не одна послѣдняя заслуживаетъ названіе безукоризненнаго наслажденія; изображеніе ея находится на щитѣ Ахиллеса. Гезіодъ, самъ видѣвшій на зарѣ, какъ музы вели свои хороводы вокругъ алтаря своего отца, и нѣжными ножками своими попирали душистыя фіалки на берегу Ипокренскаго источника, увѣряетъ, что пляска самый прекрасный даръ, ниспосланный богами человѣку. Пиндаръ называетъ Аполлона плясуномъ и обрѣкаетъ безсмертію имена всѣхъ, отличившихся въ этомъ искусствѣ. Платонъ, этотъ поэтъ въ своемъ родѣ, этотъ строгій и глубокомысленный философъ, не колеблясь ставитъ пляску въ главѣ всѣхъ наукъ, потому-что, говоритъ онъ, должно образовать тѣло прежде ума. Онъ считаетъ пляску упражненіемъ, которое должно вести человѣка къ добродѣтели, потому что искусство это разгоняетъ печаль, самое опасное, по его мнѣнію, изъ всѣхъ ощущеній души. Въ наше время иначе думаютъ объ ощущеніяхъ души и о средствахъ противъ нихъ. Сократъ, мудрѣйшій изъ мудрецовъ, не довольствуясь тѣмъ, что признавалъ пользу и достоинство искусства пляски, хотѣлъ даже самъ учится танцовать, хотя былъ уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ; онъ избралъ себѣ въ учите-

ли Аспазію. Эпаминондъ также не считалъ недостойнымъ себя изучать таинства танцовальнаго искусства, и исторія сохранила намъ имя его учителя: это былъ Каллифронъ.

Пляскѣ приписывалось гораздо высшее значеніе и обширнѣйшая сфера дѣйствія, чѣмъ въ наше время. Она была не только искусствомъ, посвященнымъ прославленію божества, но и весьма надежнымъ средствомъ охраненія нравственности. Агамемнонъ, собираясь въ походъ подъ Трою, не могъ придумать лучшаго средства удержать жену свою въ соблюденіи ея супружескихъ обязанностей, какъ приставивъ къ ней танцора, который напоминалъ бы ей о нихъ своими движеніями и плясками. Къ несчастію, танцоръ видно былъ плоховатъ въ своемъ искусствѣ. Клитемнестра, какъ извѣстно, сначала измѣнила мужу, а потомъ, чтобы скрыть вину, зарѣзала его.

У Грековъ было множество различныхъ танцевъ, которые можно подвести подъ нѣсколько разрядовъ. Во-первыхъ были пляски публичныя и частныя; публичныя подраздѣлялись опять на религіозныя, лирическія или сценическія. Далѣе, религіозныхъ плясокъ было два вида: *Діонисіевы пляски*, живыя, бурныя, выразительныя, разгульныя, посвященныя большею частію Діонисію или Бахусу; и *корибантическія*, болѣе торжественнаго характера, посвященныя Юпитеру. Лирическія пляски также дѣлились на двѣ главныя отрасли: *гимнопедіи*, въ которыхъ юноши, совершенно нагіе, представляли различныя гимнастическія движенія, напримѣръ, борьбу или бой, и *пирриченія*, исполнявшіяся въ полномъ вооруженіи, и представлявшія образъ войны.

Одною изъ древнѣйшихъ плясокъ Греціи была *пляска шутовъ*. Танцоры, въ нагрудникахъ и золоченыхъ шутовскихъ шапкахъ, вооруженные мечами и щитами, съ гремушками на ногахъ, кривлялись, принимали различныя воинственно-каррикатурныя позы, которыя попеременно возбуждали страхъ и хохотъ въ зрителяхъ.

Вооруженныя пляски принадлежали также къ глубочайшей древности. Онѣ исполнялись съ мечемъ, сулицею и щитомъ. Греки первоначально называли ихъ *мемфитическими плясками*, и полагали, что онѣ были изобрѣтены Минервою, въ память побѣды, одержанной богами надъ Титанами. Эти пляски имѣли характеръ строгій и торжественный. Онѣ были почти уже забыты, когда Пирръ возстановилъ ихъ, отчего онѣ и получили его имя. Молодые греческіе воины предавались имъ съ какимъ-то остервенеціемъ, чтобы разогнать скуку безконечнаго стоянія подъ Троею. Въ этой пляскѣ соединялись всѣ движенія тогдашняго воен-

наго искусства; и нѣкоторые писатели, въ томъ числѣ Лукіянъ, смѣло утверждаютъ, что этому упражненію должно приписать торжество грековъ и паденіе Трои. Стало быть, не любовь ее сгубила, какъ увѣряютъ баснописцы, а не умѣнье выплясывать.

Вооруженныя пляски были весьма многоразличны. Вотъ описаніе одной, добросовѣстно переданное намъ однимъ историкомъ: «Затѣмъ явились Эніяне и Магнеты, и проплясали *карпею* въ «оружіи. Содержаніе этой пляски обыкновенно бываетъ слѣдую«щее: выходитъ одинъ человѣкъ, бросаетъ доспѣхи и оружіе, и «принимается пахать землю и сѣять хлѣбъ; но онъ безпрестанно «отрывается отъ работы, и оборачивается назадъ, будто опасает«ся врага. Вдругъ показывается тать; земледѣлецъ, увидѣвъ его, «бросается къ оружію, и сражается передъ своими волами, подъ «звуки музыки. Наконецъ разбойникъ одерживаетъ верхъ, связы«ваетъ земледѣльца, и уводитъ его воловъ. Иногда, впрочемъ, по«бѣда остается за земледѣльцемъ; онъ схватываетъ врага, связы«ваетъ ему руки за спиною и уводитъ его, привязавъ къ своимъ «воламъ».

Панатенейскія пляски исполнялись женщинами, также въ полномъ вооруженіи; это было торжественное шествіе подъ звуки флейтъ, сопровождаемое пляскою, которая изображала битву Минервы съ Титанами.

Будто для противуположности вооруженнымъ пляскамъ, были у грековъ пляски, которыя можно назвать *пастушескими*. Нѣкоторыя изъ нихъ, изобрѣтенныя Паномъ, исполнялись въ лѣсахъ и отличались живостью и веселостью. Въ нихъ участвовали молодые люди обоихъ половъ, въ дубовыхъ вѣнкахъ, и съ гирляндами цвѣтовъ, которыя опускались съ лѣваго плеча, и прикрѣплялись другимъ концомъ на правомъ боку. Описаніе одной такой пляски встрѣчается въ греческомъ романѣ, «Дафнисъ и Хлоя». Приведемъ его: «Старикъ, выполнивъ такъ искусно и такъ «изящно свою пляску, поцѣловалъ Дафниса и Хлою, которые «тотчасъ встали, и начали плясать повѣсть Ламона; Дафнисъ «представлялъ Пана, а Хлоя прекрасную нимфу Сириксу. Онъ «умолялъ ее, а она дурачила его; она убѣгала, а онъ преслѣдо«валъ ее, бѣгая на цыпочкахъ, для большаго сходства съ козли«ными ногами Пана; потомъ она притворилась утомленною бѣ«гомъ и скрылась въ лѣсъ, какъ нимфа скрылась въ трост«никахъ. Тогда Дафнисъ, взявъ большую флейту Филета, извлекъ «изъ нея звукъ томный и тихій, какъ голосъ влюбленнаго; потомъ «другой звукъ, страстный, какъ голосъ человѣка, желающаго

«тронуть суровое сердце; и наконецъ звукъ призывный, какъ «голосъ идущаго на поиски. Всего три звука».

Перемѣна временъ года, посѣвъ, жатва, сборъ винограду, словомъ всѣ событія сельской жизни, служили темами этимъ сельскимъ пляскамъ. Въ томъ же романѣ читаемъ мы: «Затѣмъ «Дріасъ проплясалъ сборъ винограду, показывая поочередно «своими движеніями, будто онъ собираетъ виноградъ, складываетъ «его въ корзины, относитъ на плечахъ, сваливаетъ въ чаны, давитъ, переливаетъ вино въ сосуды, и наконецъ пробуетъ свѣжее «вино».

Греки, подобно намъ, очень любили вечеринки и обыкновенно оканчивали ими свои пирушки; но по большей части не танцовали сами, а заставляли танцовать наемныхъ танцовщиковъ и танцовщицъ; и только когда винный паръ начиналъ воспламенять головы, хозяева и гости вмѣшивались въ пляску. Для этихъ пировъ были особыя пляски, которыхъ изобрѣтеніе Филостратъ приписываетъ Комусу, Діодоръ—Терпсихорѣ, а нѣкоторые другіе Бахусу. Къ самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ плясокъ принадлежала *пляска Лапитовъ*, которой изобрѣтеніе приписывалось Пирриою. Она изображала битвы центавровъ съ лапитами, и была чрезвычайно трудна и даже опасна, особенно для исполнявшихъ роль центавровъ. Поэтому ее скоро совсѣмъ бросили и предоставили мужикамъ.

Вотъ другая пляска, описанная Ксенофонтомъ: ее выполняли четыре человѣка; одинъ сиракузецъ, руководившій остальными, одна флейтщица, одна танцовщица, искусная на всякаго рода salti mortali, и одинъ молодой человѣкъ, игравшій на лирѣ. Танцовщица начала пляску различными диковинными скачками и фокусами съ обручами и мечами; за нею молодой человѣкъ съ лирою исполнилъ пляску благородную и граціозную; потомъ изъ числа гостей выступилъ одинъ и повторилъ въ каррикатурѣ всѣ ихъ па и тѣлодвиженія; это былъ прихлебатель-шутъ, лицо необходимое на каждой пирушкѣ и платившій за угощеніе кривляніями и дурачествами, шутками и прибаутками, на потѣху честной компаніи. Пляска заключилась пантомимою, которую выполнилъ сиракузецъ съ танцовщицею, и которой содержаніе было любовь Аріадны и Бахуса.

Каждое семейное событіе праздновалось у грековъ особенною пляскою. *Пляска Гименея*, исполнявшаяся на свадьбахъ, отличалась граціозностью, задушевностью и скромностью; ее выполняла цѣлая толпа юношей и молодыхъ дѣвушекъ, въ цвѣточныхъ вѣнкахъ. Гомеръ упоминаетъ о ней въ числѣ плясокъ, изображен-

ныхъ на щитѣ Ахиллеса. Но всего блистательнѣе была *похоронная* пляска, особенно когда умершій былъ человѣкъ замѣчательный по роду, по богатству, или по высокому сану. Всѣ участвовавшіе въ погребальномъ шествіи были въ длинной бѣлой одеждѣ и имѣли на головахъ кипарисные вѣнки и такія-же вѣтки въ рукахъ. Толпа юношей шла въ два ряда передъ погребальною колесницею и выполняя соотвѣтственную торжеству пляску; по бокамъ колесницы шли два ряда дѣвушекъ. Пляска сопровождалась пѣніемъ жрецовъ. Шествіе замыкалось толпою плакальщицъ въ длинныхъ черныхъ плащахъ.

Должно упомянуть еще о двухъ особенныхъ пляскахъ грековъ; первая, называвшаяся *асколіама*, заключалась въ скаканіи на одной ногѣ по мѣхамъ, наполненнымъ воздухомъ, и обмазаннымъ снаружи масломъ; вторая, *диподa*, была тоже самое, съ тѣмъ только различіемъ, что тутъ позволилось скакать на обѣихъ ногахъ.

Кромѣ этихъ плясокъ, общихъ всей Греціи, были еще у разныхъ племенъ ея другія, имъ исключительно принадлежавшія.

Моряки острова Делоса имѣли чрезвычайно странную пляску, состоявшую въ томъ, что два человѣка кружились около возвышенія на которомъ былъ разведенъ огонь, ударяя другъ друга кнутомъ, словно играли другъ съ другомъ въ кубари.

Пляска критянъ, извѣстная подъ именемъ пляски *карибантовъ*, и изобрѣтенная Реею (Цибелою), выполнялась при громкихъ ударахъ дротиковъ объ щиты. Изъ миѳологіи извѣстно, какимъ образомъ корибанты и куреты спасли младенца Юпитера, заглушая его крики, между-тѣмъ, какъ прожорливый отецъ его, старикъ Сатурнъ, глоталъ камни вмѣсто своихъ дѣтей.

Но ни одно изъ греческихъ племенъ такъ не пеклось объ искусствѣ пляски, какъ лакедемоняне. «Лакедемоняне, говоритъ «Лукіянъ, ничего не начинаютъ, безъ содѣйствія музъ; они «сражаются подъ звуки флейтъ, и ходятъ мѣрнымъ шагомъ. «У этого народа, флейта подаетъ первый знакъ къ битвѣ, и онъ «всегда побѣждаетъ, когда идетъ на непріятеля подъ звуки флейты.»

Число плясокъ, употребительныхъ въ Спартѣ, было весьма велико. *Каріатическая* пляска, которой учились въ городѣ Каріи, что въ Лаконіи, была завѣщана лакедемонянамъ Касторомъ и Поллуксомъ. Пляска, или точнѣе, хороводъ *ожерелья*, принадлежала имъ исключительно, и была изобрѣтена въ самой Спартѣ. «Въ этой пляскѣ, говоритъ Лукіанъ, хоровожатымъ съ одной «стороны былъ юноша, плясавшій съ смѣлостью и свободою «своего пола; за нимъ слѣдовалъ хоръ юношей, повторявшихъ

«его движенія. Сзади шли хоры дѣвушекъ, плясавшихъ медленно «и скромно, какъ прилично женскому полу. Вдругъ, по данному «знаку, юноши обращались назадъ, и выражали такимъ образомъ «союзъ силы и мужества съ слабостью и скромностью».

Пляска или хороводъ *Гормѣса*, была въ другомъ родѣ; въ ней невозможно не признать одинаковаго происхожденія съ *астрономическимъ хороводомъ* египтянъ. Составлялся большой кругъ изъ юношей и дѣвушекъ попеременно, которые держались за руки и кружились, на подобіе вращенія небесныхъ тѣлъ. Хороводъ сопровождался пѣснями, которыя дѣлились на *строфы*, *антистрофы* и *эподъ*. Во время строфъ, хороводъ двигался съ востока на западъ, то есть справа влѣво; при антистрофахъ на оборотъ, ъ запада на востокъ, а при эподѣ всѣ мгновенно останавливались. Гомеръ описываетъ этотъ хороводъ при описаніи Ахиллесова щита; дѣвушки, по его словамъ, были одѣты въ легкія, прозрачныя ткани и имѣли на головахъ вѣнки изъ цвѣтовъ; юноши были въ одеждѣ изъ лощеныхъ тканей, и вооружены золотыми мечами на серебряныхъ поясахъ. Двое другихъ были въ срединѣ круга и выдѣлывали разные диковинные прыжки.

Была еще въ Спартѣ очень древняя и знаменитая пляска, называвшаяся *пляскою невинности*. Ее выполняли молодыя дѣвушки, совершенно нагія, передъ Діаной. Тутъ-то Тезей и Парисъ увидѣли въ первый разъ Елену и рѣшились похитить ее; что они и исполнили, каждый въ свою очередь. Ликургъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы воспретить чужеземцамъ доступъ на это торжество.

Этотъ законодатель не пренебрегалъ плясками и хороводами; преобразовалъ многія изъ старыхъ, и учредилъ нѣсколько новыхъ. Ему принадлежитъ изобрѣтеніе *гимнопедіи*. Она выполнялась двумя хорами, изъ которыхъ одинъ состоялъ изъ мужей, другой изъ отроковъ; всѣ были совершенно нагіе и вооружены мечами, копьями и щитами; хоровожатые имѣли на головахъ пальмовые вѣнки.

Старцы имѣли также свои особенныя пляски и хороводы, въ честь Сатурну.

Изъ всего сказаннаго нами, видно, въ какой чести было у лакедемонянъ искусство пляски. Пиррическія пляски выполнялись у нихъ со всевозможнымъ воинственнымъ великолѣпіемъ.

Аѳиняне также очень любили пляску и хороводы, но предпочитали пляски за пирушкою. Вообще можно сказать, что какъ пляски лакедемонянъ соотвѣтствовали мужественному, нѣсколько дикому духу полужрической, полувоинственной Спарты, такъ

точно пляски Аѳинянъ выражали живой, утонченный, нѣсколько изнѣженный и сладострастный характеръ аттическаго племени. Изъ всѣхъ ихъ плясокъ Платонъ допускалъ только одну, степенную и величественную; но Аѳиняне не жаловали ее, и терпѣли ее только для приличія. Они предпочитали *менады*, пляску огненную и сладострастную, которая исполнялась переодѣтыми танцовщицами, и *лампротеры*, танецъ шутливый, о которомъ Гомеръ говоритъ въ XVI пѣсни Одиссеи. Они ввели также особенную пиррическую пляску, вовсе не похожую на лакедемонскую, въ которой вмѣсто мечей и копій, танцоры были вооружены тирсами, цвѣтами и факелами. Она сохранилась въ описаніи Апулея.

Была у нихъ еще пляска, называвшаяся *эммелія*, которая должна была выполняться съ чрезвычайною степенностью и важностью. Древняя исторія очень скудна анекдотами, особенно въ томъ родѣ, какъ мы любимъ; однако же эта пляска напоминаетъ намъ анекдотъ, который мы разскажемъ, какъ вычитали его изъ Геродота. Клисѳенъ, царь Сикіонскій, желая найти достойнаго супруга своей дочери, пригласилъ всю знатную и богатую молодежь Греціи искать руки прекрасной Агаристы. Въ числѣ соискателей были и Смиридидъ Сибаритскій, и Лаокедъ Аргосскій, и Лафанъ Аркадійскій; было и много другихъ, но изъ всей этой толпы жениховъ особенно обращали на себя всѣ взоры два аѳинянина, Мегаклъ, сынъ Алкмена, и Гиппоклидъ, считавшійся первымъ богачемъ и красавцемъ Аттики. Царь, разумѣется, задалъ дорогимъ гостямъ пиръ на славу, какъ искони водилось и въ исторіи, и въ сказкахъ, и у грековъ, и у варяжскихъ викинговъ, и у нашихъ кіевскихъ князей-богатырей, и у заморскихъ королей. И не одинъ день продолжалось пированіе, а цѣлую недѣлю. Вотъ наступилъ послѣдній день; всѣ уже думали, что никому не получить руки прекрасной царевны, кромѣ пригожаго Гиппоклида; и невѣста на него засматривалась, краснѣя, какъ маковъ цвѣтъ, и самъ Клисѳенъ поглаживалъ себѣ бороду, глядя на лихаго зятя; а женихи уже ходили по чертогамъ, словно тѣни, повѣся носъ. Какъ вдругъ нелегкая дернула Гиппоклида приказать раскинуть большой столъ, и проплясать на немъ *эммилію*, да не важно, не степенно, какъ прилично было порядочному жениху, а живо и бойко, какъ какую-нибудь *сикиннію*, шутовскую пляску, давно предоставленную фиглярамъ и скоморохамъ. Клисѳенъ прогнѣвался, всталъ, и сказалъ: — Сынъ Тизандра, ты проплясалъ свою невѣсту; дочь царя Клисѳена не пойдетъ за скомороха. Не одна невѣста на свѣтѣ, от-

вѣчалъ обиженный женихъ. «И отсюда, говоритъ лѣтописецъ, пошла поговорка: «*проплясать невѣсту*».

Мы показали превосходство грековъ въ пляскѣ религіозной и лирической; остается еще поговорить объ отрасли искусства, составляющей главнѣйшую ихъ заслугу, главное право ихъ на признательность и уваженіе потомства: это пляска сценическая.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что эта честь принадлежитъ египтянамъ. Правда, въ Египтѣ было уже начало балета, потому-что религіозная пляска или религіозный хороводъ есть уже первая форма балета; но греки первые перенесли его на театръ. Правда и то, что онъ у нихъ и на театрѣ долго имѣлъ характеръ религіозный и изображалъ движенія небесныхъ тѣлъ, какъ легко усмотрѣть изъ раздѣленія хоровъ ихъ трагедій на строфы, антистрофы и эподы; но съ теченіемъ времени онъ совершенно утратилъ всякій слѣдъ религіознаго происхожденія, и съ тѣмъ вмѣстѣ всякое сходство съ египетскими хороводами. Тезею принадлежитъ честь этаго нововведенія. Въ этихъ пляскахъ, учрежденныхъ въ память смерти Минотавра, Аріадна вручала герою спасительную нить, и спутанныя движенія танцоровъ, кружившихся въ противоположныхъ направленіяхъ, изображали непроходимые извороты лабиринта. Впослѣдствіи этотъ хороводъ названъ *журавлемъ*, потому, говоритъ Плутархъ въ «Жизни Тезея», что танцоры тянулись вереницами, какъ журавли во время перелета.

Балеты у грековъ всегда сопровождали ихъ трагедіи и комедіи, и замѣнили въ нихъ поющіе хоры; но они всегда были просто междудѣйствіями, и не имѣли никакой связи съ главнымъ дѣйствіемъ.

У грековъ было четыре рода танцоровъ; *гилароды*, *симоды*, *лизіоды* и *магоды*; послѣдніе сопровождали пляску свою бубнами, носили женское платье и выполняли женскія роли, роли пьяныхъ и распутниковъ; это были собственно шуты и фигляры.

Нерѣдко граждане, даже и самыхъ почетныхъ домовъ, не гнушались всходить на театральные помостки и выполнять различныя пляски передъ публикою. Примѣры того видимъ мы въ Эсхилѣ и Софоклѣ. Послѣ Саламинской побѣды, Софоклъ взялъ маску у одной изъ изперсницъ Навзикаи, взошелъ на сцену и плясалъ всенародно вокругъ трофеевъ. Этотъ же случай показываетъ, что танцоры, какъ и актеры, являлись передъ публикою не иначе, какъ въ маскахъ.

Римляне долго знали однѣ религіозныя пляски, изъ которыхъ знаменитѣйшія были пляски салійскихъ жрецовъ. Эта варварская пляска была учреждена царемъ Нумою Помпиліемъ въ честь Мар-

са. Царь этотъ, котораго баснословная римская исторія представляетъ основателемъ религіозныхъ вѣрованій въ Римѣ, избралъ изъ среды благороднѣйшихъ мужей Рима двѣнадцать жрецовъ, которые впослѣдствіи названы salines, отъ соли, которая бросалась въ огонь во время сожженія жертвъ. Эти жрецы, облеченные въ богатыя платья, шитыя золотомъ, вооруженные желѣзными латами, съ копьемъ въ одной рукѣ и щитомъ въ другой, плясали въ храмѣ во время жертвоприношеній и въ торжественныхъ шествіяхъ. Главнѣйшій изъ нихъ назывался praesul, что въ то время значило плясунъ.

Всѣ прочія пляски были изгнаны изъ римской республики, и римлянинъ предалъ бы себя всеобщему позору, позволивъ себѣ это увеселеніе. Цицеронъ жестоко упрекалъ консула Габиція за то, что онъ плясалъ всенародно. Правда, что нѣсколько времени спустя, тотъ же Цицеронъ защищалъ Мурену, обвиненнаго въ томъ же проступкѣ; но онъ приводилъ ужасъ и гнусность проступка въ доказательство его невѣроятности. О, Цицеронъ былъ великій крючекъ, отецъ всѣхъ нынѣшнихъ крючковъ!

Мало по малу однако-жъ искусство плясанія воцарилось въ Римской имперіи. Но это уже не было чистое, цѣломудренное искусство, услаждавшее грековъ; переходя въ Римъ, оно подверглось той же участи, какъ все, что стекалось со всѣхъ концовъ міра въ эту столицу, осужденную быть средоточіемъ устарѣлой, полусгнившей цивилизаціи, соединять въ себѣ послѣдніе ея высокіе результаты, и всѣ нечистыя накипи, оставленныя на ней страстями двадцати издряхлѣвшихъ племенъ.

У римлянъ, какъ у грековъ, была пляска *сбора винограду*. Тацитъ оставилъ описаніе ея, на поученіе потомства. Она выполнялась въ великолѣпныхъ, волшебно-роскошныхъ садахъ, за городскими воротами, при свѣтѣ нѣсколькихъ тысячъ факеловъ. Римскія жены и дѣвы, прикрытыя звѣриною шкурою, дикими кликами призывая Бахуса топали нагими ножками, будто давили виноградъ. А среди ихъ, Мессалина, съ распущенными волосами, махала тирсомъ, между тѣмъ, какъ любимецъ ея, Силій, вѣнчалъ себѣ голову плющемъ. Императоръ Клавдій приказалъ привести къ себѣ всѣхъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ этихъ празднествъ, и велѣлъ имъ отрубить головы.

Римляне наслѣдовали также отъ грековъ *пляску Гименея*; и, разумѣется, преобразили ее по своему. Историки называютъ ее *брачною пляскою*; характеръ ея былъ таковъ, что при императорѣ Тиверіи, Сенатъ издалъ указъ, которымъ всѣ преподававшіе ее были изгоняемы изъ Рима. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, Домиці-

анъ исключилъ изъ самаго Сената нѣсколько patres conscripti, которые осмѣлились плясать ее публично. А прошло еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и ее стали исполнять сами императоры.

Были у римлянъ также и *погребальныя пляски*, заимствованныя также отъ грековъ. Самою любопытною особенностью, введенною ими въ эту пляску, былъ шутъ, или архимима, какъ онъ назывался, который шелъ передъ гробомъ, одѣтый въ платье умершаго, въ маскѣ, похожей на него, перенимая его пріемы, голосъ, походку, и представляя въ какой то одушевленной пантомимѣ, всѣ его дѣянія и подвиги.

Мы не будемъ говорить ни о *сатурналіяхъ*, ни о *вакханаліяхъ*, потому что обо всемъ говорить не приходится.

Къ этимъ привознымъ пляскамъ или хороводамъ, римляне прибавили двѣ пляски собственнаго изобрѣтенія. Первая называлась *пляскою Флоры*. Катонъ встрѣтилъ однажды нѣсколько женщинъ, плясавшихъ ее, и свернулъ съ дороги, не смѣя проходить мимо ихъ. Другая была *пляска перваго мая*. Молодые люди обоего пола выходили изъ города на разсвѣтѣ, и танцуя подъ звуки инструментовъ, срѣзали зеленыя вѣтки въ рощахъ. Потомъ точно въ такомъ-же порядкѣ приносили ихъ домой, и убирали ими двери родительскихъ домовъ. Родители между тѣмъ ждали ихъ на улицахъ передъ покрытыми всякими яствами столами. Никто въ этотъ день не работалъ; каждый имѣлъ при себѣ зеленую вѣтку, и счелъ-бы за стыдъ показаться безъ нея. Этотъ хороводъ, который является въ томъ или другомъ видѣ у всѣхъ европейскихъ народовъ, — (мы впрочемъ плохо вѣримъ ученымъ изыскателямъ, которые, во что-бы ни стало, хотятъ производить его отъ майскаго хоровода римлянъ), этотъ хороводъ первоначально начинался на зарѣ и кончался утромъ, но впослѣдствіи сталъ продолжаться далеко за полночь.

Изъ немногаго, что мы сказали о танцовальномъ искусствѣ у римлянъ, не трудно уже угадать, что они должны были съ жадностью броситься на греческую театральную пляску, и, разумѣется, не въ религіозномъ ея смыслѣ, а въ смыслѣ роскошнаго, чувственнаго увеселенія. Дѣйствительно, если вѣрить латинскимъ писателямъ, римляне довели это искусство до такого совершенства, что оставили далеко за собою своихъ учителей.

При Цицеронѣ театръ принадлежалъ исключительно драматической поэзіи; талантъ Эзопа и Росція, двухъ величайшихъ декламаторовъ древности, казалось, долженствовалъ на долго упрочить ея владычество. Но все что держится личнымъ достоинствомъ одного человѣка, умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. Эзопъ и Рос-

цій умерли, а за ними и трагедія и комедія сошли также въ могилу. Тогда-то два знаменитые танцовщика, два грека, Пиладъ Киликійскій и Батилъ Александрійскій, задумали попытаться ввести танцованіе на римскій театръ. Одинъ опытъ былъ уже сдѣланъ прежде, но то было дѣло заклада. Нѣкто Ливій Андроникъ, родомъ грекъ, какъ почти всѣ римскіе актеры, хорошій стихотворецъ и отличный трагикъ, имѣвъ несчастіе потерять голосъ, побился объ закладъ, что выразитъ тѣлодвиженіями всѣ мысли и чувства, которыя прежде выражалъ словомъ. Народъ съ восторгомъ принялъ это нововведеніе.

Вторая попытка увѣнчалась такимъ-же устѣхомъ, и съ этого времени перестали говорить и пѣть на театрахъ Италіи, и *пантомима* воцарилась на нихъ одна.

Этотъ новый родъ представленія, составленный изъ трехъ элементовъ греческой пляски, *эммеліи*, *сикинніи* и *кордаки*, съ различными измѣненіями, получилъ названіе *итальянской пляски*.

Пиладъ и Батилъ поступили, какъ поступаетъ большая часть друзей. Изъ друзей они скоро сдѣлались соперниками, разошлись, завели каждый свой театръ, и вслѣдствіе того искусство пантомимы раздѣлилось на двѣ школы, изъ которыхъ каждая имѣла своихъ приверженцевъ и своихъ враговъ.

Батилъ былъ особенно искусенъ въ сценахъ граціозныхъ, въ выраженіи нѣги и сладострастія; онъ такъ кружилъ головы римлянкамъ — (это были уже не тѣ римлянки, между которыми могли рождаться Лукреціи и Корнеліи) — что онѣ даже въ публичныхъ театрахъ не могли скрывать своей слабости. Ювеналъ разсказываетъ о восторгахъ, которые Батилъ возбуждалъ въ роли Леды.

Пиладъ былъ гораздо скромнѣе и мужественнѣе; за то онъ былъ гордъ до крайности. Дерзость его вынудила наконецъ Августа изгнать его. Однако-же онъ скоро возвратился и возбудилъ такой неистовый энтузіазмъ, что послѣ состязанія его съ однимъ изъ его-же учениковъ, Гиласомъ, который вздумалъ было оспаривать у него первенство въ роли Агамемнона, тотъ-же императоръ осыпалъ его богатыми дарами, и облекъ въ санъ декуріона, дававшійся до того времени однимъ сенаторамъ. Гиласа же приказано было водить по всему Риму и сѣчь на всѣхъ площадяхъ.

Пиладъ и Батилъ, какъ мы уже сказали, основали двѣ отдѣльныя школы, и соперничество ихъ продолжалось въ ихъ ученикахъ. Вскорѣ этимъ представленіямъ придали всевозможное великолѣпіе. Прежде одинъ актеръ исполнялъ нѣсколько ролей въ

пьесѣ, но тутъ образовались многочисленныя труппы, которыя забрали всѣ отрасли драмы; трагедію, комедію и сатиру. Главные актеры сопровождались великолѣпно одѣтымъ кордебалетомъ и многочисленнымъ оркестромъ. Энтузіазмъ, который они возбуждали въ римлянахъ, говоритъ Баронъ въ письмахъ своихъ о танцованіи, почти не уступалъ фанатизму междоусобныхъ войнъ. Театральныя партіи, отличавшіяся цвѣтомъ одеждъ, обагрили весь Римъ кровью. Вся имперія, въ которой уже Пиладъ и Батилъ породили нелѣпую распрю, распалась опять на *синихъ* и *зеленыхъ*. Распря эта стоила жизни многимъ знатнымъ лицамъ.

Императоры съ ужасомъ смотрѣли на эти безпорядки; Тиверій, Калигула, Неронъ, поочередно изгоняли изъ Рима всѣхъ танцовщиковъ; но Римъ не могъ уже жить безъ нихъ. Нѣсколько эдиктовъ запрещали сенаторамъ посѣщать ихъ, всадникамъ провожать ихъ, а римскимъ женамъ уступать имъ первое мѣсто; но всѣ эти эдикты были тщетны; три императрицы, Мессалина, Доминиція и Фаустина, сами всегда уступали танцорамъ.

Траянъ принялъ еще болѣе строгія мѣры и успѣлъ очистить Римъ отъ этого разсадника безпорядковъ и раздоровъ; но изгнаніе ихъ продолжалось только до конца его царствованія. При преемникахъ его, нѣкоторые изъ плясуновъ добились даже сана жрецовъ Аполлоновыхъ, предоставленнаго до того только первымъ домамъ Рима. Констанцій, изгнавъ изъ Константинополя, по случаю голода, всѣхъ философовъ, оставилъ въ городѣ три тысячи танцоровъ.

Правда, что эти танцоры довели свое искусство до невѣроятной степени; ихъ называли *мудрецами въ дѣлѣ рукъ и ногъ*. Суидасъ, Аристофанъ и Эвстафій упоминаютъ объ одной знаменитой танцовщицѣ, Эмпузѣ, которая кружилась такъ быстро, что ноги и руки ея пропадали изъ глазъ самыхъ внимательныхъ зрителей, и наконецъ ее совсѣмъ было не видно. Они сравниваютъ ее съ колесомъ колесницы. Впрочемъ сравненіе это можетъ навести на мысль, что хитрость ея была очень не хитрая, и что она просто выдѣлывала штуку, которая ни почемъ нашимъ площаднымъ фиглярамъ; она просто кружилась, и кружась скрывалась за кулисы.

Но если второстепенные танцоры пускались въ такіе глупые фокусы, болѣе талантливые артисты старались блистать умомъ и отчетливостью своей игры. За то какихъ познаній не требовали отъ нихъ. «Танцоръ», говоритъ Лукіянъ, «долженъ знать «ритмъ и музыку, чтобы давать размѣръ своимъ движеніямъ; «геометрію, чтобы рисовать свои па; философію и реторику, что-

«бы изображать нравы и возбуждать страсти; живопись и скульп-«туру, чтобы сочинять группы и позы. Что касается исторіи и «миѳологіи, онъ долженъ знать въ совершенствѣ всѣ событія отъ «хаоса и сотворенія міра до Клеопатры, царицы Египетской». Послѣ этого дивитесь еще, что великіе танцоры не встрѣчаются на каждомъ перекресткѣ!

Впечатлѣніе, которое они производили на публику, дожно было соотвѣтствовать ихъ искусству. Лукіянъ разсказываетъ, что жители одного греческаго города, послѣ представленія Эврипидовой «Андромеды», рѣшительно помѣшались на трагедіи. На всѣхъ нашла какая-то дурь; они бѣгали по городу, блѣдные, истощенные, полунагіе, и декламировали вслухъ, съ самыми неистовыми тѣлодвиженіями, одинъ монологъ изъ этой трагедіи. Къ счастью суровость зимы охолодила ихъ воспламененныя головы и прекратила глупую болѣзнь.

Иногда случалось, что эти мимы увлекались страстью и выходили изъ предѣловъ разумнаго и сознательнаго подражанія природѣ. Лукіянъ называетъ это *ложнымъ подражаніемъ* природѣ. Пиладъ, играя однажды роль Геркулеса, до того забылся, что сталъ пускать свои стрѣлы въ зрителей. «Я самъ видѣлъ однажды», говоритъ Лукіянъ, «какъ одинъ танцоръ, пользовавшійся до «тѣхъ поръ огромною славою, которую онъ дѣйствительно вполнѣ заслуживалъ своимъ умомъ и дарованіемъ, дался въ подобную ошибку. Онъ представлялъ Аякса, взбѣшенаго тѣмъ, что «Улиссъ восторжествовалъ надъ нимъ, и пришелъ въ такое изступленіе, что разорвалъ платье на одномъ изъ тѣхъ людей, «которые бьютъ такту, вырвалъ изъ рукъ музыканта флейту, и «едва не размозжилъ ею голову Улиссу, торжествовавшему еще «свою побѣду. Потомъ онъ бросился на середину театра, и сѣлъ «на мѣсто, назначенное для сенаторовъ, между двухъ консуляріевъ, которые поспѣшно встали съ своихъ мѣстъ, и пробрались къ дверямъ, не желая видѣть окончанія зрѣлища. Между «тѣмъ зрители скакали, топали, кричали, бросали свои платья; «но это была одна чернь, люди ограниченнаго ума, безъ образованія, и не знающіе законовъ приличія».

Что ни говоритъ Лукіянъ, а эта сцена была совершенно во вкусѣ не одной черни, но и всего лучшаго общества Рима; ибо римляне около этого времени сдѣлали неимовѣрные успѣхи въ наукѣ сильныхъ ощущеній. Мысленныя убійства театра уже не удовлетворяли ихъ; преступники должны были, къ развязкѣ пьесъ, надѣвать платье и маски главныхъ актеровъ, и были дѣйствительно отравляемы или закалываемы. Марціалъ приводитъ

примѣръ актера, который, играя роль Сцеволы, дѣйствительно сжегъ себѣ руку на горящихъ угольяхъ. По словамъ Тертуллі-ана, Дедала, дѣйствительно пожиралъ медвѣдь, Лавреолъ былъ распинаемъ и разтерзанъ коршуномъ, а Орфей четвероване и раздираемъ вакханками.

Римляне заставляли также плясать безобразныхъ карликовъ, уродцевъ съ огромными головами, которыхъ Светоній называетъ distorti. Бывали въ балетахъ и другіе карлы, миловидные, хорошо сложенные пигмеи, танцовавшіе обыкновенно съ кастаньетками. Какъ природа слишкомъ рѣдко создаетъ такія анормальныя существа, то необходимо было пополнить скудость ея искусствомъ. Для этого брали дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и заключали ихъ въ формы, которыя не давали имъ развиваться; такъ проводили они всю свою молодость. Такое противуестественное средство рѣдко удавалось, и этому жребію обрекали огромное множество дѣтей, чтобы можно было надѣяться на достаточное количество удачъ; а неудавшихся убивали.

До такихъ возмутительныхъ уродливостей, до такаго забвенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ и даже инстинктовъ, врожденныхъ каждому животному, дошла эта жажда къ превратнымъ, чувственнымъ наслажденіямъ, эта ненасытность въ пресыщеніи, плодъ пережившей себя цивилизаціи! И до чего бы дошла она еще, если бъ варвары, какъ кара небесная, не обрушились на древній міръ, не разгромили въ прахъ всю римскую имперію, съ ея учрежденіями, науками и искусствами, не смели съ лица земли и благіе результаты и гниль отжившей образованности, чтобы начать новую эру, въ которой, послѣ долгаго хаоса, плоды опыта прошедшихъ вѣковъ, должны были наконецъ воскреснуть, осѣненные новыми, животворящими началами!

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ КАРЛА ГОЛЬДОНИ

О ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ЖИТЕЙСКИХЪ ТРЕВОЛНЕНІЯХЪ.

—

(*Переводъ съ итальянскаго.*)

—

ВО ФРАНЦІИ.

На самой границѣ Франціи испыталъ я уже пріятности французской вѣжливости. Въ Италіи безпрестанно мучили меня таможенные чиновники. У Сенъ-Лоранской заставы, на Варѣ, французскіе чиновники осмотрѣли мои вещи въ двѣ минуты и возвратили мнѣ чемоданы въ такомъ же порядкѣ, какъ приняли. Въ Антибѣ, пограничной крѣпости, таже вѣжливость, тоже снисхожденіе отъ комендапта; я хотѣлъ представить ему свои бумаги, но онъ отвѣчалъ: — «Не нужно, сударь, я вамъ вѣрю; поѣзжайте скорѣе, васъ ждутъ съ нетерпѣніемъ въ Парижѣ». Мы отправились далѣе, переночевали въ Водибанѣ, гдѣ никакъ не могли добиться отъ трактирщика немножко супу; на слѣдующій день, почти на разсвѣтѣ пустились опять въ путь, и къ вечеру были въ Марсели. Бросивъ бѣглый взглядъ на этотъ прекрасный городъ и на его гавань, которую смѣло можно назвать чудомъ природы и строительнаго искусства, мы опять сѣли въ ка-

рету, пронеслись, не останавливаясь, черезъ чудесное гульбище въ городѣ Э, и довольно рано пріѣхали въ Авиньонъ; на городскихъ воротахъ узналъ я ключи святаго Петра съ папскою тіарою. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть дворецъ, гдѣ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ былъ престолъ католической церкви; я отправился къ вице-легату, который очень любезно пригласилъ меня на слѣдующій день къ обѣду и показалъ мнѣ это древнее зданіе; оно такъ хорошо сохранилось, что и теперь могло бы служить дворцомъ папѣ.

Четыре мѣсяца прошло уже съ выѣзда моего изъ Венеціи; сначала болѣзнь долго удержала меня въ Болоньѣ, потомъ я гостилъ по нѣскольку дней въ разныхъ мѣстахъ. Пріѣхавъ въ Ліонъ, я нашелъ письмо отъ синьора Зануцци, въ которомъ онъ горько, но справедливо, жаловался на мое промедленіе. Не смотря на то, я не могъ рѣшиться проѣхать чрезъ Ліонъ, не посмотрѣвъ города; да и какъ же быть въ Ліонѣ, и не посмотрѣть этого прекраснѣйшаго изъ провинціальныхъ городовъ Франціи? Какъ не посѣтить эти знаменитыя мануфактуры, которыя снабжаютъ шелковыми матеріями и узорами всю Европу? Я пріискалъ себѣ квартиру и пробылъ здѣсь полторы недѣли. Спросятъ, неужели нужно полторы недѣли, чтобы обозрѣть достопримѣчательности Ліона? Конечно нѣтъ; но какъ же было отказаться отъ обѣдовъ и ужиновъ, которые всѣ богатые фабриканты давали мнѣ наперерывъ? Притомъ, никому не было оттого ущерба. Жалованье своё долженъ я былъ получать только со дня пріѣзда своего въ Парижъ; а если итальянская труппа нуждалась въ моемъ содѣйствіи, я могъ во всякое время вознаградить ее усиленною работою. Но она въ ней не нуждалась. Во время моего путешествія, къ итальянской комедіи присоединили комическую оперу; новый родъ затмилъ старый, и итальянская комедія, бывшая прежде главнымъ назначеніемъ этого театра, сдѣлалась побочною статьею. Въ Ліонѣ я получилъ первую вѣсть о томъ, но не зналъ еще, до какой степени это обстоятельство должно мнѣ быть прискорбно.

Съ обычною веселостью и бодростью сѣлъ я въ карету, чтобъ ѣхать въ столицу. Въ Вильжюифѣ засталъ я синьора Зануцца и синьору Сави, первую актрису итальянской комедіи. Пріѣздъ мой былъ отпразднованъ въ тотъ же вечеръ великолѣпнымъ ужиномъ, на который была приглашена большая часть итальянскихъ актеровъ. Мы были утомлены отъ дороги, однако же съ удовольствіемъ провели почти всю ночь среди бесѣды, соединявшей итальянскую шумливость съ французскимъ остроуміемъ. Усталость какъ

рукой сняло послѣ двухъ трехъ рюмокъ того чудеснаго нектора, за который Бургундію можно назвать обѣтованною землею. Къ утру я проснулся свѣжій, бодрый и довольный; я былъ наконецъ въ Парижѣ.... но я еще ничего не видалъ и горѣлъ нетерпѣніемъ посмотрѣть городъ.

— Прежде всего, сказалъ мнѣ мой другъ и хозяинъ, когда я объяснилъ свое желеніе, — прежде всего надо сдѣлать визиты; я сейчасъ пошлю за каретою.

— Зачѣмъ карету! вскричалъ я; въ каретѣ я ничего не увижу; пойдемте пѣшкомъ.

— Далеко.

— Ничего.

— Къ тому же сегодня такъ жарко!

— Что за вздоръ! не растаемъ.

Въ самомъ дѣлѣ лѣто въ тотъ годъ было такое жаркое, какъ рѣдко бываетъ даже въ Италіи. Но мнѣ все было ни почемъ. Мнѣ былъ пятьдесятъ четвертый годъ, но я былъ силенъ, здоровъ, крѣпокъ, а любопытство и нетерпѣніе словно придали мнѣ крылья. Проходя по бульварамъ, я видѣлъ образчикъ пространнаго гульбища, которое окружаетъ весь городъ, и представляетъ прохожимъ отрадную тѣнь лѣтомъ и солнце зимою. Вхожу въ Пале-Рояль: народу-то въ немъ! всѣхъ племенъ и сословій! Иду далѣе, и останавливаюсь въ изумленіи передъ Тюильрійскимъ дворцомъ, передъ этимъ единственнымъ въ мірѣ садомъ, столь обширнымъ, что взоръ не проникаетъ съ одного конца до другаго! Обѣгаю его аллеи, терассы, бесѣдки, басейны, и удивленіе мое возрастаетъ на каждомъ шагу. Много видалъ я прекрасныхъ садовъ и зданій, но не видалъ ничего, подходящаго къ великолѣпію этого истинно царскаго жилища. Выхожу изъ него, и взоръ мой поражаетъ новое безподобное зрѣлище: широкая рѣка, пересѣченная безчисленнымъ множествомъ прекрасныхъ мостовъ, чудесныя набережныя, всегда усѣянныя экипажами и народомъ, и все это движется, все кипитъ жизнью! Голова моя кружилась отъ шума, ноги почти отказывались ходить отъ усталости, потъ катилъ съ меня градомъ, но я ничего знать не хотѣлъ!

Было уже довольно поздно, не хватало времени на всѣ предположенные визиты; мы отложили ихъ до другаго раза и отправились къ дѣвицѣ Камиллѣ Веронезе, гдѣ насъ ждали къ обѣду. Невозможно представить себѣ женщины умнѣе, веселѣе, пріятнѣе и любезнѣе синьоры Камиллы. Она играла субретокъ въ итальянской комедіи и была кумиромъ всего Парижа и на сценѣ, и въ

обществахъ, которыя она счастливила своимъ присутствіемъ. Мы простились съ нею только, когда настала пора идти въ театръ. Итальянская комедія была тогда въ старомъ Бургонскомъ отелѣ, въ той самой залѣ, гдѣ явилась въ первый разъ на свѣтъ большая часть геніяльныхъ произведеній Мольера.

Это былъ день комическій оперы; давали *Живописца, влюбленнаго въ свою натурщицу*, и *Санчо-Пансу*. Я въ первый разъ слышалъ эту странную смѣсь разговора и пѣнія; сначала мнѣ показалось, что если музыкальная драма вообще уже не удовлетворяетъ тонкому вкусу, то эта смѣсь дѣлаетъ ее еще уродливѣе. Но потомъ я одумался: я былъ недоволенъ итальянскимъ речитативомъ, а тѣмъ болѣе французскимъ; а какъ неестественность и отсутствіе правилъ заключается въ сущности комической оперы, то ужъ лучше замѣнить живымъ разговоромъ однообразіе и скуку речитатива*.

Исполненіемъ я былъ чрезвычайно доволенъ. Госпожа Ларюэтъ обладала такимъ же замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ, какъ и прекраснымъ голосомъ. Клерваль, несравненный въ комическихъ и увлекательный въ патетическихъ роляхъ, тогда только что выступалъ на театральное поприще, но въ игрѣ его было уже столько ума и вкуса, что можно было напередъ угадать, до какого совершенства онъ разовьетъ свое дарованіе, и пророчить ему самую блистательную славу: потомъ онъ вполнѣ оправдалъ надежду и любовь публики. Кальò принадлежалъ также къ числу тѣхъ артистовъ, которые соединяютъ въ себѣ всѣ условія прочнаго успѣха. Ларюэтъ имѣлъ непріятный органъ; но выкупалъ его истиною и одушевленіемъ игры, особенно въ фарсахъ. Госпожа Берарь и дѣвица Дегланъ равно блистали въ роляхъ старухъ, одна своею живою игрою, другая превосходнымъ голосомъ. Такіе прекрасные артисты не могли не

* Въ наше время, когда опера достигла такого высокаго значенія и развитія, каждый невольно улыбнется, читая сужденіе Гольдони. Но переводчикъ считаетъ долгомъ сохранить его, также какъ и многія другія устарѣлыя, иногда даже ребяческія сужденія автора, потому что они характеризуютъ и его самого, и вѣкъ, и направленіе въ литературѣ. Странное дѣло, что самые ревностные поборники природы, всѣхъ болѣе грѣшатъ противъ природы; кто не согласится, что въ фантастическихъ созданіяхъ Шекспира, Кальдерона, Гете, и многихъ другихъ, даже въ сказкахъ Гоцци, болѣе естественности, чѣмъ въ мнимыхъ подражаніяхъ природѣ Гольдони, Дидеро, Коцебу, e tutti quanti.

очаровать меня. Но я не могъ пользоваться ихъ талантами, потому что они имѣли свою часть, совершенно отличную отъ той, для которой я былъ приглашенъ работать.

Чтобъ имѣть возможность ближе изучить своихъ итальянскихъ актеровъ, я занялъ квартиру въ сосѣдствѣ ихъ театра, и нашелъ въ томъ же домѣ очень пріятную сосѣдку, которой знакомство доставило мнѣ много пользы и удовольствія. Это была госпожа Риккобони. Отказавшись отъ театра, она плѣняла весь Парижъ своими романами, которые, по чистотѣ языка, по мастерскому изложенію, по занимательности и по истинѣ страстей, могутъ стать на ряду съ лучшими произведеніями французской литературы. Къ ней обратился я за первыми свѣдѣніями объ итальянской труппѣ; она хорошо знала ее и описала всѣхъ членовъ ея съ мѣткостью и проницательностью, которымъ я потомъ не разъ дивился, повѣряя сужденія ея на дѣлѣ.

Карло Бертинацци по прозванію Карлино, человѣкъ, весьма почтенный въ частной жизни, занималъ амплуа арлекина и пользовался такою же громкою славою, какъ Доминикъ и Томассенъ во Франціи, и Сакки въ Италіи. Природа надѣлила его драгоцѣнными преимуществами: чрезвычайно пріятною наружностью и необыкновенною изящностью движеній; игра и талантъ его дѣлали его украшеніемъ театра, а прекрасная душа доставляла ему всеобщее уваженіе въ обществѣ. Онъ былъ кумиромъ публики; онъ такъ умѣлъ снискать любовь партера, что вступалъ съ нимъ въ переговоры съ свободою и смѣлостью, которыхъ не могъ бы позволить себѣ никакой другой актеръ. Нужно-ли было сказать рѣчь публикѣ, извиниться передъ нею, просить ея снисхожденія, выборъ товарищей всегда падалъ на Карлина, и каждый такой выходъ его былъ презабавною бесѣдою съ зрителями.

Синьора Камилла была отличною субреткою, и невозможно представить себѣ эфекта сценъ, которыя она разыгрывала съ арлекиномъ. Одаренная рѣдкимъ умомъ и чувствительнымъ сердцемъ, она равно отличалась живостью и игривостью въ комическихъ роляхъ, и неподдѣльнымъ чувствомъ и естественностью въ патетическихъ; она была на сценѣ то же, что у себя дома: всегда весела, мила, благородна, умна и добра.

Колальто еще въ Италіи считался однимъ изъ первыхъ актеровъ своего времени; я зналъ его еще на родинѣ, гдѣ онъ занималъ амплуа Панталона, и писалъ для него многія изъ своихъ комедій. Онъ былъ преданъ своему искусству душой и тѣломъ; въ игрѣ его было столько одушевленія, что даже маска казалась на немъ живою; но онъ предпочиталъ играть безъ маски, и тог-

да подвижность его физіономіи была истинно изумительна. Между-прочимъ, игралъ онъ въ Италіи въ одной моей пьесѣ подъ названіемъ: *Венеціянскіе близнецы*; и исполнялъ роли обоихъ близнецовъ, изъ которыхъ одинъ очень уменъ, а другой набитый дуракъ. Въ послѣдствіи я, по желанію его, передѣлалъ эту пьесу и ввелъ въ нее еще третьяго близнеца, взбалмошнаго и бѣшенаго. Онъ превосходно передалъ эти три характера, и я всегда готовъ съ удовольствіемъ признаться, что ему преимущественно принадлежитъ и мысль пьесы и ея блистательный успѣхъ.

Я поѣхалъ въ Фонтенебло, гдѣ, противъ желанія моего, была представлена одна изъ моихъ старыхъ пьесъ и не имѣла успѣха, какъ я предвидѣлъ. Возвратившись въ Парижъ, я сталъ смотрѣть другими глазами на этотъ огромный городъ, на его жителей, его удовольствія и опасности. По пріѣздѣ своемъ я слишкомъ необдуманно заводилъ знакомства; я не хотѣлъ бросать ихъ, но рѣшился ограничить кругъ ихъ, и положилъ себѣ правиломъ каждое утро работать, а остальную часть дня посвящать обществу. Рабочій кабинетъ мой выходилъ окнами въ садъ Палерояля, который въ то время былъ не такъ правиленъ и не такъ хорошъ, какъ теперь, но имѣлъ свои пріятности, о которыхъ не перестанутъ сожалѣть старожилы. Какая-бы ни была у меня спѣшная работа, я не могъ не заглядывать отъ времени до времени въ эту чудесную аллею, которая во всякое время представляла столько разнообразныхъ сценъ. Подъ окнами моими видѣлъ я, какъ люди всѣхъ сословій и разрядовъ приходили отдыхать или закусить въ Café de-Foy. Противъ меня было знаменитое каштановое дерево, извѣстное подъ именемъ *Краковскаго дерева*, около котораго постоянно собирались охотники до политическихъ вѣстей и разсужденій подѣлиться новостями, потолковать, чертить тростями на пескѣ траншеи, лагери, военныя позиціи, и кроить по произволу всю Европу. Эти развлеченія были мнѣ подъ-часъ очень полезны: они освѣжали мнѣ голову, и я съ новыми силами садился опять за работу.

Приближался срокъ моего дебюта на парижской сценѣ. Надо было начать новою пьесою, которая не уронила-бы выгоднаго мнѣнія обо мнѣ публики. Требованія актеровъ разнорѣчили между собою; одни хотѣли писанныхъ комедій, другіе только программъ для импровизацій. Составилось общее совѣщаніе, на которое былъ приглашенъ и я; я представилъ актерамъ, какъ смѣшонъ будетъ авторъ пьесы, составившій одну рамку ея, предоставляя сочиненіе разговоровъ исполнителямъ; послѣ нѣкоторыхъ возраженій, они убѣдились моими доводами, и положили, что для

перваго дебюта я напишу пьесу съ разговорами. Я былъ доволенъ; я предчувствовалъ, правда, что актеры мои, отвыкнувъ давно отъ заучиванія ролей, безъ всякаго дурнаго умысла, будутъ плохо содѣйствовать мнѣ; но этому я думалъ помочь, ограничивъ кругъ идей въ своей пьесѣ и развитіе разговора, чтобы она какъ можно менѣе могла пострадать отъ неточности исполненія. Такимъ образомъ я надѣялся постепенно привести своихъ новыхъ актеровъ къ реформѣ, которую мнѣ удалось уже осуществить въ Италіи....

Я выбралъ самое простое содержаніе и написалъ комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: *Отеческая любовь, или благодарная служанка.* У Панталона двѣ дочери, которыхъ онъ любитъ со всею нѣжностью добраго отца; онъ воспиталъ ихъ на славу; Клариса съ успѣхомъ занимается литературою, а Ангелика музыкою. Онъ истощилъ на ихъ воспитаніе все свое богатство, и смерть брата, который давалъ ему средства содержать семейство, ввергла его въ крайность. Камилла была нѣкогда горничною при дочеряхъ Панталона; имѣя порядочное состояніе, она всѣми силами помогаетъ своимъ старымъ господамъ, и столько хлопочетъ о нихъ, что наконецъ устроиваетъ ихъ счастье. Вотъ краткій очеркъ моей пьесы, который, можетъ быть, лучше самой пьесы, потому что она не могла выдержать болѣе четырехъ представленій.

Мнѣ хотѣлось все бросить и ѣхать назадъ въ Италію; но я былъ связанъ контрактомъ на два года. Итальянскіе актеры мои приставали ко мнѣ, чтобы я писалъ имъ программы; публика привыкла къ этому роду представленій, дворъ любилъ его: я долженъ былъ покориться общему требованію. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ я написалъ двадцать четыре пьесы, которыхъ названія, успѣхи и неудачи показаны въ «Альманахѣ театровъ». Восемъ изъ нихъ удержались на сценѣ; но за то онѣ стоили мнѣ гораздо болѣе труда, чѣмъ если бъ я написалъ ихъ вполнѣ; для того, чтобы имѣть успѣхъ въ такихъ сочиненіяхъ, надо держать вниманіе зрителей въ безпрестанномъ напряженіи неожиданностію положеній или комизмомъ сценъ, и притомъ вести свою интригу такъ искусно, чтобъ давать какъ можно менѣе простора своеволію актеровъ. Впрочемъ, я справлялся съ этимъ удачнѣе, чѣмъ ожидалъ; но, каковъ-бы ни былъ успѣхъ моихъ пьесъ, я не ходилъ смотрѣть ихъ; я любилъ истинную, характерную комедію, и наслаждался ею во Французскомъ Театрѣ, въ который я имѣлъ даровой входъ. Эта честь, которую Французскій

Театръ сдѣлалъ мнѣ тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, была для меня тѣмъ лестнѣе, что въ то время я и самъ не повѣрилъ бы, что когда нибудь запишусь въ число его авторовъ.

Этотъ театръ равно достоинъ былъ названія національнаго театра и для трагедіи и для комедіи. Парижане съ восторгомъ и съ сожалѣніемъ вспоминали объ умершихъ артистахъ, и говорили, что природа разбила формы, въ которыя были вылиты эти великіе образцы. Но они ошибались: природа разомъ производитъ и форму, и модель, и оригиналъ, и возобновляетъ ихъ по произволу; но люди во всѣ времена сожалѣли и будутъ сожалѣть о прошедшемъ, и жаловаться на настоящее; это въ порядкѣ вещей. Можно ли было желать двухъ болѣе совершенныхъ артистовъ, какъ дѣвицы Дюмениль и Клеронъ? Одна представляла природу во всей ея истинѣ, другая довела искусство декламаціи до высшей степени совершенства. А въ комедіи можно ли было довольно надивиться благородной и тонкой игрѣ госпожи Превиль, или очаровательной наивности дѣвицы д' Олиньи? Послѣдняя заслуживаетъ глубокаго уваженія и въ другомъ отношеніи: она доказала своимъ сверстницамъ, что актриса во Франціи можетъ упрочить себѣ пріятную и безбѣдную старость, довольствуясь доходами отъ театра.

Не менѣе замѣчательна была и мужская половина труппы. Лекенъ, получивъ отъ природы всѣ наружныя невыгоды малаго роста, почти безобразнаго лица, неловкости движеній и непріятнаго органа, успѣлъ искусствомъ искупить всѣ эти недостатки, столь важные въ глазахъ парижской публики; искусство сдѣлало его однимъ изъ первыхъ актеровъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Подлѣ него съ честью подвизался Бризаръ, обладавшій всѣми выгодами наружности и замѣчательнымъ талантомъ. Моле игралъ любовниковъ. Сколько ни сравнивайте, какъ ни раскапывайте прахъ отжившихъ артистовъ, не думаю, чтобъ вы нашли между ними лучшаго актера въ этомъ амплуа; всегда благородный въ патетическихъ сценахъ, умный и живой въ комическихъ, оригинальный въ фарсахъ, — это былъ настоящій Протей, всегда прекрасный, всегда вѣрный природѣ, всегда изумительный. Что касается до Превиля, это одинъ изъ тѣхъ немногихъ артистовъ, которые никогда не испытывали несправедливости публики; его никогда не сравнивали ни съ живыми, ни съ мертвыми! Правда, что его не съ кѣмъ и сравнивать, потому что онъ никогда никому не подражалъ, и никто никогда не будетъ въ состояніи подражать ему. Нашъ вѣкъ произвелъ, почти въ одно время, трехъ великихъ ак-

теровъ: Гаррика—въ Англіи, Превиля—во Франціи и Сакки—въ Италіи. Перваго провожали на мѣсто погребенія герцоги и всѣ знатнѣйшіе вельможи; втораго осыпали почестями и деньгами; третій пользовался громкою славою, но, кажется, кончилъ жизнь свою въ бѣдности.

Пріѣхавъ въ Парижъ, я не могъ, разумѣется, не поспѣшить посмотрѣть оперу; но признаюсь, что въ первый разъ она произвела на меня не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе. Вхожу въ залу. Оркестръ начинаетъ увертюру; согласіе, точность исполненія отличны; каждый инструментъ въ отдѣльности превосходенъ, потому что весь оркестръ состоитъ изъ отборныхъ артистовъ; но увертюра холодна, вяла, скучна; съ первыхъ тактъ видно, что это писалъ не Рамо́, ибо я слыхалъ нѣкоторыя произведенія его въ Италіи, и уважалъ его, какъ великаго композитора. Поднимается занавѣсъ; мѣсто мое, кажется, одно изъ лучшихъ, а я ничего не слышу; вооружаюсь терпѣніемъ, жду аріи, авось она вознаградитъ меня за скуку. Являются танцоры; дѣйствіе почти кончено, и еще ни одной аріи, ни одной мелодіи. Я обращаюсь съ этимъ замѣчаніемъ къ сосѣду; онъ смѣется мнѣ въ лицо, и увѣряетъ, что ихъ уже было цѣлыхъ шесть!

— Однако же я, кажется, не глухъ; правда, оркестръ все время акомпанировалъ голосамъ, то сильнѣе, то тише; но я принялъ все это за речитативъ....

— Смотрите, смотрите, прерываетъ сосѣдъ; вотъ Вестрисъ, самый красивый, самый ловкій, самый искусный танцоръ во всей Европѣ.

И въ самомъ дѣлѣ является этотъ пастушокъ съ береговъ Арно, исполняетъ какую-то сельскую пляску и побѣждаетъ всѣхъ пастуховъ Сены. Вслѣдъ за тѣмъ, три лица поютъ вмѣстѣ: это тріо, которое я, пожалуй, опять принялъ бы за речитативъ, если-бъ сосѣдъ не предупредилъ меня; и первое дѣйствіе кончено. Во второмъ дѣйствіи та же музыка, та же скука. Съ досады, я уже не слушаю ни музыки, ни словъ, смотрю одну обстановку, которая истинно превосходна; дивлюсь таланту первыхъ танцоровъ и танцовщицъ, красотѣ, числу и согласію кордебалета; хоры кажутся мнѣ лучше прочихъ частей музыки, но въ нихъ я на каждомъ шагу узнаю выдержки изъ твореній Корелли, Биффи и Клари. Декораціи превосходны, машины хорошо придуманы и идутъ какъ по маслу; костюмы свѣжи и великолѣпны, на сценѣ множество народу. Словомъ, все прекрасно, все чудесно, все великолѣпно, кромѣ музыки. Только въ концѣ спектакля выхо-

дитъ пѣвица, не участвовавшая въ драмѣ, и поетъ что-то въ родѣ чакони*, сопровождаемой хоромъ и танцами. Это могло бы придать нѣкоторую пріятность спектаклю, еслибъ музыка, къ несчастью, не сбивала болѣе на гимнъ, чѣмъ на чакону.

Занавѣсъ опускается; знакомые окружаютъ меня и спрашиваютъ, какъ мнѣ кажется опера? Я отвѣчаю, не одумавшись:

— Рай для глазъ, а для ушей адъ.

При этомъ не обдуманномъ отвѣтѣ одни смѣются, другіе скрежещутъ зубами; два артиста королевской капеллы съ восторгомъ жмутъ мнѣ руки, и говорятъ, что нельзя было лучше отвѣчать. Можетъ быть самъ композиторъ былъ гдѣ-нибудь около меня, и слышалъ мой отзывъ; въ такомъ случаѣ, мнѣ очень жаль, что слишкомъ поторопился, онъ добрый человѣкъ.... миръ ему!

Чрезъ нѣсколько дней давали *Кастора и Поллукса*; эта превосходная драма, превосходно поставленная и исполненная, примирила меня съ французскою оперою; за то музыка была уже не того господина, который такъ наскучилъ мнѣ въ первый разъ, а геніяльнаго Рамо.

Между тѣмъ, какъ я съ грустью задумывался надъ своею будущностью, счастливая звѣзда блеснула надъ моею судьбою. Я познакомился съ дѣвицею Сильвестръ, занимавшею должность чтицы при покойной супругѣ дофина, матери короля Людовика XVI. Дѣвица Сильвестръ хорошо знала итальянскій языкъ, знала мои сочиненія, и движимая своимъ добрымъ, сострадательнымъ сердцемъ, приняла участіе во мнѣ. Я говорилъ ей, какъ я любилъ Парижъ, какъ прискорбно было мнѣ оставить его, и она обѣщала поговорить обо-мнѣ при дворѣ, гдѣ имя мое было не безъизвѣстно. Чрезъ недѣлю потребовали меня въ Версаль. Супруга дофина знала меня, ибо она видѣла мои пьесы въ Дрезденѣ. Ихъ высочества, сестры дофина, желали заняться итальянскою литературою; ея высочество послала меня къ герцогинѣ де-Нарбонъ, которой она уже предварительно говорила обо мнѣ; герцогиня представила меня принцессѣ Аделаидѣ, и я въ тотъ же день былъ опредѣленъ ко двору въ качествѣ приподавателя итальянской литературы. Я простился съ итальянскою комедіею, которая съ своей стороны, кажется, рада была сбыть меня съ рукъ. Всѣ

* Чакона, старинный танецъ, писавшійся по большой части въ $\frac{3}{4}$ рѣзкаго ритма и медленнаго движенія. Онъ въ старину часто употреблялся для финала въ операхъ и балетахъ, и получалъ тогда большее развитіе.

друзья мои усердно поздравляли меня съ этою счастливою перемѣною въ моей судьбѣ. И въ самомъ дѣлѣ, съ такою почетною должностью и такими покровителями, я могъ бы составить себѣ хорошее состояніе во Франціи, и если не составилъ его, то самъ виноватъ. Я былъ при дворѣ, но не умѣлъ быть царедворцемъ.

Принцесса Аделаида была первою моею ученицею въ итальянскомъ языкѣ. Мнѣ еще не было отведено квартиры въ Версали, и она присылала за мною обыкновенно экипажъ съ почтовыми лошадьми. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ я едва не лишился зрѣнія.

Я имѣлъ глупую привычку читать дорогою; на этотъ разъ я читалъ *Письма* Жанъ Жака Руссо. Вдругъ въ глазахъ моихъ становится мутно, я не могу разбирать буквъ; книга выпадаетъ изъ рукъ, я хочу поднять ее, но не вижу. Однако же я сохранилъ довольно зрѣнія, чтобы видѣть свѣтъ; выхожу изъ экипажа, бросаюсь во дворецъ, и вхожу въ смущеніи и волненіи въ покои принцессы; она съ участіемъ спрашиваетъ, что со мною? я не смѣю сказать ей, надѣюсь еще, что это пройдетъ, и что я буду въ состояніи исполнить свою обязанность; сажусь на приготовленный для меня табуретъ, беру книгу, открываю ее, — вижу однѣ бѣлыя страницы! Нечего дѣлать, я долженъ разсказать постигшее меня несчастіе. Принцесса смотритъ на меня съ искреннимъ участіемъ, велитъ тотчасъ подать мнѣ разныя освѣжающія воды и омывать ими глаза; сама опускаетъ всѣ занавѣски, такъ, чтобы въ комнатѣ осталось свѣту, сколько нужно, чтобъ различать предметы. Мало по малу туманъ разсѣвается предо мною, и я могу видѣть, хоть не совсѣмъ ясно, но достаточно, чтобы читать.

Я хотѣлъ приняться за урокъ, но принцесса не позволила; она отпустила меня, приказавъ своему врачу позаботиться обо мнѣ, какъ бы о ней самой. Черезъ нѣсколько дней правый глазъ получилъ всю свою прежнюю силу и ясность, но лѣваго я лишился на всегда. Да, читатель, я кривъ; это небольшой недостатокъ, который мало стѣсняетъ, и не безобразитъ меня; но подчасъ присоединяетъ новыя смѣшныя слабости къ тѣмъ, которыя я имѣю отъ рожденія.

Послѣ полугода службы, мнѣ отвели квартиру въ Версальскомъ дворцѣ; это была квартира, назначенная для акушера супруги дофина, въ которомъ не предвидѣлось нужды по слабому здоровью дофина.

Въ маѣ того же 1765 года, принцессы пожелали провести нѣкоторое время въ Марли, и приказали мнѣ ѣхать съ ними. Послѣ Тюильрійскаго сада и Версальскаго парка я думалъ, что ничто

уже не удивитъ меня; но положеніе и распредѣленіе марлійскаго сада такъ плѣнили меня, что я готовъ былъ отдать предпочтеніе, если-бъ не помнилъ, что тѣ гораздо обширнѣе и богаче. Хотя поѣздка эта была предпринята для удовольствія, однако же принцесса не переставали постоянно каждый день заниматься со мною. Однажды, явившись къ уроку, я встрѣтилъ одну изъ своихъ высокихъ ученицъ, которая шла къ столу; увидѣвъ меня, она сказала: — «A tantôt, Mr. Goldoni». Я былъ тогда еще очень плохъ во французскомъ языкѣ, и потому объяснилъ себѣ это слово итальянскимъ tantosto, что значитъ сейчасъ, сію минуту. Я и подумалъ, что принцесса будетъ брать урокъ тотчасъ по выходѣ изъ-за стола, и жду ее, не смотря на терзающій меня голодъ, часъ, другой; наконецъ въ пятомъ часу зовутъ меня къ ея высочеству. Принцесса, открывая книгу, встрѣчаетъ меня вопросомъ, который она мнѣ дѣлала почти каждый разъ: гдѣ я обѣдалъ?

— Нигдѣ, ваше высочество.

— Какъ, нигдѣ? развѣ вы больны?

— Нѣтъ, ваше высочество.

— Отчего же вы не обѣдали?

— Оттого, что ваше высочество изволили приказать мнѣ ждать.

— Когда? я сказала вамъ à tantôt, то есть, чтобъ вы пришли часа черезъ два, три.

— Извините, ваше высочество, я не понялъ; я думалъ, что это значитъ, какъ по-итальянски, сейчасъ.

Принцесса захохотала, положила книгу и отпустила меня обѣдать. Такія недоразумѣнія сначала случались со мною довольно часто; во французскомъ и въ итальянскомъ языкахъ столько словъ сходныхъ по звукамъ и происхожденію и совершенно противоположныхъ по смыслу. Если я свободно говорю по-французски и достигъ даже того, что могъ написать на этомъ языкѣ двѣ комедіи, то этимъ я обязанъ трехлѣтнимъ занятіямъ своимъ съ принцессами; онѣ читали итальянскихъ писателей; я дѣлалъ съ грѣхомъ пополамъ изустный французскій переводъ, который онѣ повторяли, исправивъ мои ошибки, и такимъ образомъ учитель самъ больше учился, чѣмъ ученицы.

Когда мы возвратились въ Версаль, здоровье дофина, казалось, поправилось; онъ очень любилъ музыку, и супруга его часто устроивала въ своихъ покояхъ концерты для его развлеченія. Я сочинилъ итальянскую кантату, далъ ее положить на музыку од-

ному итальянскому композитору и поднесъ ее ея высочеству. Принцесса приняла ее очень милостиво и приказала мнѣ явиться послѣ ужина въ ея покои, выслушать исполненіе. При этомъ случаѣ узналъ я одну изъ тысячи мелочей французскаго придворнаго этикета, который такъ сложенъ, что кажется въ цѣлую жизнь не изучишь его. Когда я явился въ десять часовъ вечера, швейцаръ, стоявшій у дверей дворянской пріемной залы, пропустилъ меня, не сказавъ ни слова; дофинъ и его супруга сидѣли за столомъ, и я сталъ въ сторонѣ съ нѣкоторыми другими приглашенными лицами, ожидать конца ужина. Вдругъ подошла ко мнѣ дежурная статсдама, и спросила, имѣю ли я входъ во дворецъ по вечерамъ? Я не знаю различія, отвѣчалъ я, между входомъ во дворецъ утромъ или вечеромъ; но ея высочество сама изволила приказать мнѣ явиться въ ея покои послѣ ужина; я можетъ быть, пришелъ слишкомъ рано, я не зналъ правилъ этикета.... «Для васъ ихъ не существуетъ, отвѣчала статсдама; оставайтесь». Признаюсь, что этотъ отвѣтъ доставилъ не малое удовольствіе моему самолюбію.

Послѣ ужина, дофинъ и его супруга возвратились въ свои покои, и черезъ нѣсколько минутъ меня позвали слушать кантату. Сама супруга дофина играла на клавесинѣ, принцесса Аделаида акомпанировала ей на скрипкѣ, а дѣвица Гарди (впослѣдствіи госпожа де-ла-Брюсъ) пѣла. Всѣ остались очень довольны и словами и музыкою, и осыпали меня самыми лестными привѣтствіями. Я хотѣлъ удалиться, но дофинъ пригласилъ меня остаться, сѣлъ самъ за клавесинъ и спѣлъ трогательнымъ голосомъ арію, которая по своему характеру вполнѣ соотвѣтствовала мрачному настроенію собственной его души; это была полная тоски и унынія арія изъ ораторіи: *Пильгримъ у гроба Господня.*

Несчастный дофинъ чахъ со дня на день; онъ это чувствовалъ самъ, но желая успокоить своихъ высокихъ родныхъ, съ рѣдкимъ мужествомъ скрывалъ свои страданія, и принималъ при постороннихъ видъ равнодушія и спокойствія.

По смерти дофина принцессы исходатайствовали мнѣ у министра жалованье по четыре тысячи франковъ въ годъ. Состояніе мое было очень не богатое; но сказать по совѣсти, чѣмъ заслужилъ я больше? Я оставилъ Италію, чтобы ѣхать во Францію; съ итальянскою комедіею я не могъ поладить, слѣдовательно мнѣ оставалось только возвратиться въ отечество. Но я полюбилъ Францію, а три года почетной и нетрудной службы доставили мнѣ средства оставаться въ ней; могъ-ли я послѣ того быть недоволенъ, и сѣтовать на судьбу? Вскорѣ послѣ назначенія мнѣ жалованья,

принцессы бросили итальянскій языкъ и посвятили время свое другимъ занятіямъ. Я сталъ совершенно свободенъ; могъ дѣлать, что хотѣлъ, ѣхать куда угодно. Мнѣ хотѣлось поселиться опять въ Парижѣ, но въ то же время жаль было разстаться съ Версалемъ, гдѣ я проводилъ время довольно пріятно, такъ, что еслибъ не парижскіе театры, я можетъ быть и остался бы. На всякой случай я удержалъ квартиру въ Версали, чтобы пріѣзжать отъ времени до времени свидѣтельствовать свое почитаніе высокимъ моимъ покровителямъ, и видѣть, не отыщется-ли еще охотниковъ до итальянскаго языка и литературы между младшими принцами и принцессами.

Въ это же время запала мнѣ въ душу мысль написать что-нибудь по-французски, чтобы показать незнавшимъ итальянскаго языка, что настоящее признаніе мое не учительство, а театръ. Но я понималъ, что мнѣ необходимо было или сдѣлать что-нибудь дѣйствительно замѣчательное, или вовсе не браться. Сначала пытался я перевести нѣкоторыя изъ своихъ итальянскихъ комедій; но такая работа была мнѣ всегда противна, и я ее скоро бросилъ.

Наступилъ 1770 годъ; при дворѣ готовились великолѣпныя празднества по случаю бракосочетанія дофина съ принцессою Маріею Антуанеттою Лотарингскою, Эрцгерцогинею Австрійскою. Прекрасныя свойства ея ума и души, тотчасъ покорили юной невѣстѣ сердца ея супруга, короля, всей королевской фамиліи и народа. Радостное событіе это торжествовалось съ великолѣпіемъ, достойнымъ внука французскаго короля и дочери германской императрицы. Я видѣлъ совершеніе священнаго обряда въ великолѣпно убранной церкви, видѣлъ всѣ обѣды и балы, данные въ королевскомъ дворцѣ. Повсюду были иллюминаціи, фейерверки; итальянскій фейерверкеръ Торре довелъ свое искусство до чудесъ, о которыхъ до него не имѣли понятія.

Къ этому же времени пригнали открытіе новаго придворнаго театра. Это прекрасное зданіе; но надо сознаться, что архитекторъ болѣе позаботился о красотѣ его, чѣмъ объ удобствѣ зрителей. Чтобъ видѣть его во всемъ блескѣ, надо было посмотрѣть его, когда въ немъ давались балы или маскарады; сцена тогда соединялась съ залою, и на ней ставились декораціи, совершенно подобныя отдѣлкѣ залы; такъ, что изъ нихъ образуется одна огромная зала, украшенная колоннами, зеркалами, золотыми карнизами и узорами, прибранными и распредѣленными съ необыкновеннымъ вкусомъ.

Французскіе поэты, какъ водится въ подобныхъ торжествен-

ныхъ случаяхъ, оглашали дворъ и столицу одами, гимнами, диѳирамбами, во славу высокой четы; въ числѣ этихъ сочиненій, являвшихся каждый день дюжинами, были очень хорошія произведенія, но гораздо болѣе было такихъ, которыхъ никто не читалъ. Я также увлекся примѣромъ своихъ собратьевъ; но боясь попасть въ разрядъ послѣднихъ, не рѣшился печатать своихъ стиховъ, а поднесъ ихъ въ рукописи юной новобрачной, которая приняла ихъ чрезвычайно милостиво и сказала мнѣ по итальянски, что имя мое ей уже извѣстно, и что она видала мои комедіи.

Между тѣмъ, старая мысль моя, написать комедію на французскомъ языкѣ, утверждалась во мнѣ съ каждымъ днемъ, и я имѣлъ даже дерзость прочить ее на Французскій-Театръ. Не дерзость-ли, въ самомъ дѣлѣ, когда иностранецъ, пріѣхавъ во Францію на пятьдесять четвертомъ году, съ самымъ поверхностнымъ знаніемъ французскаго языка, послѣ девятилѣтняго пребыванія, осмѣливается писать на этомъ языкѣ комедію для перваго театра столицы? Какъ бы ни было, я совершилъ этотъ подвигъ, и эта счастливая пьеса, *Добрый бука* (Le roubu bienfaisant), стала вѣнцомъ моихъ трудовъ, и упрочила мою славу.

Она была представлена въ первый разъ въ Парижѣ 4 ноября 1771 года, а на слѣдующій день въ Фонтенебло, и имѣла равный успѣхъ при дворѣ и въ столицѣ. Король пожаловалъ мнѣ въ награду полтораста луидоровъ; поспектакльная плата въ Парижѣ доставила мнѣ еще болѣе; книгопродавецъ далъ мнѣ хорошую цѣну за рукопись; словомъ, эта комедія доставила мнѣ почетъ, радость успѣха и деньги. Не стану разсказывать ея содержанія, потому что всѣ ее видѣли и читали; но не могу упустить этого случая, изъявить признательность мою артистамъ, которыхъ игра такъ много содѣйствовала ея успѣху.

Во время перваго представленія, я по обыкновенію своему, былъ за заднею кулисою; я ничего не видѣлъ, но слышалъ и слова актоpовъ и рукоплесканія публики; ходилъ взадъ и впередъ, ускоряя шагъ въ сценахъ забавныхъ, умедляя его въ мѣстахъ патетическихъ, и вторя рукоплесканіямъ публики, которыхъ актеры были вполнѣ достойны. Пьеса кончается, и безконечные, неистовые крики и рукоплесканія потрясаютъ театръ. Приходитъ Доберваль, который долженъ былъ везти меня въ Фонтенебло. Воображая, что онъ пришелъ за мною, чтобъ отправляться, я хочу идти къ дверямъ, но онъ меня удерживаетъ и говоритъ: — «Идите на сцену, идите скорѣе»....—На сцену? за чѣмъ?—«Явиться публикѣ, она васъ требуетъ; идите скорѣе»! — Нѣтъ, любезный другъ;

поѣдемте скорѣе, я не выдержу.... — Но въ эту минуту подбѣгаютъ ко мнѣ Лекенъ и Бризаръ, подхватываютъ меня подъ руки, и тащатъ на сцену.

Я видалъ много актеровъ, которымъ этотъ обычай былъ нипочемъ; но я не привыкъ къ нему: въ Италіи не водится вызывать автора пьесы, и мнѣ непонятно было, какъ можетъ писатель выставлять себя такъ на показъ и словно сказать: — «Вотъ я, господа, любуйтесь и аплодируйте!» Выдержавъ съ минуту это новое и неловкое для меня положеніе, я удаляюсь, прохожу черезъ фойе, гдѣ меня опять обступаетъ толпа поздравителей, знакомыхъ и незнакомыхъ, что мнѣ въ эту минуту было совершенно все равно, потому что я въ волненіи своемъ никого не узнавалъ, наконецъ, успѣваю я укрыться отъ привѣтствій, схожу съ лѣстницы съ своимъ проводникомъ, и сажусь въ карету. Жена и племянникъ давно уже ждали меня въ каретѣ, и плакали отъ радости моему успѣху; я разсказалъ имъ, какъ меня вытащили на сцену, и они во всю дорогу хохотали надъ моею забавною фигурою.

Я былъ утомленъ, сонъ клонилъ меня; на сердцѣ и на душѣ было у меня такъ легко, я такъ сладко заснулъ-бы въ постели; но въ каретѣ едва я смыкалъ глаза, какъ здоровый толчекъ пробуждалъ меня. Наконецъ, дремля, болтая, зѣвая, пріѣхали мы въ Фонтенебло. Сонъ, прогулка, обѣдъ и опять прогулка, такъ хорошо наполнили мое время, что я и не замѣтилъ, какъ наступилъ опять вечеръ, и вотъ я на дворцовомъ театрѣ, за кулисами, присутствую при представленіи моей пьесы во дворцѣ.

Въ то время не позволялось аплодировать въ присутствіи короля; но по невольному движенію и шопоту, проходившему по собранію можно было угадывать впечатлѣніе, которое пьеса производила на зрителей. На слѣдующій день маршалъ Дюрасъ представилъ меня королю въ собственныхъ его покояхъ; его величество и вся королевская фамилія осыпали меня самыми лестными привѣтствіями.

Я возвратился въ Парижъ ко второму представленію. Въ этотъ день въ партерѣ замѣтно было движеніе, возвѣщавшее что-то недоброе. Г. Фёльи подошелъ ко мнѣ и сказалъ: — «Не безпокойтесь, это интриги.» — Интриги! вскричалъ я, отчего же не было ихъ въ первое представленіе? — «Оттого, отвѣчалъ актеръ, что тогда завистники не боялись васъ; они презирали иностранца, вздумавшаго писать по-французски, и потому не приготовились; но вамъ нечего уже бояться; первый шагъ сдѣланъ счастливо, и вашъ успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію».

Дѣйствительно, успѣхъ пьесы возрасталъ съ каждымъ разомъ впродолженіе двѣнадцати представленій; тутъ мы пріостановили представленія, чтобъ возобновить ихъ въ болѣе благопріятное время года.

Около этого времени узналъ я о возвращеніи въ Парижъ Женевскаго писателя Жанъ-Жака Руссо; всѣ хотѣли видѣть его, но не многимъ давалось это счастіе. Я зналъ его только по слухамъ и по его твореніямъ; мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ нимъ, и кстати показать свое произведеніе человѣку, такъ хорошо знавшему французскій языкъ и французскую литературу. Чтобъ быть хорошо принятымъ, необходимо было предупредить его; я рѣшился послать ему записку, въ которой изъявлялъ желаніе съ нимъ познакомиться; онъ отвѣчалъ мнѣ очень вѣжливо, что онъ никуда и никогда не выходитъ, и что если мнѣ только не страшно взбираться въ четвертый этажъ, то ему будетъ весьма пріятно меня видѣть. Я принялъ предложеніе и черезъ нѣсколько дней отправился къ нему.

Иду въ назначенный домъ въ Платріерской улицѣ, взбираюсь въ четвертый этажъ, стучусь; дверь отворяется и меня принимаетъ женщина не молодая, не красивая, и даже непріятной наружности. На вопросъ мой: дома ли г. Руссо? она спрашиваетъ, какъ обо мнѣ доложить; я объявляю свое имя. «А, г. Гольдони! восклицаетъ она, мы васъ ждали; я сейчасъ пойду скажу мужу!» Ея мужу! представьте себѣ мое удивленіе: а я принималъ ее за служанку, много что за ключницу!

Черезъ минуту она возвратилась; я вошелъ, и зачѣмъ, вы думаете, засталъ Руссо? за перепискою нотъ! Мнѣ уже прежде говорили о томъ, но мнѣ все таки было странно смотрѣть. Онъ принялъ меня радушно, даже дружески, всталъ и подалъ мнѣ тетрадь, говоря: — «Посмотрите, видали-ли вы когда ноты, писанныя лучше этого; готовъ биться объ закладъ, что ни одна литографія не отпечатаетъ партитуры такѣ изящно, и такъ правильно, какъ я напишу. Не хотите-ли погрѣться?» И мы обернулись къ камину; комната была такъ мала, что до камина было не болѣе двухъ шаговъ.

Вы удивляетесь что я занимаюсь перепискою нотъ? Я страстно люблю музыку, и переписываю превосходныя произведенія; это доставляетъ мнѣ вѣрный кусокъ хлѣба, и занимаетъ меня. Вы пріѣхали въ Парижъ, чтобы писать для итальянскихъ актеровъ; они всѣ лѣнтяи, и не хотятъ вашихъ комедій; поѣзжайте лучше назадъ въ свое отечество; я знаю, что тамъ скучаютъ по васъ, встрѣтятъ васъ съ распростертыми объятіями....

— Вы правы, сказалъ я, прервавъ его, вы правы; мнѣ слѣдовало бросить Парижъ, когда я увидѣлъ нерадѣніе итальянской труппы; но у меня были другіе виды, которые удержали меня. Я уже написалъ одну комедію на французскомъ языкѣ....

— Комедію на французскомъ языкѣ? Вскричалъ онъ съ удивленіемъ, куда же вы съ нею дѣнетесь?

— Отдамъ ее на театръ.

— На какой театръ.

— На Французскій.

— Вы упрекали меня въ томъ, что я трачу время; не-вы ли сами тратите его рѣшительно безъ всякой пользы?

— Моя пьеса уже принята.

— Возможно ли?... Впрочемъ, оно неудивительно; актеры все люди, не имѣющіе на грошъ здраваго смысла; они принимаютъ или отказываютъ пьесы всегда наобумъ. Теперь они приняли вашу пьесу, но играть ея не будутъ; если же будутъ, тѣмъ хуже для васъ.

— Какъ же можете вы судить пьесу, не видавъ и не читавъ ее?

— Я знаю вкусъ французовъ и вкусъ итальянцевъ; они слишкомъ далеки другъ отъ друга. Да и въ ваши-ли лѣта, съ позволенія сказать, учиться писать и сочинять на чужомъ языкѣ?

— Ваши замѣчанія очень справедливы, сударь; но можно преодолѣть трудности. Я показывалъ свою комедію нѣкоторымъ знакомымъ, людямъ умнымъ, образованнымъ и со вкусомъ, и они остались ею довольны.

— Они льстятъ вамъ, обманываютъ васъ, а потомъ вы же останетесь въ дуракахъ. Покажите мнѣ вашу пьесу.

Я этого только и ждалъ; не то, чтобы съ нимъ посовѣтоваться, а хотѣлось мнѣ только посмотрѣть, такъ-ли строго онъ будетъ судить мои способности по прочтеніи пьесы. Рукопись моя была еще у переписчика Французскаго Театра; но я обѣщалъ принести ее, какъ скоро получу обратно. Я дѣйствительно сдержалъ бы слово, если-бъ особенный случай не заставилъ меня раздумать.

Мнѣ извѣстенъ одинъ анекдотъ изъ послѣднихъ лѣтъ Руссо, котораго онъ не разсказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Этотъ анекдотъ не касается собственно до меня, но я упоминаю о немъ, потому-что онъ именно былъ причиною тому, что я не показалъ Руссо своего *Добраго буку*.

Руссо имѣлъ въ Парижѣ множество друзей; къ числу ихъ при-

надлежалъ нѣкто М**; очень сожалѣлъ о его несчастномъ положеніи. Желая помочь ему, онъ предложилъ ему очень хорошенькую и удобную квартиру, съ мебелью, близъ Тюильрійскаго сада; и чтобъ не оскорбить его щекотливой гордости, хотѣлъ отдать ее за ту же цѣну, какую Руссò платилъ за свой нумеръ въ гостинницѣ. Руссò тотчасъ смекнулъ его благородную цѣль, грубо отвергъ предложеніе и раскричался, что онъ не дуракъ и не позволитъ себя водить, какъ дурака. М** былъ также философъ; но, какъ человѣкъ свѣтскій, умѣлъ соединять вѣжливость съ философіею; онъ не оскорбился слабостью Руссо, и навѣщалъ его по прежнему, терпѣливо взбираясь въ четвертый этажъ. Онъ также занимался литературою, и имѣлъ въ рукописи опыты о современныхъ характерахъ, въ родѣ Ѳеофрастовыхъ и Лабрюйеровыхъ; вотъ онъ и предложилъ Руссò взаимно прочесть другъ другу свои рукописныя сочиненія. Руссò согласился, но съ тѣмъ только, чтобъ М** раздѣлилъ его скромный ужинъ. М** замѣтилъ, что на его квартирѣ было бы имъ удобнѣе. — Какъ угодно, отвѣчалъ Руссò, но я буду читать только у себя; если не хотите, такъ не нужно. Все, что я могу вамъ позволить, прибавилъ онъ, это — принести съ собою бутылку вина; потому что здѣсь въ гостинницѣ отпускаютъ вино прескверное.

Зная упрямство стараго чудака, М** на все согласился: по желаніе услужить и тутъ еще едва не разстроило все дѣло; онъ послалъ полдюжины бутылокъ хорошаго столоваго вина, и столько же малаги. Увидѣвъ это, Руссо опять взбѣленился. — «Развѣ мы выпьемъ вдвоемъ двѣнадцать бутылокъ вина? говоритъ онъ изумленному французу: я вынулъ изъ вашей корзины одну бутылку, этого достаточно на нашъ ужинъ, остальное отправьте сейчасъ-же назадъ, или вы не будете ужинать у меня».

Угроза оставить безъ ужина была не страшна; но гостю не хотѣлось отказаться отъ чтенія, слуга его еще былъ тутъ, и онъ отправилъ его съ корзиною домой. Лицо Руссò прояснилось и онъ даже первый принялся читать. Между тѣмъ въ спорахъ о винѣ ушло много времени; едва они сѣли за чтеніе, какъ г-жа Руссò взяла у нихъ столъ, чтобъ накрывать къ ужину; можно бы, правда, продолжать безъ стола, но тутъ же явился ужинъ: жареная курица съ салатомъ, и все.

Послѣ ужина, была очередь М** читать; онъ читаетъ главу, слушателъ доволенъ, хвалитъ; читаетъ другую... Вотъ Руссò встаетъ и принимается ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

оскорбленный, сердитый. М** въ недоумѣніи спрашиваетъ о причинѣ этого внезапнаго гнѣва?

— Развѣ ходятъ къ честнымъ людямъ, оскорбять ихъ въ лицо! кричитъ философъ.

— Помилуйте, чѣмъ я оскорбилъ васъ?

— Вы думаете, я не понимаю; я не дуракъ, милостивый государь, все очень хорошо понимаю. Вы начертили мой портретъ въ каррикатурѣ, съ сатирическими прикрасами.... Это низко, сударь, это подло....

— Успокойтесь, возражаетъ М**; вы знаете меня: я люблю, уважаю васъ; возможно-ли, чтобъ я хотѣлъ оскорбить васъ? Я просто хотѣлъ изобразить человѣка суроваго, капризнаго, вздорливаго.... какихъ мы такъ часто встрѣчаемъ въ обществѣ.

— Да, да, знаю, прерываетъ Руссо; такимъ слыву я въ умахъ свѣтскихъ невѣждъ, и я могу только сожалѣть о нихъ и презирать ихъ сужденія; но никогда не позволю, чтобъ люди, подобные вамъ, чтобы друзья истинные или ложные, въ глаза смѣялись надо мною.

Что ни говорилъ М**, онъ не могъ перубѣдить чудака, который все твердилъ свою пѣсню; кончилось тѣмъ, что они разсорились не на шутку и потомъ уже не видались, а только пересылались отъ времени до времени колкими письмами. Я былъ хорошо знакомъ съ М**. На слѣдующій день послѣ ссоры его съ Руссо, я встрѣтился съ нимъ въ одномъ домѣ, гдѣ онъ разсказалъ это происшествіе; одни смѣялись, другіе принимали этотъ случай къ свѣдѣнію. То же сдѣлалъ и я. Руссо былъ брюзга, онъ самъ сознался въ этомъ въ ссорѣ своей съ М**; стоило ему только вдаться въ благодѣяніе, и онъ могъ бы вообразить, что я его хотѣлъ выставить въ своемъ *Добромъ букѣ;* я не хотѣлъ съ нимъ ссориться, и разсудилъ, что лучше съ нимъ болѣе не видаться.

Въ маѣ 1771 года праздновали въ Версали бракосочетаніе графа Прованскаго* внука Людовика XV и брата дофина, съ принцессою Маріею-Луизою Савойскою, дочерью короля Сардинскаго. Это было радостное событіе для всей Франціи, потому что и принцъ и его юная супруга пользовались уваженіемъ и любовью всего народа. Оно праздновалось съ такимъ же великолѣпіемъ, какъ въ предыдущемъ году бракосочетаніе дофина. Никогда я не

* Братъ Людовика XVI, впослѣдствіи король Людовикъ XVIII.

видалъ Версальскаго парка въ такомъ блескѣ, какъ при этомъ случаѣ. Этотъ паркъ самое замѣчательное произведеніе въ своемъ родѣ; онъ очень обширенъ и разнообразенъ въ своемъ расположеніи; вездѣ видите множество образцовыхъ, мраморныхъ статуй, частью оригинальныхъ произведеній новѣйшихъ скульпторовъ, частью превосходныхъ копій съ антиковъ; вездѣ чудесныя аллеи, за которыми скрываются сельскія, тѣнистыя убѣжища; великолѣпные бассейны, цвѣтники, расположенные самыми затѣйливыми рисунками, фонтаны и водометы. Оранжереи изумляютъ посѣтителя числомъ, ростомъ и толщиною деревъ, несвойственныхъ здѣшнему климату. Но главную красоту этихъ волшебныхъ садовъ составляютъ бесѣдки. Входъ ихъ дозволенъ очень немногимъ; они обыкновенно отворяются въ торжественные дни, когда королевская фамилія гуляетъ по саду и по парку, или когда пріѣзжаетъ какой-нибудь знатный иностранецъ; во всякое другое время они заперты; но есть избранники, которымъ дается ключъ, какъ великая милость; я имѣлъ такой ключъ, и могъ во всякое время входить въ нихъ, и показывать ихъ своимъ знакомымъ. Этихъ бесѣдокъ въ Версальскомъ паркѣ двѣнадцать: Бальная Зала, Жирандоль, Колоннада, Куполъ, Encelade, Обелискъ, Бесѣдка Звѣзды, Водяной Театръ, Аполлонова Купальня, Три фонтана, Тріумфальныя Ворота, и Лабиринтъ. Послѣдняя несена въ началѣ нынѣшняго царствованія Людовика XVI, и на мѣстѣ ея разведенъ англійскій садъ.

Эти бесѣдки представляютъ много весьма замѣчательныхъ красотъ по части архитектуры и скульптуры, особенно Аполлонова Купальня и Колоннада; въ первой стоитъ группа изъ бѣлаго мрамора, состоящая изъ семи фигуръ, единственная по своей величинѣ и по превосходству работы; во второй—круглый перестиль, состоящій изъ тридцати двухъ колоннъ, изъ различныхъ мраморовъ. Всѣ бесѣдки были открыты во время празднествъ бракосочетанія; въ Бальной Залѣ, въ Колоннадѣ и въ Каштановой бесѣдкѣ танцовали; въ прочихъ были расположены различныя увеселенія для публики; въ нѣкоторыхъ помѣщались мелкіе парижскіе театры, вызванные изъ столицы.

Иностранцы, не бывавшіе въ Парижѣ, можетъ быть полюбопытствуютъ узнать, что́ это за мелкіе театры, и какого рода представленія они даютъ? Мелкими театрами называются въ Парижѣ тѣ театры, которые переносятся на различныя парижскія ярмарки, а остальное время года играютъ на бульварахъ. Я не стану входить въ подробности о ихъ происхожденіи, а скажу

только, въ какомъ состояніи я ихъ засталъ, и какіе успѣхи они сдѣлали съ моего пріѣзда.

Театръ Николѐ занималъ первое мѣсто на ярмаркахъ и на Тампльскомъ Бульварѣ; труппу его составляли канатные плясуны, которые послѣ своихъ упражненій на канатѣ, разыгрывали также небольшія разговорныя пьесы. Этотъ театръ имѣлъ королевскую привиллегію.

Бульвары были моимъ любимымъ гуляньемъ; я нахожу, что это вещь чрезвычайно пріятная и спасительная для здоровья въ обширномъ и много-людномъ городѣ, въ которомъ тѣснота улицъ и высота домовъ спираютъ воздухъ. Это валы, окружающіе весь городъ; четыре ряда деревъ составляютъ широкую аллею посреди, для экипажей, и двѣ поуже съ боковъ, для пѣшеходовъ; съ нихъ видно открытое поле и многія окрестности Парижа, и на нихъ сосредоточивается большая часть городскихъ увеселеній. Въ какое время ни придите на бульваръ, всегда безчисленное множество народу, экипажей, разнощиковъ, которые шмыгаютъ съ своими лотками между колесъ экипажей; по тротуарамъ стулья, для желающихъ людей посмотрѣть или себя показать; кофейни, въ которыхъ играютъ оркестры или поютъ итальянскіе и французскіе пѣвцы; пирожники, трактиры, рестораны, харчевни, маріонетки, вольтижеры, великаны, карлы, хищные звѣри, морскія чудовища, восковыя куклы, автоматы, чревовѣщатели, фокусники, и прочая, и прочая, и прочая.

Однажды, проходя мимо театра Николѐ, я увидѣлъ на афишкѣ, что давали между прочими пьесами *Коріолана*, трагедію въ одномъ дѣйствіи. Это показалось мнѣ такъ любопытно, что я тотчасъ вошелъ, боясь не достать мѣста; опасеніе было напрасно, потому что я первый вошелъ въ галлерею. Черезъ нѣсколько минутъ, когда началъ уже собираться народъ, подошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ, недурной наружности, но довольно дурно одѣтый; я всталъ и посторонился, чтобъ пропустить его, думая что онъ также изъ зрителей; но это былъ одинъ изъ актеровъ труппы Николѐ; онъ долженъ былъ играть Коріолана, и не имѣя порядочнаго меча, пришелъ попросить у меня моей шпаги. Не зная его, я сначала колебался и сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, чтобы убѣдиться, что онъ точно принадлежитъ къ труппѣ; спросилъ его, объявленный на афишкѣ *Коріоланъ* точно ли трагедія или пародія; онъ отвѣчалъ мнѣ пресеріозно, что это трагедія, и даже очень хорошая. Я убѣдился этимъ, и далъ ему свою шпагу, радуясь, что она будетъ красоваться въ рукахъ такого хра-

браго витязя. Я долго и съ нетерпѣніемъ ждалъ пьесы, возбудившей мое любопытство; канатные танцоры заставляли меня трепетать за ихъ шеи; двѣ первыя пьесы наводили зѣвоту; но вотъ наконецъ и *Коріоланъ*. Актеры были дурно одѣты и читали стихи самымъ уродливымъ образомъ; но пьеса была въ самомъ дѣлѣ не дурна, и авторъ ея очень ловко умѣлъ воспользоваться сюжетомъ. Въ исторіи Коріолана есть одна только трогательная сцена, это когда онъ идетъ къ Риму, чтобъ отомстить своимъ неблагодарнымъ согражданамъ, и слезы жены и матери обезоруживаютъ его. На французскомъ театрѣ являлось семь или восемь пятиактныхъ трагедій подъ этимъ названіемъ, и всѣ были неудачны, потому что во всѣхъ надо было прослушать сначала четыре смертельныхъ акта, чтобъ дойти до единственной поражающей сцены. Авторъ *Коріолана*, игранного на театрѣ Николѐ, поступилъ благоразумнѣе; онъ далъ пьесѣ надлежащіе размѣры и избѣжалъ скуки. О слогѣ я не говорю, потому что я только угадывалъ, а не слышалъ; актерамъ Николѐ такая пьеса была слишкомъ не по силамъ. Вообще этотъ театръ не могъ сравниться съ тѣмъ, что онъ теперь; другіе мелкіе театры, возникшіе на бульбарахъ, оживили его своимъ соперничествомъ и принудили директора завести труппу получше.

Ambigu-Comique первый явился на бульварѣ послѣ театра Николѐ; началъ онъ съ маріонетокъ, которыя въ то время величались деревянными комедіянтами; довольно порядочный оркестръ игралъ извѣстнѣйшія оперныя мелодіи, а куклы представляли въ каррикатурѣ артистовъ, исполнявшихъ эти сцены на большихъ театрахъ. Эта новость сначала очень понравилась, и привлекла множество зрителей; но успѣхъ ея не могъ долго держаться, и директоръ скоро замѣнилъ деревянныхъ куколъ живыми малолѣтными актерами, очень хорошо выученными игрѣ и танцованію, нѣкоторые извѣстные литераторы не отказывались писать для этого театра прехорошенькія пьески, принаровленныя къ способностямъ исполнителей и къ залѣ. Не знаю, разбогатѣлъ-ли директоръ, но онъ имѣлъ и время и средства разбогатѣть.

Нѣсколько лѣтъ спустя, основался третій театръ на Сенъ-Мартенскомъ бульварѣ, подъ названіемъ «Забавныхъ разныхъ разностей». Имѣя гораздо лучшихъ актеровъ и лучшій репертуаръ, этотъ театр скоро затмилъ своихъ предшественниковъ, и былъ впослѣдствіи перенесенъ въ Пале-Рояль, гдѣ онъ донынѣ пользуется тою же славою и ведетъ также успѣшно свои дѣла.

Театръ маленькихъ комедіянтовъ, также въ Пале-Роялѣ, посѣ-

щается также довольно многочисленною публикою; это дѣти, сопровождающіе голоса поющихъ за кулиссами мущинъ и женщинъ жестами, и такъ ловко, что сначала многіе были убѣждены и даже бились объ закладъ, что эти-же дѣти и пѣли.

Торре, итальянскій фейерверкеръ, первый устроилъ лѣтній воксалъ на бульварахъ; онъ существовалъ весьма недолго; потомъ построили близъ Елисейскихъ Полей огромное зданіе, подъ названіемъ Колизея, но антрпренеры посадили тутъ все свое имущество. И въ самомъ дѣлѣ плохой расчетъ, мнѣ кажется, требовать денегъ за входъ въ запертое стѣнами, тѣсное, непріятное гулянье, тамъ, гдѣ такое множество прекрасныхъ публичныхъ гульбищъ; ибо не говоря уже о Тюильрійскомъ садѣ и бульварахъ, вездѣ имѣете вы здѣсь гулянье подъ бокомъ, не выходя изъ города. Люксамбургскій садъ обширенъ и всегда полонъ народу; это сборное мѣсто людей степенныхъ, монаховъ, ученыхъ, согласныхъ супруговъ. Сады Арсенала, Инфанты и Cours-la Reine имѣютъ то преимущество, что примыкаютъ къ рѣкѣ и къ открытому полю; сады Тампльскій и Субизскій очень полезны для своихъ кварталовъ. Наконецъ Ботаническій Садъ и Королевскій Музей, въ вѣдѣніи извѣстнаго естествоиспытателя графа Бюффона; въ первомъ изъ нихъ находится огромное собраніе самыхъ рѣдкихъ растеній, а во второмъ—животныхъ и минераловъ со всѣхъ концовъ земнаго шара. Нельзя не сказать также двухъ словъ о Елисейскихъ Поляхъ и объ окрестностяхъ столицы; Елисейскія Поля представляютъ огромное гульбище, усѣянное купами деревъ, и которое такъ покрыто гуляющими, что кажется, будто сюда сошелся весь городъ. Однако-жъ еще довольно остается народу для Булоньской рощи, для Сенъ-Клу, Бельвиля, луговъ Сенъ-Жервѐ, и вездѣ встрѣчаете вы туже французскую живость и веселость. Парижъ прекрасный городъ, окрестности его очаровательны, жители любезны; а есть однако-же люди, которые его не любятъ. Говорятъ, будто для того, чтобы наслаждаться жизнью Парижа, требуется много денегъ; это не правда: у меня было очень не много денегъ, а я жилъ весело, пріятно и былъ совершенно доволенъ. Здѣсь есть удовольствія по всѣмъ состояніямъ и по всѣмъ карманамъ; умѣйте соразмѣрять свои желанія съ своими средствами, иначе вамъ будетъ дурно и здѣсь и вездѣ.

Со времени успѣха своего *Добраго буки*, я не сдѣлалъ ничего новаго; когда ко мнѣ приставали, чтобы я написалъ что-нибудь, я отвѣчалъ въ шутку, что хочу отдохнуть на лаврахъ; но въ самомъ-дѣлѣ меня останавливало опасеніе, что второй опытъ не будетъ такъ удаченъ, какъ первый. Однако же я наконецъ внялъ

убѣжденіемъ друзей и голосу собственнаго тщеславія. Я выбралъ характеръ *Расточительнаго купца*, который до того обыченъ въ природѣ, что я могъ бояться только излишества оригиналовъ; я взялъ своего героя изъ выскочекъ, чтобы не раздразнить кое-кого изъ вельможъ. Какъ скоро комедія была готова, я показалъ ее Превилю; я назначалъ ему роль маркиза и очень жалалъ знать его сужденіе о роли и о пьесѣ; онъ былъ доволенъ той и другой. Я хотѣлъ замѣтить ему, какъ трудно выполнить роль, которую онъ принималъ на себя; но онъ перебилъ меня: о, я знаю, сказалъ онъ, эту чудную натуру!

По совѣту этого даровитаго артиста, я внесъ свою комедію для чтенія въ комитетъ Французскаго Театра. Голоса сначала раздѣлились, но потомъ всѣ согласились принять ее *съ исправленіями*. Я не привыкъ къ такого рода пріему, однако-жъ рѣшился не портить дѣла гордостью и упрямствомъ; урѣзалъ одни мѣста, развилъ другія, сгладилъ, исправилъ, покорился всѣмъ требованіямъ своихъ судей. Назначено вторичное чтеніе, и пьеса моя принята единодушно и внесена въ репертуаръ на поѣздку въ Фонтенбло. Она должна была идти изъ первыхъ на придворномъ театрѣ, но Превиль, по пріѣздѣ въ Фонтебло заболѣлъ и пролежалъ цѣлый мѣсяцъ въ постели; однако жъ онъ отправился передъ выѣздомъ королевской фамиліи, и пьесу мою назначили играть наканунѣ отъѣзда.

Всѣ министры, всѣ иностранцы, всѣ должностные люди уже выѣхали; актеры были утомлены и не имѣли охоты учить ролей, а еще менѣе дѣлать репетиціи. Я видѣлъ опасность, угрожавшую моей комедіи; просилъ, чтобъ представленіе ея было отсрочено; но въ репертуарѣ не было, или по-крайней-мѣрѣ, меня увѣрили, что не было другой пьесы.

Нечего было дѣлать; я пошелъ на первое представленіе, и сталъ по обыкновенію за заднія кулисы. Въ театрѣ было такъ мало народу, что нельзя было судить объ успѣхѣ или неудачѣ пьесы, и она прошла безъ всякого изъявленія удовольствія или неудовольствія. Я съ прискорбіемъ возвратился домой, и заперся въ своей комнатѣ; всѣ укладывались и я сталъ укладываться; всѣ выѣхали и я выѣхалъ. Дорогою я размышлялъ о своей новой комедіи; холодность пріема могла происходить отъ пустоты залы и отъ обстоятельствъ; но я не могъ не замѣтить также, что нѣкоторые актеры совершенно превратно поняли и исполняли свои роли.

По возвращеніи въ Парижъ, узналъ я о предполагаемомъ бра-

косочетаніи принцессы Клотильды, сестры короля, съ принцемъ Піемонтскимъ, наслѣдникомъ сардинскаго престола. Это было для меня весьма важною новостью, и я тотчасъ отправился въ Версаль, за болѣе вѣрными свѣдѣніями. Бракосочетаніе дѣйствительно имѣлось въ виду, но хранилось еще въ тайнѣ, и только за семь мѣсяцевъ до совершенія его, получилъ я приказаніе явиться къ принцессѣ для обученія ея итальянскому языку. При дворѣ думали, что пенсія въ три тысячи шесть сотъ франковъ обязывала меня служить всей королевской фамиліи, хотя она была мнѣ назначена въ видѣ награды за преподаваніе итальянскаго языка теткамъ короля; впрочемъ, высокая невѣста не оставила меня безъ награды. Но уроки ея продолжались недолго. Послѣ нея предстояло мнѣ заниматься съ другою сестрою короля, принцессою Елисаветою, и я отложилъ до того времени ходатайствовать себѣ добавочнаго жалованья. Я долго ждалъ; наконецъ наступилъ желанный день и мнѣ приказано явиться къ моей ученицѣ.

Эта молодая принцесса, живая, веселая, милая, была болѣе склонна къ забавамъ, чѣмъ къ занятіямъ; присутствуя при другихъ ея урокахъ, я замѣтилъ, что она имѣла большія способности, слѣдовалъ той-же методѣ, какую употреблялъ при преподаваніи итальянскаго языка принцессѣ Піемонтской; старался обратить занятія въ забаву и уроки въ пріятную бесѣду. Мы читали мои комедіи; въ сценахъ, въ которыхъ участвовали два лица, принцесса брала одну роль, а другую ея статсъ-дама; онѣ читали и переводили поочередно; когда было болѣе двухъ лицъ, другая статсъ-дама брала третью роль, а я всѣ остальныя. Это упражненіе недолго забавляло непостоянную мою ученицу. Мы перешли къ стихамъ; Матастазіо занялъ ее; но также не надолго. Я во всемъ старался угождать ей, да и можно ли было въ чемъ отказать этой очаровательной ученицѣ? Служба моя была самая легкая, самая пріятная.

Но я уже становился старъ; версальскій воздухъ былъ для меня вреденъ; вѣтры, дующіе почти не перемежаясь, раздражали мнѣ нервы, усиливали біеніе сердца, и возобновляли мои старые припадки ипохондріи; я принужденъ былъ оставить дворъ и переселиться совсѣмъ въ Парижъ, гдѣ воздухъ не такъ рѣзокъ и благопріятнѣе дѣйствовалъ на мой темпераментъ.

Племянникъ мой, хотя уже имѣлъ мѣсто въ военномъ министерствѣ, могъ занять и мою должность, на что я успѣлъ исходатайствовать согласіе своихъ высокихъ ученицъ. Оставалось мнѣ

подумать о себѣ самомъ, потому что состояніе мое было очень ограничено, а я не могъ уже ожидать другаго случая поправить его. Я подалъ записку королю; принцессы и сама королева ходатайствовали за меня; король соизволилъ назначить мнѣ шесть тысячъ франковъ единовременнаго пособія, и добавочную пенсію въ тысячу двѣсти франковъ, съ оборотомъ на моего племянника.

Въ концѣ 1778 года пріѣхалъ Вольтеръ, еще разъ взглянуть на отечество. Онъ много лѣтъ уже страдалъ внутреннею болѣзнью, съ которою онъ могъ еще долго жить въ своемъ тихомъ Фернейскомъ уединеніи, но которая усилилась среди парижскаго вихря и свела его въ могилу.

Шестнадцатаго іюня 1781 года, Опера загорѣлась по окончаніи спектакля; театръ уже второй разъ подвергался этой участи; первый пожаръ былъ въ 1763 году. Причиною втораго пожара была неисправность служителей. Одна задняя декорація загорѣлась отъ боковыхъ лампъ; стоявшій тутъ работникъ обрѣзалъ веревку; но работникъ, который долженъ былъ стоять у другаго конца отлучился; такимъ образомъ свернутая декорація упала однимъ концомъ; пламя быстро поднялось по пропитанному масломъ холсту, обхватило стропила, и чрезъ полчаса все зданіе было въ огнѣ. На этотъ разъ опера не нашла себѣ такого удобнаго помѣщенія, какъ послѣ перваго несчастія; Тюильрійская зала была занята Французскимъ Театромъ, и она должна была довольствоваться небольшою залою въ другомъ дворцѣ. Новый оперный театръ былъ необходимъ и для украшенія города и для удовольствія публики; думали построить большое, великолѣпное зданіе; но одно обстоятельство заставило перемѣнить это намѣреніе. Королева была беременна; опера не могла не участвовать въ празднествахъ, готовившихся по этому радостному случаю; поэтому сооруженіе большаго, прочнаго театра было отложено до другаго времени, а вмѣсто того построили на бульварѣ небольшой, но хорошенькій и весьма удобный театръ, который существуетъ донынѣ, и долго еще будетъ существовать.

Этотъ театръ выстроенъ въ два мѣсяца, подъ руководствомъ и по рисункамъ даровитаго архитектора Ленуара. Театръ построенъ прочно, и зала расположена со всѣмъ удобствомъ и изяществомъ, какія допускала тѣснота зданія. Онъ открытъ безденежнымъ представленіемъ для народа по случаю рожденія дофина.

Въ это время я былъ уже почти французомъ и раздѣлялъ всѣ радости и скорби своего новаго отечества; но вскоро встрѣтилось мнѣ семейное дѣло, которое напомнило мнѣ, что я родился подъ другимъ небомъ. Уѣзжая изъ Венеціи, я оставилъ въ одномъ монастырѣ племянницу. Она достигла двадцатилѣтняго возраста, пора ей было рѣшить свою судьбу; оставить монастырь или постричься. Я отъ времени до времени спрашивалъ ее въ письмахъ, что она думаетъ избрать; она всегда отвѣчала, что во всемъ покоряется моей волѣ. Этотъ отвѣтъ показался мнѣ подозрительнымъ, и я просилъ одного надежнаго человѣка осторожно вывѣдать ея образъ мыслей; послѣ долгихъ, тщетныхъ стараній, онъ наконецъ добился отъ нея отвѣта. Изъ этого отвѣта я заключилъ, что она не чувствовала склонности къ монашеской жизни; тѣмъ лучше для меня; потому что я могъ дать за нею только небольшое недвижимое имущество, а монастыри требуютъ наличныхъ денегъ.

Я написалъ письмо къ настоятельницѣ монастыря, и сенаторъ, котораго я просилъ о томъ, поѣхалъ съ женою за моею племянницею и взялъ ее къ себѣ. Тутъ она объяснила рѣшительно, что не хочетъ идти въ монастырь. Она переѣхала къ синьору Кіаруцци, честному и почтенному чаловѣку, который управлялъ моими дѣлами въ Италіи, и котораго жена занялась ею, какъ родною сестрою. Черезъ два года жена его умерла и онъ просилъ у меня руки моей племянницы; она была согласна и я не только не противился, но уступилъ ей съ согласія племянника все наше недвижимое имущество въ Италіи. Это событіе очень радовало меня; я обѣщалъ устроить судьбу дѣтей своего брата; племянникъ мой былъ при мнѣ, и имѣлъ хорошее мѣсто; племянница была за мужемъ за хорошимъ человѣкомъ, и я былъ спокоенъ на ихъ счетъ. Я очень желалъ присутствовать на ея свадьбѣ; но лѣта не позволяли мнѣ пускаться въ такую дальную поѣздку.

Благодаря Бога, я пользовался хорошимъ здоровьемъ, но долженъ былъ соблюдать нѣкоторыя предосторожности для поддержанія своихъ силъ; я каждый день читалъ «Трактатъ о старости» доктора Робера, декана парижскаго медицинскаго факультета, и во всемъ совѣтовался съ нимъ. Обыкновенно врачи пользуютъ насъ только въ болѣзняхъ и стараются выличить насъ; но не заботятся о насъ, когда мы здоровы. Эта же книга даетъ совѣты и наставленія, чтобъ не нуждаться въ пособіи врача; она показываетъ, сколько остается еще въ человѣкѣ жизненной силы, и какія средства должно употребить, чтобы не истощать ихъ. Она написана въ видѣ писемъ; когда я читаю ее, мнѣ кажется, будто я

бесѣдую съ авторомъ; на каждой страницѣ узнаю я себя, и встрѣчаю полезные и вовсе не стѣснительные совѣты. Авторъ не такъ строгъ, какъ салернская школа, и не одобряетъ системы Людовика Корнаро, который прожилъ сто лѣтъ больнымъ, чтобы умереть здоровымъ.

Въ этомъ же 1781 году, положено сдѣлать различныя перемѣны въ Пале-Роялѣ, и 15 октября нанесенъ первый ударъ топора столѣтнимъ деревьямъ большой аллеи. Люди, никогда не заходившіе въ Палероялькій садъ, кричали, что это лучшее гулянье въ столицѣ Особенно всполошились тѣ, которые имѣли дома около саду. Имъ угрожало новое зданіе, которое могло лишить ихъ свѣту и пользованія садомъ; они соединились, и хотѣли защищать мнимыя права свои судебнымъ порядкомъ; насилу убѣдили ихъ законники, что усилія ихъ ни къ чему не поведутъ; что мѣсто подарено королемъ Орлеанскому дому; что герцогъ имѣетъ на него исключительное право; что пользованіе садомъ основанно не на правѣ, а на снисхожденіи владѣльца; и что наконецъ самыя предполагаемыя измѣненія имѣютъ цѣлью общую пользу. Никто не хотѣлъ вѣрить; всѣ жалѣли о большой аллеѣ, куда каждый день стекалась такая толпа народа: парижскія красавицы пощеголять своею красотою и нарядами; молодые люди поискать любовныхъ похожденій и неудачъ; а люди степенные позабавиться на счетъ вѣтренной молодежи. Каждый ударъ топора былъ острый ножъ въ сердце зрителей. Женщины плакали, мужчины бѣсились; всѣ роптали на разрушителя, а я посмѣивался втихомолку, зная, что все это дѣлается для общей пользы. Послѣдствія доказали, что я не ошибался.

Нынѣ Пале Рояль перестроенъ, оконченъ; и какъ не осуждаютъ, какъ ни бранятъ его, я никогда не вхожу безъ новаго удовольствія; а толпа посѣтителей показываетъ, что я не одинъ такъ сужу. Садъ, говорятъ, стѣсненъ; это правда, но въ немъ еще довольно простора, довольно аллей, и онъ никогда не бываетъ полонъ. Воздухъ недовольно воленъ! Если вы требуете только вольнаго воздуха, такъ Елисейскія Поля къ вашимъ услугамъ; если же вы ищете въ одномъ мѣстѣ общества, удовольствія и удобства, вы не вырветесь изъ Пале-Рояля.

Аркады защищаютъ гуляющихъ отъ дождя и отъ солнца; на каждомъ шагу богатые магазины, загроможденные всякими тканями, золотыми издѣліями, всѣмъ, что принадлежитъ къ туалету и къ удобствамъ утонченной жизизи; кофейни, купальни, рестораны, трактиры, гостинницы съ нумерами, театры, библіотеки, картин-

ныя галереи, концерты, очень удобныя и прекрасно, даже слишкомъ роскошно, отдѣланныя квартиры; всегда толпа народу, дѣльцовъ, купцовъ, вѣстовщиковъ; каждый найдетъ себѣ и занятіе и забаву по вкусу; словомъ, чего хочешь, того просишь. Случается подчасъ шумъ, случаются драки; но на то есть полиція и подъ рукою рота швейцарцевъ, всегда готовая возстановить порядокъ.

Мода была всегда принадлежностью и двигателемъ Франціи; она даетъ законы всей Европѣ въ отношеніи театровъ, отдѣлки домовъ, нарядовъ, уборовъ, словомъ, всѣхъ жизненныхъ потребностей образованнаго общества. Въ Венеціи, на-примѣръ, при каждой перемѣнѣ времени года выставляютъ въ суровской улицѣ огромную, разряженную куклу, которая величается французскою куклою. Она служитъ образцомъ, которому всѣ женщины обязаны слѣдовать въ своихъ нарядахъ, и всякая нелѣпость будетъ прекрасна, какъ скоро она взята съ этой куклы. Венеціянки любятъ перемѣну не менѣе француженокъ. Портные, портнихи и модистки умѣютъ очень хорошо пользоваться этою слабостью; и если Франція не доставляетъ достаточно новыхъ модъ, венеціянскіе артисты пополняютъ недостатокъ своими изобрѣтеніями; переряжаютъ куклу заново, и выдаютъ эти доморощенныя моды за настоящій французскій товаръ. Когда я поставилъ въ Венеціи свою комедію *Дачебнсіе*, я говорилъ въ ней о крайне нелѣпомъ нарядѣ, который назывался *маріажемъ*; это было платье изъ гладкой матеріи, обшитое двумя разноцвѣтными лентами. Пріѣхавъ во Францію, я спрашивалъ, существуетъ-ли еще эта мода; никто о ней не слыхалъ, и всѣ смѣялись надъ такимъ безвкусіемъ. Однакожъ ее ввела французская кукла и выдавала за настоящую французскую. Также смѣялись надо мною, когда я заговорилъ *о полонезахъ*, которые были въ ходу въ Италіи передъ моимъ отъѣздомъ; однако же черезъ двѣнадцать лѣтъ полонезы явились и въ Парижѣ, и всѣ парижанки бросились на нихъ и находили ихъ очаровательными.

Правда, что Франція въ послѣдніе годы выпустила изъ рукъ державу моды, но теперь снова овладѣла ею.

Сколько перемѣнъ въ нѣсколько лѣтъ! полонезы, левиты, фурро, англезы, пьерро, турецкія платья; а шляпы, чепцы, куафюры! кто перечтетъ всѣ ихъ названія! кто опредѣлитъ всѣ ихъ видоизмѣненія! Женскіе головные уборы достигли, нѣсколько лѣтъ назадъ, верха совершенства; но нынѣшніе, не во гнѣвъ прелестнымъ существамъ, которыя и подъ ними умѣютъ сохранить свою прелесть, — нынѣшніе уборы для меня нестерпимы, эти взъеро-

шенные волосы, эти тупеи, закрывающіе брови, уродуютъ самое хорошенькое личико. По моему, для головныхъ уборовъ не должно бы быть общей моды. Каждая женщина должна бы совѣтоваться только съ зеркаломъ и водить рукою своего куафера.

Но прежде, чѣмъ эти записки выйдутъ изъ печати, мода, пожалуй, успѣетъ еще преобразить не одни головные уборы, но и многое другое; авось она подстрижетъ букли и подрѣжетъ шляпы; авось женскія платья станутъ величественнѣе, а мужскія не такъ тѣсны!

—

Я задумалъ слишкомъ длинный, слишкомъ тяжелый трудъ для моихъ лѣтъ, и употребилъ на него три года, опасаясь безпрестанно, что не успѣю его кончить. Однако-же, слава Богу, я еще живъ и можно даже надѣяться, что увижу эти записки напечатанными, распроданными, прочтенными.... Если-же ихъ не будутъ хвалить, то, надѣюсь по-крайней мѣрѣ, что и не втопчутъ въ грязь.

Да не обвинятъ меня въ тщеславіи или самонадѣянности за то, что я смѣю ожидать имъ благосклоннаго пріема: еслибъ я могъ ждать, что они не будутъ имѣть рѣшительно никакой цѣны, я не сталъ бы надъ ними трудиться? если же, въ томъ, что я говорю о себѣ, перевѣсъ на хорошой сторонѣ, то этому я обязанъ болѣе природѣ, чѣмъ собственному труду.

Въ «Драматическихъ сочиненіяхъ» старался я объ одномъ: чтобы не портить природы; въ «Запискахъ же» о томъ, чтобы не сказать ниодного слова, сколько-нибудь не согласнаго съ истиною.

Критика моихъ пьесъ можетъ имѣть въ виду благую цѣль; совершенствованіе комедіи; критика моихъ «Записокъ» не принесетъ ровно никакой пользы литературѣ. Если, однако-жъ, найдется критикъ, который займется мною, хотя для того только, чтобы досадить мнѣ, предупреждаю его, что это будетъ напрасный трудъ. Я отъ рожденія терпѣливаго нрава, и сохранилъ до настоящаго времени все свое хладнокровіе; въ мои же преклонныя лѣта, я мало читаю, и если возьму книгу, то такую, которая меня забавляетъ.

=

Такъ оканчивалъ Гольдони свои Записки въ 1787 году. Ему было восемьдесятъ лѣтъ; нужды и желанія его были ограничены, и пенсія, которую онъ получалъ отъ щедротъ королевской фамиліи, не только

была достаточна на удовлетвореніе нихъ, но даже дозволяла ему нѣкоторую роскошь. Въ этомъ беззаботномъ состояніи, имѣя при себѣ нѣжно любимую жену и племянника, котораго участь казалась также обезпеченною, онъ свѣтло смотрѣлъ на свою старческую жизнь и спокойно ждалъ смерти. Но это счастіе было непродолжительно: наступилъ роковой 1789 годъ, и разразилась французская революція, отъ которой и ему суждено было пострадать вмѣстѣ съ многими другими. Въ 1792 году, новое правительство уничтожило всѣ пенсіи, положенныя королями, въ томъ числѣ и пенсію Гольдони, составлявшую для него единственное средство существованія. Онъ впалъ въ крайнюю нищету, и погибъ бы съ голоду, если-бъ нѣкоторые друзья и собраты его по искусству не приняли въ немъ участія. Всѣхъ усерднѣе хлопоталъ о немъ поэтъ Мари-Жозефъ Шенье. По его ходатайству, правительство, въ 1793 году, возвратило несчастному старцу его прежнюю пенсію, которою онъ однако-же не успѣлъ воспользоваться, потому-что постановленіе о томъ состоялось наканунѣ его смерти. Шенье распространилъ свое участіе и на бѣдную вдову, и съ не малымъ трудомъ исходатайствовалъ, чтобъ ей была назначена часть пенсіи ея мужа, именно тысяча двѣсти франковъ. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

Примѣчаніе переводчика.

ЮМОРИСТИКА.

УЛЫБКА ВЪ ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Это было очень давно, началъ мой пріятель, еще въ то блаженное время, когда я сливки предпочиталъ гоголь-моголю, а въ улыбкѣ хорошенькой женщины уже начиналъ находить болѣе сладости, чѣмъ въ вяземскомъ пряникѣ. Слѣдовательно, это было на зарѣ моей жизни, въ самый разгаръ молодости, мечты и желаній юнаго сердца.... Чѣмъ ограничиваются эти желанія, ты знаешь: полюбить и быть любимымъ. Вотъ девизъ только что пробивающихся усовъ.... И я полюбилъ; да какъ!... первою, чистою, пѣвучею любовью, пѣвучею въ полномъ смыслѣ этого слова, потому, что едва-едва дѣло не доходило до серенадъ, которыя я намѣревался давать подъ *ея* окнами.... Моими заунывными романсами, гитарою и чтеніемъ съ чувствомъ и толкомъ неизбѣжныхъ «Къ ней» «Къ моей» «Для ней» «У ней» и проч, я такъ неистово надоѣлъ моей доброй и скромной хозяйкѣ, что она, опасаясь за спокойствіе другихъ нахлѣбниковъ и за здоровье моего растроеннаго мозга, очень деликатно попросила меня или отказаться отъ моихъ мелодій и прелюдій, или отказаться отъ квартиры.

О, я былъ влюбленъ, я былъ неистово влюбленъ; и чтобы забыть мои романсы, разбить мои мечты и гитару, надо было употребить тогда надо мною власть сверхъ-естественную.... Презрительнымъ взглядомъ отвѣчалъ я на предложеніе хозяйки, прокашлялся и, залившись послѣднею лебединою пѣснію, взялъ легковаго извощика, положилъ на его дрожки чубукъ, гитару, халатъ, подушку и нѣсколько тетрадей романсовъ, примолвилъ: Поѣзжай на Крестовскій!... и отправился.—Вотъ какъ! замѣтила старушка, слѣдившая изъ окна за всѣми моими дѣйствіями.... Наши на дачу подъ осень собрались?—Ладно, старая, думалъ я себѣ.... Толкуй тутъ!... Кабы ты, ходячая зима, знала, что меня осенью тянетъ на дачу, такъ перестала-бы язвить и смѣяться.... Тамъ! тамъ живетъ *она*! шепталъ я, возсѣдая на моей сафьянной подушкѣ; на той подушкѣ, которая одна только знала тайну моего бѣднаго сердца, будучи истерзана моими поцѣлуями, когда я бывало въ припадкѣ мечты припадалъ къ ней жаркою головою.

Переѣхавъ на Крестовскій, я поселился въ одномъ крошечномъ домикѣ, у моего стараго пріятеля, рядомъ съ тою дачею, кровля которой скрывала мою прелестную и ея семейство... Боже мой! Тутъ-то для меня настали дни счастья и пытки, слезъ и восторговъ.... Тутъ то я не счадилъ своей гитары и груди.... Ночью, или когда стемнѣетъ, бывало, я накидывалъ на плеча пальто и осторожно выходилъ изъ дому, прокрадываясь къ окнамъ моей Прелесты.... Руки мои тогда впивались въ оконницу, глаза въ стекло.... я дрожалъ, млѣлъ, слѣдя за ея тѣнью и цѣлыя лужи слезъ оставлялъ на этой оконницѣ, съ новою немочью возвращаясь къ моимъ подругамъ, гитарѣ и подушкѣ. Но наконецъ рай мнѣ улыбнулся, счастіе заворковало для меня и, не смотря на наступившую осень, я сталъ дышать весною... О, какъ благословлялъ я тогда.... все.... все!... Природу, людей, даже моего стараго пріятеля.... воробьевъ.... Ну словомъ, только что не цѣловалъ корову и жену моего пріятеля... Да! счастіе мнѣ улыбнулось.... Меня замѣтили, на меня даже обратили вниманіе... и сами дали случай сблизиться и войти въ домъ...

О люди! люди! Порожденіе крокодиловъ!
О женщины! о, скорпіоны!... василиски,
О, какъ-бы васъ еще назвать...
Къ чему-бъ еще вы были близки!

Здѣсь разсказщикъ оставилъ указательный палецъ лѣвой руки на лбу и поникъ головою, какъ припоминая что-то или пріискивая

рному къ послѣдней строкѣ своего четверостишія.... Но, вотъ онъ улыбнулся, весело взглянулъ на меня и продолжалъ:

— Да, сказалъ онъ, я купался въ маслѣ наслажденія; но другъ мой, счастіе людей не прочно, а тѣмъ болѣе, если это счастіе подаритъ намъ женщина... Недѣля, только одна недѣля была вѣкомъ моего блаженства.... Въ ту минуту, какъ я плакалъ слезами счастія и восторга, въ ту минуту, какъ я глупый, зеленый оселъ, позволялъ себѣ мечтать о будущемъ, о брачномъ вѣнцѣ, о новомъ фракѣ, о комфортной квартирѣ въ три комнаты съ кухнею и прихожею.... о маленькихъ попрыгушкахъ, протягивающихъ ко мнѣ руки за леденцами.... Эхъ, чортъ возми! вотъ какъ вспомнишь, такъ кажется, такъ кровь глоткой и свиснитъ...

Да!... А въ это время счастье отъ меня улепетывало на попятный, краса меня почти разлюбила, изсякли нѣжные напѣвы взглядовъ, исчезла для меня ея улыбка... Но еще это не все... сердцу готовился такой ударъ... такая штука!... Но, слушай...

Однажды папаша моего идола справлялъ свои имянины. Въ числѣ званыхъ на вечеръ, какъ-то попалъ и я... Смерклось.... Пробило восемь, и съ замирающимъ сердцемъ, измученнымъ какою-то острою болью, я отправился, съ непремѣннымъ желаніемъ объясниться съ нею, и даже, еслибы представилась возможность, вызсказать ей всѣ мои страданія, всѣ думы безсонныхъ ночей и весь пылъ моего измозжденнаго сердца. Вхожу.... музыка гремитъ, чепцы мѣрно поворачиваютъ своими цвѣтными рогами, дѣвы порхаютъ въ бѣшеномъ галоппѣ, старички вистуютъ и козыряютъ... Ея нѣтъ.... Болѣзненнымъ взоромъ я обѣжалъ всю залу... Нѣтъ ея...

Сердце захлопало во мнѣ, какъ сова крыльями, грудь заболѣла какимъ-то злымъ предчувствіемъ и вдругъ, въ это мгновеніе, изъ гостиной выпорхнула пара и легко, какъ одно тѣло, зарѣяла галоппомъ.... Кавалеръ былъ ловкій, красивый мужчина, брюнетъ, съ черными усами и испаньолькой, — дама *она*. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ, незнакомецъ ловко прорѣзалъ интервалы между тремя или четырьмя парами и посадилъ свою даму, свободно раскинувшись подлѣ нея въ креслахъ... Я выждалъ нѣсколько мгновеній и трепеща, неровными шагами, почти шатаясь, подошелъ къ ней....

— Анна Васильевна... началъ я, запкаясь на каждой буквѣ, но она быстро взглянула на меня и окинувъ меня презрительнымъ взглядомъ, довольно сухо отвѣчала: Извините.... я... устала.

Ошеломленный, я совершенно потерялся; въ глазахъ у меня темнѣло, въ вискахъ стучало и вмѣсто того, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, я готовъ былъ уже грудью идти на мою даму, какъ въ это мгновеніе она выпорхнула изъ подъ моего носа и съ тѣмъ-же черноусымъ умчалась въ тотъ же галопъ... Какъ пригвожденный стоялъ я на мѣстѣ; досада, ревность, злость, самолюбіе, всѣ черти выплясывали польку на моемъ сердцѣ, я стиснулъ обѣ челюсти и сразу укусилъ обѣ губы, верхнюю и нижнюю... Не слыша и нечувствуя струившейся по губамъ крови, мутнымъ, болѣзненнымъ взоромъ слѣдилъ я за движеніями моего соперника, который уже садился за рояль, окруженный всемъ обществомъ.... И вотъ аккордъ звучный, стройный вырвался изъ подъ его пальцевъ, онъ откинулъ назадъ свои черныя кудри, на которыя лился ароматъ ея дыханія и злодѣй-чаровникъ запѣлъ какую-ту итальянскую арію... Все кончено! прошепталъ я, вырвавъ съ отчаянія подкладку изъ моей шляпы... Все кончено! тутъ... итальянцы... Проваливай наши. Съ истерзанными губами и сердцемъ, и съ изорванною шляпою воротился я домой, проклиная итальянскія аріи, женщинъ, усатаго пѣвца, галоппъ... и даже мою подушку, которую тутъ-же швырнулъ подъ диванъ... Мнѣ казалась, что она улыбается такъ же зло, какъ моя красавица... Въ эту ночь я не могъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ, не потому, что еще не наступило утро, но потому, что глаза мои напухли и сдѣлались пышны, какъ подушка съ казацкаго сѣдла... Въ припадкѣ бѣшенства я даже разбилъ мою гитару... Мнѣ казалось, что она повторяетъ: «извините.... я устала».

Съ первыми лучами солнца, я бѣжалъ въ городъ и скитался по его тротуарамъ почти до вечера... Возвращаясь въ свою душную каморку, я, погруженный въ тяжкую думу о моемъ горѣ и униженіи, не замѣтилъ, какъ поравнялся съ дачею моей измѣнницы. Къ думамъ о сердечныхъ обстоятельствахъ присоединились еще думы и о насущныхъ: финансы доѣли... Послѣдняя пятирублевая ассигнація, скатанная въ котышокъ, лежала въ моемъ жилетномъ карманѣ.... И вдругъ слышу, кто то меня называетъ по имени... Я поднялъ голову. На шагъ отъ меня стояла *она*, протягивая мнѣ свою бѣлую, нѣжную ручку... На устахъ ея играла такая отрадная, такая теплая улыбка, что я совершенно растаялъ... Я простилъ ей въ то мгновеніе все, все, и съ воплемъ мольбы и признанія готовъ былъ упасть къ милымъ ногамъ....

— Не больны ли вы? спросила она меня, съ какимъ-то роднымъ участіемъ — Вы такъ перемѣнились?...

— Кто, я-съ? нѣтъ.... совершенно.... почти.... знаете....

— Да! мнѣ васъ надо побранить, перебила она рѣзво.... Зачѣмъ вы такъ рано вчера ушли отъ насъ?...

— Боже мой!... она замѣтила мое отсутствіе, подумалъ я.... Ну, не скотъ-ли я послѣ этаго.... Да-съ.... простите, Анна Васильевна... Вотъ видите....

— И сколько вы чрезъ это потеряли наслажденій, добавила она, покачавъ головкою.

— Вѣрю.... уповательно....

— Да.... Мг. Пискарини пѣлъ удивительно....

— Да, но вотъ видите этотъ г. Пис.... Пис.... Пискар....

— Кстати, продолжала она, Нафанаилъ Логинычъ.... хотите быть въ концертѣ?.. Пожалуйста.... для меня.... Мы тамъ встрѣтимся.... Вотъ билетъ, только пять рублей стоитъ.... только! М-г Пискарини — удивительный талантъ и удивительный человѣкъ.... Смотрите, ради Бога.... первый концертъ и такъ дешево!—Говоря это, она протянула ко мнѣ билетъ, играя имъ о лацканъ моего пальто.... Я взглянулъ на нее — и обомлѣлъ отъ восторга. Она смотрѣла на меня огнемъ—не глазами, и кажется всѣ херувимы улыбались ея устами.... Рука моя невольно скользнула въ карманъ, утонула на днѣ его—поймала за уголокъ мое послѣднее достояніе.... и я уже владѣлъ билетомъ. Но съ исчезнувшей ассигнаціею исчезло и мое благополучіе... Въ эту минуту лицо ея стало важно, сухо—и довольно вѣжливо, но молча поклонившись мнѣ, она пошла къ рощѣ, изъ которой въ то же мгновеніе выбѣжалъ.... О, лучше бы выбѣжалъ тогда тигръ, дикобразъ или гіена, которая бы пожрала меня, чѣмъ этотъ усатый Пискарини, съ какимъ-то мухоморомъ въ рукахъ.... О, чтобъ тебѣ подавиться имъ, подумалъ я въ то время, какъ онъ довольно нецеремонно закричалъ навстрѣчу моей измѣнницѣ....

— Анета!... Анета!... да идите-же скорѣй!

И она, подпрыгивая, быстро бросилась къ нему на встрѣчу, схватилась съ нимъ за руку и скрылась за воротами своего дома.

Какъ будто бы молнія ударила меня въ темя и стальною иглою прошла въ пятки, пригвоздивъ на мѣстѣ. Сердце застыло во мнѣ.... Долго и молча смотрѣлъ я безсмысленными глазами въ рощу, гдѣ мелькало ея бѣлое платье.

— Все рѣшено и кончено! прошепталъ я, едва переводя духъ изнывшею грудью.... Такъ вотъ эта продажная улыбка.... Счастли-

во, моя красавица, она торгуетъ для него билетами.... и улыбками! Разбитый въ прахъ, но не побѣжденный, потому что я сталъ презирать ее съ того дня—воротился я домой, безъ денегъ, съ анаѳемскимъ билетомъ и клятвою: не жить никогда на Крестовскомъ, не покупать билетовъ въ концерты, а главное, не вѣрить женской улыбкѣ и стараться пріобрѣтать ихъ по возможности — даромъ!

ВАНЯ БУЛОЧКИНЪ.

=

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

ЯНВАРЬ. Изъ многихъ, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ критическихъ разборовъ о московскихъ театрахъ за 1849 годъ, постоянные читатели ихъ могли очень ясно видѣть, что кромѣ нѣсколькихъ хорошихъ балетовъ, 1849 годъ для московской сцены не представлялъ вовсе ничего замѣчательнаго, — не подарилъ почти ни одной хорошей оригинальной пьесой, кромѣ драмы г. Мея: *Царская Невѣста*, заслужившей нѣкоторое вниманіе, и не обогатилъ театра ни однимъ блестящимъ новымъ талантомъ. Поэтому весьма будетъ понятно, если я оставлю прошлое безъ всякаго обозрѣнія, опираясь на русскую пословицу: *Кто старое помянетъ....* и обращусь прямо къ новому 1850 году.

Много надеждъ подалъ намъ на будущее прошедшій январь мѣсяцъ! — Много разъ задумывался истинный любитель искусства о томъ, будетъ-ли хорошему началу такое же достойное продолженіе? — Усталые и, такъ сказать, усыпленные предыдущимъ однообразіемъ спектаклей глаза, съ трудомъ вѣрили себѣ, увидѣвъ вдругъ такое разнообразіе репертуара и обиліе замѣчательныхъ новостей. — Публика опять повалила толпою въ давно забытыя ею кресла и ложи; артисты встрепенулись отъ мертвеннаго своего усыпленія; производительная сила авторовъ воскресла; словомъ, настало по-видимому, время совершеннаго обновленія театра. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ январь мѣсяцъ представилъ на судъ публики столько заманчивыхъ спектаклей, что и четвертой доли ихъ нельзя было отыскать въ цѣломъ 1849 году. — Но отчего-же все это могло произойти? — Не измѣнился ли составъ труппы, не обновилась-ли она свѣжими талантами?

Не явилось-ли какого-нибудь обаятильнаго сценическаго генія? Ничуть не бывало. — Все осталось по прежнему, только возникло новое распоряженіе, и дѣла пошли вдесятеро лучше. — Со всякой труппою можно дойти до высокаго и прекраснаго въ искусствѣ: пусть только каждый членъ ея будетъ занятъ по своимъ средствамъ, поставленъ на своемъ мѣстѣ, а цѣлое оживлено дѣятельностью, и все процвѣтетъ и усовершенствуется. Такъ теперь и дѣлается; и если-бы только уничтожить свирѣпствующую здѣсь водевильную монополію тѣхъ, которые, имѣя возможность захватить репертуаръ въ свои руки, выставляютъ безпрестанно на показъ свои бездарныя и пустыя произведенія, и тѣмъ отъучаютъ публику отъ театра, — то московская труппа, въ ея теперешнемъ составѣ, могла-бы доставлять зрителямъ истинное и постоянное наслажденіе. А то, часто публика задаетъ себѣ вопросъ: отчего-бы, на-примѣръ, ее угощаютъ въ третій разъ представленіемъ нелѣпой пьесы г. Соловьева «*Три сестры*», которая такъ торжественно упала ея перваго разу, между тѣмъ, какъ вполнѣ превосходная пьеска Ленскаго «*Три невидимки*», была только одинъ разъ повторена, не смотря на удовольствіе, которое она всѣмъ доставила? Неоспоримо, что г. Соловьевъ могъ-бы имѣть нѣкоторыя достоинства, если-бъ только не слишкомъ торопился переводомъ, съ большимъ вкусомъ выбиралъ пьесы и не изготовлялъ каждую недѣлю по трехъ-актной пьесѣ; но очевидно и то, что переводы его страхъ какъ надоѣли московской публикѣ, которая гласно ропщетъ, что ничего не видитъ на сценѣ, кромѣ пьесъ: *Что и деньги безъ ума*, *Что имѣемъ не храним*ъ, *Маленькое облачко*, *Симонъ сиротинка*, и проч., даваемыхъ рѣшительно каждый день. Къ таковымъ пьесамъ можно отнести и пьесы г. Акимова: *Женихъ безъ фрака*, и *Трудно быть слугою двухъ господъ*. — Я знаю даже нѣкоторыхъ, весьма уважительныхъ особъ, которые дали заклятіе не ходить въ театръ, боясь встрѣтить одинъ изъ поименованныхъ водевилей, до того они всѣмъ намазолили глаза. Но обратимся къ разбору спектаклей.

Послѣ умныхъ и вполнѣ занимательныхъ пьесъ, данныхъ въ декабрѣ мѣсяцѣ какъ напр.: *Горе отъ ума*, *Фенелла*, *Мѣщанинъ-дворянинъ*, и проч. 9-го января насталъ бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой, этой превосходной московской драматической артистки, заслужившей своими долгими трудами вполнѣ достойную ея славу. — Бенефисъ ея состоялъ изъ возобновленной комедіи покойнаго князя Шаховскаго: *Батюшкина дочка*, *или нашла коса на камень*, водевиля *А. Ф.*, дошедшаго сюда съ Петербургской сцены, и оригинальной драмы въ двухъ картинахъ: *Спа-*

сенное знамя, данной въ первый разъ. Сюжетъ этой драмы вполнѣ объясняется названіемъ ея картинъ: *картина* 1: унтеръ-офицеръ Старичковъ умираетъ въ плѣну у французовъ; *картина* 2: калужскіе граждане признательны за спасенное Старичковымъ знамя, и переданное солдату Чайкѣ, для относу на родину. — Вотъ и весь интересъ пьесы, безъ всякаго разнообразія и характеровъ, написанной притомъ чрезвычайно ученическимъ языкомъ, по всѣмъ правиламъ риторики г. Кошанскаго. Пьеса упала.

Въ пьесѣ *Батюшкина дочка*, была чрезвычайно хороша г-жа Лаврова, въ роли Любушки; она дѣлается рѣшительно первой московской актрисой; жаль только, что она теперь очень мало играетъ и имѣетъ рѣдко практику; а то-бы она далеко пошла.— Также былъ недуренъ въ роли Рогдаева г. Самаринъ. Ко многимъ неразрѣшимымъ вопросамъ этой пьесы, принадлежитъ роль парикмахера Дюгашона, игранная г. Ленскимъ и состоящая всего изъ четырехъ словъ. Конечно, слова эти французскія, но намъ кажется, что они были-бы приличнѣе въ устахъ какого-нибудь аксессуарнаго лица французскаго театра, въ родѣ M-r Daresne, чѣмъ у хорошаго русскаго актера, котораго достоинство оттого много страдаетъ во мнѣніи публики.

Въ водевилѣ *А. Ф.*, въ роли Мордашова, г. Живокини рѣшительно морилъ со смѣху. По милости его, эта пьеска долго продержится на московской сценѣ. — Г-жа Никифорова, игравшая роль Любушки, начинаетъ значительно совершенствоваться и уже принадлежитъ, безспорно, къ числу замѣчательныхъ возраждающихся талантовъ; въ ней видна развязность, ловкость, умный разговоръ, при хорошенькомъ голоскѣ и очень интересной наружности; это находка для московской сцены.

12-го января, давали въ первый разъ новый балетъ: *Катарину или дочь разбойника*, такъ уже давно извѣстный Петербургу, и имѣвшій, при посредствѣ г-жи Фанни-Эльслеръ, такой заслуженный и огромный успѣхъ. — Странно, что не смотря на всю занимательность его сюжета, на богатство и изящество костюмовъ и постановки, даже на хорошую игру г-жи Ирки Матіасъ въ роли Катарины, балетъ этотъ въ Москвѣ далеко не произвелъ такого впечатлѣнія какъ *Сатанилла*, и даже *Пахита*. Причиною этому можетъ быть скорость постановки и несовершенство состава здѣшняго кордебалета противъ петербургскаго; хотя впрочемъ г. Фридерикъ сдѣлалъ рішительное чудо, поставивъ новый балетъ менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли, и московская балетная труппа не менѣе его заслужила уваженія

такъ скоро разучивъ совершенно новыя и даже весьма трудные па; хотя еще публика постоянно наполняетъ залу Большаго Театра, но все-таки нельзя не признаться, что въ этомъ балетѣ чего-то недостаетъ и отзывается или скоростію постановки или неудачнымъ выполненіемъ. — Даже декорація послѣдняго дѣйствія, надѣлавшая такого шума въ Петербургѣ подъ кистью г. Роллера, здѣсь не произвела ни малѣйшаго эфекта.— Г-жа Ирга-Матіасъ, въ роли Катарины, и г. Кузнецовъ въ ролѣ Сальватора, были очень хороши, и не смотря на описанные недостатки, балетъ очень нравится массѣ публики и привлекаетъ ее. Чего-же больше!

17-е января. Первое представленіе комедіи въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, *Странная свадьба*, соч. М. И. Воскресенскаго. Отрывокъ изъ этой комедіи данъ былъ на сценѣ Александрійскаго Театра, и потомъ напечатанъ въ первой книжкѣ «Пантеона» 1850 года. По этому небольшому отрывку уже можно судить о достоинствѣ самой пьесы. Вся она написана прекрасными риѳмованными стихами, имѣла огромный успѣхъ, и безспорно одно изъ самыхъ рѣдкихъ явленій на нашей сценѣ. Комедію въ стихахъ написать не легко. Это не передѣлать водевиль, исказивъ смысль французскаго подлинника, давъ иностраннымъ сюжетамъ русскія прозванія и подписавъ подъ нимъ одну или нѣсколько *авторствующихъ* фамилій. Фабрика подъ фирмою Т. Р. и Комп., уже надоѣла. Всѣ жаждали чего-нибудь дѣльнаго, и вотъ наконецъ являются два произведенія, одно вслѣдъ за другимъ, я говорю еще о *Поѣздкѣ за границу*, комедіи въ 4 дѣйствіяхъ, сочиненія М. Н. Загоскина. — Обѣ эти пьесы заслуживаютъ величайшаго вниманія и публика оцѣнила ихъ. Нѣсколько представленій сряду театръ былъ полонъ и авторы вызваны по нѣсколько разъ. Актеры играли свои роли, какъ нельзя лучше, и ничто не мѣшало очарованію цѣлаго.

Сюжета *Странной свадьбы* разсказывать я не буду, во-первыхъ потому, что вѣроятно эта комедія будетъ скоро напечатана сама въ «Пантеонѣ»; во-вторыхъ и потому, что сюжетъ вполнѣ объясняется самимъ названіемъ пьесы. Скажу только, что, по моему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія второй актъ комедіи. Игривѣе, веселѣе и живѣе его, мы давно ничего не видали. Садовскій 1, въ ролѣ купца Бородкина, былъ неподражаемъ. Дѣйствіе этого акта происходитъ въ Голицынской московской галлереѣ. Вѣрность, отчетливость и правильность этой декораціи, снятой съ натуры талантливымъ декораторомъ Сѣрковымъ, не мало довершила очарованію цѣлаго. Декораціи этой и до сихъ-

поръ аплодируютъ. Но хваля достойное, обязанность критика заставляетъ указать и на нѣкоторые недостатки пьесы, которые не могутъ ускользнуть отъ внимательнаго наблюденія зрителя: эти недостатки состоятъ въ томъ, что первый актъ нѣсколько растянутъ и мало знакомитъ публику съ содержаніемъ пьесы; во второмъ актѣ, превосходномъ въ цѣломъ, пѣніе тирольцевъ въ галлереѣ (чего въ дѣйствительности никогда не бываетъ), отвлекаетъ зрителей отъ главной нити содержанія и, слѣдовательно, расхолаживаетъ пьесу; по моему мнѣнію, всего приличнѣе было бы кончить актъ сценою, когда отецъ (г. Усачевъ) подслушиваетъ разговоръ шулеровъ, сговаривающихся обыграть, и когда въ одномъ изъ нихъ онъ узнаетъ жениха своей дочери. Въ третьемъ актѣ, длинный разговоръ слугъ кажется лишнимъ и также нѣсколько натянутымъ. Гдѣ интересъ основанъ на господахъ, тамъ слугъ публика не слушаетъ; да и сцена эта была разыграна очень слабо господами Васильевымъ и Бороздиной 1, такъ что большей половины ея нельзя было разслушать. Въ четвертомъ актѣ, поступокъ Фогеля (отца) нисколько не оправданъ. Если онъ знаетъ о любви своей дочери къ Голубкову, зачѣмъ-же дѣлать скандалъ и обличать ихъ, онъ-бы могъ ихъ просто женить. Если жъ онъ этого не зналъ, то, соединивъ ихъ, могъ составить вѣчное несчастіе своей дочери. Тоже не расчетъ! — Наконецъ, въ пятомъ дѣйствіи, пріѣзжій изъ Риги, (г. Усачевъ), даетъ слугѣ за полученное черезъ него извѣстіе кошелекъ золота, это ужъ слишкомъ по-турецки! Наибольшій кушъ въ подобныхъ случаяхъ три цѣлковыхъ. Также этой пьесѣ, написанной четыре года тому назадъ, не мало повредило и то, что она дана такъ поздно; черезъ это она потеряла много изъ своего современнаго интереса.

Ни Мочаловъ, ни Герино, ни итальянская опера въ настоящее время въ Москвѣ уже не существуютъ, а про нихъ въ пьесѣ говорится, какъ о современностяхъ. Но какъ бы то ни было, не смотря на всѣ эти небольшіе недостатки, пьеса эта въ высшей степени интересна, интрига ея нова, характеры полны и хорошо обрисованы, сцены ведены искусно. Она произвела такой фуроръ, какого давно въ Москвѣ не было. Автора вызвали въ первое представленіе три раза, а во второе два.

Сюжетъ комедіи *Поѣздка за границу* не обширенъ, все дѣло въ томъ, что дѣйствующія лица впродолженіе всѣхъ четырехъ актовъ собираются за границу, а подъ конецъ обстоятельства перемѣняются, и они остаются дома. Но какъ бы то ни было, пьеса чрезвычайно игрива, и что всего важнѣе, до крайности

занимательна, при томъ-же написана превосходнымъ языкомъ съ примѣсью порядочной соли. Разыграна была она, какъ нельзя лучше. Г-жа Рыкалова (Тихановичева), Сабурова 1 (Закамская) и Львова-Синецкая (Хопрова) были очень хороши. Г. М. Соколовъ сдѣлалъ изъ своей роли, что могъ, и вышло прекрасно. По моему мнѣнію, его настоящее амплуа—комедія, а вовсе не фарсъ и не водевиль, въ которыхъ онъ всегда подвизается, и часто весьма *неудачно*. Словомъ, все шло очень хорошо; только Г. Самаринъ въ роли Сурскаго, по обыкновенію своему, пародировалъ Чацкаго, и не произвелъ ничего. А кто лучше всего оттѣненъ въ пьесѣ, это слуга Яковъ; Садовскій 1 въ этой роли былъ до крайности оригиналенъ. Типъ стараго слуги ворчуна, «стоящаго», по собственнымъ его словамъ, «на краю свирѣпой пропасти», создана имъ, какъ нельзя лучше.

22-е января. *Горе отъ ума.* Въ немъ роль Софьи Павловны играла въ первый разъ воспитанница Императорскаго Московскаго Театральнаго Училища дѣвица Воронова, а роль Лизы, въ первый-же разъ, дѣвица Дмитріева. Обѣ эти дебютантки читаютъ довольно толково, хорошо держатся на сценѣ, но вовсе не соотвѣтствуютъ представляемымъ ими лицамъ.

Г-жа Воронова владѣетъ прекрасной сценической наружностью, хорошенькимъ голоскомъ и пріятными манерами; но въ ней большой недостатокъ развязности и граціи, которые должны быть украшеніемъ всякой комедіи. Да это и вовсе не ея амплуа: ей слѣдовало бы испытать себя въ легкой драмѣ или водевилѣ, въ роляхъ барышенъ и пансіонерокъ, гдѣ не требуется бойкости, а нужны только душа и наивность. Роль Софьи Павловны она сыграла какъ роль, а не какъ личность московской аристократки, и притомъ романической. Она была чрезвычайно монотонна.

Г-жа Дмитріева очень можетъ-быть хорошой служанкой-плутовкой, въ родѣ Мольеровскихъ, но Лиза тоже у ней не вышла въ полномъ очертаніи. Впрочемъ, публика поощрила молодыхъ дебютантокъ. Обѣ были вызваны.

25-е января. *Бенефисъ Щепкина.* Въ первый разъ три оригинальныя пьесы: *Холостякъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ; *Богатая старушка*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, и *Отсталые люди*, водевиль въ одномъ дѣйствіи. Всѣ эти пьесы слишкомъ хорошо извѣстны и публикѣ и читателямъ «Пантеона», чтобы распространяться объ ихъ содержаніи; скажу только, что онѣ всѣ разыграны были очень хорошо, но не доставили публикѣ того удовольствія, какого отъ нихъ можно бы было ожидать.

Въ заключеніе этой лѣтописи, скажу нѣсколько словъ объ остальныхъ спектакляхъ января мѣсяца.

На Большомъ Театрѣ наиболѣе даются балеты и оперы. *Фенелла* идетъ въ Москвѣ хорошо. Леоновъ и Петровъ истинно прекрасны. Особенно первый, въ ролѣ Фіорелло, дѣлаетъ чудеса изъ своего голоса и весьма нравится публикѣ. Роль Фенеллы занимаютъ по-очередно г-жа Санковская 1 и Воронина, и трудно рѣшить, которой изъ нихъ отдать преимущество. Изъ прочихъ оперъ даны были по разу: *Аскольдова могила*, *Сонъ на яву или Чурова долина*, *Страделла*, *Робертъ*, *Люція* и *Таинственные духи* или *Проклятое мѣсто*. Послѣдняя дается, конечно, не къ чести искусства, но кто можетъ угодить на публику? Во время представленія *Таинственныхъ духовъ* театръ былъ полонъ, а въ Робертѣ пустъ! — Изъ балетовъ были даны семь разъ *Катарина* и по разу *Пахита* и *Сатанилла*. Но въ послѣднемъ недоставало души его — незабвенной г-жи Андреяновой, которая посѣяла на нашей сценѣ столько очарованія, что ее здѣсь долго не забудутъ. На французскомъ театрѣ дебютировала Mlle. Esther, и далеко не произвела такого фурора, даже въ любимый своей пьесѣ: *Шампанское и опіумъ*, какъ въ Петербургѣ. Вообще она ужъ очень устарѣла, и не нравится московской публикѣ, весьма стоически много лѣтъ сряду восхищавшейся старухами Дюпаркъ и Шамберя.

Прежде, чѣмъ рѣшился я взяться за перо, чтобы писать театральную критику, я невольно задалъ себѣ вопросъ, кто станетъ читать мое произведеніе? И какая произойдетъ отъ этого польза? Въ послѣднее время такъ много расплодилось различныхъ рецензій и разборовъ, и съ такими противорѣчущими одинъ другому мнѣніями, что бѣдная публика и актеры не будутъ уже знать, что имъ дѣлать и кому вѣрить. И что еще страннѣе всего, всякое изъ мнѣній, отдѣльно взятое, имѣетъ свою основательность, свои доказательства, и покоится на непреложныхъ истинахъ, правилахъ искусства и тому подобномъ. Читая разборъ, напримѣръ, рецензента «Отечественыхъ Записокъ», вѣришь ему, такъ сказать, сочувствуешь, радуешься его радости и плачешь вмѣстѣ съ нимъ. Развернешь критику «Современника», и увидишь, какъ дважды-два-четыре, что пишущій въ «Отечественные Записки» отъявленный невѣжда, не знающій своего дѣла и не имѣющій здраваго смысла. «Сѣверная Пчела» опять открываетъ новыя правила и начала, что, прочитавъ ее, твердо рѣшаешься никого больше не читать и не слушать. И какой-же результатъ изъ всего этаго? А тотъ, что на другой день, подумавши обо всемъ прочитанномъ на-

канунѣ, невольно скажешь: всѣ вы несете околесную, всѣ вы понимаете дѣло по своему, то-есть не понимаете его вовсе, дай ко я изложу свое мнѣніе, вотъ ужъ это будетъ настоящее! — И точно, принимаюсь за перо, исписываю цѣлые страницы, и остаюсь самъ чрезвычайно доволенъ своимъ произведеніемъ, а публика въ свою очередь объ немъ также судитъ, какъ и я судилъ объ остальныхъ критикахъ. Горько, а неизбѣжно! — Даже положимъ, что мой разборъ признается большинствомъ за самый удовлетворительный, за самое вѣрное зеркало театральной современности, какая-же изъ этого выйдетъ польза? — Положимъ, что я замѣтилъ нѣкоторые недостатки актера и далъ ему полезный совѣтъ; развѣ онъ меня послушаетъ? Развѣ отъ этого роль сколько нибудь выиграетъ при второмъ представленіи? Ничуть не бывало. На сценѣ всѣ геніи, только нѣкоторые изъ нихъ — дѣйствительные или, по модному, *абсолютные*, а другіе непонятые, непризнанные, а все-таки геніи. И бѣдному же критику отъ нихъ достанется. Онъ, молъ, и пристрастенъ, и грубъ, и ничего не понимаетъ. Какъ онъ, напримѣръ, смѣетъ сказать, что г-жа Лаврова дурно играла роль Полли, въ драмѣ *Двоеженецъ* (7 февраля), когда драма имѣла успѣхъ, и г-жа Лаврова была три раза вызвана? Публика тутъ самый лучшій судья! А критикъ глупецъ или пишетъ заочно, или имѣетъ личности съ актрисою! — А между прочимъ это мое истинное убѣжденіе. Въ своемъ мѣстѣ я представлю тому ясныя доказательства; а теперь только однажды на всегда скажу, что можно очень дурно играть, и быть три раза вызвану. Большинство, или даже вся масса аплодирующей публики, не можетъ ни какъ различить (если и бываютъ иногда этому исключенія, то весьма рѣдко), роли эфектной по пьесѣ, то-есть, технически называемой *благодарной*, отъ роли хорошо обдуманной или *созданной*. Первому разряду ролей всегда отдаютъ предпочтеніе; слѣдовательно актеръ, составившій уже себѣ нѣкотораго рода репутацію, если играетъ *эфектную* роль, можетъ гораздо скорѣе разсчитывать на вызовы и аплодисманы, даже при посредственномъ исполненіи, нежели актеръ, добросовѣстно сыгравшій или малозначущую или неэфектную роль. Какъ бы-то ни было, обязанность театральнаго критика дѣло весьма щекотливое; и какъ онъ ко всему этому судья безапеляціонный, котораго нельзя ни повѣрить, ни вызвать на очную ставку, то на немъ лежитъ строгая обязанность подтверждать все сказанное имъ доказательствами, и пріучить публику къ довѣрію. На сценѣ всѣ играютъ хорошо; по-крайней мѣрѣ, должны хорошо играть, и потому я поставляю себѣ правиломъ, не распространяться много о достоин-

ствахъ или красотахъ такого-то исполненія, съ полнымъ убѣжденіемъ, что это иначе и быть не должно, развѣ буду замѣчать что-нибудь необыкновенное; но любя отъ всей души и театръ, и драматическое искусство, рѣшительно посвящу себя на указаніе недостатковъ, исправленіе которыхъ влекло-бы за собою совершенствованія сцены, съ тѣмъ убѣжденіемъ, что также, какъ на невспаханномъ и поросшемъ травою полѣ не выростутъ колосья, такъ и на неочищенной отъ разныхъ предразсудковъ и злоупотребленій сценѣ, не могутъ образоваться и истинные таланты. Они будутъ или подавлены разнаго рода первенствами, или увлечены ложнымъ направленіемъ, или, что еще хуже, не показаны въ должномъ свѣтѣ. Сколько бывало примѣровъ, что талантъ погибалъ только потому, что ему не было дано должнаго направленія, или оттого, что самъ не понималъ своего призванія. Вотъ настоящая обязанность критика. Онъ смотритъ на все прямыми глазами, и хотя на стязѣ своей встрѣтитъ страданія, описанныя въ подробности только въ книгѣ Іова; но долженъ всегда гордиться тѣмъ, что могъ принести искусству хоть малѣйшую услугу: это была-бы лучшая его награда.

Всѣ рецензенты разсматривали до-сихъ поръ только самихъ актеровъ, и часто очень незаслуженно осуждали ихъ. А развѣ актеръ не можетъ быть жертвою своего положенія, неправильно розданной роли, отъ которой онъ не имѣлъ права отказаться, стеченію разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, неловкости постановки, недостаточности ансамбля, когда обставляютъ пьесу такъ, что въ ней учавствуетъ только одинъ хорошій актеръ, и ему не съ кѣмъ играть? Это, по моему, главная причина несовершенства выполненій. Поставь актера въ его настоящее положеніе, поддерживай какъ должно его репертуаръ, давай ему играть соотвѣтствующія его средствамъ и дарованію роли, и не разъ въ годъ, когда онъ можетъ совершенно отвыкнуть отъ сцены, но чаще и тогда спрашивай съ него; я увѣренъ, что дѣло пошло-бы вдвое лучше. Таково, по-крайней-мѣрѣ, мое мнѣніе.

2-го февраля, театральная афиша возвѣстила намъ первый дебютъ г-жи Мироновой въ роляхъ Параши-Сибирячки, и Агафьи Тихоновны, въ комедіи *Женитьба*, г. Гоголя. Г-жа Миронова должна быть геній, подумалъ всякій, понимающій театральное искусство, потому что выбрать для перваго дебюта и въ одинъ спектакль роли сильно-драматическую и сильно-комическую, дѣло большой важности. Какъ не посмотрѣть генія? — Не стану много распространяться о томъ, до какой степени господа, понимающіе искусство, ошиблись въ своемъ разсчетѣ, скажу только, что у г-жи

Мироновой, роль Параши вышла комическою, а пьеса *Женитьба*, окончилась слишкомъ драматически.... Больше мы ничего не видѣли и не слышали. Но къ чему раскрывать такія ужасныя истины, обратимся лучше къ спектаклю 7-го февраля, къ пьесѣ *Двоеженецъ или Милордъ и сапожникъ*, драмѣ въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенной довольно грѣшно съ французскаго.

Дѣло вотъ въ чемъ. Лордъ Ильвертонъ скучаетъ сильно о своей женѣ Идѣ, о смерти которой онъ получилъ достовѣрное извѣстіе. Чтобъ развлечься отъ скуки, неутѣшный мужъ, такъ себѣ, мимоходомъ, приволакивается за одной бѣдной дѣвушкой, Полли, служанкой и воспитанницей друга своего Мортимера, которая ему крѣпко приглянулась. Ильвертонъ предлагаетъ Полли свою руку. Къ тому-жъ это произшествіе заставитъ говорить весь городъ и доставитъ ему хоть одно сильное ощущеніе, за которыми онъ такъ гоняется. Но Полли уже сговорена за сапожника Іорика, и даже сегодня назначенъ день ихъ свадьбы. Что ей остается дѣлать? Замужъ она выходила, хотя по любви, но болѣе для того, чтобы доставить себѣ хоть какое-нибудь званіе и имя, а ужъ какое-же имя можетъ быть лучше и звучнѣе миледи Ильвертонъ? Не долго продолжается борьба чувства: женщина всплыла наружу, и Полли въ восторгѣ принимаетъ предложеніе лорда. Уже всѣ приготовленія къ свадьбѣ сдѣланы, женихъ съ невѣстой отправляются въ церковь и счастливыми новобрачными возвращаются домой. Но здѣсь происходитъ другая сцена: прежняя жена Ильвертона, Ида, жива; одинъ негодяй распустилъ слухъ объ ея смерти, для того, чтобъ воспользоваться ея беззащитностью во время путешествія ея по Швейцаріи, но она избѣжала несчастія и возвращается въ домъ своего мужа въ самую минуту, какъ тотъ, пріѣхавъ отъ вѣнца, пошелъ съ Мортимеромъ въ садъ, гдѣ тотъ готовъ объявить ему о возвращеніи жены, съ цѣлью отвратить, по возможности, грозныя послѣдствія, потому-что по англійскимъ законамъ, двоеженецъ неминуемо подвергается казни. Ида встрѣчается съ Полли, и открываетъ ей ихъ взаимное положеніе. Ильвертонъ возвращается въ это время, слезы, упреки, жалобы встрѣчаютъ его; онъ не знаетъ, что дѣлать. Сапожникъ, чтобы отомстить лорду за отнятую невѣсту, услышавъ отъ слугъ все произшествіе, даетъ знать о немъ лорду-меру. Является стражъ правосудія и приказываетъ Ильвертону за собой слѣдовать. Драма должна развязаться самымъ страшнымъ образомъ, смертью двоеженца. Ужъ онъ готовъ принять на себя достойное возмездіе, какъ вдругъ прибѣгаетъ Мортимеръ и объявляетъ, что бракъ ихъ съ Полли

не дѣйствителенъ, потому что не скрѣпленъ имъ, какъ опекуномъ этой дѣвушки, и что онъ былъ сейчасъ у нотаріуса и рѣшительно объявилъ своемъ несогласіи; слѣдовательно, все можетъ кончиться миролюбиво. Миледи на полчаса выходитъ наконецъ замужъ за своего сапожника.

Вотъ бѣглый обзоръ сюжета драмы, которая въ своей сущности и по игрѣ въ ней актеровъ, должна стать на ряду съ лучшими явленіями на нашей сценѣ. Жаль только, что переводчикъ назвалъ ее Двоеженцомъ, тогда, какъ по французски она называется просто «Polly»; отъ этого публика прежде окончанія догадывается о содержаніи пьесы, и не такъ поражается явленіемъ первой жены, Иды. И самое окончаніе, если бы не было переслащено лишними нѣжностями, безъ сомнѣнія, много бы выиграло. А черезъ это иддлическое окончаніе характеръ Полли рѣшительно потерялъ весь свой колоритъ наивности и женственности: предложеніе ею своей руки сапожнику, было уже черезъ чуръ не наивно.

Въ тотъ же спектакль въ пьесѣ, изношенной и вовсе не своевременной — *Гусарская стоянка*, дебютировала, въ ролѣ *Маши*, г-жа Сорокина (воспитанница), и на первый случай выказала много простоты, наивности и хорошенькій голосокъ. Увидимъ, что-то будетъ дальше.

9-е февраля. Въ первый разъ по зобновленію *Воздушные замки*, для продолженія дебютовъ г жъ Вороновой и Дмитріевой въ роляхъ *Аглаевой* и *Саши*. Но эти дебюты были неудачны; ужъ Богъ вѣдаетъ съ какихъ временъ публика не слышитъ на сценѣ ни одной женщины, которая умѣла-бы хорошо и толково говорить стихами; то какъ-же этаго требовать отъ молодыхъ дебютантокъ? За то въ ролѣ мичмана *Альнаскарова* былъ отлично хорошъ г. Ленскій; онъ придалъ своей роли особенный типъ полу-помѣшаннаго мечтателя, какимъ и создано это лицо въ самомъ дѣлѣ авторомъ, чрезвычайно понравился публикѣ и былъ единодушно вызванъ. Потомъ мы видѣли г-жу Дмитріеву въ роли Анюты (*Барская спѣсь и Анютины глазки*), и вынесли совершенно противное этому впечатлѣніе. Она играла мило, просто, очаровательно. Кажется, ея настоящее амплуа—роли крестьянокъ, горничныхъ, дѣвушекъ средней руки, купеческихъ дочекъ и пр. Вообще отъ нея можно многаго ожидать, и вѣроятно надежды не обманутъ. Г-ну Живокини 3-му, игравшему въ той-же пьесѣ роль *Мотылькова*, нехудо-бы потверже учить свои роли; тогда ему не нужно бы безпрестанно быть прикованнымъ къ суфлерской будкѣ и искать помощи у суфлера, который, кстати сказать, въ Москвѣ превосходный. Еще не было примѣра, чтобъ г. Живокини 3-й сы-

гралъ не только порядочно свою роль, но даже не непортилъ ее. А благодаря фортунѣ, онъ играетъ часто и нерѣдко хорошія роли, которыя, пройдя черезъ его выработку, зачастую портятъ и роняютъ цѣлую пьесу. Въ пьесѣ *Благородный театръ*, М. Н. Загоскина, Живокини 3 й за незнаніемъ роли рѣшительно сталъ въ тупикъ и минуты на двѣ остановилъ весь ходъ дѣйствія. Это не только доказываетъ нелюбовь къ своему дѣлу, но и глубокое невниманіе и неуваженіе къ публикѣ.

10-го февраля, въ 1-й разъ представлена была опера *Сирена*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, музыка Обера, слова Скриба. Она имѣла блестящій успѣхъ. При крайней занимательности сюжета, прекрасной музыкѣ и изящной обстановкѣ, рѣшительно всѣ сюжеты исполняли свои роли, какъ нельзя лучше. Г-да Леоновъ (Скопетто), Петровъ (герцогъ Пополли), Бантышевъ (Сунніонъ), Бобовскій (Бальбайя) и г-жа Степанова (Церлина-сирена), были всѣ, какъ нельзя больше на своихъ мѣстахъ, и выполняли роли очень отчетливо. Давно мы не слыхали такой милой, легкой и увлекательной музыки. *Сирена* и *Фенелла*, рѣшительно, снова пристрастили московскую публику къ русской оперной труппѣ, и театръ почти всегда полонъ, когда даютъ одно изъ этихъ произведеній заманчиваго Обера.

13-е февраля. Въ 1 й разъ по возобновленію *Гамлетъ, Принцъ Датскій*. Кромѣ того, что пріятно видѣть всегда пьесу геніальнаго автора, въ какомъ-бы видѣ она ни была представлена, но еще пріятнѣе вынести изъ спектакля еще чувство удовольствія и неожиданности. Между-тѣмъ, всѣ были поражены игрою г-на Леонидова въ роли Гамлета, тѣмъ болѣе, что никто и не подозрѣвалъ, чтобы онъ не только съ честью исполнилъ эту роль, но даже, чтобы онъ былъ въ ней хоть сколько-нибудь вѣренъ ея характеру. Видно было, что г. Леонидовъ много изучалъ и трудился надо этой ролью, а что всего главнѣе, вѣрно понялъ и передалъ ее. Весь характеръ Гамлета былъ у него проникнутъ чувствомъ глубокой грусти, меланхоліи, сознанія собственнаго безсилія и упыненія, когда онъ рѣшается поразить убійцу своего отца, будучи даже на это призываемъ царственною неотмщенною его тѣнью. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шекспировскій Гамлетъ тихъ, простъ, недовѣрчивъ, и ни разу не горячится, кромѣ разговора его съ матерью, не становится на ходули, какъ представляли его всѣ исполнители этаго труднаго характера. Не такъ поступилъ г. Леонидовъ. Всю сцену съ Клавдіемъ, когда онъ засталъ его молящимся, Леонидовъ прочиталъ шопотомъ, но страшенъ и жалокъ былъ этотъ плачь безсильнаго и оскорбленнаго принца.

Въ сценѣ представленія комедіи, Леонидовъ не кричалъ, не бѣсновался: онъ застоналъ и чуть не зарыдалъ, убѣдившись въ горькой истинѣ. Въ сценѣ съ матерью, онъ былъ нѣжно любящій сынъ, позволившій себѣ забыться только на одну минуту, при воспоминаніи объ оскорбленіи другаго, не менѣе нѣжнаго чувства — любви къ отцу; однимъ словомъ, г. Леонидовъ такъ хорошо понялъ и сыгралъ трудную роль датскаго принца, что произвелъ восторгъ и по нѣскольку разъ былъ вызываемъ послѣ каждаго акта. Надо надѣяться, что послѣ этакого блестящаго успѣха послѣдуетъ рядъ другихъ подобныхъ торжествъ для молодаго артиста, ибо никто не сомнѣвается въ добросовѣстности изученія ролей г. Леонидовымъ и въ любви его къ искусству. Роль Офеліи играла г-жа Касицкая, и была особенно хороша въ 4-мъ актѣ. Вообще г-жа Касицкая замѣтно совершенствуется. Она теперь играетъ съ успѣхомъ и вполнѣ удовлетворительно даже такія роли, которыя прежде были вовсе не по ея средствамъ, и не принадлежали къ числу ея удачныхъ ролей. На-примѣръ, съ ролями наивныхъ и рѣзвыхъ барышень высшаго тона, она прежде не могла никакъ поладить, а теперь въ водевилѣ г. Ленскаго *Три невидимки*, она хорошо играла роль Гортензіи. 22-го февраля былъ на Большомъ Московскомъ Театрѣ бенефисъ заслуженнаго актера и пѣвца нашего, Бантышева.

Основаніемъ этого бенефиса была опера *Іосифъ*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Мегюля. Мы давно не помнимъ такого сладкаго, восторженнаго чувства, какое въ насъ возбудила эта чудная опера. Музыка Іосифа есть единственная изъ всѣхъ, которая выдержала самую строгую критику; и не удивительно! Столько души, поэзіи, чувства, святости, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое одушевленіе, что поневолѣ забываешься, хочешь молиться съ скорбящимъ Іосифомъ, терзаешься угрызеніями Симеона, страдаешь съ Іаковомъ и цѣлымъ іудейскимъ народомъ. Что сказать о выполненіи такого дивнаго произведенія? Оперу эту должны были-бы пѣть не люди, а ангелы, но по человѣческимъ средствамъ, она была исполнена истинно прекрасно. Г. Петровъ въ роли Іакова, Леоновъ — Симеона и Бантышевъ въ роли Іосифа, были всѣ очень вѣрны своему положенію, характерамъ и даже наружности. Костюмъ г. Леонова былъ истинно классическій; его вопли и стенанія раздирали душу и наводили ужасъ. Это истинно прекрасный актеръ. *Эдгарда* въ Люціи, *Фіорелло* въ Фенеллѣ, *Скопетто* въ Сиренѣ, и наконецъ *Семеона* въ Іосифѣ играетъ онъ такъ, какъ врядъ-ли лучше его можно сыграть. Также хороша была г-жа Петрова въ роли *Вениміанина*; пѣніе іудейскихъ дѣвъ и

вообще весь ансамбль оперы чрезвычайно удался, и намъ остается желать, чтобъ гг. бенефиціанты почаще подымали изъ праха такую почтенную и, можно сказать, священную старину.

Послѣ Іосифа дана была комедія въ 1 дѣйствіи, *Бальный букетъ*, переводъ съ французскаго В. П. Р. Сюжетъ самый незамѣчательный и неправдоподобный. На одномъ балу собрались какіе-то выходцы изъ могилъ, стараго вѣка люди которые смотрятъ на танцы съ омерзеніемъ, не понимаютъ ихъ цѣли, видятъ въ нихъ грѣхъ и погибель человѣчества, и совершенное развращеніе женщинъ. Женихъ проситъ свою невѣсту не танцовать, та танцуетъ; онъ это видитъ, и говоритъ, что она преступница (?); этимъ все и кончается. Давно зала Большаго Театра не слышала такой отчаянной нелѣпости. Не смотря на все это, обязанность заставляетъсказать, что г. Ленскій очень хорошо игралъ роль банкира Дюрвиля.

Въ заключеніе бенефиса данъ былъ водевиль, взятый съ петербургской сцены: *Цыганка*. Не знаемъ, какъ идетъ онъ на петербургской сценѣ и нераспространяемся объ неестественности его сюжета, но едва-ли въ Петербургѣ есть такіе актрисы на роли цыганокъ Олиньки и Матрены, какъ у насъ г-жа Касицкая и Сабурова 1-я. Онѣ были, я думаю, лучше даже настоящихъ цыганокъ. Такъ вѣрно передать всѣ малѣйшіе оттѣнки цыганскихъ манеръ, ухватокъ, такъ отчетливо подмѣтить и передать колоритъ и характеръ ихъ произношенія, походки, позъ, напѣвовъ, дѣло огромнаго дарованія. Каждая изъ пѣсенъ была по нѣскольку разъ повторяема. Въ этой роли г-жа Касицкая очень хороша. Въ пьесахъ: *Царская невѣста*, *Материнское благословеніе*, *Варвара Кружевница*, и наконецъ въ *Цыганкѣ*, она показала различные оттѣнки своего дарованія и вездѣ неподражаема и необыкновенно типична. Откуда у ней берется столько жару и одушевленія? Это рѣшительно волканъ, принявшій на себя женскую форму. Изъ остальныхъ персонажей въ *Цыганкѣ*, г-да Никифоровъ и Садовскій 1-й были прекрасны въ роляхъ одураченныхъ стариковъ-волокитъ. Этимъ мы и заканчаваемъ обозрѣніе февраля мѣсяца.

А. АНДРЕЕВЪ.

—

II.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Григорій Григорьевичъ Носовъ. Фантастическое представленіе въ 4-хъ отдѣленіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ. Соч. *П. С. Ѳедорова.* Музыка *В. М. Кажинскаго.* Машины *Вальца.* Карикатуры *Гаврилова.* Костюмы *Фрелиха.*

—

Когда-то, во время оно, въ ту эпоху, какъ существовало еще лото въ клубахъ и танцклассъ г-жи Кесенихъ, этой воинственной дамы, участвовавшей вахмистромъ въ войнахъ Пруссіи, жилъ-былъ на Козьемъ болотѣ Сѣверной Пальмиры нѣкто Григорій Григорьевъ сынъ Носовъ. Въ зрѣломъ возрастѣ тридцати-трехъ лѣтъ и чинѣ коллежскаго регистратора Григорій Григорьевичъ порѣшилъ, что весьма безвредно было бы ему сочетаться законнымъ бракомъ съ этакимъ.... знаете, яблочкомъ - наливчикомъ.... полненькимъ, кругленькимъ амурчикомъ - душкою. Въ силу такого разсужденія онъ обратилъ проницательный взглядъ свой на молоденькую сосѣдку, Анну Ѳедоровну, въ которой онъ, по-видимому, обрѣталъ всѣ требуемыя имъ достоинства. Дѣйствительно, Аннушка была настоящее наливное яблочко, имѣла полненькій кошелекъ и была круглая сирота. Григорій Григорьевичъ любезничалъ и вздыхалъ, Анна Ѳедоровна кокетничала и слушала — и результатомъ всего этого былъ брачный вѣнецъ. По случаю своего бракосочетанія Григорій Григорьевичъ сшилъ себѣ новый фракъ съ приличными принадлежностями, купилъ подъ Апраксинымъ необходимое обзаведеніе, нанялъ кухарку Анисью, забѣжалъ въ погребокъ иностранныхъ винъ россійскаго произведенья, добылъ тамъ цѣлую дюжину хересовъ и прошелся по нимъ съ пріятелями, какъ подобаетъ новобрачному. Торжество было на славу, а фонды для него расторопный Григорій Григорьевичъ почерпнулъ у ростовщика Нажрана, настоящаго индійца изъ Гороховой, при посредствѣ самаго невиннаго заемнаго письма въ сотню цѣлковыхъ. Медовый мѣсяцъ прокатился по маслу, собственно въ однихъ поцѣлуяхъ и нѣжныхъ воркованіяхъ. Въ послѣдующіе мѣсяцы Григорій Григорь-

евичъ возъимѣлъ вожделеніе увеличить капиталъ, благопріобрѣтенный за женою, скоропріобрѣтаемымъ чрезъ лото и преферансикъ. Но какъ-то онъ такъ неловко распорядился, что прежде, чѣмъ пришло приращеніе, собственный капиталецъ приказалъ кланяться. Крѣпко стало это досадно нашему герою, онъ пошелъ по пріятелямъ занимать на ставку, да и проставился до того, что дома, кромѣ ширмъ, двухъ кроватей, двухъ столовъ, столькихъ же стульевъ и портрета храбраго Кульнева, ничего не осталось. Тогда жена принялась за работу, а онъ за новые займы и за преферансъ. Но и тутъ какъ-то не ладилось; онъ думаетъ бывало: вотъ сейчасъ сяду въ малину, глядь, и попадаетъ въ крапиву. Кончилось тѣмъ, что г-ну Носову домой и показаться нельзя: обычная домашняя бесѣда—требованіе денегъ на столъ да на дрова; обычные посѣтители—кредиторы; обычныя привѣтствія—угрозы полиціей и тюрьмой. И рѣшилъ онъ: всего лучше развлечься отъ разныхъ этихъ непріятностей; дома устроилъ себѣ станцію для ночлега, а днемъ, бывало, то махнетъ на Крестовскій смотрѣть, какъ ученый нѣмецъ огненную утку спускаетъ, то съ усердіемъ наблюдаетъ, какъ у Палкина шары по билліарду катаютъ; то внимательно преслѣдуетъ шаръ, спущенный на Минеральныхъ водахъ; то, наконецъ, смотритъ, какъ въ Пассажѣ народъ зѣваетъ на лавки, а купцы зѣваютъ на народъ, или объясняетъ любознательной публикѣ статуетки Степанова, выставленныя на окнахъ Бегрова, выдавая Брюлова за Мартынова, а Максимова за братьевъ Мальчугиныхъ. Мадамъ Носова, между-тѣмъ, сидя все одна дома, за шитьемъ и безъ обѣда, крѣпко начала тосковать и жаловаться на скуку, на одиночество, на недостатокъ мужа, на отсутствіе лентъ и наколокъ, на наряды сосѣдокъ, на жаренаго гуся Софьи Моисѣевны, на милаго угодника Алены Ивановны, и на многое множество подобныхъ бездѣлушекъ.

Что я за жена?

говоритъ она:

День цѣлый одна.
Безъ мужа скучаю,
Отъ скуки зѣваю!

И она очень граціозно зѣваетъ.

Чтобъ деньги добыть,
Изволь, *говоритъ*, только шить!
Ну можно-ль такъ жить
И мужа любить?

—

А онъ, *говоритъ*, между тѣмъ,
Не занятъ ни чѣмъ,
Весь день пропадаетъ,
Все, *говоритъ*, гдѣ-то гуляетъ.
Все дѣло лишь пить,
Играть да кутить....
Ну, можноль—*говоритъ*—такъ жить.
И мужа любить?

Ну, конечно, нельзя. Однако-же Анна Ѳедоровна женщинка, право, хоть куда: сердца прекраснаго, поведенія отличнаго.

Разъ ночью поднимается ужасный стукъ и крикъ. Это явился самъ глава семейства, Григорій Григорьевичъ. У главы крѣпко шумитъ въ головѣ и пошелъ онъ рубить и вкось и впрямь: Мурыськѣ давитъ хвостъ, Анисью пинькомъ, на жену взъѣдается, зачѣмъ ему не приготовила покушать. Та кротко отвѣчаетъ, что, молъ, за обѣдомъ были щи съ снѣтками, да вареный картофель, но остатками позавтракала кошка и пополдничала кухарка....«Тьфу! говоритъ Носовъ, вотъ народъ! какую мерзость ѣдятъ! Ну, нѣтъ-ли тамъ хоть хлѣба»? — Да гдѣ быть? отвѣчаетъ Анисья, по фунтамъ беремъ, а въ ночную пору Митрій не отопретъ мелочной.—«Вотъ порядокъ, восклицаетъ Носовъ, каково! хлѣба даже нѣтъ!»—Этого упрека Анна Ѳедоровна не вынесла: онъ-же не даетъ денегъ на домъ, и онъ-же коритъ за недостатки.

Ты, *говоритъ она*, одною праздностью страдаешь,
А я терплю твою вину!
Себя сгубилъ, а обвиняешь
Несчастную свою жену!
Но наконецъ-же для терпѣнья
Вѣдь и во мнѣ границы есть....
Придетъ минута изступленья
И гдѣ любовь, тамъ будетъ месть.

Съ этой энергической угрозой она его оставляетъ...—Хорошо, тамъ пой себѣ! думаетъ Носовъ. Фу, ты пропасть, продолжаетъ онъ, что за жизнь!... все ходи, бѣгай, хлопочи, а тутъ и ѣсть нечего. Вотъ сегодня, съ утра пошелъ хлопотать о мѣстѣ.... и рекомендательное письмо въ карманѣ, да вотъ другую недѣлю съ нимъ ношусь—все отдать некогда. Сегодня, думаю, отдамъ безпремѣнно.... и надежды такія были.... да зашелъ по дорогѣ къ Сидорову, а у него дымъ коромысломъ.... Имянинникъ!—Ну, поздравилъ, а онъ говоритъ: вечеркомъ—на балъ. Нечего дѣлать, далъ слово, да ужъ такъ и распорядился: чѣмъ съ Песковъ-то домой ѣздить, дай думаю, лучше зайду въ трактиръ. Ну, тамъ тары-бары, перекусилъ,

выпилъ, на бильярдѣ того — отмахалъ. А вышло-то что? — Два цѣлковыхъ, что жена дала отнести красильщику, спустилъ маркеру, на балѣ проигрался въ пухъ, чуть не подрался съ Хрѣновымъ, за то, что незаплатилъ ему денегъ, а имянинникъ-то, хорошъ тоже гусь, не накормилъ, хоть-бы тамъ салакушки какой нибудь... даже рюмки водки не предложилъ... хорошо еще, что по этой части я у Палкина закатилъ ... Къ довершенію пакостей, проплуталъ по грязи пѣшкурой, измокъ, какъ курица, голоденъ, какъ волкъ, золъ, какъ собака,—а въ карманѣ и желудкѣ, въ башкѣ и за душой — хоть постоялый дворъ открывай—все пусто!... чистота, канальство! А тутъ пришелъ—еще любезничай съ женой, изволь, видишь, улыбаться херувимчикомъ.... отчего, молъ, не въ духѣ, за чѣмъ ѣсть хочется? Тфу, тфу! А вотъ будь я холостой—важно пошло бы! Взялъ бы тамъ гдѣ нибудь сотни двѣ тысячъ серебромъ и валяй! Ужъ умѣлъ бы пожить.... Тутъ бы у меня пролетка завелась, и лото бы свое устроилъ: играй не хочу, А ужъ по хересамъ бы ходилъ, такъ, что Петру Ивановичу въ носъ кинется.... ужъ, умѣлъ пожить!... Фу! какъ ѣсть хочется»....

Разсуждая, на этихъ философическихъ данныхъ, и выводя разные обольстительные узоры въ плодовитомъ своемъ воображеніи, Григорій Григорьевичъ потребовалъ отъ Анисьи отчета, кто безъ него былъ, зачѣмъ и почему? Потягиваясь и зѣвая во всю Ивановскую, Анисья доложила, что приходилъ опять энтотъ черномазый, какъ его, въ шапкѣ такой бараньей, тальянецъ, что-ль онъ какой, не то индѣецъ.... Носовъ понялъ, что это его вампиръ Нажранъ, которому онъ въ обычныхъ заботахъ забылъ уплатить сто цѣлковыхъ. — Что-же, эта баранья голова въ овечьей шапкѣ? спрашиваетъ онъ. — Да что, отвѣчаетъ Анисья, ничего.... скажи, говоритъ, твоему барину, что я ужъ усталъ ходить каждый день.... завтра, дескать, придутъ описывать его имѣніе....

— Ахъ, онъ.... тутъ Носовъ хотѣлъ выразиться очень энергически, но остановился и крѣпко призадумался.... Индѣйскій пѣтухъ! шепталъ онъ про себя.... тоже описывать имѣніе, какъ-будто я у него занялъ на прихоти: законный бракъ справлялъ! что-жъ, вычитали-бы помѣсячно, если бъ мѣсто было.... а коли нѣтъ, что-жъ онъ рожа лѣзетъ.... А все жена! — Плевать я на него хочу.... Займусь лучше чтеніемъ, тутъ, по крайности, назиданіе почерпнуть можно, и душу питать, если на желудкѣ бурчитъ.... Да читать-то нечего.... Вотъ только и есть «Монте-Кристо» — да «Арабскія сказки», что я зачиталъ у Ласточкина.... Любопытныя происшествія, нечего сказать, да я ужъ

ихъ наизусть вытвердилъ.... Лучше того, на боковую, въ объятія Морфея.... А важно-бы, этакъ, въ подземелье, какъ Монте-Кристо: бриллiянты, то есть, золото и всякое богатство — вотъ кутнулъ-бы! Фрикасе тамъ всякія сочинялъ-бы и ужъ шампанеи.... такъ-бы пощелкивалъ пробочками, что только держись.... ливреи разныя.... французъ-бы завивалъ каждый день.... и поваръ тоже нѣмецъ, и управитель англичанинъ.... А-то индѣйская рожа — имѣніе описывать.... по красильнямъ таскайся.... А яблочки-то какія-бы кушалъ, все ранеты, да кронштейнчики.... Хлѣба нѣтъ: по фунтамъ беремъ.... А садъ-то завелъ-бы.... что твоя панорама Палермо, съ болванами марморными.... попугая — тоже, говорилъ бы: Попка дуракъ! И клѣтку этакую большую изъ золота.... А индѣйца по шеямъ.... Монте Кристо второй буду.... рябчиковъ жареныхъ мнѣ подавай всякій день... Феничку по-турецки одѣну.... А придутъ описывать... покажу имъ фи.... финики ѣсть буду.... и того — И за этимъ *того* воспослѣдовало нѣсколько рѣзкихъ нотъ вовсе не изъ итальянской оперы: Григорій Григорьевичъ захрапѣлъ.

Вдругъ въ дверь стучатъ. Онъ вскакиваетъ. Анисья вбѣгаетъ въ испугѣ.... за нею слѣдомъ блюстители благочинія, съ понятыми, съ печатью и предписаніемъ въ рукахъ.... «Ахъ, батюшки! Пришли описывать имѣніе, еще схватятъ, пожалуй, самого, и засадятъ, а тамъ поди послѣ».... И не думая долго, Носовъ прямо въ окно, черезъ заборъ, по чужому огороду.... улепетываетъ такъ, что только брызги летятъ.... но вдругъ.... трррь! подъ нимъ затрещали доски колодца и онъ летитъ, летитъ въ три оборота и прямо бацъ! въ огромный комъ грязи. — Встаетъ, ощупывается: затылокъ — ничего, ребра — цѣлы, а обо лбѣ онъ не заботится — знаетъ, что крѣпокъ, что твой мѣдный. Но темнота страшная.... онъ идетъ ощупью. «Куда-это я попалъ? думаетъ, въ какой нибудь глухой переулокъ или безымянную улицу.... хоть-бы фонари зажгли, а то вѣдь этакъ, того гдяди себѣ подъ глазомъ фонарь подставишь.... Вдругъ на головахъ какихъ-то египетскихъ сфинксовъ загораются огни, сфинксы вертятъ глазами, усы ихъ такъ и блещутъ лучами.... «Вотъ оказія! думаетъ Носовъ, нѣтъ здѣсь что-то не ладно; дай-ка я тягу».... Но едва онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ своды подземелья раскрываются и изъ превосходной кіоски выходитъ индійскій набобъ, въ жемчугахъ, самоцвѣтныхъ камняхъ, золотомъ шитьѣ, и заграждаетъ ему дорогу.... Носовъ взглянулъ и остолбенѣлъ отъ ужаса: передъ нимъ кредиторъ Нажранъ. «Вотъ попалъ-то, думаетъ онъ: изъ огня да въ полымя!» Но Нажранъ на этотъ разъ очень деликатенъ и вѣжливъ, это ободряетъ бѣглеца. Онъ объ-

ясняетъ Носову, что онъ попалъ въ его подземные чертоги, что онъ второй Монте-Кристо, и что богатствамъ его счету нѣтъ. «Такъ отчего-жъ вы ходите всегда такимъ замарашкой да оборванцемъ и вѣчно поете, пока не вымаклачите изъ человѣка послѣдней копѣйки?» — Вотъ то-то и есть, отвѣчаетъ Нажранъ:

Наружность васъ въ ошибку вводитъ....
На свѣтѣ часто, на-примѣръ,
Иной почти въ заплатахъ ходитъ,
А самъ выходитъ мильонеръ;
Другой одѣтъ прекрасно, чисто,
Всегда тонируетъ, франтитъ:
Ты думаешь: онъ Монте-Кристо,
А онъ въ чужой карманъ глядитъ.

Нажрану пріятно похвастать предъ бѣднякомъ своими сокровищами: онъ знаетъ, что здѣсь его не обокрадутъ, и вотъ онъ вводитъ Носова въ свой кабинетъ.... Господи, Боже мой! Чего тутъ нѣтъ! Огромные слитки серебра связаны въ колонны, какъ словно пуки хворосту; цѣлые боченки съ полуимперьялами, такъ, что черезъ край сыплются; въ большихъ чанахъ растапливаются драгоцѣнные металлы.... Носовъ просто обезумѣлъ! лото, ставки, хереса, мадамъ Кессенихъ, фрикассе—все это вмигъ промелькнуло въ его головѣ — и онъ страшно разинулъ ротъ, какъ будто все хотѣлъ поглотить разомъ. Нажранъ самодовольно улыбнулся, прищелкнулъ языкомъ, мигнулъ глазомъ, и сказалъ протяжно: Да-съ, вотъ оно каковы мы! Носовъ тотчасъ же воспользовался минутою счастія и торжества индійца и—попросилъ у него взаймы тридцать цѣлковыхъ. Нажранъ нашелъ болѣе приличнымъ наградить своего гостя совѣтомъ, чѣмъ деньгами, и потому онъ ему сказалъ: «На что же занимать, ты самъ можешь имѣть такое же богатство!» — Такое же! что ты говоришь; батюшка, голубчикъ, какже это? какимъ способомъ! — «Самымъ простымъ:

Ѣшь въ сутки только хлѣба корку,
А жажду утоляй водой;
Найми на чердакѣ коморку
И печки не топи зимой.
Ходи въ заплатахъ, но до пятокъ
Знай обдувай себѣ людей,
И будешь — лѣтъ черезъ десятокъ,
Какъ я, богачъ изъ богачей!

При такомъ совѣтѣ, полярно противуположномъ наклонностямъ г. Носова, бѣглецъ невольно повѣсилъ носъ.... а желудокъ его сердито заворчалъ. Это заставило его вспомнить, что онъ страш-

но голоденъ и попросить Монте-Кристо нельзя ли чего-нибудь, этакъ, перекусить! Нажранъ преобязательно приглашаетъ его поужинать и кличетъ свою прислугу. Вдругъ боченки, слитки, статуи, глобусы зашевелились и изъ нихъ образовался строй самыхъ странныхъ существъ. Нажранъ представляетъ ихъ поочередно своему гостю: вотъ, говоритъ онъ, мой поваръ и указываетъ на свинью въ ермолкѣ, а это мой кучеръ: выскакиваетъ существо съ лошадиной головой, а это каммердинеръ съ лисьей мордой, а этотъ долговязый франтъ — куафферъ французъ, а эта штучка-невеличка, съ ходячими оловянными глазами, управитель-англичанинъ, а мордашка въ сапогахъ — погребщикъ. Не успѣлъ Носовъ подивиться этой подземной прислугѣ, какъ ужъ и столъ накрытъ, и яства и напитки поданы. Носовъ съ жадностію кинулся на нихъ.—«Ну, спрашиваетъ онъ прислугу, что же вы мнѣ здѣсь приготовили, любезные?» — Да, вотъ съ, отвѣчаетъ поваръ: маринованная змѣя, вотъ жареная жаба, подъ соусомъ изъ мухоморовъ, вотъ-съ блапманже изъ сладкой ртути съ волчьими ягодами....—«Что? что! что!» — А я-съ принесъ вамъ, говоритъ погребщикъ, самаго лучшаго ликера изъ настоящей крѣпкой водки съ дурманомъ.—«Что? Да вы, никакъ, отравить меня хотите, ракаліи? Такъ я же съ вами самъ управлюсь, разбойники.... а вотъ вамъ за ваше собраніе ядовъ!...» И Григорій Григорьевичъ схватилъ огромный камень и пустилъ имъ въ оторопѣвшую прислугу, которая съ крикомъ, воплемъ, лаемъ, визгомъ и ржаніемъ, поскакала во всѣ стороны.—Каковы бездѣльники! подумалъ Носовъ, оставшись одинъ, они меня вѣрно за Рожера несгараемаго принимаютъ! А можетъ быть все это штуки индѣйскаго кащея Нажрана: не удалось денегъ стянуть, такъ хочетъ душу извести. Лучше мнѣ отсюда убраться по добру по здорову. Однако, если я не могу утолить голода его отравами, такъ по крайности удовлетворю свою жажду къ деньгамъ его посудою: вѣдь блюда то и стаканы всѣ изъ чистаго серебра и золота. — Сообразивъ это, Носовъ немедленно отправился къ столу за посудою, но едва онъ хотѣлъ до нея дотронуться, какъ совѣсть возстала предъ нимъ, подъ видомъ его покойной бабушки, съ розгою въ рукахъ. Вполнѣ помня дѣйствіе этого назиданія, онъ бросился бѣжать, но появленіе англичанина—управителя, изъ толстаго карлика вытянувшагося въ неаполитанскую макарону во фракѣ, до того его ошеломило, что онъ совсѣмъ разтерялся. По счастію въ эту минуту вошелъ самъ хозяинъ и успокоилъ его. Григорій Григорьевичъ горько жаловался на глупую шутку, которую сыграли съ нимъ слуги, но Нажранъ объяснилъ ему, что подъ землею ни на

Сѣнной, ни на Никольскомъ рынкѣ не отыщешь лучшей провизіи. —«Моя жена сама за этимъ смотритъ, прибавилъ онъ, а ужъ она по части хозяйства толкъ смыслитъ, это не какая нибудь бѣлоручка, въ родѣ вашихъ модныхъ барынь.»—Ужъ будто вы женаты? спросилъ наивно Носовъ. — «А почему жъ бы и нѣтъ?»— Любопытно, признаться, взглянуть.... сказалъ Носовъ вслухъ, какая злополучная рѣшилась выдти за такого чучелу! — подумалъ онъ про себя.—«А вотъ мы тебѣ покажемъ.»—И Нажранъ подвелъ Носова къ окну, изъ котораго открывался видъ въ прелестный садъ. Среди роскошной бесѣдки, на турецкомъ диванѣ, въ богатомъ восточномъ костюмѣ, лежала его Анна Ѳедоровна, и небрежно, среди прислужницъ, играла жемчужными ожерельями, брилліантовыми и золотыми уборами. Носовъ ахнулъ и вспылилъ: Да это моя жена! воскликнулъ онъ голосомъ Отелло. — Была; отвѣтилъ хладнокровно индѣецъ. — Какъ была! Это Анна Ѳедорова дочь Носова, такъ она у меня въ бумагахъ значится и въ квартирѣ прописана.... и кажется, насъ пока еще не развели законнымъ образомъ. — Оно такъ: да ты ее бросилъ, а она бросилась въ воду — ну, Фонтанка васъ и развела, безъ всякаго дальнѣйшаго процесса. — Нѣтъ! я этого не допущу! это разбой, грабежъ! Ты могъ описать мои стулья, горшки, пожалуй и ваточную шинель, а жену — нѣтъ, ужъ это шалишь, аттанде! Да гдѣ ты откопалъ такія права?—Въ землѣ, почтенный! вѣдь я тебѣ толкомъ говорю, что она утонула, ее схоронили, а что въ землѣ—моя собственность. —Дудки, любезнѣйшій! какая она покойница! я, слава Богу, не ослѣпъ, она еще живѣе, чѣмъ была живая. — Тѣмъ хуже для тебя; зачѣмъ не умѣлъ беречь ее при жизни, а теперь не увидишь ее больше, какъ свой затылокъ. — Съ этимъ слововъ Нажранъ задвинулъ окно огромнымъ камнемъ и ушелъ, не внимая просьбамъ, жалобамъ и угрозамъ бѣднаго Носова. «Ахъ, ты Господи! говорилъ несчастный мужъ, что-жъ это въ самомъ дѣлѣ! Неужели-же этотъ грабитель за сто цѣлковыхъ забралъ всю мою рухлядь, а жену взялъ за проценты?... Да какъ она похорошѣла, пополнѣла.... вотъ говорятъ смерть не краситъ человѣка! Бѣдная Аннушка! что я вру—богатая Аннушка! Ей теперь не то, что у меня.... не вышиваетъ кошельковъ на Щукинъ дворъ, сама вся въ брилліантахъ, не ѣстъ размазни безъ масла, а сама какъ сыръ въ маслѣ катается.... Ну, да ладно! Гдѣ у него боченки-то съ золотомъ? А вотъ одинъ! Дай-же я поначиню себѣ карманы.... И Григорій Григорьевичъ пошелъ къ боченку, но боченокъ, какъ лягушка, перескакивалъ съ мѣста на мѣсто, наконецъ-кое какъ онъ поймалъ его и только что успѣлъ было запустить руку, какъ вмѣсто золота, у него

между пальцевъ юркнулъ шаршавый гномъ. Однако Носовъ успѣлъ еще поймать пострѣленка за золотые рожки.... Бѣдный духъ визжалъ и вился у него въ рукахъ и, наконецъ, кое-какъ вырвавшись, исчезъ въ воздухѣ; золотые рога остались при Носовѣ. Герой нашъ былъ доволенъ и этой добычей, но въ минуту, когда онъ хотѣлъ взвѣсить рога свои на рукѣ, они разсыпались въ сотни полуимперьяловъ и быстро разлетѣлись по всему подземелью. Опять неудача! Однако жъ Носовъ не унывалъ. Замѣтя въ углу цѣлый котелъ съ золотомъ, онъ смѣло опустилъ въ него руку, но въ ту же минуту лицо его вытянулось въ ижицу, а ноги невольно заплясали. Съ трудомъ высвободилъ онъ свою руку — она вся была облита растопленнымъ металломъ и перевѣшивала его туловище; о побѣгѣ нечего было и думать. Воръ былъ пойманъ на дѣлѣ. Нажранъ велѣлъ бросить его самаго въ котелъ на выжигу. Бѣдный Григорій Григорьевичъ употребилъ послѣднія усилія, выбился изъ рукъ страшной прислуги и замѣтивъ въ подземномъ сводѣ разсѣлину, быстро выскочилъ въ нее на бѣлый свѣтъ, стремглавъ пустился домой, ринулся въ постель, закутался одѣяломъ выше головы и заснулъ богатырскимъ сномъ. Проснувшись до разсвѣта, Григорій Григорьевичъ не можетъ отыскать свѣчи, голова его идетъ кругомъ; то ему кажется, что столъ около него путешествуетъ, то, что свѣчка прыгаетъ по мебелямъ, то мерещится, что Анисья потягивается и зѣваетъ. Наконецъ, мало по малу, онъ приходитъ въ себя, и что-же? Вообразите себѣ, что вмѣсто своего дома, онъ зашелъ въ красильню, куда наканунѣ утромъ его посылала жена. Да, вотъ развѣшены разныя матеріи, вотъ красильный чанъ.... Но вдругъ онъ слышитъ голосъ жены.... Точно, вотъ Анна Ѳедоровна выбѣгаетъ, въ хорошенькомъ утреннемъ платьи, и кличетъ какого то Августа.—Это что еще за штуки? думаетъ Носовъ, какъ она сюда попала?—Одинъ изъ красильщиковъ отвѣчаетъ ей, что хозяинъ ушелъ уже со двора.—Какъ-же я не слышала, какъ онъ всталъ съ постели? спрашиваетъ она. Красильщикъ отвѣчаетъ, что Августъ Карлычъ не хотѣлъ ее будить и имъ строго на строго запретилъ шумѣть, чтобъ не помѣшать ей почивать. — Милый мой Августъ! восклицаетъ она съ восторгомъ и умиленіемъ, какъ онъ меня любитъ, какъ лелѣетъ!—«Что? что, что! говоритъ Григорій Григорьевичъ, превращаясь опять въ Отелло: милый Августъ! онъ ее любитъ! Она здѣсь ночевала! Эге, такъ вотъ оно что!... да нѣтъ, матушка! я не изъ таковскихъ, я вѣдь спуску не дамъ.... Слушай, ты.... ужъ какъ бы ее выбранить, не знаю...

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно знать, какъ ты сюда попала?

— Что такое?—кажется, я имѣю право предложить вамъ этотъ вопросъ.

— Слышите: она имѣетъ право! какъ вамъ это покажется! Безстыдница! срамница! отъ живаго мужа вы что такое дѣлаете?

— Да пока ничего дурнаго. Впрочемъ, вамъ что за дѣло мѣшаться въ мою домашнюю жизнь?

— Что за дѣло? Нѣтъ ужъ это задѣло меня за живое! Я твой мужъ и требую объясненія....

— Ха! ха! ха! Мой мужъ! Съ чего вы это взяли? Кажется, вкусъ мой еще не такъ испорченъ....

— Прошу, безъ колкостей. Пока я Носовъ, а вы моя жена, я не потерплю....

— Вы Носовъ! Я ваша жена! Что за чепуха. Былъ у меня мужъ-негодяй Носовъ, но судьба меня отъ него избавила: онъ уже съ годъ умеръ.

— Что? Я умеръ! съ годъ?

— Не вы, а мужъ мой Носовъ. А теперь я замужемъ за премилымъ человѣкомъ, за Августомъ Цуккеромъ....

— Это вѣрно сынъ хлѣбника, который приносилъ вамъ крендели да оплеухи?

— Мой покойный мужъ, былъ страшный буянъ и ревнивецъ.

— Слушай, Аннушка, твой мужъ совсѣмъ не такъ покоенъ, какъ ты думаешь, берегись....

— Боже мой! да это сумасшедшій! воскликнула Анна Ѳедоровна и проворно упорхнула въ свою комнату. Носовъ ощупалъ свою голову, свой тощій желудокъ, грудь, въ которой что-то билось — все, какъ слѣдуетъ. А между-тѣмъ, ему очень положительнымъ образомъ объявили, что онъ покойникъ, и что вдова его вышла за Цуккера.... Что-же все это значитъ! А вотъ кто-то еще кричитъ: «Носовъ — дуракъ! Носовъ умеръ!» Онъ оглядывается, это зеленый попугай, который, хлопая крыльями и посвистывая, надъ нимъ насмѣхается. — Глупая птица! кричитъ онъ въ бѣшенствѣ, если я умеръ, такъ мертвыхъ не ругаютъ, животное! Вотъ я тебя научу вѣжливости! и онъ готовъ уже схватить палку, но въ эту минуту надъ нимъ выростаетъ огромная клѣтка, онъ самъ попалъ, какъ курь во щи.... Бѣднякъ бьется, кричитъ, хочетъ высвободиться изъ своей проволочной тюрьмы, куда! Никакой возможности нѣтъ сломать клѣтку, видно она работы Цвернера. На крикъ его выбѣгаетъ Аннушка, является и ея мужъ съ красильщиками.... Всѣ кричатъ: воръ! воръ! и Носова вынимаютъ изъ клѣтки, чтобы от-

вести въ будку. Дѣло плохо! Онъ вырывается, видитъ лѣстницу, бѣжитъ по ней на сушило, но досчатый полъ отъ его усилій проламывается и онъ прямо падаетъ въ красильный чанъ.... Его вытаскиваютъ, но уже совершенно выкрашеннаго, какъ негра. Какъ показаться на улицу въ этомъ видѣ? Мальчишки засмѣютъ: и Носовъ бѣжитъ, бѣжитъ безъ оглядки, по грязной Колтовской, на Крестовскій, въ лѣсъ, въ эдемъ петербургскихъ дачниковъ и попадаетъ прямо въ болото. «Охъ! тону, тону! батюшки, помогите!» и онъ хватается за осоку, за траву, за мохъ — но все напрасно. По счастію, пара дюжихъ лягушекъ, лягушекъ, какихъ нигдѣ не отыщешь, кромѣ петербургскаго эдема, спѣшатъ къ нему на подмогу и пособляютъ ему выкорабкаться. «Ай да квакушки! говоритъ онъ, вотъ умныя то твари! Спасибо вамъ, гадины! удружили, истинно удружили.» Между тѣмъ, нѣтъ худа безъ добра: въ болотѣ Григорій Григорьевичъ остылъ отъ своей ревности, и вымылся отъ краски.... одинъ только голодъ мучитъ его по-прежнему. Поискать бы хоть апенковъ или масляниковъ, но изъ дупла, къ которому онъ нагнулся, слышенъ пискъ.... Это что еще такое? думаетъ онъ, можетъ здѣсь гнѣздо куропатокъ — живьемъ съѣмъ, если достану! — А кстати тутъ-же лежитъ топоръ. Григорій Григорьевичъ принимается за работу, рубитъ съ плеча, дупло трещитъ, подается и вотъ развалилось.... Изъ него лезутъ ребятишки, малъ-мала меньше, дѣвчонки, мальчишки, и вслѣдъ за ними Анисья, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. — Вотъ окказія! Анисья! откуда ты?

— Пошли тебя искать, родимый! Третій день крошки во рту не было.... ребятишки сердце выныли.... Да вонъ, лѣшій, мужикъ медвѣдя упустилъ, что публику тѣшилъ, какъ мальчишки горохъ воровали.... такъ мы отъ него и влѣзли въ дупло, да тамъ и завязли.

— Да, чьи-же это дѣти?

— Какъ чьи? Все твои, кормилецъ!

— Что? какъ? — Мои! ахъ, ты старая вѣдьма.... съ чего ты взяла? Аннушка утонула, я умеръ.... откуда-жъ у насъ дѣти?

А дѣти затягиваютъ хоромъ:

Папа — папы! Папа — папы!
Дай скорѣе; ѣсть хотимъ!
Пусто все и домъ и шкапы!
Третій день мы не ѣдимъ!
Что подставили вы шляпы! — Говоритъ Носовъ).
Это все Анисья вретъ!

Попадетесь мишкѣ въ лапы,
Такъ самихъ онъ васъ сожретъ.

А мишка какъ-тутъ, легокъ на поминѣ. Дѣти кричатъ и бѣгутъ отъ медвѣдя, а Носовъ бѣжитъ отъ посмертнаго своего потомства. Но по мѣрѣ того, какъ онъ углубляется въ чащу лѣса, ели рѣдѣютъ, открываются цвѣтущія поляны, благоухающія клумбы, тропинки, усыпанныя золотымъ пескомъ, чудныя бесѣдки, очаровательные виды, и наконецъ дивный садъ, украшенный мраморными статуями и фонтанами. — Эге! говоритъ онъ, видно я попалъ на Елагинъ! Какъ бы тутъ еще сторожа не замѣтили.... Однако нѣтъ, мѣсто пустынно: одни соловьи поютъ, да фонтаны плещутъ. А, вотъ и фруктовыя деревья! Какія яблоки! Чудо, прелесть: вѣрно настоящія кронштейнчики! Противъ такого искушенія тощій желудокъ Григорья Григорьевича устоять не можетъ, онъ рветъ яблоки, набиваетъ ими карманы, и садится на скамейку наслаждаться любимымъ своимъ лакомствомъ. И пошелъ уплетать— только на зубахъ хруститъ, кушаетъ, кушаетъ, а брюшная полость ростетъ, ростетъ, глядь — его раздуло горой! Изъ худенькаго, отощавшаго, онъ сталъ такой, что и въ три обхвата не обнимешь! Но вмѣстѣ съ брюшкомъ, выросъ и аппетитъ: теперь ему и черкасскаго быка мало! И завопилъ онъ, какъ голодный волкъ, завопилъ такъ жалостно, что даже каменныя сердца статуй тронулись.... и онѣ сошли съ пьедесталей, чтобъ помочь его горю.... «Милые болваны! говоритъ онъ, гдѣ я?» — У лѣснаго волшебника. — «А нѣтъ-ли у него чѣмъ червячка заморить.» — Какъ не быть: что прикажете? — «Да хоть бы жаркаго, да винца тамъ какого нибудь!» — Можно!—И статуи уходятъ. Въ тотже мигъ по щучьему велѣнью, по Носову прошенью, является столъ съ шампанскимъ и жаренымъ рябчикомъ. Услужливая бутылка сама хлопаетъ и наливаетъ вино.... Григорій Григорьевичъ съ жадностію подноситъ полный стаканъ ко рту — въ немъ ничего нѣтъ! Онъ за рябчика — тотъ изъ подъ носу у него улетаетъ. — Что-жъ это! кричитъ оскорбленный Носовъ.... Смѣяться надо мной! Только поддразнивать, — это выходитъ: по усамъ текло, а въ ротъ не попало! Да что я имъ дался за чучело на потѣху, кажется, я еще на чучелу не похожъ?» — А тутъ, кстати, и услужливое зеркало: Носовъ смотритъ — и приходитъ въ ужасъ, онъ не только не похожъ на себя, но просто, ни на что не похожъ! Глазъ съ фонаремъ, носъ на сторону, рожа въ сажѣ.... пфу! ты, гадость какая. Между тѣмъ, въ самокатѣ съ лебедемъ, должно быть, купленномъ на Вы-

ставкѣ, подѣзжаетъ красотка.... Натура Носова не вытерпѣла, галантерейство въ немъ заиграло, тотчасъ подлетаетъ онъ къ ней съ ловкостію шакала Невскаго проспекта: куда де, молъ, изволите? и проч. но увы! это такая вѣдьма, что не дай Богъ и во снѣ увидѣть. Но она очень любезна и сантиментальна: она объясняется Носову въ самой страстной любви; проситъ взаимности, поцѣлуя.... «Стара штука! говоритъ онъ, покорно спасибо!» — Но злодѣй, говоритъ она, вѣдь это твоя обязанность.... — «Много обязанъ!» — Я вѣдь твоя жена, законная жена! Я Аннушка, меня держитъ въ плѣну лѣсовикъ и нарочно обратилъ въ старуху, но иногда я опять становлюсь молоденькой и хорошенькой....—«Нѣтъ, ужъ это дудки! На такую штуку не поддѣнешь!» — Такъ ты рѣшительно отъ меня отказываешься? — «Самымъ рѣшительнѣйшимъ образомъ!» — Въ такомъ случаѣ.... я иду къ злому волшебнику, и предаюсь ему на вѣкъ!— «Туда и дорога!»

Въ туже минуту старуха превращается въ миленькую, хорошенькую Анну Ѳедоровну.... — «Аннушка! душечка! пупочка! жена!» кричитъ Григорій Григорьевичъ, посылая ей обильные поцѣлуйчики... но ужъ она далеко; онъ бѣжитъ за нею.... И вотъ, онъ уже запыхался досмерти съ своимъ огромнымъ пузомъ, роскошный садъ далеко остался за ними, онъ въ глухой, непроходимой дебри.... сосны хлопаютъ верхушками, на каждомъ шагу обнаженные пни, корни ихъ ползутъ и вьются по землѣ, какъ змѣи, и изъ бездоннаго болота поднимается лѣсной царь, лохматый, съ дубиною въ рукѣ, волосы мхомъ торчатъ, въ бородѣ грибы ростутъ.... Стой! говоритъ онъ Носову, ни съ мѣста! — жена твоя теперь мнѣ принадлежитъ, ты отъ нея отрекся! — «Съ дуру, почтеннѣйшій, ей Богу, съ дуру!»

Теперь я вижу очень ясно,
Какъ мужъ женой не дорожитъ!
Для насъ все то ужъ не прекрасно,
Что намъ вполнѣ принадлежитъ.
Какъ сдѣлалась она чужою,
Меня магнитомъ къ ней влечетъ,
Наказанъ, видно я судьбою —
И видитъ глазъ, да зубъ нейметъ.

— А вотъ, постой, говоритъ лѣшій, я уйму твои глаза и зубы.... Нут-ка, ребята, принарядите его по-нашенски.... И заходили пни и обвили бѣдняго Носова своими сучьями и вѣтьвями; и вотъ онъ чувствуетъ, какъ ноги его вытягиваются и ползутъ подъ землю, словно червяки, какъ руки его корчатся и

таращатся въ разныя стороны, а пальцы превращаются въ листья; какъ голова становится наростомъ, только годнымъ на трутъ, какъ желудокъ деревянѣетъ... И вотъ онъ ужъ и ничего не чувствуетъ и сталъ просто на просто чурбаномъ. Онъ дѣлаетъ послѣднее человѣческое усиліе, чтобъ вырваться изъ этаго древеснаго футляра.... Кракъ! и повалился, и застоналъ.... и проснулся.

Смотритъ — день деньской на дворѣ, онъ у себя на квартирѣ; только не въ постели, а возлѣ, на полу, подлѣ разрозненнаго Монте-Кристо. Вскочивъ быстро, онъ растопырилъ свои десять пальцевъ — пальцы, какъ пальцы, выставилъ ноги — ноги какъ ноги, пощупалъ брюхо — таковаго не оказывается. Вотъ входитъ и Анисья. — А что дѣти? спрашиваетъ онъ.—Какія такія?—Да мои! — Христосъ съ тобой? да нѣшто у тебя когда были дѣти? — Не были! Душечка, Анисьюшка, спасибо! и Носовъ обнимаетъ Анисью. Является и Анна Ѳедоровна.... — Какъ! и ты здѣсь? — А гдѣ-же мнѣ быть? — А у Цуккера? А у Нажрана, а у лѣшаго? — Господи! восклицаетъ Анна Ѳедоровна, да онъ, кажется, съ ума сошелъ.—Нѣтъ, жизненокъ, нѣтъ,—лапочка моя, нашелъ на умъ. Ужъ теперь-то я тебя буду беречь и лелѣять.

А тутъ, кстати, Анисья подаетъ письмо, изъ котораго видно, что дядюшка Носова приказалъ долго жить, и завѣщалъ пятьнадцать тысячъ Аннѣ Ѳедоровнѣ; тутъ же Полицейская Газета объявляетъ, что лото въ клубахъ воспрещается: значитъ все въ порядкѣ и Григорій Григорьевичъ обѣщаетъ сдѣлаться отличнымъ мужемъ, тѣмъ болѣе, что Анна Ѳедоровна теперь приметъ его подъ башмакъ.

— Что за нескладица, скажете вы; справедливо, но мы замѣтимъ вамъ, что это сонъ, а

Когда-же складны сны бываютъ?

Хотя въ этой сказкѣ играютъ гг. Мартыновъ и Григорьевъ и г-жа Жулева, но главная роль принадлежитъ г. машинисту Вальцу, и надо отдать ему полную справедливость, исполнена имъ съ удивительнымъ мастерствомъ и ловкостію. Всѣ превращенія, перемѣны, полеты сдѣланы прекрасны и придуманы довольно остроумно.

Ѳ К.

—

III.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Бенефисъ госпожи Вольнисъ: — 1. Léon, ou L'amour maternel, *драма въ пяти дѣйствіяхъ*; 2. — L'idiote; *водевиль въ одномъ дѣйствіи*; 3. Un tigre du Bengal, *комедія въ одномъ дѣйствіи, и живая картина*, (*Жмурки*). — *Бенефисъ госпожи Арну-Плесси:* 1. L'Amitié des femmes, *комедія въ трехъ дѣйствіяхъ*; 2. Le domino noir, *комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ куплетами. Прощальный бенефисъ Г. Алланъ:* 1. Gabrielle, *комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Ожье;* 2. Le Cachemire vert, *комедія въ одномъ дѣйствіи, Александра Дюма, и* Le groom, *комедія въ одномъ дѣйствіи. — Нѣсколько прощальныхъ словъ о г. Алланѣ.*

—

Нынѣшній театральный годъ на нашей французской сценѣ окончился не совсѣмъ такъ весело, какъ можно было ожидать по блистательному его ходу. Онъ кончился прощаніемъ съ давнимъ нашимъ любимцемъ Алланомъ, и это весьма прискорбно и для сцены и для многочисленныхъ поклонниковъ его живаго, прекраснаго дарованія!... Грустно также, какъ подумаешь, что наша умная и талантливая артистка, госпожа Вольнисъ, при всемъ своемъ знаніи сцены, несчастлива въ составѣ бенефисовъ. На этотъ разъ неудача ея дошла даже до того, что во всемъ спектаклѣ нельзя было указать ни на что новое: одно старо, а другое еще старше, а третье старѣе и того и другаго!... Но за то во всемъ этомъ старомъ бенефисіянтка вполнѣ торжествуетъ. Капитальною пьесою бенефиса госпожи Вольнисъ была пятиактная драма «Леонъ, или любовь матери», сочиненіе Ружмона, автора намъ довольно знакомаго, прекрасно знающаго человѣческое сердце; точно, ловко и бойко рисующаго всякую сцену.... но и только! Основы, округлости, полноты и внутренней жизни вы не ищите въ пьесахъ господина Ружмона. Всѣ эти недостатки очень рѣдко выкупаются тою теплотою, наблюдательностью и истиннымъ чувствомъ, которымъ проникнуты нѣкоторыя изъ его сценъ: въ цѣлой сте-

пи однообразія и безсвязицы два, три хорошенькихъ цвѣтка не составляютъ еще сада.

Мадамъ де-Линьеръ вдова. У нея живетъ дальній родственникъ, двадцатилѣтній Леонъ.... Но странно, этотъ дальній родственникъ пользуется у вдовы такою материнскою любовью, такими нѣжными ласками, что вы невольно заглядываете въ минувшую жизнь мадамъ де-Линьеръ, справляетесь о дняхъ ея молодости и узнаете секретикъ, который мы, пожалуй, и вамъ откроемъ за тайну.... Госпожа де-Линьеръ когда-то была мила, прелестна и вѣтренна: у нея были огненные глаза, гибкій станъ, очаровательная улыбка, мягкое и нѣжное сердце, а въ этомъ сердцѣ былъ какой-то графъ, который, кромѣ всѣхъ форменныхъ обѣтовъ, далъ еще клятву не разлучаться съ нѣжнымъ сердцемъ, въ которомъ расположился на постоѣ. Но клятва графа, какъ и многое другое-подобное на свѣтѣ, была забыта. Затаивъ въ душѣ отчаяніе и стыдъ, а у груди малютку, бѣдная дѣвушка скрыла свои слезы въ глуши далеко отъ свѣта, а ребенка отдала кому-то на воспитаніе.... Чрезъ нѣсколько времени она вышла замужъ за мосье де Линьера.... и овдовѣла ... Догадываетесь-ли, что этотъ *дальній*, юный родственникъ Леонъ — приходится очень близко съ родни и какому-то графу и той бѣдной дѣвушкѣ, а нынѣ почтенной вдовѣ? Леонъ влюбчивъ, какъ и его батюшка; онъ безъ ума отъ мамзель Евфразіи де-Карбонъ, за которою, на бѣду, ухаживаетъ какой-то неотвязчивый маркизъ.... Леону это не нравится.... онъ ищетъ ссоры съ маркизомъ, наноситъ ему оскорбленіе, требуетъ дуэли, и взбѣшенный грубымъ отвѣтомъ маркиза, закалываетъ его въ порывѣ ревности и обозженнаго самолюбія.... Леонъ предъ уголовнымъ судомъ.... Судьба его въ рукахъ графа д'Армалье, дяди убитаго.... Мать въ отчаяніи. Но графъ д'Армалье, хотя и дядя убитаго, но.... онъ-же и отецъ живаго! Роль мадамъ де Линьеръ принадлежала госпожѣ Вольнисъ и была исполнена ею съ высокимъ артистическимъ искусствомъ. Сколько чувства, сколько души было въ этой игрѣ, полной прекрасныхъ и драматическихъ минутъ! Видѣть ее въ этой роли истинное наслажденіе.

Водевиль Дю-Мерсана «Идіотъ», пьеса уже не разъ возобновленная, почти заигранная до смерти. И все таки мы прослѣдили ее съ наслажденіемъ, будучи одолжены имъ неподражаемому таланту бенефисіантки. Здѣсь она вполнѣ достойна знаменитой Сиддонсъ!...

«Бенгальскій тигръ» одинъ изъ тѣхъ уморительныхъ фарсовъ, которые смѣшатъ васъ до упаду, при совершенномъ, впрочемъ,

остутствіи содержанія. Ревнивый мужъ (господинъ Верне) помѣшанъ на невѣрности своей жены; онъ слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ и наконецъ даже встрѣчаетъ мнимаго и невиннаго ея обожателя (господинъ Руже). Игра этихъ двухъ отличныхъ комиковъ была верхъ совершенства, особенно мгновеніе, когда неистовый Отелло, съ всклоченными волосами, съ пылающимъ лицомъ и взоромъ, вбѣгаетъ въ комнату своей жены, и видя свою жалкую ошибку, смѣшавшись, на вопросъ жены отвѣчаетъ, что онъ пришелъ за носовымъ платкомъ.... Въ эту минуту надо было видѣть переходъ его отъ конвульсивнаго трепета къ жалкому сознанію своей глупости, чтобы вполнѣ оцѣнить то неподражаемое искусство, съ которымъ Верне владѣетъ натурою и комизмомъ.

Бенефисъ кончился прекрасно поставленною и удачно освѣщенною живою картиною. «Игра въ жмурки».... и тѣмъ, чего не было въ афишѣ.... *цвѣтами.*

Бенефистъ госпожи Арну Плесси былъ также составленъ безъ прельстительной афиши и заманчивыхъ обѣщаній; но за то онъ подарилъ насъ рѣдкими и пріятными ощущеніями.... Въ немъ участвовали два живительные таланта нашей сцены: сама бенефисіантка и госпожа Вольнисъ.... Этого довольно, и о пьесахъ можно бы было даже не говорить вовсе. Но тутъ дѣло идетъ о женской дружбѣ.... Нельзя! вещь-то больно щекотливая. Вотъ она, L'Amitiè des femmes.... Къ господину Бремону, человѣку солидному и почтенному фабриканту, нагрянули нежданныя гости. Фабрикантъ очень радъ, тѣмъ болѣе, что гости у него пришли искать пріюта, спасая свои хорошенькія головки отъ шума и гама черни въ смутные февральскіе дни 1848 года. Эти незванныя дамы, двѣ молодыя подруги: одна Маркиза (госпожа Вольнисъ) другая Баронесса (госпожа Плесси). Но у господина Бремона такъ скучно.... онъ живетъ гдѣ то тамъ, недалеко отъ Руана, въ захолустьѣ.... и бѣдныя эмигрантки пропали-бы отъ скуки, какъ вдругъ къ фабриканту является еще нежданный гость-красавецъ и молодецъ, полковникъ де Баржи, давно знакомый обѣимъ подругамъ.... Женщины встрепенулись, задумались — и каждая рѣшила про себя, что полковникъ пріѣхалъ за нею и для нея.... Этого было довольно для женскаго сердца и для того, чтобы Маркизѣ и Баронессѣ изъ вѣковѣчныхъ друзей сдѣлаться непримиримыми врагами и соперницами.... Полковникъ такъ хорошъ, въ захолустьѣ такъ скучно.... О, надо его подтенетить.... а прежде уничтожить, разумѣется, соперницу.... и Маркиза начинаетъ лгать полковнику на Баронесу; послѣдняя, въ свою оче-

редь клевещетъ на первую... все по дружбѣ! Но, о ужасъ!... Женщины узнаютъ, что красавецъ пріѣхалъ вовсе не для нихъ, а для дочери фабриканта. Сцена объясненія и примиренія соперницъ, была исполнена госпожами Плесси и Вольнисъ съ изумительнымъ совершенствомъ; господинъ Бертонъ такъ же въ роли полковника былъ очень хорошъ. Мораль женской дружбы выходитъ тоже, что и въ баснѣ: а кинь имъ кость, такъ что твои.... и проч.

Le Domino noir, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ вырѣзанная изъ старой и уже зачахнувшей оперы *Черное домино*, разыграна была прекрасно госпожами Плесси, Майеръ и господиномъ Бертономъ. Словомъ, не смотря на матерьяльную бѣдность бенефиса, онъ, по художественной обстановкѣ и по отличной игрѣ артистовъ, можетъ назваться богатствомъ наслажденій.

Переходимъ къ бенефису господина Алланъ, который, кажется нарочно, чтобы на долго оставить по себѣ прекрасную память, подарилъ насъ новою драмою, вполнѣ новою, не только по времени, но и по мысли, и по благородному плану. Давно или почти никогда мы не встрѣчали такой теплоты, такой моральной цѣли, такихъ прекрасныхъ характеровъ въ произведеніяхъ французскаго пера, какъ въ «Габріели», новой пятиактной комедіи, въ стихахъ, Эмиля Ожье. Эта Габріель — молодая жена очень почтеннаго адвоката Жюльеня, человѣка посвятившаго всю жизнь свою трудамъ для счастія семейства.... Но Габріель имъ недовольна.... Онъ больше занятъ дѣлами и хозяйствомъ, чѣмъ ею.... А между-тѣмъ молодое сердце проситъ любви и ласки.... Вотъ съ чего начинается семейное несчастіе Жюльеня, который сдѣлалъ ошибку, не приласкавъ жены, и она кинулась въ объятія какого то молодаго человѣка, Стефена. Тетка Габріели, предвидя близкое паденіе племянницы и сберегая честь любимцевъ ея сердца, рѣшается усовѣстить молодаго человѣка, и уводить его ночью въ садъ для объясненій.... Она говоритъ съ нимъ откровенно, умоляя оставить племянницу и отказаться отъ нея.... Но въ это же время, ревнивый мужъ ея, подозрѣвая шашни жены съ молодымъ человѣкомъ, привелъ Жюльеня въ садъ и подслушиваетъ откровенный разговоръ.... минута ужасная!... Несчастный Жюльень узнаетъ свой позоръ, и его отчаяніе — одна изъ самыхъ вѣрныхъ и лучшихъ сценъ въ пьесѣ. Затаивъ въ благородномъ сердцѣ горе и страданіе, онъ, вмѣсто мщенія, упрековъ и угрозъ, дѣлаетъ благодѣяніе своему врагу, доставя ему мѣсто секретаря при иностранномъ посольствѣ. Но Стефенъ, какъ будто поклялся разрушить семейное счастіе своего благодѣтеля и заклеймить позоромъ доброе

имя Жюльеня. Онъ уже сговаривается бѣжать съ Габріелью.... Тутъ-то встрѣчаетъ ихъ Жюльень, и, высказавъ имъ весь ужасъ отвратительнаго поступка, оставляетъ несчастныхъ на произволъ ихъ заблужденія. Дрогнуло сердце Габріели, проснулась совѣсть Стефена и они навсегда разстаются, въ ту минуту, какъ Габріель, въ пыткѣ раскаянія, во всемъ сознается предъ мужемъ и на колѣнахъ вымаливаетъ у него прощеніе. Не смотря на растянутость нѣкоторыхъ сценъ, пьеса имѣла большой успѣхъ, въ чемъ одолжена была не мало дружному и прекрасному исполненію госпожъ Плесси, Вольнисъ, господъ Аллана и Бертона, особенно послѣдняго, въ роли Жюльеня.

«Грумъ» — плохая комедія въ одномъ дѣйствіи, родившаяся какъ будто для того, чтобы поскорѣй умереть. Какой-то почтенный джентльменъ, бѣгая отъ кредиторовъ и тюрьмы, ничего не нашелъ лучше, какъ отдать на жертву заключенія своего грума; въ чемъ и успѣваетъ, нарядивъ его въ свое платье, которое, разумѣется, сшито въ долгъ, и приказавъ вѣрному слугѣ называться своимъ именемъ, по совѣсти, никому не нужнымъ.

Маленькая комедія «Зеленая шаль», одолжена своимъ успѣхомъ неподражаемой игрѣ бенефисіянта. Франкавиль (Алланъ), влюбленъ въ Клару Бофоръ (Плесси), да влюбленъ такъ отчаянно, что не задумавшись бросаетъ свой родной Альбіонъ—и скачетъ по слѣдамъ красавицы во Францію, не зная, не вѣдая, чѣмъ кончится эта прогулка за перелетной пташкою.... Но прогулка кончается благополучно, какъ кончается всякая комедія — свадьбой....

Афиши ко всеобщему прискорбію, объявили, что это былъ послѣдній бенефисъ г-на Аллана – bénéfice de retraite. И такъ мы навсегда прощаемся съ этимъ превосходнымъ артистомъ. Г-на Аллана призываетъ во Францію не столько тоска по родинѣ, которую онъ легко забывалъ среди ласкъ, уваженія, любви и щедротъ, расточаемыхъ ему Россіею, но собственно обязанности семейныя: г. Алланъ супругъ и отецъ, и уже три года разлученъ съ своимъ семействомъ. Какъ не прискорбно намъ лишиться такого таланта, но уважая побудительныя причины разлуки, русская публика разстается съ своимъ любимцемъ, напутствуя его искреннею благодарностью и доброю памятью за всѣ наслажденія, которыя онъ ей доставилъ. Г-нъ Алланъ началъ свое сценическое поприще на театрѣ *Герцогини Беррійской* (Théâtre de Madame), переименованномъ впослѣдствіи очень справедливо *Драматической Гимназіей*, потому-что эта сцена даровала Франціи лучшихъ драматическихъ писателей: Скриба, Теолона, Дюмерсана, и образовала знаменитѣйшихъ актеровъ: Фервиля, Аллана, Арналя, Буффе, г-жъ

Рашель, Алланъ, Леонтину Фе (Вольнисъ), Эйжени Соважъ, и въ новѣйшее время — очаровательную Розу Шери. Г-нъ Алланъ началъ свои дебюты въ роляхъ молодыхъ повѣсъ. Къ намъ прибылъ онъ, когда уже нѣкоторая полнота и степенность лѣтъ не позволяла ему удерживать за собою прежнее амплуа. У насъ репертуаръ его сталъ разнообразнѣе, и во всѣхъ родахъ ролей этотъ актеръ, по преимуществу мыслящій, былъ одинаково хорошъ. Но въ послѣдніе годы онъ избралъ, кажется, преимущественно роли патетическихъ стариковъ, въ которыхъ онъ былъ превосходенъ. Отличительныя качества его игры: величайшая простота, безъ вычурности и выспренности, отсутствіе нелѣпыхъ жестовъ, выразительная игра физіономіи и глазъ, сила выраженія, глубокое чувство и неподдѣльный огонь, какой мы рѣдко встрѣчаемъ на сценѣ. Многія созданія его могутъ почесться истинными chefs-d'œuvres. Укажемъ изъ нихъ хоть на старика, бретанца, въ «Closerie de Gênets». Выше этого искусство стать не можетъ. Не станемъ здѣсь много распространяться въ подробностяхъ, потому-что скоро надѣемся подарить нашихъ читателей обширной статьей о жизни и талантахъ г-на Аллана, написанной рукою даровитаго и хорошо знающаго дѣло—литератора. Поблагодаримъ отъ души нашего артиста за многія сладкія минуты, доставленныя намъ его игрою и скажемъ ему съ грустью:

Fare well!

—

IV.

БАЛЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Многіе изъ современныхъ писателей утверждали, что балетъ есть самый неестественный и утомительный родъ драматическихъ представленій. Къ такому заключенію привелъ ихъ упадокъ балета во Франціи, гдѣ онъ нѣкоторое время не имѣлъ достойныхъ представителей и постановщиковъ, богатыхъ мыслью и воображеніемъ. Мы всегда были противнаго мнѣнія, но мы подъ словомъ *балетъ* разумѣли не одни голые танцы, употребляемые нѣкоторыми балетмейстерами кстати и некстати, въ утомительномъ изобиліи и еще утомительнѣйшемъ однообразіи. Балетъ, по нашему мнѣнію, есть драма, полная, развитая во всѣхъ подробностяхъ, съ необходимою завязкою, съ интереснымъ ходомъ дѣйствія, и съ эфектною развязкою; драма, выраженная, за отсутствіемъ живаго слова, мимикою, краснорѣчивымъ жестомъ, выразительностію взгляда и лица, граціею движеній, знаменательными позами и, наконецъ, танцемъ. Это искусство было въ большомъ уваженіи даже у древнихъ, и въ особенности у Римлянъ было доведено до высокой степени совершенства. Они называли его *нѣмою музыкой* и даже предпочитали самой декламаціи. Кассіодоръ говоритъ, что у римскихъ мимовъ были выразительныя руки, говорящіе пальцы и патетическое молчаніе. Посолъ царя Понтійскаго, увидя въ Римѣ мимическій танецъ, такъ былъ увлеченъ, что умолялъ Нерона подарить ему танцора. «Этимъ ты окажешь особенную дружбу моему царю, сказалъ онъ. Наши сосѣди варвары: они не разумѣютъ нашего языка, мы не знаемъ ихъ нарѣчія, но когда они увидятъ этого человѣка, то въ ту же минуту поймутъ, чего мы отъ нихъ требуемъ». Другой знаменитый грекъ, увлеченный представленіемъ, закричалъ актеру: «Въ одномъ тѣлѣ у тебя двѣ души!» По этому можно судить, на какой точкѣ совершенства мимико-пластическое искусство стояло у Римлянъ, и совершенство это еще тѣмъ болѣе удивительно, что актеръ могъ дѣйствовать только руками, движеніемъ тѣла и взглядомъ, но былъ лишенъ главнаго ор-

гана мимическаго выраженія—лица, которое всегда было прикрыто маскою.

Нынѣшній балетъ собственно образовался въ Италіи и былъ, по большей части, комическаго содержанія. Во Франціи придали ему характеръ миѳологическій и фантастическій, по нашему мнѣнію, самый приличный этому роду. Фантазія, перенося насъ въ міръ чудеснаго, дѣлаетъ самый разговоръ безъ словъ, нѣкоторымъ образомъ естественнымъ и оправдываетъ танцы, по своимъ положеніямъ и движеніямъ, выходящіе изъ области обыкновенныхъ національныхъ плясокъ. По мѣрѣ развитія балета, начали придавать ему значеніе драматическое; сперва въ пантомимѣ представляли пасторали, идиллическія сцены изъ мечтательной Аркадіи. Пастушки, съ напудренными волосами и въ роброндахъ на фижмахъ, и пастухи, съ тупеями и въ короткихъ штанахъ—довольно долго восхищали невзыскательныхъ французовъ. Наконецъ, балетъ представилъ настоящую драму, взятую изъ дѣйствительной жизни, со всѣми ея треволненіями и страстями, и тутъ мимическое искусство достигло высшей степени своего развитія. Величайшимъ творцемъ въ этомъ родѣ былъ знаменитый нашъ хореграфъ Дидло. Его балеты: «Венгерская хижина», «Рауль де-Креки», «Кавказскій плѣнникъ» образцовыя творенія. Это превосходныя драмы, полныя вымысла, истины, движенія, выраженныя самой краснорѣчивой пантомимой.

Но послѣ Дидло балетъ долгое время не видалъ достойнаго творца, потому что для хореграфическаго творчества мало быть поэтомъ, надо быть еще и опытнымъ балетмейстеромъ. Балетъ упалъ во всей Европѣ и за недостаткомъ вымысла ограничился одними танцами. Въ это время явилась очаровательница Тальони, которая придала танцу античную прелесть и увлекательность граціи, до той поры неизвѣстныя. Для нея, сообразуясь съ направленіемъ ея таланта, отецъ ея сталъ создавать балеты изъ фантастическаго міра и нѣкоторые изъ нихъ были дѣйствительно прекрасны и имѣли повсемѣстный успѣхъ. Таковы: «Сильфида», «Озеро волшебницъ» и «Воспитанница Амура.» Но и въ этихъ созданіяхъ главную роль играли танцы, которыми обстанавливалась партія героини балета. Обаятельный талантъ Маріи Тальони, ея легкость, воздушность, цѣломудренная грація придавали имъ душу. Тальони преимущественно любила являться въ роляхъ стихійныхъ существъ, этихъ безтѣлесныхъ олицетвореніяхъ человѣческой фантазіи, которыми мистическій вымыселъ населилъ воздухъ, воды, лѣса, и которыхъ существованіе должно представлять воображенію смѣсь,

всего изящнѣйшаго въ природѣ со всѣмъ лучшимъ въ натурѣ человѣка. Въ этихъ роляхъ, чуждыхъ грубой чувственности, чистыхъ отъ каждаго земнаго помысла, дышащихъ однимъ дѣтственнымъ величіемъ, стыдливой граціей и красотою, любовью тихою и мечтательной—Марія Тальони была неподражаема. Она невольно уносила воображеніе зрителя въ эти дивные міры фантазіи, гдѣ сердцу такъ отрадно, гдѣ душа нѣжится и наслаждается, какъ въ обаятельномъ сновидѣніи. То, что поэтическое воображеніе Ламотта-Фуке создало въ его «Ундинѣ» и «Мальтійскомъ рыцарѣ», являлось тутъ въ самыхъ увлекательныхъ олицетвореніяхъ. Выраженіе танцемъ, легкимъ, граціознымъ, полнымъ нѣги и дѣтской рѣзвости, очень шло къ этимъ ролямъ. Оно было естественно, потому что казалось какъ бы неотъемлемой принадлежностью этихъ воздушныхъ и водяныхъ натуръ, заимствовавшихъ у человѣка одинъ только его образъ. Теофилъ Готье, увлеченный талантомъ Тальони, также принесъ ей поэтическую дань, создалъ для нея изъ прелестной бретанской легенды о *мертвыхъ дѣвственницахъ* балетъ «Жизель или Виллисы», который парижскій балетмейстеръ Корали облекъ въ пластическія формы на сценѣ.

Эта особенность таланта Маріи Тальони дала и балету особенное направленіе: онъ преимущественно сдѣлался ареною танца и пластическихъ группировокъ, въ противоположность балету Дидло, который былъ ареною мимическаго выраженія страстей и дѣйствія. Это направленіе не могло быть долговѣчно, потому-что оно, не смотря на всю прелесть танцевъ, наконецъ становится утомительно и своимъ однообразіемъ и недостаткомъ внутренняго содержанія. Даже дивный, плѣнительный талантъ Тальони не спасаетъ зрителя отъ пресыщенія и, вслѣдствіе того, отъ неизбѣжной скуки. Это испытала петербургская публика на себѣ: въ послѣдніе годы пребыванія у насъ Тальони театръ на половину оставался пустымъ. Но мы обязаны Маріи Тальони и отцу ея очень многимъ: *она* подарила насъ превосходными танцовщицами, которыя образовались въ ея безукоризненно эстетической школѣ, *онъ* поставилъ намъ кордебалетъ на такую ногу, что онъ рѣшительно можетъ теперь считаться первымъ въ Европѣ.

Послѣ отъѣзда Тальони, балетъ нашъ упалъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что было при ней уже поставлено и что при ней всѣмъ наскучило. Попытки нашихъ балетмейстеровъ создать что нибудь новое, были слабы: въ цѣлой Европѣ не было хореграфа-поэта, который бы воскресилъ его творческой силою своего генія. И въ Парижѣ одинъ балетъ слѣдовалъ за другимъ, и всѣ поочередно па-

дали блистательнымъ образомъ, пока тамъ не придумали поручать составленіе балетовъ хорошимъ драматическимъ писателямъ, а обстановку ихъ дѣльнымъ и знающимъ балетмейстерамъ. Въ это время попыталась было разшевелить нашу публику прославленная Лучилія Гранъ, но ее приняли холодно: послѣ живаго, вліятельнаго таланта Тальони, угловатыя движенія и холодное искусство г-жи Гранъ не могли имѣть вліянія на нашъ избалованный вкусъ. тѣмъ болѣе, что мы имѣли своихъ танцовщицъ, въ десять разъ талантливѣйшихъ пріѣзжей гостьи: г-жъ Андріянову, Шлефохтъ, Смирнову.

Въ 1847 и 1848 годахъ балетъ нашъ вдругъ воскресъ и роскошная зала Большаго Театра сдѣлалась тѣсна для жадныхъ зрителей. Виновницею этой счастливой перемѣны была Е. И. Андреянова, танцовщица съ огромнымъ талантомъ, которая, возвратясь изъ артистическаго путешествія по Германіи, Франціи и Италіи, съ свѣжими еще вѣнками, пріобрѣтенными рядомъ самыхъ блистательныхъ успѣховъ, явилась въ двухъ балетахъ «*Пахитъ*» и «*Сатанилла*». Особливо въ послѣднемъ она показала всю силу своего гибкаго таланта и мастерство мимической игры, какого мы давно уже не видали на нашей сценѣ. Успѣхъ былъ огромный. Много способствовала къ тому и прекрасная обстановка. Оба балета были перенесены къ намъ съ парижской сцены и постановлены здѣсь первый г. Фредерикомъ, а второй балетмейстеромъ Петипа, прибывшемъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, молодымъ, довольно ловкимъ танцовщикомъ. Балетъ «Сатанилла» принадлежалъ перу литератора Сен-Жоржа и потому отличался не только смысломъ, но и богатымъ вымысломъ, прекрасною идеею и разнообразнымъ содержаніемъ. Этотъ балетъ опять чисто фантастическій и этому свойству обязанъ своимъ успѣхомъ. Осенью того-же года госпожа Андреянова уѣхала восхищать Москву, а къ намъ явилась знаменитая Фанни Эльслеръ, обворожавшая такъ долго старый и новый свѣтъ. Вслѣдъ за нею прибылъ и всегдашній сателитъ ея, первый хореграфъ настоящаго времени Перо. Три новые балета его сочиненія были имъ поставлены на сцену: «Мечта художника», «Катарина, дочь разбойника» «Эсмеральда» и «Питомица Фей». «Эсмеральда» и «Питомица фей» созданы въ Парижѣ знаменитой танцовщицей Карлоттою Гризи, которая ангажирована къ намъ и начнетъ свои дебюты съ половины сентября нынѣшняго года; — «Мечта художника» и «Катарина» написаны собственно для госпожи Фанни Эльслеръ, стало быть, по нимъ очень хорошо можно обсудить всѣ

стороны и направленіе таланта прославленной танцовщицы. «Мечта художника» слабѣйшій изъ нихъ, не по мысли, но по выполненію; причины этого мы увидимъ ниже. «Катарина» имѣла успѣхъ по превосходной обстановкѣ, по чуднымъ декораціямъ Вагнера и Роллера, по отличнымъ воинственнымъ танцамъ коръ-де-балета и по электрической тантареллѣ госпожи Эльслеръ. «Питомица Фей» блистательнымъ своимъ успѣхомъ обязана сочетанію всего, что только можетъ увлечь и обворожить въ балетѣ: прекрасному вымыслу, мимической игрѣ, танцамъ, полнымъ значенія и мысли, чуднымъ группамъ и обстановкѣ, превосходящей роскошью и великолѣпіемъ все, что мы доселѣ видѣли.

Не почитаемъ нужнымъ разсказывать содержанія «Мечты художника»: самое названіе балета показываетъ уже въ чемъ дѣло. Живописецъ создаетъ себѣ въ воображеніи идеалъ красавицы, которую хочетъ изобразить и наконецъ самъ влюбляется въ свою мечту. Но мечта эта напѣта ему дѣйствительностію: идеалъ его существуетъ, онъ встрѣчаетъ его въ жизни и самъ не вѣритъ своему счастію, которое все еще кажется ему мечтою. Подъ конецъ любовь и бракъ излечиваютъ его отъ лихорадочнаго опьяненія, въ которое ввергла его кокетливая прихоть его идеала. Въ этой тѣсной рамѣ есть очень интересныя и граціозныя подробности, но въ цѣлой картинѣ мало драматическаго движенія, или вѣрнѣе, все оно вертится на одной и той же довольно не разнообразной темѣ. Танцы и группы занимаютъ въ ней первый планъ.

«Катарина» разнообразнѣе и кипитъ жизнью. Содержаніе ея взято изъ анекдота, случившагося съ Сальваторомъ Розою. Всѣмъ извѣстно, что меланхолическое настройство ума великаго живописца не дружилось съ природою мирною и смѣющеюся, а искало постоянно красотъ мрачныхъ и дикихъ: нагихъ скалъ, страшныхъ пропастей, клокочащихъ водопадовъ, дѣвственныхъ дебрей. Это заставило его въ молодости бѣгать за вдохновеніями въ грозныхъ ущеліяхъ Абруцскихъ горъ и Калабріи, въ гнѣздѣ кровожадныхъ бандитовъ. Нѣкоторые изъ біографовъ его утверждаютъ, что попавъ въ руки одной изъ самыхъ отчаянныхъ шаекъ Италіи, Сальваторъ Роза добровольно остался съ разбойниками и провелъ съ ними два года. Эту басню господинъ Перо хотѣлъ опоэтизировать въ своемъ балетѣ и вотъ какъ воспользовался ею. Въ Абруццахъ Сальваторъ Роза, въ ту минуту, какъ онъ набрасываетъ на полотно одинъ изъ мрачныхъ своихъ ландшафтовъ, окруженъ шайкою, не разбой-

никовъ, по самыхъ прелестныхъ разбойницъ, способныхъ ограбить человѣка до самаго сердца. Является и атаманъ ихъ — разбойница Катарина, такая, что ей, пожалуй, и безъ насилія отдашь все, до послѣдняго помышленія. Отецъ ея былъ убитъ и она приняла начальство вмѣсто его и образовала себѣ отрядъ самыхъ отчаянныхъ амазонокъ. Узнавъ въ плѣнникѣ живописца, она возвращаетъ ему пожитки и даритъ свободу, но онъ ею не пользуется и остается при обольстительной шайкѣ, тѣмъ болѣе, что между возвращенными вещами не доискивается своего сердца. Сообщникъ Катарины — Дьяволино — прибѣгаетъ съ извѣстіемъ, что они окружены войсками герцога Альбано, и приводитъ офицера, захваченнаго имъ въ плѣнъ. Офицеръ объявляетъ, что имъ спасенія нѣтъ, но Катарина показываетъ ему маневры своихъ разбойницъ, и бѣднякъ долженъ внутренно сознаться, что противъ такихъ выстрѣловъ глазъ и улыбочекъ, солдаты герцога не устоятъ. Однакожъ, онъ ошибся. Солдаты разгоняютъ всю шайку; одинъ Сальваторъ увлекаетъ Катарину и обрушиваетъ за собою досчатый мостъ, перекинутый черезъ двѣ скалы. За ними, какъ серна, перескакиваетъ и Дьяволино. Солдаты остановлены въ своемъ преслѣдованіи, но одинъ выстрѣлъ поражаетъ Сальватора въ плечо. Бѣглецы спаслись. Вотъ они въ трактирѣ близъ Рима. Они просятъ ночлега и другаго платья. Трактирщикъ отводитъ имъ комнаты, между тѣмъ, смѣкаетъ дѣломъ и хочетъ имъ воспользоваться. Является пажъ герцога Альбано и заказываетъ для него ужинъ. Трактирщикъ бросается хлопотать, а Дьяволино сводитъ знакомство съ пажемъ и старается у него выманить платье. Въ это время герцогъ со свитою вбѣгаетъ въ залу, преслѣдуя замаскированную даму. По счастію для нея входитъ Сальваторъ; она проситъ его о защитѣ: какъ ловкій кавалеръ, Роза становится ея рыцаремъ и останавливаетъ нескромное любопытство герцога. Альбано очень радъ встрѣчѣ съ живописцемъ и спрашиваетъ его, гдѣ онъ такъ долго пропадалъ? Тогда Роза разсказываетъ свое романическое похожденіе съ разбойницами, но когда дѣло доходитъ до сраженія и раны Сальватора — дама въ маскѣ падаетъ въ обморокъ. Къ ней кидаются на помощь, Сальваторъ узнаетъ въ ней свою невѣсту, Розиду, а герцогъ окончательно въ нее влюбляется. Садятся за ужинъ, когда салдаты приводятъ связанныхъ бандитовъ. Катарина подъ видомъ служанки и Дьяволино пажемъ восхищаютъ всѣхъ танцами, между тѣмъ послѣдній ловко перерѣзываетъ веревки плѣнныхъ. Побѣгъ разбойниковъ и всеобщая суматоха.

Во второмъ дѣйствіи Розида ревнуетъ Сальватора, и чтобы испытать его любовь, между другими натурщицами, ставитъ Катарину, которую приняла къ себѣ въ служанки. Любовники узнаютъ другъ друга. Розида все подмѣтила и посылаетъ за военнымъ отрядомъ, которому въ руки сдаетъ беззащитную Катарину. Сальваторъ въ бѣшенствѣ: онъ объявляетъ Розидѣ, что послѣ этого онъ не только на ней не женится, но даже ее ненавидитъ. Но ей некогда даже придти въ отчаяніе: герцогъ тутъ, какъ тутъ, съ сердечнымъ утѣшеніемъ и предложеніемъ своей руки. Между тѣмъ, въ мастерскую врываются бандиты, окружаютъ солдатъ и освобождаютъ Катарину.

Въ послѣднемъ дѣйствіи, карнавалъ въ Римѣ въ самомъ разгарѣ. Площадь покрыта масками, все веселится, танцуетъ. Здѣсь замаскированная Катарина снова встрѣчается съ Сальваторомъ, но Дьяволино, въ которомъ кипитъ ревность, хочетъ убить художника. Катарина его останавливаетъ. Однако жъ, когда стемнѣло и куполъ св. Петра загорѣлся тысячью огнями, Сальваторъ и Дьяволино дерутся на поединкѣ и бандитъ, смертельно пораженный, падаетъ къ ногамъ своей повелительницы. Катарина узнана, ее хотятъ схватить, но герцогъ приноситъ ей, очень кстати, прощеніе. Балетъ кончается двумя свадьбами и общимъ веселіемъ.

Конечно, въ балетѣ много неправдоподобнаго и натянутаго, но онъ живъ, кипитъ дѣйствіемъ, и многія сцены придуманы мастерски. Придайте ко всему этому чудесную обстановку, отличную декорацію послѣдняго дѣйствія, снятую г. Роллеромъ съ большою точностію съ діораматической картины Гропіуса, выставленной въ Берлинѣ, и представляющей мостъ въ Римѣ, съ движущимися по немъ экипажами и людьми, за которымъ видѣнъ величественный куполъ св. Петра, вечеромъ иллюминованный милліонами шкаликовъ; прибавьте прелестные костюмы, превосходные кордебалетные танцы и группы, и ко всему, какъ вѣнецъ, прикиньте увлекательную, полную жизни, *тантареллу* и *романеску*, съ вальсомъ въ пять темповъ, Фанни Эльслеръ и г. Перо — и мнѣ ненужно будетъ пояснять, почему этотъ балетъ имѣлъ такой блистательный и постоянный успѣхъ на нашей сценѣ.

Если г. Перо, какъ хореграфъ, т. е. творецъ балетовъ не можетъ сравниться съ геніяльнымъ Дидло, то какъ балетмейстеръ, т. е. постановщикъ танцевъ и картинъ, онъ ему равенъ и даже въ нѣкоторомъ отношеніи выше его. Перо внесъ въ танцы совер-

шенно новый элементъ: онъ придалъ имъ то, что плѣняетъ не одинъ только глазъ, но увлекаетъ и душу зрителя, именно: *смыслъ* и *дѣйствіе*. У него каждый танецъ есть въ тоже время и мимическое выраженіе дѣйствія драмы и потому занимателенъ отъ начала до конца. Кордебалетъ въ его хореграфическихъ созданіяхъ играетъ точно такую-же роль, какую играли хоры въ древнихъ трагедіяхъ; а въ настоящее время играютъ въ операхъ. Онъ придаетъ движенію драмы болѣе силы и прелести и въ полной картинѣ представляетъ зрителю разрѣшеніе важной катастрофы, которая можетъ быть ускользнула бы отъ его вниманія, или не произвела бы такого впечатлѣнія въ мелкихъ своихъ подробностяхъ. Но чтобы создать такой танецъ и сладить его на сценѣ, требуется огромное мастерство, и г. Перо владѣетъ этимъ мастерствомъ въ совершенствѣ. Какъ танцовщикъ, г. Перо не такъ замѣчателенъ, объ немъ можно сказать только: онъ легокъ, какъ перо. Но какъ *мимъ* онъ высокій артистъ, особливо въ комическихъ роляхъ, и въ этомъ отношеніи въ цѣлой Европѣ мы встрѣтили только одного ему равнаго, Луиса Шнейдера, въ Берлинскомъ балетѣ. Физіономія Перо въ высшей степени выразительна, жестъ натураленъ, движенія просты, — но во всемъ такое убѣдительное краснорѣчіе, что глядя на него вы можете прямо писать на бумагу, что онъ говоритъ, и это выйдетъ самый забавный комическій, а иногда и глубоко патетическій разговоръ. Искусство мимики довольно долго было совсѣмъ утрачено на сценѣ, Перо вводитъ его вновь и тѣмъ именно воскрешаетъ погибшій балетъ.

Не станемъ много распространяться о двухъ балетахъ, поставленныхъ послѣ «Катарины» и не удержавшихся на сценѣ. Мы говоримъ о «Лидѣ, швейцарской молошницѣ», *Геровица* и Петипа — отца, и о «Тарантулѣ», весьма щедушной передѣлкѣ г. Корали изъ опернаго либретто Скриба. Первый изъ этихъ балетовъ былъ данъ въ бенефисъ г. Петипа — сына, а второй въ бенефисъ г-жи Смирновой. «*Лида*» весьма слабая и очень неудачно подогрѣтая старина. Волокита графъ велитъ похитить изъ деревни сонную молочницу Лиду и перевести ее въ свой великолѣпный замокъ. Проснувшись, она поражена убранствомъ комнатъ, роскошью мебели, отраженіемъ зеркалъ и почитаетъ все это продолженіемъ сна. Больше всего ее поражаетъ статуя на пьедесталѣ, одѣтая въ костюмъ, ни дать, ни взять, живая. Оказывается, что это самъ графъ притворился болваномъ, чтобы удобнѣе обмануть свою глупенькую жертву. Но жертва вовсе не такъ глупа, какъ

онъ полагаетъ: она шутку принимаетъ за шутку, Но графъ влюбленъ, какъ майская перепелка, и готовъ бы жениться, еслибъ не честолюбіе. Но вотъ являются родители Лиды, полагающіе, по увѣреніямъ жениха ея Фрица, что дочь ихъ убѣжала, и проклинаютъ ее. Противъ этого графъ не можетъ устоять, честь требуетъ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ о невинности бѣдной дѣвушки: онъ и предлагаетъ ей торжественно свою руку. Всѣ благополучны и воскицаютъ жестами:

Полноте вздорить, начнемте плясать!

Г-жа Эльслеръ играла Лиду, Перо—Фрица, онъ придѣлалъ даже къ балету *танцовальную сцену* (scène dansante) своего изобрѣтенія, но все это не спасло балетъ, скудный по содержанію, жалкій по вымыслу. «Лида» выдержала только два представленія.

Извѣстно, что укушеніе тарантула производитъ въ человѣкѣ страшное бѣснованіе и часто заставляетъ его закружиться до смерти; по этому бѣшеная итальянская пляска съ быстрыми поворотами и названа *тарантеллою*. Мысль основать на украшеніи насѣкомаго балетъ — довольно оригинальна и могла бы подать поводъ къ многимъ комическимъ сценамъ. Но г. Корали довольно плохо воспользовался этими данными. У него дѣло вотъ въ чемъ. Хорошенькая Лоретта, дочь сицилійской трактирщицы Маттеи, помолвлена за отважнаго и ловкаго стрѣлка Луиджи. Молодые люди любятъ другъ друга страстно. Луиджи отправился въ экспедицію противъ бандитовъ и приводитъ ихъ плѣнныхъ въ гостиницу будущей тещи. Атаманъ ихъ (г. Леде) страшно рисуется и принимаетъ самыя безчеловѣчныя позы. Однако жъ это никого не ужасаетъ. Вмѣстѣ съ разбойниками является и молодая дама, на которую они напали. Луиджи ее спасъ. Она испугана, утомлена — и ей отводятъ нумеръ. Едва кончилась тревога, какъ въ гостинницу пріѣзжаетъ старый докторъ Гомеопатикъ (г. Перо). Лоретта бѣжитъ ему услуживать, а старый грѣшникъ начинаетъ за ней волочиться и доходитъ даже до того, что, забывъ что онъ женатъ, въ порывѣ запоздалой страсти, предлагаетъ ей свою руку. Вострушка тѣшится, забавляется дряхлымъ селадономъ, зоветъ своихъ подругъ, своего жениха. Но вдругъ бѣднаго Луиджи кусаетъ тарантулъ: онъ отчаянно выплясываетъ; всѣ въ ужасѣ, Лоретта въ слезахъ. Но докторъ тутъ, онъ спасетъ Луиджи, однако-жъ съ условіемъ. Съ какимъ? — Лоретта выдетъ за него за мужъ. Бѣдная дѣвушка не долго борется съ собою; сперва беретъ верхъ чувство: она такъ любитъ Луиджи, что

готова на всякую жертву для его спасенія; потомъ къ чувству присоединяется и разсудокъ: все-таки живой мужъ, хоть и старый, лучше мертваго жениха, хоть и молодаго. Дѣло рѣшено. Луиджи выздоровѣетъ. — Во второмъ дѣйствіи старый докторъ готовится совершить свой бракъ съ Лореттою, но съ этимъ бѣсенкомъ въ женскомъ образѣ рѣшительно нѣтъ никакой справы, его старыя кости непоспѣваютъ за ея летучими ножками, онъ ищетъ ее, гоняется за нею и все не можетъ настигнуть. Поигравъ такимъ образомъ въ жмурки съ будущей супругою, онъ ее наконецъ схватываетъ, но..... о ужасъ! ее укусилъ тарантулъ и вотъ она начинаетъ быстро перебирать ножками и вертѣться, все сильнѣе и сильнѣе, крѣпко обхвативъ своего суженаго, пока онъ совсѣмъ выбившись изъ силъ, и самъ близкій къ смерти, вопитъ о помощи и падаетъ почти безъ чувствъ на руки — молодой дамы, спасенной въ первомъ актѣ отъ бандитовъ. — О ужасъ! Это Клоринда — его законная жена! Старый грѣховодникъ попался какъ воръ съ поличнымъ. Разумѣется, бѣшенство Лоретты было одно притворство, чтобы отдѣлаться отъ селадона, и все улаживается ко всеобщему благополучію и веселію, которое заключается безподобнымъ *па въ-пятеромъ*. Танцовщицы Яковлева, Ришаръ и Прихунова отличаются во всѣхъ этихъ балетахъ и показываютъ поразительно быстрые успѣхи.

Приступаемъ теперь къ балету, который былъ вѣнцомъ нынѣшняго сезона и, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ нашей хореграфіи. Онъ называется:

Питомица фей, большой волшебный балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ и 6 картинахъ, соч. *Перо* и *Сен-Жоржа*, музыка *Адольфа Адана*; оркестрованная *К. Лядовымъ*. Декораціи *Роллера* и *Вагнера*, Костюмы: *Матье*, *Кальвера* и *Можара*.

Начинается съ того, что это балетъ фантастическій: сто тысячъ процентовъ уже на его сторонѣ. Балетъ, по моему, все тоже, что сонъ, и чѣмъ онъ запутаннѣе, чѣмъ отвлеченнѣе отъ всего правдоподобнаго, тѣмъ онъ увлекательнѣе. Какъ самое неестественное явленіе сцены, балетъ долженъ быть пестрой фантасмагоріей, гдѣ образы вещественнаго міра принимаютъ какой-то не человѣчный, мечтательный видъ, растутъ, увеличиваются, преувеличиваются, переходятъ за границы всего вѣроятнаго и переносятъ воображеніе зрителя въ туманную область мечты, нѣжа и раздражая его своими невозможными формами, сво-

ими непонятными побужденіями, наивностію и оригинальностію своей поэзіи. Намъ всегда казалось, что величайшею неловкостію гг. хореграфовъ была мысль выставлять въ балетахъ историческія лица и обрисовывать ихъ характеры прыжками и пируэтами. Трудно убѣдить себя, что какое нибудь всемірное событіе вертится на носкѣ граціозной танцовщицы, или что благо страны и народа зависѣло отъ какого нибудь ловкаго na de poisson. Еще смѣшнѣе заставлять на сценѣ выплясывать страсти и побужденія семейной жизни или глубокіе психическіе и нравственные вопросы разрѣшать рондъ-де жамбами и глиссадами. Балетныя страсти должны быть не совсѣмъ доступны для чувства зрителя, какъ и выраженіе ихъ не совсѣмъ доступно его разумѣнію. Это тихія, поэтическія страсти, говорящія больше мечтѣ, чѣмъ чувству, постижимыя для воображенія, но непонятныя уму. Сфера ихъ — міръ фантазіи, міръ ихъ — область сновидѣнія, отчужденная отъ всего, что имѣетъ условную и постоянную форму. Фантастическій балетъ единственный видъ этого рода пластическихъ представленій, могущій быть допущенъ на сценѣ эстетикою, какъ отдѣльное, самостоятельное драматическое явленіе. По этому и хореграфъ долженъ быть не просто балетмейстеромъ, котораго дѣло составлять группы, строить балетный хоръ и приводить въ ранжиръ ноги, но и поэтомъ, и живописцемъ — по призванію. Онъ долженъ быть поэтомъ, чтобы вымыслы свои возвысить до той степени эстетической красоты и граціи, которая составляетъ главную стихію поэзіи. Онъ долженъ быть живописцемъ, чтобы придать своимъ вымысламъ жизнь и движеніе, разцвѣтить ихъ надлежащимъ колоритомъ, и сдѣлать ихъ, такъ сказать, осязательными.

И такъ, г. Перо поступилъ, какъ нельзя умнѣе, выбравъ для своего новаго балета предметъ сказочный. Но балетъ этотъ, въ строгомъ смыслѣ, не есть его созданіе, а только ловко придуманная и искусно сплавленная амальгама изъ другихъ балетовъ. Впрочемъ, онъ, какъ истинный художникъ, придалъ этой амальгамѣ колоритъ свѣжести и новизны, и балетъ смотрится съ большимъ удовольствіемъ. Содержаніе его довольно просто:

У богатаго арендатора Пиринейскихъ горъ родилась дочь. Справляютъ ей крестины и потомъ, въ домѣ родителей, воспреемники и гости садятся за обильную трапезу. Молодые люди, которые обыкновенно больше питаются любовью, чѣмъ яствами, между

тѣмъ танцуютъ. Но г. Бальи, порядочный фатъ, хочетъ показать имъ, какъ надо танцовать, чтобы плѣнять сердца. Едва онъ становится въ позу и заноситъ съ комическою граціей ногу, кто-то стучитъ въ дверь. Отпираютъ. Является бѣдная старушка, проситъ пріюта на ночь. Радушный хозяинъ сажаетъ ее тотчасъ за свой званый пиръ. Бальи опять принимается показывать свои граціи, но новый стукъ опять его прерываетъ. Входитъ другая нищенка — и той арендаторъ предлагаетъ хлѣбъ-соль. Вотъ теперь то Бальи на свободѣ покажетъ свой танцовальный талантъ... Ни тутъ-то было; новый стукъ застаетъ его на половинѣ отчаяннаго пируэта. Это уже слишкомъ! Почтенный Бальи начинаетъ сердиться не на шутку. Кого тамъ еще нелегкая принесла? Входитъ третья старушка: хозяинъ добрякъ, онъ радъ подѣлиться своею радостію съ цѣлымъ міромъ. «Милости просимъ! говоритъ онъ и сажаетъ новую гостью за столъ Этого Бальи не вынесъ. Онъ по пальцамъ, какъ дважды два, доказываетъ арендатору, что онъ сдѣлалъ глупость глубины необозримой, пригласивъ тринадцатаго гостя застолъ и что оттого произойдутъ такія несчастія, которыя и въ сказкѣ разсказать страшно. Арендаторъ человѣкъ простой, вѣритъ въ предразсудки; въ ужасѣ извиняется онъ предъ послѣдней гостьей въ своей неосторожности и вѣжливо проситъ ее оставить столъ. Старушка старается убѣдить его, что все это вздоръ, что, напротивъ, она принесетъ счастье и благословеніе его дому. Куда! одного дурака не убѣдишь, а двухъ и подавно. Наконецъ, она проситъ хоть изъ жалости, изъ человѣколюбія, не выгонять ее въ бурную, дождливую ночь. Ничто не помогаетъ, роковое число тринадцать заглушаетъ въ нихъ разсудокъ и чувство. «А если такъ, говоритъ наконецъ гнѣвная старуха: такъ трепещи-же! Я отомщу свой позоръ на твоей дочери!» За эту угрозу ее окончательно выталкиваютъ изъ дому. Но вотъ и гости прощаются съ радушными хозяевами; остаются только бѣдныя старушки, которымъ для ночлега хозяйка отводитъ свою спальню, а сама, перенеся колыбель съ ребенкомъ въ залу, засыпаетъ надъ нимъ въ креслахъ. Едва все успокоилось въ домѣ, обѣ старухи выходятъ изъ своей комнаты и начинаютъ выводить волшебные круги и приговаривать надъ младенцемъ. На зовъ ихъ ото всюду слѣтаются вѣдьмы, такія-же старыя; онѣ, какъ тараканы, ползутъ изъ всѣхъ щелей, изъ оконъ, изъ дверей, изъ подполья, съ потолка. Но вотъ двѣ набольшія махнули руками, и всѣ вѣдьмы превращаются въ рой самыхъ очаровательныхъ существъ, легкихъ, граціозныхъ, милыхъ и принимаютъ увлекательныя аттитюды около

своихъ владычицъ и колыбели ребенка, котораго онѣ напередъ хотятъ одарить всѣми женскими благами жизни. Вы узнаете — что это не вѣдьмы изъ Кіева, а феи изъ «Тысячи одной ночи» или изъ сказокъ стариннаго Перо, которыя очень искусно иллюстрируетъ Перо новѣйшій. Обративъ простую люльку въ роскошную качалку изъ золота и черепахи, а свивальники въ парчу, усыпавъ свою питомицу цвѣтами, всѣ волшебницы предаются удовольствію и легкими, прозрачными роями разлетаются во всѣ стороны. — Во второмъ дѣйствіи, малютка Изора—стала уже взрослой дѣвушкой; такой красавицей, что ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать, и такой кокетливой вострушкой, что молодой Алинъ, отъ любви къ ней и отъ ея капризовъ, готовъ броситься въ колодецъ. Но отъ колодца его удерживаетъ многодревняя старуха, которая очень положительно доказываетъ ему, что онъ дуракъ, что утопиться отъ любви рѣшительно тоже, что принять горькую микстуру вслѣдствіе колики другаго. Старушка эта та самая, которую отецъ Изоры въ день крестинъ выгналъ изъ своего дома. Она берется помочь бѣдѣ Алина и обратить сердце жестокой къ любви, но за это онъ долженъ разцѣловать ее. Бррр! поцѣловать такую древность—но чего не сдѣлаешь изъ глупой страсти? Алинъ жмуритъ глаза, подходитъ къ старухѣ ощупью, и чмокъ ее въ щеку.—Э, нѣтъ, любезный! говоритъ она, не такъ, поцѣлуй, какъ водится между порядочными людьми, поцѣлуй, куда показано.—Ознобъ пробираетъ бѣднаго Алина, онъ почти готовъ отказаться и отъ Изоры, и отъ любви.... но вдругъ, глядь, вмѣсто старухи передъ нимъ прелестная черная фея, да съ такой улыбочкой, съ такими жгучими глазками, что у него разгорѣлись зубки. Обтирая губы, онъ ужъ самъ лезетъ цѣловаться, да поздно—волшебница исчезла. Эта сцена разыгрывается г-жею Андреяновой и г. Перо съ неподражаемымъ мимическимъ мастерствомъ. Между тѣмъ, Алинъ, успокоенный словами феи, бѣжитъ звать гостей на сговоръ свой съ Изорою. Веселая толпа молодежи скоро является съ букетами, подноситъ ихъ разряженной невѣстѣ; вотъ и болѣе почетные гости явились: старый нашъ знакомецъ, Бальи, хочетъ собственноручно надѣть на свою крестницу брачный вѣнокъ, но въ самое это время у него вѣнокъ беретъ рука болѣе важная: самъ владѣлецъ селенія, молодой графъ явился увѣнчать Изору. Охъ, напрасно! Не брался бы не за свое дѣло, не зналъ бы печали, а теперь ему придется поплатиться за это порядкомъ. Графъ влюбляется въ Изору отъ каблуковъ до маковки. Да и она, того, не то, чтобы съ отвращеніемъ на него поглядываетъ. Алинъ опять въ тискахъ своей ревности—и дѣлаетъ не-

вѣстѣ преглупую сцену, которая кончается ссорою между молодыми любовниками, превосходно выражаемою ими въ мимическомъ танцѣ. Но праздникъ кончается. Мы застаемъ Изору въ ея скромной комнатѣ: она сидитъ задумчиво на стулѣ, мечты ея летаютъ за графомъ и рисуютъ ей блистательныя картины. Въ это время приходитъ одумавшійся Алинъ мириться. Онъ принесъ ей букетъ. Она его отвергаетъ. Бѣднякъ плачетъ съ отчаянія и рветъ свои цвѣты въ клочки. Изорѣ, наконецъ, его жаль, сердце у нея не совсѣмъ каменное, оно только вѣтрено немножко. Она мирится съ Алиномъ и онъ опромѣтью бѣжитъ нарвать ей новый букетъ. Но въ отсутствіе его является графъ, на колѣнахъ объясняетъ свою любовь, и Изора въ такомъ восхищеніи, что пренаивно еще разъ заставляетъ его стать на колѣна, чтобы полюбоваться этою картиною, а потомъ кидается въ его объятія. Графъ объявляетъ, что женится на Изорѣ и бѣжитъ все приготовить къ свадьбѣ. Несчастный Алинъ пораженъ этою вѣстію, какъ громомъ, и опять рѣшается утопиться. Бѣлая и розовая фея, покровительницы Изоры, надѣливъ ее въ день крестинъ ослѣпительной красотою, теперь надѣляютъ ее—исполненіемъ всѣхъ ея желаній. И вотъ вѣтреница Изора пошла желать, такъ, что ея желаніямъ и конца нѣтъ. Ей надо было зеркало, чтобъ въ него полюбоваться на себя – и вотъ является роскошный туалетъ со всѣми принадлежностями. Въ восторгѣ она хочетъ наколоть себѣ на голову вѣнокъ изъ цвѣтовъ.... да что цвѣты! это дрянь, сѣно! Вотъ еслибъ это былъ золотой, съ брилліантами и дорогими каменьями, такой, какъ наша упоенная выше мѣры публика поднесла волшебницѣ Гризи, прощаясь съ нею, такъ хорошо-бы.... глядь, и цвѣточный вѣнокъ въ рукахъ ея сдѣлался золотою діадимію. Теперь бы платье хорошенькое, думаетъ она—и платье ея превращается въ самый роскошный нарядъ.... Ахъ, какъ мило, какъ прелестно! И вострушка Фанни, что я Фанни, Изора, танцуетъ обворожительное *па превращеній*, танцуетъ до упаду, но упасть-то некуда въ этомъ славномъ платьи, неужли на этотъ испачканный рундукъ? вотъ еслибъ.... но рундукъ не дослушалъ желанія и поспѣшно превратился въ парчевой диванъ. Вотъ это мебель! вотъ это прелесть! что если бъ вся у меня была такая... И вмигъ всѣ табуретки и плетеные стулья стали роскошными рѣзными креслами и козетками. Ахъ! какъ хорошо—даже слишкомъ хорошо для этой комнаты! тутъ бы надо не такія стѣны.... И уютная комнатка вмигъ становится великолѣпною залою, гдѣ глаза разбѣгаются, глядя на предметы искусствъ и роскоши. Но для работающаго воображе-

нія молодой дѣвушки всего этогого мало, она уже сбирается еще что нибудь придумать, но страшный мракъ, громъ и молнія прерываютъ ея желанія. Являются всѣ три феи. Здѣсь Черная фея говоритъ, что она еще не принесла своего подарка. Вы сдѣлали ее до того прекрасной, говоритъ она своимъ подругамъ, что всѣ въ нея влюбляются; такъ я же сдѣлаю, что всякій, кто ее полюбитъ, лишится ума. Съ этимъ проклятіемъ фея исчезаетъ. Въ эту минуту является графъ. Изора въ отчаяніи закрываетъ лицо. Но онъ непремѣнно хочетъ узнать причину ея горя; взглядываетъ ей въ глаза и лишается ума. Вбѣгаетъ Алинъ, хочетъ осыпать ее упреками и тоже съ ума сходитъ. Красавица въ совершенномъ отчаяніи, хочетъ даже утопиться. Но благодѣтельныя феи ее подхватываютъ и уносятъ въ свои волшебные сады. Въ третьемъ дѣйствіи и мы съ вами туда же попадаемъ. Вотъ плещетъ фонтанъ, осребренный луною: вокругъ него чудныя группы нимфъ и наядъ, онѣ льютъ изъ молчаливыхъ урнъ журчащія воды. Является молодая волшебница Изора, касается жезломъ до чудныхъ изваяній и всѣ статуи ожили, сходятъ съ своихъ пьедесталовъ и начинается прелестный танецъ феи, состоящій весь изъ группъ и женскихъ букетовъ, самыхъ обворожительныхъ. Изора совершенно счастлива: ей хотѣлось бы только видѣть своего возлюбленнаго. Черная фея, чтобы нарушить ея спокойствіе, приводитъ туда сперва Алина, а потомъ и графа. Изора старается возвратить бѣднаго Алина къ разсудку, она передъ нимъ танцуетъ, но онъ ловитъ только тѣнь ея, отбрасываемую на землю луною. Но появленіе графа дѣлаетъ ее совершенно несчастною. Бѣлая и Розовая феи, возвращаютъ ему разсудокъ, но Черная фея въ ту же минуту лишаетъ его зрѣнія. Тутъ начинается пластическій танецъ, который можетъ почесться вершиною хореграфическаго искусства и одинъ обезсмертить талантъ г. Перо. Слѣпой графъ ощупью, руководимый сердцемъ, отыскиваетъ между нимфами свою возлюбленную, а помѣшанный Алинъ дико перебѣгаетъ отъ одной къ другой, желая узнать Изору; въ горести она кидается то къ одному, то къ другому; изъ этихъ-то мимическихъ движеній, составляется такъ называемый *пластическій танецъ*, полный жизни, смысла, чувства и картинности. Наконецъ Черная фея, сжалившись надъ своею невинною жертвою, страдающею за невѣжливость родителей и глупость бальи, и давъ ея самолюбію и суетности порядочный урокъ, дѣлаетъ снова всѣхъ счастливыми и соединяетъ Изору съ Алиномъ. Послѣдняя картина представляетъ ея волшебный чертогъ, котораго очарованіе можно изобразить только кистью, а не словами.

Весь этотъ балетъ *сыгранъ* прекрасно. Мы говоримъ сыгранъ, потому-что въ немъ все основано на мимическомъ дѣйствіи и даже самые танцы суть только продолженіе дѣйствія. Въ этомъ балетѣ снова явилась г-жа Андреянова и во всей силѣ показала свой превосходный талантъ, какъ мимистка. Съ маленькой, почти-что ничтожной ролью *Черной феи*, она игрою своею, выступила прямо на первый планъ этой пластической картины. Сколько правды и натуры въ ея движеніяхъ, въ этихъ переходахъ отъ изумленія къ гнѣву въ первомъ дѣйствіи, въ шутливой сценѣ съ Алиномъ во второмъ, въ торжественныхъ ея явленіяхъ въ третьемъ! Сколько выразительности и тонкаго ума въ ея игривой физіономіи, такъ легко и вѣрно передающей каждое движеніе души! Мы съ намѣреніемъ распространяемся объ игрѣ этой артистки, потому-что нашему патріотическому чувству пріятно, когда мы видимъ, что наше русское, родное дарованіе, рядомъ съ первыми двумя европейскими мимами, Фанни-Эльслеръ и Перо, въ роли гораздо неблагодарнѣйшей и слабѣйшей, силою своего таланта становится съ ними въ уровень и ни въ чемъ имъ не уступаетъ. Г. Перо и здѣсь является отличнымъ актеромъ, въ роли Алина. Минута, когда онъ, въ отчаяніи, выбираетъ себѣ родъ смерти, своимъ комизмомъ напоминаетъ такую-же сцену Слюнтяя въ «*Трумфѣ*» Крылова; сцена его ссоры и примиренія съ Изорою въ хижинѣ; наконецъ двѣ сцены сумасшествія — верьхъ искусства. Постановка балета чудесна: здѣсь, кажется, все соединилось для полнаго очарованія: живопись, механика, музыка и хореграфическое искусство. *Питомица фей* живо напоминаетъ собою лучшія созданія Дидло, и огромный успѣхъ этого балета обѣщаетъ полный возвратъ къ доброму и умному старому времени въ этомъ отношеніи.

Теперь остается намъ поговорить о главной нашей жрицѣ Терпсихоры, о Фанни-Эльслеръ. Выше мы показали характеръ таланта Маріи Тальони и направленія, даннаго ею искусству; теперь скажемъ, что Фанни-Эльслеръ пойдетъ вовсе въ сравненіе съ нею, потому, что родъ ея искусства и характеръ ея созданій совершенно противоположный Тальони. Если Марія Тальони есть идеалъ классической граціи, образъ существъ стихійныхъ, мечтательныхъ, легкихъ, прозрачныхъ, какъ сонъ, часто загадочныхъ и недосказанныхъ, если она въ созданіяхъ своихъ сильно говоритъ воображенію и заставляетъ сердце трепетать тихою нѣгою, то Фанни-Эльслеръ, напротивъ, есть идеалъ земной красоты, всего чувственнаго и страст-

наго, всего, что можетъ обольстить и увлечь внѣшнею формою, что составляетъ жизнь въ природѣ и огонь въ жизни: она говоритъ прямо чувству и подымаетъ въ груди бурныя земныя страсти. По этому различію характеровъ этихъ двухъ первыхъ корифеекъ балета, и родъ исполняемыхъ ими ролей, и способъ созданія и выполненія у нихъ совершенно различный. Тальони неподражаема въ роляхъ богинь, волшебницъ, нимфъ, однимъ словомъ во всѣхъ созданіяхъ, выходящихъ изъ области видимаго міра и переносящихъ насъ въ царство поэзіи, и не совсѣмъ удовлетворительна, когда она является въ образѣ простыхъ смертныхъ, чего она, впрочемъ, какъ чрезвычайно умная артистка, по большой части, избѣгаетъ. Фанни-Эльслеръ дивно хороша — въ роляхъ изъ обыкновенной жизни, это настоящая Эввина праправнучка, со всѣми свойственными имъ капризами, прихотями, страстями и увлеченіями. Ролей фантастическихъ она вовсе не играетъ. Въ танцахъ Тальони пластическая грація, цѣломудріе, плавность, обаятельная легкость и прозрачность: это живопись и скульптура. У Фанни все пылъ, огонь, страсть, увлеченіе и роскошь: это жизнь и любовь. Лучшіе танцы Эльслеръ тѣ, гдѣ дышетъ южная нѣга и сладострастіе: качучи, романески, сартарелы, тарантеллы. Изъ этого краткаго очерка вы поймете, какъ она восхительна въ *танцѣ обольщенія* (pas de séduction), въ *военномъ па* (pas de fusil), въ *бригандезѣ*, въ танцѣ *нашурщицъ* (pas de modèles) — въ «*Катаринѣ*»; какъ увлекательна въ тарантеллахъ — въ балетѣ «*Тарантула*» въ *кокетливомъ вальсѣ* — въ «*Питомицѣ фей.*» Но г-жа Эльслеръ, кромѣ таланта роскошной танцовщицы, владѣетъ другимъ, именно, превосходной мимической игрою, и этой стороной своего дарованія, она, кажется, дорожитъ гораздо больше, чѣмъ танцовальнымъ искусствомъ, что доказывается повсемѣстнымъ ея участіемъ въ драмахъ и комедіяхъ, въ которыхъ есть нѣмыя роли. Мимика ея проста, игрива, понятна. Она не употребляетъ отчаянныхъ позъ и страшныхъ маханій руками, которыя слишкомъ напоминаютъ глухо-нѣмыхъ, но погрозитъ пальчикомъ, кивнетъ головою, взглянетъ, улыбнется, сдѣлаетъ легкое движеньеце губками — и все вамъ ясно, какъ на ладони. Особенно прелестна она въ сценахъ милой наивности и легкаго кокетства.

Если Тальони своимъ вліяніемъ образовала на нашей сценѣ отличныхъ танцовщицъ, то желательно, чтобы вліяніе Фанни Эльслеръ подарило насъ хорошими мимистками. Тогда нашъ Пе-

тербургскій балетъ, съ такими артистками, какова г-жа Андреянова, съ танцовщицами, каковы Смирнова, Яковлева Прихунова, Ришаръ и съ превосходнымъ своимъ балетнымъ хоромъ изъ воспитанницъ и питомцевъ Театральнаго Училища, при щедрости и вкусѣ нашей Дирекціи, рѣшительно будетъ первый въ Европѣ.

Ѳ. КОНИ.

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа отъ $\frac{1 \text{ марта.}}{17 \text{ февраля}}$

Болѣе тридцати новыхъ пьесъ въ одинъ мѣсяцъ! по одной на день, а на иной день и по двѣ! Истинно великія произведенія, говорятъ, являются вѣками; положимъ, что не великія, а просто хорошія произведенія родятся десятками лѣтъ, что достаточно даже на хорошую пьесу года, а на недурную нѣсколькихъ недѣль; что же должны быть пьесы, являющіяся со дня на день, а иногда и по нѣскольку въ день! Тяжелый же крестъ несетъ бѣдный корреспондентъ журнала, который долженъ, по обязанности, выслушать и высмотрѣть всю эту массу посредственностей и произведеній, ниже всякой посредственности, и не имѣетъ даже права впустить ее въ одно ухо и выпустить въ другое. Я долженъ все это осмотрѣть, ощупать, пережевать, разобрать всю эту дрянь по ниточкамъ, чтобы представить читателю картину движенія—то-есть, ежедневнаго мельчанія и паденія—искусства. И какъ рѣдко удается отвести душу, если не на первоклассномъ произведеніи, то по крайней мѣрѣ на добросовѣстномъ трудѣ писателя, видящаго въ искусствѣ нѣчто повыше, чѣмъ забаву досужей толпы!

Но прочь эту печальную мысль, которая невольно пришла мнѣ въ голову, когда я началъ припоминать всѣ новости, видѣнныя мною въ теченіе этого мѣсяца на здѣшнихъ театрахъ, и бодро примемся за дѣло. Болѣе тридцати пьесъ! да это значитъ уморить со скуки и себя и читателя! Къ счастью время масляничное; слѣдовательно половина этихъ пьесъ—пьесы масляничныя, назначенныя для облегченія пищеваренія, послѣ обѣдовъ и пирушекъ; потому что, хотя въ Парижѣ и не ѣдятъ гречневыхъ блиновъ съ икрою, смѣю васъ увѣрить однакоже, что ѣдятъ о масляницѣ не хуже, чѣмъ въ Москвѣ бѣлокаменной. Эти пьесы отслужили свою службу болѣе или менѣе исправно, и почили непробуднымъ сномъ; зачѣмъ же поминать ихъ лихомъ, зачѣмъ тревожить ихъ прахъ! И безъ нихъ останется еще довольно. Уфъ, легче на душѣ стало, словно камень свалило съ плечъ!

Начнемъ съ театра Республики. Директоръ его, Г. Буссе рѣшился не пріобрѣтать новыхъ пьесъ, пока не спуститъ залежалыхъ, неигранныхъ пьесъ, которыхъ накопилось въ его портфеляхъ довольно много. Можетъ быть, такая очистка имѣетъ пользу для театра, но зрители оттого ничего не выигрываютъ. На первый разъ онъ далъ двѣ такія пьесы въ одинъ вечеръ: *Фигаро въ тюрьмѣ* (Figaro en prison), комедію въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, гг. Монроза. и Легильона, и *Стряпчаго изъ любви*, l'Avoué par amour, комедію въ одномъ же дѣйствіи и въ стихахъ г. Эдмона Котнѐ.

Не въ первый разъ уже французскіе драматурги пытаются воскресить Фигаро, это безсмертное созданіе Бомарше. Г. Розье нѣсколько лѣтъ назадъ написалъ *Смерть Фигаро*, г. Легильонъ также года два тому сдѣлалъ его героемъ пьесы, которой названія мы не припомнимъ. Но всѣ эти попытки были неудачны; и не мудрено: Бомарше писалъ Фигаро съ самаго себя, а такія личности, какъ Бомарше встрѣчаются не на каждомъ перекресткѣ. Новая попытка г. Легильона въ сообществѣ съ Монрозомъ еще неудачнѣе прежнихъ; ее нельзя даже назвать пьесою, потому что это даже не сцена, а одинъ только монологъ Дѣло въ томъ, что Фигаро запертъ въ комнатѣ, а запертъ онъ, изволите видѣть, по слѣдующему случаю. Какъ извѣстно, графъ Альмавива издавна неравнодушенъ къ Сусаннѣ, хорошенькой женѣ Фигаро. Базиль придумалъ штуку, какъ бы графу случайно очутиться въ удобное время запертымъ въ комнатѣ, рядомъ съ комнатою камеристки. Но Фигаро, пронюхалъ хитрость и такъ перехитрилъ хитреца, что вмѣсто графа заперли его самаго, чѣмъ онъ и спасъ свое супружеское достоинство. Со скуки въ своей добровольной тюрьмѣ, онъ разсказываетъ всѣ эти продѣлки публикѣ, которая разсудила, что онъ могъ бы о нихъ и умолчать.

Стряпчій изъ любви, также пьеса очень не замысловатая. Стряпчій Жюсомъ, старый чудакъ, поклялся, что выдастъ дочь только за того, кто купитъ его контору. Мосье Альбенъ, племянникъ стараго чудака, любитъ Лору и съ радостью женился бы на ней, но не хочетъ брать въ придачу стряпческую контору, потому что онъ бредитъ любовью, поэзіею, и тому подобными пустяками, и терпѣть не можетъ крючкотворства. Однако же онъ рѣшается купить ее, когда узнаетъ, что имѣетъ соперника, который желаетъ жениться на конторѣ и согласенъ взять въ придачу жену.

Какъ видите, Театръ Республики, который гордится зва-

ніемъ перваго театра Франціи, не блеснулъ на этотъ разъ своими новинками.

Театръ Драматической Гимназіи поставилъ квази-историческій водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Лемуана и Декурселя; *Мадмуазель де-Лиронъ*. Дѣвица де-Лиронъ, племянница кардинала Ришелье — если вѣрить водевилистамъ, роднѣ его счету не было, — и фрейлина королевы, была бы премилая, преумная дѣвушка, еслибъ не имѣла глупости влюбиться въ глупаго и неуклюжаго нѣмецкаго барона, — нѣмецкіе бароны на французскомъ театрѣ всегда глупы и неуклюжи. — Но баронъ еще находитъ, что она не довольно съ нимъ нѣжна и любезна; то ему кажется, что она ему измѣняетъ, то что она совершенно равнодушна. Онъ обращается за совѣтомъ къ Боржаму, кутилѣ, какъ всѣ мушкетеры, насмѣшнику, какъ всѣ кузены, а онъ кузенъ дѣвицы де-Лиронъ. Боржамъ совѣтуетъ нѣмцу не корчить кислой и печальной рожи, которая хоть кого вылечитъ отъ любви, а лучше разыграть своей невѣстѣ страшную сцену ревности и отчаянія, что по крайней мѣрѣ убьетъ время. Баронъ слѣдуетъ совѣту; сначала это совершенно сбиваетъ съ толку бѣдную дѣвушку; но плутовка-садовница подслушала заговоръ и передаетъ его по принадлежности. Чтобъ проучить обоихъ повѣсъ, дѣвица де-Лиронъ, послѣ первой новой сцены предлагаетъ свою руку Боржану, который во снѣ не видалъ такого счастья. Баронъ въ отчаяніи и хочетъ принять яду, но невѣста сознается ему въ своей хитрости, и все приходитъ въ надлежащій порядокъ. Г-жа Мельси, одна изъ лучшихъ актрисъ этого театра, чрезвычайно мила въ роли дѣвицы де-Лиронъ.

Театръ Сенъ-Мартенскихъ воротъ давно уже обѣщалъ во всѣхъ газетахъ настоящій золотой кладъ своимъ посѣтителямъ; драму въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, гг. Марка Фурнье и Поля Дюплесси, подъ названіемъ: *Золотопромышленники*, Les chercheurs d'or. Но не все то золото, что блеститъ. Съ зрителями, поспѣшившими полюбоваться, хоть на холстѣ, на Калифорнійскія розсыпи, случилось тоже, что часто случается съ простаками, которые, повѣривъ на слово газетнымъ пуфамъ, бросаютъ вѣрный кусокъ хлѣба, чтобы ѣхать за море собирать сокровища, которыя будто бы только стоитъ нагнуться да взять; они нашли, что золото было на одной афишѣ; пьеса же оказалась не только не золотая, но даже не мишурная, а та-

кая, какъ всѣ драмы, сошедшія съ легкой руки фабрики подъ фирмою Монте-Кристо. Посудите сами.

Графъ Монталегръ, промотавъ все свое имѣніе во Франціи, отправился въ Калифорнію собирать золото, и взялъ съ собою молодую, больную жену; а за Клариссою потянулся и молодой врачъ Дерошъ; но онъ потянулся не за золотомъ, нѣтъ, а просто потому, что въ глазахъ Клариссы есть какая-то магнитическая сила, за которою онъ слѣдуетъ повсюду. Андресъ Аріаниго, испанскій пройдоха, пожалованный авторами въ цари золотыхъ песковъ, также влюбляется въ графиню. Между тѣмъ, графъ, отчаянный месмеристъ, заставляетъ жену, въ магнистическомъ снѣ, открывать ему мѣста, гдѣ находятся самые богатые золотые пріиски и клады; такъ открываетъ онъ кладъ, скрытый въ могилѣ матери и похищаетъ его, не смотря на мольбы раненаго Андреса, его сестры и самой Клариссы. Графъ за тѣмъ только и привезъ жену, потому что онъ тотчасъ же покидаетъ ее, и Богъ знаетъ до какихъ злодѣйствъ онъ дошелъ бы еще, если-бы мстительный Аріаниго не подстерегъ и не убилъ его. Кларисса дѣлается вдовою и выходитъ за Дероша.

Эта драма прекрасно обставлена, съ богатыми декораціями, и превосходно исполняется лучшими артистами театра Сенъ-Мартенскихъ воротъ: такъ, что касса, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ найдетъ золотой кладъ, не ѣздя въ Калифорнію.

Другая драма привлекаетъ многочисленную публику въ тотъ же театръ и извлекаетъ обильныя слезы изъ глазъ чувствительныхъ зрительницъ; и надо отдать ей справедливость, драма эта вполнѣ заслуживаетъ вниманія, по естественности дѣйствія, простотѣ языка и благородству мыслей. Впрочемъ она не очень нова по содержанію. Это *Генріетта Дешанъ*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Барбье и Мишеля Карре. Въ одной прирейнской деревушкѣ живетъ уже лѣтъ пятьнадцать не очень еще пожилая женщина, съ сыномъ, котораго она привезла трехъ лѣтъ. Она ходитъ постоянно въ траурѣ, и на лицѣ ея видны слѣды страданія и скорби. Всѣ ее любятъ и уважаютъ, но она несчастна. Во всемъ ея существѣ есть что-то загадочное; къ ней сватался одинъ очень почтенный человѣкъ, но она ему отказала; никакъ не можетъ она также согласиться на союзъ своего сына съ дочерью бургомистра Гартмана. Загадка наконецъ разрѣшается; едва она склонилась на убѣжденія

друзей и согласилась назвать Терезу своею дочерью, какъ пріѣзжаетъ нѣкто Штурмеръ, дальній родственникъ Гартмана, поднимаетъ ужасный шумъ, и говоритъ, что онъ много лѣтъ назадъ зналъ Генріетту въ Парижѣ, въ положеніи, которое воспрещаетъ ей думать о родствѣ съ почтеннымъ семействомъ Гартмановъ. Дѣло въ томъ, что ее, молоденькою дѣвочкою выдали за негодяя, который промоталъ ея имѣніе и бросилъ ее; ловкій волокита, подъ предлогомъ участія, вкрался въ ея сердце, и обольстивъ ее, бросилъ въ нищетѣ. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи она сдѣлалась матерью. Съ тѣхъ поръ примѣрная жизнь искупила грѣхи неопытности; но Штурмеръ ничего знать не хочетъ. Къ счастью, эта тайна доходитъ до слуха Мюллера, того самаго, который предлагалъ ей свою руку. Онъ бросается къ ея ногамъ, предлагаетъ ей свою защиту, и Тереза Гартманъ уже выйдетъ не за сына г-жи Дешанъ, а за сына г-на и госпожи Мюллеръ.

На театрѣ Монтансье, молоденькая ключница надуваетъ старыхъ холостяковъ; вещь въ самомъ дѣлѣ презабавная, а ключница, ужъ скажу вамъ... ну можетъ-ли быть ключница милѣе, умнѣе, развязнѣе, плутоватѣе дѣвицы Скриванекъ, просто *жемчужина изъ служанокъ*, какъ недаромъ назвалъ ее г. Варнеръ, авторъ этой комедіи (La perle des servantes). Надо вамъ сказать, что мамзель Жюстина служитъ ключницею у двухъ старыхъ холостяковъ, отставнаго флота капитана Дюбуржо и отставнаго модиста Фалампена. Они пріятели съ дѣтства, и встрѣтившись послѣ тридцатилѣтней разлуки, взяли общую квартиру, и поклялись оставаться холостяками, чтобы болѣе не разлучаться. Жюстина не забываетъ своихъ выгодъ, но кормитъ господъ на убой, поитъ хорошимъ виномъ, и водитъ ихъ за носъ, какъ нельзя лучше. Она даже думаетъ на всю жизнь поселиться у нихъ, и пристроить къ нимъ своего жениха, Батиста, который только того и ждетъ, чтобы сдѣлаться ея супругомъ. Къ несчастію, длинный язычекъ ей немножко насолилъ; она какъ-то неосторожно похвалилась тѣмъ, что водитъ за носъ старыхъ дураковъ; господа подслушали и это задѣло ихъ за живое: рѣшено ей отказать. Какъ помочь бѣдѣ? она думаетъ, думаетъ и придумываетъ: разсказываетъ Фалампену небывальщины о томъ, какъ Дюбуржо влюбленъ въ нее; потомъ разсказываетъ Дюбуржо тоже самое на счетъ Фалампена. Вотъ и размышляетъ каждый про себя; «А вѣдь пріятель-то не дуракъ, притворщикъ онъ такой! вишь съ чѣмъ подъѣхалъ, а мнѣ ни слова. А вѣдь

и въ самомъ дѣлѣ она очень не дурна; постой-ко я сыграю съ нимъ штуку; не видать тебѣ ее, голубчикъ, я самъ на ней женюсь!» И старые дураки влюбляются въ нее по уши, она разомъ получаетъ два письма, съ предложеніемъ сердца, руки и богатства! Но она не выходитъ ни за того, ни за другаго; она и безъ того имѣетъ въ рукахъ ихъ богатство, а на что ей ихъ шестидесятилѣтнія сердца, когда у нея есть молодой женихъ. Она выходитъ за Батиста, а чтобы утѣшить стариковъ, пріискиваетъ каждому по невѣстѣ. Только какъ бы будущія мадамъ Фалампенъ и мадамъ Дюбуржо не прибрали ее самое, плутовку, къ рукамъ! Правда, она такъ умна, что хоть кого проведетъ.

На оперныхъ театрахъ нѣтъ новыхъ пьесъ. За то безпрестанно новые дебюты. Кромѣ г-жи Гейнефеттеръ, которая давно уже знакома парижанамъ, и которая вновь поступаетъ на Большую Оперу и уже дебютировала въ *Фавориткѣ*, явился на этомъ театрѣ молодой баритонъ, по имени Мелье (Meillet), который очень много обѣщаетъ на будущее время. Онъ обладаетъ обширнымъ, звучнымъ, сильнымъ и прекрасно обработаннымъ голосомъ; игра его не совсѣмъ ровна, не довольно спокойна и нѣсколько преувеличена; но это недостатки, которые исправятся при большемъ навыкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ него выйдетъ замѣчательный артистъ.

На Итальянской Оперѣ возобновили *Тайный бракъ* Чимарозы, въ которомъ особенной успѣхъ, не говоря о Лаблашѣ и г-жѣ Персіани, на которыхъ Парижъ уже насмотрѣлся, имѣла г-жа Ангри. Эта артистка съ каждымъ появленіемъ своимъ на сценѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ любовь публики и Италіянская Опера не мало обязана ей блистательнымъ открытіемъ сезона.

Великое событіе всполошило всю болѣе или менѣе музыкальную часть парижскаго народонаселенія: это пріѣздъ знаменитой пѣвицы, г-жи Зонтагъ (графини Росси), которая послѣ столькихъ лѣтъ рѣшилась снова выступить передъ публику. Голосъ ее все такъ же свѣжъ и такъ же силенъ, какъ былъ въ молодости. Она дала до сихъ поръ только одинъ концертъ и произвела ужасный фуроръ. Такъ какъ она намѣрена дать здѣсь цѣлый рядъ концертовъ, то мы дождемся ихъ, чтобы поговорить о ней подробнѣе. Кромѣ ея участвовалъ въ этомъ концертѣ превосходный баритонъ Белетти, считавшійся недавно еще первымъ баритономъ въ Италіи, и талантливый віолончелистъ Косманъ.

СМѢСЬ.

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОБЪ АБАЗІИ.

(*Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ*).

Семейное счастіе. Выстрѣлъ и поцѣлуй. — Физіологія горской бабки. — Отвага или красота? — *Воспитаніе*: Споры и козни за право Аталыка. — Приговоръ старшинъ. — Аталыкъ. — *Метода воспитанія.* — День шестилѣтія. — Стрѣльба и наѣздничество. — Страшныя ночи. — Мать незнакомка. — Первый день въ пути и заарканенный конь. — Биль-Шайтанымъ. — Встрѣча съ хищниками. — Поединокъ. — *Джигитовка*: Палки и шапки. — Неудачный выстрѣлъ. — Верхъ молодечества. — Возвращеніе. — Награда Аталыка. — Молочное родство. — *Бракъ*: Свиданіе молодыхъ людей. — Предсвадебные обычаи. — Обрядъ. — Три стрѣлы на порогѣ сакли. — Пойманный мужъ, хуже вора. — Выручка жены. — Палочная война.

Что городъ, то норовъ, что народъ, то обычай, — скажемъ мы, переиначивъ нѣсколько поговорку.... И какъ эти обычаи рѣзко характеризуютъ нравы, наклонности и страсти народа, какъ рельефно выказываютъ его главный элементъ, его главную черту!... Такъ точно всѣ безъ исключенія обычаи абазеховъ — приводятъ васъ къ одному справедливому заключенію: что война и тревога есть стихія ихъ жизни. Горецъ не родится, не женится и не умретъ безъ выстрѣла, или звона шашки. Первая струя роднаго воздуха, которую приметъ онъ молодою грудью, уже заражена для него порохомъ; первый брачный поцѣлуй, который сорветъ онъ съ устъ своей подруги, непремѣнно имъ завоеванъ и до-

быть съ бою; послѣднія минуты его жизни, послѣдній вздохъ его, передаваемый Азраилю, всегда заглушенъ ревомъ битвы, визгомъ пули и звонкомъ клинка. Переходимъ къ этимъ обрядамъ и обычаямъ, чрезвычайно интереснымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Никогда мужъ-горецъ не знаетъ о близской минутѣ своего семейнаго счастія и своей семейной прибыли.... Во-первыхъ потому, что она для него тайна, которую скрываютъ, какъ пріятный и неожиданный сюрпризъ, а во-вторыхъ потому, что онъ очень наивно разсуждаетъ: это не мое дѣло.... просто вѣдай жена!... И, вотъ онъ темною, позднею ночью воротился отъ кунака пріятеля, сбросилъ съ плеча бурку, кинувъ ее въ изголовье своей войлочной постели, отстегнулъ поясъ съ кинжаломъ, бережно повѣсивъ его вмѣстѣ съ винтовкою на стѣну, — и захрапѣлъ безмятежнымъ сномъ четвероногаго. Всё тихо въ саклѣ наѣздника, только слышно храпѣніе, да изрѣдка трескъ потухающаго на очагѣ угля, а въ эту минуту молодая жена горца, дрожа подымается съ своего черстваго ложа, вздуваетъ огонь, и съ конвульсивною болью во всѣхъ членахъ, предвидя близкій часъ своего разрѣшенія, тихо и осторожно прокрадывается къ винтовкѣ и, снявъ ее со стѣны, цѣлитъ въ двери сакли.... Сдѣлавъ шагъ впередъ, и три назадъ — она стрѣляетъ. По числу дыръ, просверленныхъ пулями на двери сакли, вы можете собрать вѣрныя статистическія свѣдѣнія о числѣ потомства каждаго абазеха.... Мужъ вздрогнулъ; но подымаясь, готовый на битву, — онъ встрѣчаетъ жену, вооруженную винтовкой и, догадавшись въ чемъ дѣло, произноситъ неизбѣжное: Ага! Потомъ поцѣловавъ жену, которая только въ такихъ случаяхъ и имѣетъ полное законное право на его ласку, онъ вскидываетъ на плечо винтовку, оставляетъ саклю и отправляется за бабкой, которая иногда живетъ въ сосѣднемъ аулѣ, верстъ за пятнадцать.

Въ мірѣ ничего не можетъ быть, да и нѣтъ, отвратительнѣе горской старухи, бабки же въ особенности!... Это, если хотите, безъ преувеличенія Квазимодо въ шелковыхъ шалварахъ, запутанный съ ногъ до тѣмяни, въ бѣлое покрывало и лишенный обоихъ частоколовъ зубовъ, или выбитыхъ какимъ-нибудь неистовымъ мужемъ, или утраченныхъ отъ времени надъ черствымъ шашлыкомъ. Сплетни — это лавръ ея и главное ремесло, искусство повивать — лавръ второстепенный.... Утромъ, рано, еще до зари она явится у водоема, разогнавъ всѣхъ сорокъ и дикихъ голубей, сядетъ на камень и не оставляетъ его до полудня, т. е., то той минуты, какъ снова останется одна, нагрузивъ оба кармана шал-

варъ абазами. Въ ней то для аула вмѣстилище всѣхъ тайнъ, часто страшныхъ, всѣхъ секретовъ и секретиковъ, всѣхъ новостей, даже съ русской станицы.... Женщины, урвавшись на свободу изъ подъ зоркаго и подозрительнаго ока мужей и отцевъ, цѣлымъ легіономъ облѣпятъ свою пиоію и, засыпая ее вопросами и серебромъ, рвутъ съ ея гибкаго, какъ татарская плеть, языка утѣшительныя и горькіе вѣсти... Отъ нея — красавица, краснѣя и покусывая свои востренькіе поготки, подкрашенные хиною, узнаетъ, что думаетъ о ней молодой сосѣдъ — джигитъ, подсмотрѣнный въ плетеное окно сакли *; — другая шепнетъ ей что-то на ухо, прибавивъ вслухъ: «*въ полночь за скалою*;» третья спроситъ, живъ-ли мужъ, который уже два мѣсяца какъ отправился въ наѣздъ; — четвертая вполголоса, дрожа отъ какого-то волненія, съ глазами полными слезъ — справляется о здоровьѣ своего дитяти, отданнаго на ея попеченіе, — и котораго жизнь — тайна для всѣхъ, — не будучи тайной для пиоіи.... На всѣ эти вопросы старуха, не задумываясь и не забывая обирать дань за свое всевѣдѣніе, или рѣзкимъ, звонкимъ голосомъ, или шопотомъ, подобнымъ свисту василиска — удовлетворяетъ любопытныхъ.

Въ горахъ у женщинъ — бабка пользуется отличнымъ уваженіемъ, у мущинъ—отличнымъ и страшнымъ презрѣніемъ.... Польза послѣдняго часто выступаетъ у ней на спинѣ и шеѣ огромными рубцами.... Если горецъ встрѣтитъ бабку при первомъ шагѣ за порогъ своей сакли, — то значитъ не быть добру не встрѣчной, ни встрѣтившему; послѣдній, въ такомъ случаѣ, на основаніи своихъ суевѣрныхъ правилъ, отсчитываетъ ей полъ-дюжины плетей, а потомъ даетъ полъ абаза, говоря: Вернись, старая шакалка и заплюй слѣдъ свой! — Но, къ чести горскихъ бабокъ должно сказать, что онѣ прекрасно знаютъ и исполняютъ свое дѣло и знакомы въ то же время со всѣми лекарственными травами, которыя съ необыкновеннымъ успѣхомъ употребляютъ при пользованіи больныхъ, не только женщинъ, но даже и раненыхъ мужчинъ.

За такою то ветхою мумією скачетъ горецъ, сломя голову, и неистово стучится въ дверь ея жалкой лачуги.... Потомъ сажаетъ ее въ арбу и мчитъ по оврагамъ и рытвинамъ. Втолкнувъ старуху въ свою саклю, абазехъ остается за порогомъ, ожидая слабаго, призывнаго голоса родильницы.... Когда раздадутся знакомые звуки, онъ, истомленный ожиданіемъ, кидается въ домъ

* Въ сакляхъ Абазеховъ окны не имѣютъ стеколъ, но въ нихъ вставляется плетеный изъ камыша рѣшетчатый квадратъ.

свой — и останавливаясь на порогѣ его, дѣлаетъ старухѣ вопросъ: Отвага, или красота? — Если отвѣчаютъ *отвага*, что значитъ сынъ, то горецъ цѣлуетъ жену и щедро даритъ бабку; если *красота* — что значитъ дочь, то онъ обязанъ поцѣловать бабку или откупиться отъ сладости и амбры поцѣлуя.... При чемъ, разумѣется, какъ ни скупы горцы отъ природы,—но рѣшаются скорѣй на расплату, чѣмъ на тяжкое лобзаніе. — Такъ дѣлается у богатыхъ и бѣдныхъ горцевъ *. Но, хотя образъ и метода воспитанія одинаковы — какъ у бѣдныхъ, такъ и у зажиточныхъ, или именитыхъ абазеховъ, — за то не одинаковы средства къ тому.

Никогда, ни на одномъ англійскомъ выборѣ не бываетъ столько гвалта, шуму, козней, интригъ, крови и драки — какъ въ какомъ нибудь горскомъ аулѣ за нѣсколько дней до разрѣшенія отъ бремени жены князя, старшины или обазинскаго милліонера, считающаго свое богатство рогами и копытами. Тутъ-то каждый бѣднякъ-горецъ, жаждущій сдѣлаться *аталыкомъ* ** новорожденнаго, наскажетъ съ три короба чудесъ о своей чести, храбрости, мужествѣ, о своихъ прекрасныхъ качествахъ, о искусствѣ украсть между глазъ носъ, не будучи пойманнымъ.... Тутъ-то начнутся, каждый вечеръ, послѣ работъ, сходбища, на которыхъ посѣдѣлые горцы слушаютъ араторовъ, — расписывающихъ въ позолоченныхъ краскахъ свои дѣянія.... Здѣсь-то польются рѣкою упреки, дерзости, колкія слова и кровь; и здѣсь же, во славу новорожденнаго, каждый вечеръ остаются человѣка по два, пронизанные насквозь кинжалами и пулями.... Наконецъ, языки примѣлются, руки примахаются — и старшины, довольные пятью, или шестью кровавыми спорами, рѣшаютъ быть или не быть.... Тогда на средину кружка соперниковъ выходитъ сѣдовласый абазехъ, пользующійся, разумѣется, прекраснымъ авторитетомъ былаго, отчаяннаго джигита, и ведетъ — съ общаго согласія своихъ старыхъ товарищей—рѣчь къ одному изъ предстоя-

* Всѣ племена кавказскихъ горцевъ имѣютъ своихъ князей, бековъ, узденей т. е. свое высшее дворянство. Въ Абазіи же, и особенно въ нагорной, этого дворянства не существуетъ; тамъ уважается только опытная сѣдина. Правда, у нихъ есть нѣсколько княжескихъ родовъ, но самыхъ древнихъ и которые постепенно исчезаютъ. До 17 столѣтія въ Абазіи было много но князей, но теперь же вся власть въ рукахъ старшинъ, которымъ предоставляется право рѣшать споры и имѣть голосъ.... Князья же тамъ, если и встрѣчаются, то это ни больше ни меньше, какъ бродяги чеченскіе и кабардинскіе.

** Аталыкъ — дядько—воспитатель.

щихъ кандидатовъ на званіе аталыка. Ты, говоритъ онъ, — Джурай.... наѣздникъ ловкій и лихой.... Мы, старики, тебя хорошо знаемъ; ибо ты выросъ и обстрѣлялся на нашихъ глазахъ.... На тебѣ, какъ на честномъ горцѣ — чуха всегда изодрана.... Ты свободно, какъ въ мягкомъ сафьянѣ, босыми ногами попираешь горный и острый кремень.... Ты на всемъ скаку пернатою стрѣлою бьешь въ хвостъ пернатаго сокола.... Ты на всемъ скаку меткою пулей перебьешь въ воздухѣ пулю, или подстрѣлишь абазъ.... Ты сидишь въ сѣдлѣ бѣгуна такъ, какъ будто бы ты и конь, конь и ты — одинъ кусокъ живаго, летучаго мяса.... Ты, Джурай — джигитъ!... «Джигитъ! Джигитъ!» повторяютъ тогда старики, а за ними, скрѣпя сердце, по необходимости и прочіе.... И ты, говоритъ старшина, возвысивъ голосъ, имѣешь полное право на званіе аталыка. И слово старшины — законъ.... Джурай, стало быть перекричалъ всѣхъ — и вѣрно двухъ, или трехъ изъ соперниковъ лишилъ навсегда возможности не только кричатъ, но и думать.

Съ этой минуты Джурай ждетъ только торжественнаго дня, когда онъ возьметъ княжескаго молютку, разумѣется, сына * и приметъ въ свою саклю.

Въ первые дни жизни младенца никакое родительское попеченіе, никакая материнская любовь не могутъ сравниться съ тѣми попеченіями и любовью, какія расточаетъ ему усердный аталыкъ, съ нетерпѣніемъ ожидая шестилѣтняго возраста своего воспитанника, съ котораго начнется его правильное, систематическое образованіе и воспитаніе въ духѣ волчьяго.

Наконецъ настаетъ это время труда для аталыка и пытки для молютки.

Вотъ образчикъ горскаго воспитанія, которымъ дѣти и юноши пользуются отъ своихъ аталыкъ. Приводимъ разсказъ князя Мухранъ-Гея, бывшаго *аманатомъ* ** въ одномъ изъ береговыхъ укрѣпленій Черноморской линіи.

«Проснувшись ночью, въ которую минуло мнѣ ровно шесть лѣтъ, говорилъ Мухранъ-Гей, — я къ немалому моему удивленію увидѣлъ, что покоюсь не на мягкомъ, свѣжемъ и душистомъ сѣнѣ, служившемъ мнѣ постояннымъ ложемъ, но на жесткомъ войлокѣ. Нейфтали!... сказалъ я моему аталыку, который въ эту ми-

* У горцевъ есть также обыкновеніе отдавать на воспитаніе и дѣвочекъ; но въ этомъ случаѣ мужчины предоставляютъ хлопотать, интриговать и царапать другъ другу глаза своимъ женамъ.

** Заложникъ.

нуту сидѣлъ на лавкѣ и скатывалъ въ шарикъ табачный листъ *.... Какой вѣтеръ перенесъ меня съ волнистаго шелку родной травы на жесткую шерсть дряннаго барана?.... Не вѣтеръ, душа моя, *ипташи* Мухранъ-Гей, а я, отвѣчалъ мой благородный наставникъ. Сегодня ты долженъ проститься съ нѣгою и сѣномъ, продолжалъ онъ.... Теперь тебѣ ровно шесть лѣтъ, а это начало жизни абазеха, начало труда, терпѣнія, пытки, безсонныхъ ночей.... Словомъ, жизни суровой, жизни горца абазеха.... Сегодня.... мы съ тобой прибьемъ первый зарядъ въ дуло винтовки, — первая стрѣла задрожитъ сегодня подъ твоею рукою на стальномъ лукѣ, сегодня ты услышишь первое ржаніе твоего коня.... — Какъ, моего? вскричалъ я, внѣ себя отъ восторга, готовый за минуту расплакаться о потерѣ душистаго сѣна, и подпрыгнувъ тигренкомъ съ войлока. — Да, твоего, спокойно отвѣчалъ мой аталыкъ; отецъ твой знаетъ правила горскаго воспитанія—онъ не забылъ шести-лѣтіе своего сына и прислалъ ему богатую кубечинскую винтовку, пару турецкихъ пистолетовъ, хоросанскій кинжалъ, дамаскую шашку, и коня — кровнаго карабахца, который, кажется, шайтана на скаку затопчетъ.... Пламя конь!—И всё это мнѣ, Нейфтали? — Тебѣ, мой ипташи, Мухранъ.... тебѣ. На-ко, полюбуйся! Съ этими словами онъ сбросилъ со стѣны висѣвшую на ней бурку, и изумленнымъ глазамъ моимъ предсталъ цѣлый арсеналъ богатыхъ и щегольскихъ подарковъ отца. — А гдѣ же конь, мой вихрь — конь?... спрашивалъ я, дрожа отъ радости и не зная, за что прежде взяться, чѣмъ налюбоваться прежде.... И коня увидимъ, обожди маленько, отвѣчалъ онъ.

«Настало утро, а съ нимъ вмѣстѣ и день моего посвященія въ тайны джигитства. Нейфтали неутомимо каждый день училъ меня стрѣлять ловко и мѣтко изъ винтовки и изъ лука, — крѣпко держаться въ сѣдлѣ и управлять рьянымъ, сильнымъ конемъ, смиряя его въ самыя страшныя минуты его бѣшенства. Мой аталыкъ былъ мастеръ на все. Случалось, если я промахнусь, стрѣляя въ цѣль, онъ бралъ лукъ, натягивалъ тетиву и пускалъ стрѣлу, срѣзывая ею указанный мною древесный листъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ мѣста цѣли. — Стрѣляй вотъ такъ, приговаривалъ онъ всегда, и врагъ будетъ знать твой выстрѣлъ и шайтану недостанется ни одной порошинки подсыпать подъ тебя въ *Джехеннемъ* **; потому что напрасно ты не отдашь

* Абазехи, какъ и многія другія племена кавказкихъ горцевъ, табакъ — не крошатъ, но курятъ его, скатавши въ шарики и туго запихавъ въ маленькую трубочку.

** Джехенемъ — адъ.

вѣтру и ему дорогаго патрона.... Часто въ темныя, ненастныя ночи, Нейфтали будилъ меня, накидывалъ мнѣ на плеча бурку, пристегивалъ къ поясу кинжалъ, а за плечо винтовку и уводилъ за собою изъ сакли, которую, разумѣется, я покидалъ съ большимъ сожалѣніемъ. Вѣтеръ свисталъ и заливался одною грустною пѣснею съ шакалами, волнуя и вспѣнивая потоки на днѣ мрачной пропасти; мракъ густѣлъ, изрѣдко прорѣзываемый яркимъ лучемъ зарницы; а мы, укрѣпившись въ сѣдлѣ, или взявшись рука за руку, молча, какъ змѣи, лѣпились по острому кремню, на закраинахъ бездны, взбираясь на голое и холодное темя громадныхъ скалъ.... Ну, отдохнемъ, говорилъ Нейфтали, когда ноги наши начинали уже тонуть въ вѣковѣчныхъ глыбахъ снѣгу, засыпавшихъ вершины скалъ.... Тогда мы разстилали бурки и, измученные, облитые кровавымъ потомъ, кидались на свою постелю.... Вѣтеръ шумѣлъ вокругъ насъ, обдавая леденящимъ душу и тѣло холодомъ, снѣгъ тамъ и сямъ съ шумомъ катился въ пропасть, а Нейфтали въ эту минуту, пытая мою твердость, расказывалъ какую-нибудь страшную исторію мщенія—или объ ужасномъ осетинцѣ, тѣнь котораго съ незапамятныхъ временъ бродитъ по сосѣднимъ скаламъ, нападая на отчаянныхъ и безстрашныхъ путниковъ.... * Окончивъ свою бесѣду, онъ вставалъ, накидывалъ на плеча бурку, и говорилъ обыкновенно: Ну, Мухранъ, веди меня домой.... старайся, привыкай чутьемъ, въ потьмахъ и мракѣ найти тропинку между разверстыми пастями адскихъ пропастей.... Малютка я—повиновался, бралъ мою винтовку и ощупывая прикладомъ ея каждый шагъ, спускался внизъ... Нейфтали за мною.... Когда я ошибался, онъ останавливалъ меня и училъ признакамъ, по которымъ должно угадывать близкую опасность, или вѣрную тропу: бывали мгновенія, когда я, разгорячившись, торопился, идя на удачу и падалъ на закраину бездны, готовый погибнуть, тогда Нейфетали наказывалъ меня жестоко: онъ изчезалъ въ это мгновеніе и я оставался одинъ среди мрака, подъ вихремъ дождя, на закраинѣ бездны—близкій къ помѣшательству, или къ смерти. Напрасно, дрожа отъ ужаса и страха, призывалъ я тогда имя моего аталыка.... онъ не откликался, пытая мою твердость.... Я млелъ отъ ужаса, боясь пошевельнуться и стремглавъ полѣтеть на дно бездонной пропасти... Въ это мгновеніе мнѣ казалась страшная тѣнь осетинца, протягивающая ко мнѣ свои руки

* См. О преданіяхъ и привидѣніяхъ. Преданіе, близкое къ разсказамъ о вѣчномъ жидѣ.

—и чей-то злобный хохотъ слышался въ сторонѣ. Хохотъ, разумѣется, принадлежалъ Нейфтали.... Но какъ чувство самохраненія развито въ людяхъ болѣе, чѣмъ всѣ другія чувства, то пролежавъ въ ужасной пыткѣ на шагъ отъ смерти и на версту отъ спасенія, я осторожно подымался, ощупывалъ каждый камень, и ползкомъ, раздирая о кремни лицо и руки, выбирался на тропинку, встрѣчая тамъ Нейфтали, который часто, скрываемый мракомъ во все время моей пытки, не покидалъ меня ни на шагъ, прячась за камни. Такъ прошло еще шесть лѣтъ, и когда исполнилось мнѣ двѣнадцать, когда я сдѣлался прекраснымъ стрѣлкомъ, ловкимъ наѣздникомъ и безстрашнымъ мальчикомъ — джигитомъ, тогда аталыкъ привезъ мнѣ отъ отца богатую черкеску, превосходное вооруженіе и сказалъ: «мяль-лиль-немъ-нурабасаны!» что въ буквальномъ переводѣ значитъ: *пдемъ совершенствоваться*!—Сборы наши были не велики. Мы отправлялись въ трехъ-лѣтнѣе странствованіе.

« Въ одно утро, засѣдлавъ и выкормивъ коней, да взявъ нѣсколько патроновъ пороху и горсти три проса, что составляетъ весь жизненный запасъ горца-странника, мы выѣхали изъ аула. Предстоящія трудности пути, нечаянности и встрѣчи скитальческой жизни, чрезвычайно радовали мое молодое и горячее сердце и, утонувъ въ мечтахъ и думѣ, я не замѣтилъ, какъ мы проскакали безъ отдыха, на рысяхъ, верстъ пятьдесятъ Шахаранскимъ ущельемъ, — на выѣздѣ изъ котораго открылся живописный аулъ, раскинутый по оврагу. — Знаешь куда мы держимъ путь? спросилъ меня Нейфтали, сдерживая своего коня.—Нѣтъ, отвѣчалъ я, также умѣривъ бѣгъ моего вихря. — Въ Кабарду, мой ипташи, Мухранъ, въ Кабарду! отвѣчалъ аталыкъ.... И вотъ, продолжалъ онъ, только сегодня проведемъ мы ночь въ саклѣ—именно въ этомъ аулѣ: у меня тутъ есть добрый кунакъ, надо заѣхать къ нему и проститься, да взять нѣсколько порученій.... а то голубчикъ, всѣ три года, и всѣ ночи этихъ трехъ лѣтъ мы скоротаемъ — подъ дождемъ въ полѣ, или подъ вихремъ на снѣгахъ горъ.... Что, радуетъ-ли тебя это? спросилъ онъ.—Какъ нельзя болѣе, отвѣчалъ я. Говоря такимъ образомъ, мы спрыгнули съ коней у порога сакли, гдѣ встрѣтилъ насъ пожилой, статный горецъ и жена его, молодая красивая женщина.—День и ночь прошли незамѣтно: хозяинъ, повидимому, былъ намъ очень радъ, хозяйка тоже. Первый неуставалъ мнѣ дѣлать тысячу вопросовъ, стараясь извѣдать мои понятія о чести, храбрости, джигитствѣ и мужествѣ.... Онъ, какъ кажется, очень былъ доволенъ моими отвѣтами,—пожимая при каждомъ изъ нихъ руку Нейфтали. Вторая, неотступно приставала ко мнѣ съ угощеніями — поставивъ предо мною огромную чашку

душистаго абхазскаго меду и порядочный котелокъ *ажигу* *, съ цѣлымъ короваемъ сыскиля **. Незнаю почему, но я чрезвычайно полюбилъ эту женщину, особенно послѣ того мгновенія, когда я вздрогнулъ ночью подъ чьими-то горячими поцѣлуями, и открывъ глаза, увидѣлъ ее....

«Замѣтивъ, что я разбуженъ ея лобзаніями, она погрозила мнѣ пальцемъ, въ знакъ молчанія—и осторожно, боясь разбудить спавшихъ друзей, скрылась за цыновкою, раздѣлявшую саклю.

«Рано утромъ, почти до восхода солнца оставили мы аулъ и легонькою рысью пустились, по теченію Каберды, лѣвымъ ея берегомъ.... Вдали тянулась густая роща самшита.... Передъ нами открывались громадныя и мрачныя скалы.. . Справа была раскинута необъятная степь, выжженная солнцемъ. Не смотря на зной утра, мы ѣхали, нисколько не утомляясь.... отрадный вѣтерокъ и близость воды обдавали насъ пріятною прохладою.... Только какъ-то непостижимо щемило во мнѣ сердце, и я нѣсколько разъ съ непонятною для меня грустью оглянулся на покинутый нами аулъ. Замѣтивъ это, Нейфтали спросилъ меня:—Что думаетъ пріятель о моемъ кунакѣ?—Да онъ честный и добрый горецъ, но жена его.... ахъ, если бы у меня была такая мать, какъ бы я былъ счастливъ! отвѣчалъ я....—Гм... то-то!... проворчалъ Нейфтали... Ну, такъ я тебѣ скажу, продолжалъ онъ.... Что мой добрый кунакъ—твой отецъ, а жена его—твоя мать....—Какъ! вскричалъ я, и ты не сказалъ мнѣ этого?—Не сказалъ, потому-что рано тебѣ знать объ этомъ *** и теперь-то я некстатѣ проговорился, да что дѣлать—слово не кинжалъ, его въ ротъ, какъ тотъ въ ножны, опять неворотишь.... А!... тс.... стой!... прошепталъ онъ.... видишь ли?—Что такое?—Гляди.... какъ вѣтеръ лѣтитъ по степи?...—Вижу, это дикій конь.—Молодецъ!... Ну, помнишь, вѣдь я тебя училъ, какъ арканить степной вѣтеръ?—Помню.—Молодецъ.... А, ну-ко, какъ ты это помнишь.... посмотримъ.... вотъ тебѣ арканъ.... Ступай, я погляжу.—Съ этими словами Нейфтали подалъ мнѣ арканъ, добавивъ: пять дней я тебѣ недругъ, душка, ипташи Мухранъ, если ты похвасталъ. Я взялъ отъ Нейфтали арканъ и, припоминая всѣ правила его наставленій въ этомъ дѣлѣ, мигомъ разсѣдлалъ коня, сбросилъ съ него даже уздечку, потомъ прыгнулъ на него и пригнувшись

* Ажигъ вареная кукаруза.

** Кукарузный хлѣбъ.

*** Дитя, отданное на воспитаніе аталыка, по законамъ абазеха недолжно до совершеннаго возраста знать своихъ близкихъ родныхъ, а отцу и матери нельзя ихъ приласкать до-тѣхъ-поръ; — иначе, это считается большимъ неприличіемъ.

къ крутой шеи, съ гикомъ полетѣлъ на встрѣчу степному скакуну, обгоняя встрѣчный вѣтеръ. Заслышавъ скокъ и топотъ, рьяный вскормленецъ раздольной степи сдѣлалъ быстрый курбетъ, бросился всторону и сталъ, какъ вкопаный, на мѣстѣ. Вытянувъ шею, сверкая огненными глазами и поднявъ уши,—онъ казалось, обнюхивалъ воздухъ, разширяя горячія ноздри. Минута была рѣшительная; но къ чести моей и къ удовольствію Нейфтали, я нашелся и, не давая одуматься моему врагу,—мигомъ прыгнулъ съ коня моего на землю (бросаться съ сѣдла въ какое бы то ни было время я уже привыкъ), и прилегъ за травою.... Конь мой, почуя совершенную свободу, встряхнулъ размашистою гривою и, рѣзво прыгая, бросился на встрѣчу степняку. Послѣдній заржалъ, ему отвѣчали тѣмъ-же и чрезъ нѣсколько мгновеній между новыми знакомцами начались обоюдныя ласки.... Не теряя не минуты, я поползъ къ коню, разспуская между тѣмъ арканъ.... Но, тутъ счастливая мысль сверкнула въ головѣ моей.... я вспомнилъ, что если мнѣ и удастся заарканить вихря, то у меня не хватитъ послѣ силъ сдержать его и немудрено, что если онъ меня же унесетъ на моемъ арканѣ.... Сообразивъ все это — и не желая остаться хвастуномъ, я разрѣзалъ петлю аркана, чѣмъ слѣдовательно увеличилъ длину веревки и, снявъ съ себя черкеску, привязалъ ее за неимѣніемъ другой тяжести къ концу аркана.... Окончивъ свою работу и затаивъ дыханіе, я осторожно, опасаясь произвести малѣйшій шелестъ, искусно подползъ къ моей жертвѣ, такъ счастливо близко, что насъ раздѣляло только разстояніе не болѣе трехъ шаговъ.... Ну, Мухранъ-Гей, сказалъ я самъ себѣ, докажи, что ты не похвасталъ! и, съ этими словами я бросилъ изъ всѣхъ силъ черкеску къ переднимъ ногамъ коня, которыя въ одно мгновеніе оплела веревка.... Конь вздрогнулъ.... прянулъ на заднія ноги.... но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подняться, я рванулъ веревку.... и звѣрь не устоялъ.... Онъ рухнулъ на землю... Гайда!... Джигитъ!... Руссынъ-мала! (побѣдитель) вскричалъ Нейфтали, бросаясь въ восторгѣ ко мнѣ на шею.... Тутъ ужъ меня поразило не мое удачное молодечество, но неожиданное появленіе Нейфтали, его просто демонское искусство, съ которымъ онъ слѣдовалъ за мною шагъ за шагомъ — не будучи совершенно замѣченъ мною.... — Вотъ такъ! клянусь Эль-Сыратомъ и Джехинемомъ, продолжалъ онъ: такая снаровка хоть старому горскому тигру такъ сдѣлала бы честь!... ты догадался во время—не арканить, а спутать коня.... Такъ.... такъ! — Заарканьть его, только бы и видѣлъ.... Не сдержалъ бы.... а теперь.... Смотри-ко, какъ крымскій верблюдъ лежитъ смирнехонько.... Ну—обойми меня ипташи Мухранъ-Гей...

изъ тебя будетъ лихой наѣздникъ.... Клянусь всѣми ребрами шайтана, если только онъ не поламалъ ихъ, провалившись въ шайтанъ-сан-набрикъ!... * И мы снова обнялись. Сѣдлай же братъ коня, продолжалъ Нейфтали, обнявъ меня такъ крѣпко, что кости захрустѣли въ моей спинѣ и въ его рукахъ; я распутаю *ясыря* ** и дамъ ему свободу. Чрезъ пять минутъ, когда мы готовы были пуститься снова въ дорогу, распутанный конь, казалось, стыдясь своей оплошности—съ жалобнымъ и протяжнымъ ржаніемъ—мѣрною рысью побѣжалъ къ рощѣ и вскорѣ скрылся за нею. Мы поѣли проса. И переправившись въ бродъ въ крутѣйшемъ бурунѣ Кеберды, шагомъ пустились къ кабардинскимъ скаламъ, оставя вправо—Кебердинское ущелье.—Къ ночи, какъ мнѣ казалось, Найфтали нарочно потерялъ тропинку въ горахъ—и завелъ меня въ непроходимыя трущобы. Распологаясь на отдыхъ—въ холодной, мрачной и сырой пещерѣ, Нейфтали покормилъ меня просомъ и приступилъ къ расказамъ о кабардинскихъ разбойникахъ, которые постоянно населяютъ эти скалы.... И съ ними мы должны ждать непремѣнной встрѣчи, добавилъ онъ. Я надѣюсь, что Мухранъ-Гей у меня добрый и славный товарищъ; онъ, я увѣренъ, не побѣжитъ отъ врага и напрасно не зазубритъ отцовской шашки.—Пять дней мы скитались въ этихъ скалахъ, не находя изъ нихъ выходу, и, засыпая часто на закраинѣ бездны. Платья наши почти не просыхали, увлаженныя дождями и сырымъ туманомъ ночей. Запасъ проса истощился. Я начиналъ скучать, но боялся жаловаться. Нейфтали, какъ бы не замѣчая моей грусти, былъ постоянно веселъ, пѣлъ пѣсни и только хлопоталъ о кормѣ для коней, посылая меня часто взбираться на крутизну скалъ, для того, чтобы осмотрѣть мѣстность и найти какую нибудь балку, поросшую травой или кустарникомъ. Каждый разъ попытки мои были напрасны и я возвращался съ новою грустью, падая въ изнеможеніи на голы камни.... Ничего, говорилъ тогда мой аталыкъ,—ничего.... привыкай, ипташи Мухранъ, терпѣть и выносить всё.... То-ли испытаешь еще, какъ отецъ возьметъ тебя съ собою въ первый наѣздъ на аулы... На шестой день—въ полдень, когда голодъ и усталость измучили въ насъ всѣ силы и даже твердость—я не выдержалъ и со стономъ упалъ на землю, выпустивъ изъ рукъ поводья.... Нейфтали остановился подлѣ меня. Надвинувъ на глаза кабардинку и опираясь на винтовку, онъ долго глядѣлъ на меня глазами, полными тоски и страданія....

* Пропасть больнаго чорта. См. преданія.

** Плѣнникъ.

Мухранъ, сказалъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ.... мы съ тобой обманули отца твоего.... напрасно онъ благодарилъ меня.... Ты на словахъ только горецъ и джигитъ.... на дѣлѣ ты.... жалкій щенокъ, которому если забыли бросить день, другой кусокъ чурека, такъ онъ развизжится на цѣлый аулъ.... Не того я ждалъ отъ тебя!...

«Но.... Нейфтали, возразилъ я, задыхаясь отъ злобы, и не будучи въ силахъ пошевельнуть рукою.... За что ты оскорбляешь меня?... Развѣ я могу быть сытъ воздухомъ или вѣтромъ?... Развѣ я могу на радость тебѣ выплясывать лезгинку, когда во мнѣ изныла каждая фибра сердца.... когда въ жилахъ моихъ уже холодѣетъ кровь!...

«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.... но, для чего этотъ стонъ?... Гдѣ жъ твоя твердость?... Умѣешь-ли ты умереть, какъ умираютъ горцы и джигиты?... Нѣтъ!... Взгляни на меня.... Развѣ я не столько же выстрадалъ, сколько и ты, развѣ я эти холодныя ночи проводилъ у роднаго очага или на коврѣ пиршества?...

«Въ это мгновеніе надъ нами раздался выстрѣлъ винтовки,— вслѣдъ за нимъ чей-то протяжный стонъ—и со скалы къ ногамъ нашимъ скатился еще теплый трупъ кабардинца, простреленный въ грудь на вылетъ двумя пулями.... Вслѣдъ за тѣмъ на скалахъ кто-то громко крикнулъ: *Биль-шайтанымъ* *. Я вздрогнулъ и почти ожилъ отъ такой нечаянности. А!... стало быть это наказанный! сказалъ Нейфтали, повидимому, не обращая вниманія на страданія и предсмертную судорогу раненаго. Ну, вотъ, продолжалъ онъ, и встрѣча, которой мы ждали. — Что такое? спросилъ я. — Взгляни на верхъ! отвѣчалъ онъ. Я поднялъ голову, и къ не малому изумленію увидѣлъ семь винтовочныхъ стволовъ, уставленныхъ въ насъ изъ-за огромнаго камня.—Въ ту же минуту, по узкой, едва замѣтной тропинкѣ къ намъ сталъ спускаться горецъ.

«Иди ему на встрѣчу; сказалъ мнѣ Нейфтали.... Сначала подерись съ нимъ, а потомъ проси гостепріимства. Товарищи за него не вступятся.... ты будешь драться одинъ на одинъ.... Отправляйся, Мухранъ.

«Дѣлать было нечего—я повиновался. Едва держась въ сѣдлѣ, я положилъ поперегъ его винтовку и взялъ въ зубы обнаженный кинжалъ, что значило—вызываю.... и осторожно сталъ подыматься, по самой опасной стежкѣ, которая была такъ уз-

* *Отдалъ горту!* Выраженіе кабардинскихъ хищниковъ, послѣ совершенія казни надъ виноватымъ товарищемъ.

ка, что если бы мнѣ пришлось прыгнуть съ коня, то я прыгну въ пропасть. Замѣтивъ меня, горецъ такъ же опустилъ на сѣдло винтовку и положилъ руку на рукоять широкаго кинжала. Въ это время винтовки исчезли за камнемъ и ихъ замѣнили любопытныя лица хищниковъ.... Мы съѣхались на небольшой площадкѣ.

«Горецъ сдержалъ коня и выправилъ винтовку. Я сдѣлалъ тоже.

«—Миръ и гостепріимство страннику! сказалъ онъ, взводя курокъ.

«— Миръ! — отвѣчалъ я; но прежде поджигитуемъ, кунакъ; только черезъ остріе шашки переступлю за твой порогъ.

«— Ты съ аталыкомъ? спросилъ онъ.

«— Да.

— Я угадалъ.... Учись молодецъ.... и онъ, съ гикомъ брякнулъ куркомъ винтовки; пуля срѣзала мою шапку.

«Выстрѣлъ мой былъ удачнѣе: я раздробилъ пріятелю челюсть. Бросивъ винтовки, мы кинулись другъ на друга съ кинжалами. Кровь закипѣла во мнѣ, сердце дрогнуло и заговорило какимъ-то незнакомымъ для меня еще чувствомъ. Въ первый разъ я былъ у смерти и, забывая свою усталость, съ переродившимися силами и страшною жаждою молодечества, схватился съ горцемъ. Видно было, что онъ щадилъ меня, не смотря на жестокую рану, которую я нанесъ ему. Ловко владѣя кинжаломъ, онъ только парировалъ мои удары.... Я горячился — и наконецъ, желая обмануть его фальшивымъ движеніемъ, закрутилъ моего коня.... Вихрь прянулъ на дыбы; мѣтнулся всторону — и бросилъ меня въ пропасть. Къ счастію, на полъ-пути въ джехенемъ; черкеска моя зацѣпилась за корень сосны и я повисъ на воздухѣ....

«Чрезъ полчаса я и Нейфтали, какъ старые друзья, сидѣли въ обществѣ восьми хищниковъ, расказывая имъ о пяти трудныхъ дняхъ, проведенныхъ нами въ этихъ скалахъ.... На прощаньѣ, когда мы разстались съ ними, раненый мною горецъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что я буду лихой наѣздникъ, если только оставлю свою неумѣстную запальчивость. Не знаю, какому чуду мы были одолжены, оставшись цѣлы и невредимы при встрѣчѣ съ хищниками. Положимъ, что съ насъ взять было нечего, но сами-то мы стоили же чего нибудь и они, по обыкновенію, могли бы насъ продать въ горы. Всего вѣрнѣе, что наши опасные друзья были старые знакомцы Нейфтали, который самъ когда-то скитался въ этихъ горахъ болѣе десяти лѣтъ, и которому, какъ я узналъ послѣ, лучше хищниковъ была знакома каждая стежка въ этихъ скалахъ; но только пытая мою твердость и

терпѣніе, онъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ выносилъ голодъ и нужду, не выходя на видъ ауловъ.

«На третій день послѣ встрѣчи съ горскими коршунами, мы были въ большой Кабардѣ и въ горахъ у одного изъ задушевныхъ кунаковъ моего аталыка, пріѣхавъ къ нему какъ тутъ на какой то праздникъ. Не давая мнѣ отдохнуть, Нейфтали заставилъ меня чистить свое вооруженіе, объявя, что завтра въ аулѣ будетъ джигитовка и игры, на которыхъ мнѣ ставится въ обязанность не уронить его и своей репутаціи.

«Едва только загорѣлось солнце на темѣ громадныхъ горъ, какъ аулъ уже пестрѣлъ толпами жителей. Женщины въ своихъ богатыхъ нарядахъ, скрывая обольстительный и стройный станъ ревнивою чадрою, заняли пороги саклей. Молодцы въ полномъ вооруженіи и въ разодранныхъ чухахъ, щеголяя красивыми и горячими конями, встали, раздѣлившись на двѣ партіи, по обѣимъ концамъ аула.... Старики шумно-говорливою толпою усѣлись на скатѣ горы, съ которой открывалась имъ вся арена. Тамъ и сямъ бѣгали и суетились нукеры, разставляя шесты съ надѣтыми на верхи ихъ кабардинками, раздавая джигитамъ коротенькія палки, или подводя коней своимъ князьямъ и узденямъ. Я съ аталыкомъ, какъ гость, получилъ приглашеніе присоединиться къ правой сторонѣ, какъ къ старшей, имѣвшей по законамъ игры право начинать джигитовку. И вотъ все смолкло. Только слышалось ржаніе коней, да нескромный шопотъ въ толпѣ женщинъ... Раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ брошенная вверхъ шапка подала сигналъ начать джигитовку.... Плети свиснули и мы попарно съ гикомъ и воплями вихремъ понеслись вдоль аула.... Лѣвая сторона намъ на встрѣчу, стрѣляя на воздухъ и крутя надъ головой винтовками. Когда кончился первый маневръ и раздался второй выстрѣлъ, вызывавшій охотниковъ состязаться въ киданіи палокъ, Нейфтали быстро подскакалъ ко мнѣ и, не говоря ни слова, стегнулъ моего коня плетью. Въ то же мгновеніе я ослабилъ поводья, пригнулся къ лукѣ и съ гикомъ выскакалъ на средину аула.... Одобрительный говоръ послышался въ толпѣ горцевъ.... и бренча звонкою уздечкою, ко мнѣ на встрѣчу выѣхалъ мой соперникъ, красивый юноша, сынъ одного изъ старшинъ аула.... Не давая мнѣ одуматься, кабардинецъ проскакалъ мимо меня и описавъ крутой полукругъ, мѣтнулъ высоко въ воздухъ свою палку.... Сердце дрогнуло и задражало въ груди моей... Не теряя ни мгновенія, я привсталъ на стрѣмянахъ, быстро описалъ тотъ же кругъ и съ силою подбросилъ свою палку, которая такъ ловко и удачно ударилась въ первую, что разрѣзала

ее пополамъ... Громкій крикъ общаго восторга былъ мнѣ наградою... Ободренный, я закрутилъ своего вихря и на всемъ рьяномъ скаку его поднялъ съ земли свою палку, бросивъ ее далеко въ толпу пукеровъ. Въ первомъ дѣлѣ побѣда оставалась за мною... Но оставалось другое — важнѣйшее.

«Перемѣнивъ измученнаго коня, я снова выѣхалъ на встрѣчу моему сопернику, который между-тѣмъ, выхвативъ изъ чахла винтовку, помчался мимо шестовъ и въ двухъ шагахъ отъ третьяго на всемъ скаку сбилъ съ него пулею кабардинку.... Мнѣ должно было сдѣлать то же. Разгоряченный первою удачею я слишкомъ самонадѣянно бросился впередъ и, поравнявшись съ первымъ шестомъ; брякнулъ куркомъ.... За моимъ выстрѣломъ слѣдовалъ громкій хохотъ и чье-то проклятіе.... Шапка спокойно висѣла на шестѣ.... Кровь закипѣла во мнѣ и хлынула къ сердцу, обливая его растопленнымъ оловомъ. Стиснувъ зубы, и обомлѣвъ отъ стыда и досады, я рѣшился выкупить мою неудачу опаснымъ рискомъ и поклявшись въ душѣ, въ случаѣ новой бѣды, раскроить себѣ на мѣстѣ черепъ. Съ этими мыслями я медленно поворотилъ коня и, проѣхавъ шаговъ двадцать подъ градомъ насмѣшекъ, быстро вернулся назадъ, гикнулъ, обнажилъ кинжалъ и на всемъ бѣшеномъ полетѣ коня моего мѣтнулъ сталь въ первую кабардинку.... Ударъ былъ такъ изумительно ловокъ и силенъ, что кинжалъ, впившись въ шапку далеко ее подбросилъ на воздухъ.... Мало этого: не давая одуматься изумленнымъ на томъ же бѣшеномъ скаку я поймалъ шапку, успѣлъ спрятать въ сафьянъ кинжалъ и сбить съ двухъ послѣднихъ шестовъ пистолетными выстрѣлами обѣ кабардинки.... Торжество мое было изумительно.... Горцы съ воплемъ кинулись ко мнѣ... Сотни рукъ душили меня въ своихъ объятіяхъ и тащили съ сѣдла въ кружекъ изумленныхъ старшинъ.... Нейфтали, какъ мой учитель и аталыкъ, осыпаемый похвалами стариковъ, просто безумствовалъ. Онъ цѣловалъ то меня, то мой кинжалъ, то моего коня, пригаваривая: Душка, ипташи Мухранъ-Гей... джигитъ ты, маленькій чертенокъ.... джигитъ! За этотъ подвигъ изъ Кабарды я вывезъ прекрасный и богатый серебряный поясъ, подаренный мнѣ на память отцомъ моего соперника на джиттовкѣ.

Такъ прошли три года, въ которые мы постоянно скитались въ горахъ, часто съ вѣрною опасностью переправляясь чрезъ бурные потоки, голодая по цѣлымъ недѣлямъ, ища на каждомъ шагу встрѣчъ и опасности, или гоняясь за дикими кабанами. Наконецъ Нейфтали, послѣ одного отчаяннаго дѣла съ кабардинскими хищниками, гдѣ мы едва отстояли свои головы — сказалъ

мнѣ, перевязывая раздробленное пулею плечо мое: Ну! шитпешъ * Мухравъ.... Ѣдемъ къ отцу, и когда я скажу ему: вотъ тебѣ сынъ твой, краса и гордость горной Абазіи; то пусть заведуться у меня въ брюхѣ черти, если накормляю старика грязью!...

Чрезъ шесть дней безостановочнаго пути я былъ въ объятіяхъ матери и отца, причемъ послѣдній, сдѣлавъ мнѣ экзаменъ, отблагодарилъ, какъ слѣдуетъ, аталыка богатыми подарками.

Молочное родство въ горахъ чрезвычайно уважается и привязанность молочныхъ братьевъ ** всегда сильнѣе и надежнѣе, чѣмъ родныхъ и кровныхъ.

—

У абазеховъ, какъ и у всѣхъ магометанъ и горскихъ народовъ, молодые люди обѣихъ половъ имѣютъ очень мало случаевъ, при которыхъ они бываютъ вмѣстѣ; но за то этими немногими случаями юность пользуется, какъ нельзя лучше. Абазинки вообще влюбчивы и владѣютъ такимъ необыкновеннымъ искусствомъ съ одного взгляда прожигать сердца, побѣждая непобѣдимыхъ, что дѣвушкѣ стоитъ только пожелать замужъ, да переглянуться—и наѣздникъ умретъ подъ окномъ ея сакли, отдавъ за нея въ калымъ свою голову. Обыкновенно случаи свиданія представляются на большихъ туземныхъ праздникахъ, или на свадьбахъ, гдѣ удальцу, отличившемуся ловкостью, удалью и горскимъ рыцарствомъ, предоставляется завидное право выбирать себѣ подругу на цѣлый вечеръ.... О, тутъ-то пылаютъ такіе взгляды, что кажется горный орелъ обожжетъ свои крылья, если пролетитъ между ними! Тутъ-то таятъ горячія сердца юности и льется такой страшный шопотъ, что джигитъ, воротясь домой съ пиру, сто разъ оставитъ свою саклю, въ которой ему становится нестерпимо душно и жарко, какъ будто-бы она превратилась въ русскую печь на масляницѣ. Абазехи не знаютъ обычая, общаго всѣмъ другимъ горцамъ, наблюдать равенство брака. Если горецъ и не знатнаго рода, но славный наѣздникъ, владѣющій только своею собственною головою при отсутствіи сотни бараньихъ.... онъ смѣло созываетъ пріятелей, объявляетъ имъ свое намѣреніе, получаетъ

* Конецъ.

** Молочное родство и братство есть то, когда два горца, вскормленные однимъ молокомъ женщины, или, что все равно, воспитаны однимъ аталыкомъ.

отъ нихъ подарки и шлетъ къ отцу невѣсты калымъ, заключающійся или въ плѣнникѣ, или въ оружіи, или въ лошадяхъ и скотинѣ. Отославъ калымъ и, разумѣется, получивъ согласіе, наѣздникъ снова сзываетъ своихъ друзей и отправляется съ ними въ наѣздъ. Цѣль этого наѣзда двойная: отличиться жениху и обзавестись хозяйствомъ на счетъ оплошныхъ сосѣдей. Бракъ совершается почтибезъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ.... И только въ тѣхъ аулахъ, гдѣ есть мулла, выходецъ изъ Трапезонда или бѣглый турецкій солдатъ, жениху и невѣстѣ читается стихъ алкорана, при чемъ мулла молодому даетъ плеть—знакъ власти, а молодой кусочекъ камышевой трости, знакъ послушанія.... Послѣ этого, мужъ закрываетъ жену чадрою и, вспрыгнувъ на коня, при громкихъ пѣсняхъ, сопровождаемыхъ выстрѣлами изъ винтовокъ и пистолетовъ, окруженный товарищами, скачетъ къ саклѣ, которая назначается для молодыхъ. Остановясь въ трехъ шагахъ отъ нея, онъ подходитъ къ дверямъ и ждетъ жены. Когда явится послѣдняя, онъ подаетъ ей три стрѣлы, говоря: положи у порога и пусть нога дерзскаго соблазнителя наколется на острее ихъ. Въ эту минуту, когда молодая исполняетъ приказаніе мужа, отецъ ея, обращаясь къ окружающимъ, говоритъ: клянусь совѣстью и крестомъ поставленнымъ на распутьи, * что дочь моя чиста, какъ воздухъ родныхъ горъ и будетъ вѣрна своему мужу, какъ вѣрна ему его винтовка!

На свадьбахъ пируютъ вообще до самой глухой полночи; съ наступленіемъ которой гости расходятся, но не по домамъ, а прячутся за камни и въ овраги.... они обязаны подстеречь молодаго, которому предстоитъ немаловажный трудъ, именно украсть жену изъ родительскаго дома и украсть въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ, чтобы въ саклѣ его никто не замѣтилъ, особенно же, когда онъ пробирается къ этой саклѣ; и потому горцы употребляютъ въ этихъ случаяхъ тысячу хитростей. Такъ, очень часто случается, что подъ конецъ пира вдругъ исчезаетъ молодой. Разумѣется, гостямъ что за дѣло: они пьютъ, пляшутъ и веселятся, а между тѣмъ хитрецъ, спасаемый чадрою, вмѣшавшись въ толпу женщинъ, выплясываетъ съ какимъ нибудь сѣдымъ джигитомъ лезгинку, наивно отвѣчая на его черствыя ласки. Въ

* Въ горахъ и степяхъ Абазіи часто встрѣчаются деревянные кресты, къ которымъ горцы питаютъ необыкновенное уваженіе. При всей страсти къ воровству, они не тронутъ чужой вещи, положенной у подножія креста — если только это не очевидная милостыня для странника.

платьѣ женщины ему легко пробраться за женою въ родительскую саклю, а увезти еще легче, потому, что стоитъ только ступить за порогъ и онъ правъ.

Но, бываютъ несчастливцы....

Вотъ онъ, дрожа отъ волненія и затаивъ дыханіе, боязливо оглянулся кругомъ, скорчился и прилегъ на землю.... Все кажется тихо.... Быть можетъ джигиты, хорошо угостившись, давно спятъ въ своихъ засадахъ и ободренный этою фальшивою мыслью, бѣднякъ ползетъ къ обѣтованной саклѣ.... Уже близко.... еще шагъ и онъ счастливъ.... Прислушивается.... ни звука, ни шопота.... И вдругъ съ громкимъ хохотомъ бросаются на него пріятели.... въ минуту оживаетъ аулъ, снова пылаютъ огни, раздаются выстрѣлы и пѣсни, вслѣдъ за которыми бѣгутъ цѣлыя толпы женщинъ съ громкимъ крикомъ: выручи жену, джигитъ, выручи!

Пойманному мужу достается снова угощать гостей всю ночь и слѣдующій день до поздняго вечера, впродолженіе этого времени онъ не видитъ жены, выноситъ насмѣшки и обязывается плясать лезгинку, за женщину, съ какимъ нибудь шутомъ. Послѣдній въ этихъ случаяхъ называетъ его женскими именами, обѣщая на дняхъ прислать за него калымъ.

Съ наступленіемъ втораго вечера, молодая переходитъ въ свою новую саклю подъ прикрытіемъ подругъ, вооруженныхъ палками. Товарищи молодаго также вооружены кольями и сучьями.... Но, на ихъ сторонѣ та невыгода, что они не имѣютъ права бить своихъ хорошенькихъ враговъ, а могутъ только парировать удары, разумѣется, большею частью устремленные на молодаго, причемъ красавицы очень наивно пользуются своимъ правомъ и отъ чистаго сердца сыплютъ удары на голову и спину новобрачнаго, вымѣщая ему то предпочтеніе, которое оказалъ онъ ихъ подругѣ въ выборѣ жены.... Часто случается, что палочная битва длится по цѣлымъ часамъ и нерѣдко хорошенькія ручки горянокъ оставляютъ пренепріятное тавро, цвѣта лазури, на лицахъ джигитовъ.... Наконецъ, измученный и избитый мужъ, потерявъ фунта два крови, подговариваетъ двухъ, трехъ самыхъ задушевныхъ друзей, которые на этотъ разъ смѣлѣе и болѣе подгулявши, чѣмъ другіе, и съ ними кидается въ самый дождь и градъ палочныхъ ударовъ, прорываетъ легкій строй ожесточен-

ныхъ дѣвъ и съ громкимъ крикомъ: выручилъ! хватаетъ въ объятія свою жену, купленную въ полномъ смыслѣ кровью.

В. САВИНОВЪ.

ЖЕРТВА ЗЕЛЕНАГО СТОЛА.

(Изъ «Дневника стараго актера», *Франца Вальнера*).

Придворный Берлинскій актеръ Л*** былъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ чудаковъ нѣмецкой сцены. Живя для своего искусства съ самоотверженной преданностью и безграничнымъ энтузіазмомъ, онъ приходилъ въ ужасъ отъ всякаго оскорбленія искусству и позволялъ иногда себѣ выходки, непростительныя въ глазахъ публики. Любимецъ своей публики, онъ исполнялъ однажды на мѣстномъ театрѣ роль Франца Моора, приводя въ изумленіе зрителей. Между тѣмъ двѣ дамы не обращали никакого вниманія на сцену и, къ неудовольствію всѣхъ образованныхъ зрителей, громко разговаривали въ передней ложѣ. Вдругъ Л*** останавливается среди игры, кидаетъ удивленный взглядъ на ложу и говоритъ громко и спокойно: «Пока гуси квакаютъ, художники молчатъ». Публика извинила своему любимцу эту дерзость: пристыженныя собесѣдницы въ безсильномъ бѣшенствѣ поспѣшили выйдти изъ театра; Л*** въ краткихъ словахъ попросилъ зрителей «отнести странный перерывъ къ его глубоко-оскорбленной художнической чести», и спокойно продолжалъ игру.

Понятно, что въ такой эксцентрической душѣ каждая страсть разгоралась съ сугубою силою. Л*** полюбилъ со всѣмъ пыломъ восторженной души одну прекрасную дочь мѣстнаго гражданина. Но артистъ, всѣми уважаемый, получавшій богатое содержаніе, тщетно искалъ руки своей возлюбленной. Объ упорство неразумнаго отца сокрушились всѣ просьбы любовниковъ. Торгашъ объявилъ, что выдастъ дочь только за того, кто предъявитъ ему наличную сумму въ двадцать тысячъ гульденовъ.

Когда Л*** убѣдился, что напрасно борется съ непреклоннымъ,

весь образъ жизни его измѣнился, словно по манію волшебнаго жезла. Изъ весельчака, вѣтреника, онъ сдѣлался скрягою, отказывалъ себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, во всѣхъ развлеченіяхъ съ невообразимой строгостью; ограничилъ свое бѣдное существованіе самымъ необходимымъ, съ мелочной тщательностью избѣгалъ всякаго искушенія, всякихъ сношеній съ прежними пріятелями и товарищами по сценѣ. Единственное его занятіе состояло въ томъ, что, запершись въ одинокой комнаткѣ, онъ съ алчностью посѣдѣлаго ростовщика сто разъ пересчитывалъ и перечищалъ червонцы, накопленные помощію всевозможныхъ пожертвованій и лишеній.

Разумѣется, при такомъ образѣ жизни и при своемъ большомъ жалованьи, Л*** въ короткое время накопилъ весьма значительную сумму. Но разумѣется также, ни тѣлесныя ни душевныя силы пламеннаго артиста не могли выдержать рѣшенія его гигантской задачи, задачи терпѣть съ спартанской твердостью всѣ лишенія до-тѣхъ-поръ, пока назначенной суммою онъ вынудитъ у старика согласіе на бракъ съ возлюбленной, блистательную награду всѣхъ понесенныхъ тягостей. Вскорѣ Л*** во всѣхъ отношеніяхъ превратился въ живую тѣнь, и къ тѣлеснымъ страданіямъ прибавилась еще безотлучная греза, будто въ желудкѣ у него сидитъ живая курица, которая своимъ безпрестаннымъ ворочаньемъ причиняетъ ему нестерпимую муку.

Всѣ дружескія увѣщанія врачей и знакомыхъ перемѣнить образъ жизни, оставались безплодны предъ упорствомъ больнаго тѣломъ и духомъ, который почти съ непозволительной грубостью отвергалъ всякій добрый совѣтъ. Наконецъ, рѣшительное приказаніе высшаго начальства, выдавшаго ему пособіе на поѣздку, склонило его поѣхать для поправленія здоровья въ Висбаденъ и пользоваться тамошними минеральными водами.

Но для бѣднаго Л*** не существовало благодѣяній цѣлебной нимфы источника. И здѣсь онъ проводилъ всѣ свои дни въ томъ, что голодалъ и считалъ и чистилъ червонцы, купленные голодомъ. За нѣсколько лѣтъ до того полный здоровья и жизни юноша, Л*** въ теперешнемъ видѣ, съ увядшимъ лицомъ, съ настороженнымъ взоромъ, съ вялой и тихой поступью, одѣтый въ бѣдное, болѣе чѣмъ поношенное платье, представлялъ явленіе любопытное для психолога, и мудрено сказать, бѣдственная участь, постигшая

его, не была-ли лучше медленной смерти, которая очевидно предстояла ему.

Во время прогулки по парку, случай или злая судьба впервые завлекли его въ людную часть сада, примыкающую къ залѣ, гдѣ демонъ игры разставляетъ свои обольстительныя сѣти, приманивая жертвы звономъ и блескомъ золота.

Въ одно изъ высокихъ оконъ Л*** заглянулъ въ блестящую залу на зеленый столъ. Потусклые глаза его вспыхнули прежнимъ блескомъ отъ разгара желанія; зловѣщій румянецъ покрылъ впалыя щеки, быстро уступивъ мѣсто мертвенной блѣдности; зубы защелкали одинъ объ другой; каждый нервъ затрепеталъ, грозя лопнуть отъ непривычнаго напряженія. Утративъ всякую волю, какъ бѣдное животное, добровольно бросающееся къ ядовитой змѣѣ, Л*** уже стоялъ въ залѣ, у стола, который коварно прельщаетъ своимъ цвѣтомъ надежды.

Ужасъ угрожающей потери тщетно борется съ желаніемъ богатаго выигрыша, помощію котораго вдругъ достигалась цѣль всѣхъ стремленій и помысловъ игрока. Стоя надъ червонцемъ, выложеннымъ трепетной рукою, въ томительной мукѣ ждетъ онъ рѣшенія своей участи. Фортуна улыбнулась страждущему новичку: черезъ часъ, проведенный въ мучительномъ безпокойствѣ, Л*** потащилъ въ свою нору тридцать выигранныхъ червонцевъ, и потомъ, терзаемый тысячью плановъ, безъ сна ворочался на своемъ жесткомъ ложѣ, и стократнымъ пересчитываньемъ выигрыша увѣрялся, что не грезитъ, что точно стоитъ у желаннаго источника будущаго богатства, который лучше цѣлебнаго источника долженъ возвратить ему здоровье и душевное спокойствіе.

Разсвѣтъ слѣдующаго дня засталъ несчастнаго въ мучительномъ ожиданіи, расхаживающаго взадъ и впередъ у залъ, еще запертыхъ. Въ карманахъ у него звенѣли червонцы.

Но напрасна была его обманчивая надежда на прочную благосклонность вѣтреной богини счастія. Съ насмѣшкою отвернулась отъ него вѣроломная, и въ нѣсколько часовъ все, все было потеряно!

Съ жгучей слезой на рѣсницѣ поставилъ бѣдняжка свой послѣдній луидоръ; съ невнятнымъ восклицаніемъ скорби, вышелъ онъ, шатаясь, послѣ проигрыша изъ залы, и тотчасъ же кинулся въ прудъ, находящійся въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда!

Л*** былъ спасенъ, но тщетны оставались всѣ усилія добиться отъ него хоть какого нибудь голоса, когда привели его въ чувство. Стиснувъ зубы, блѣдный, безъ кровинки, сидѣлъ онъ по цѣлымъ часамъ въ глубочайшемъ безмолвіи, и только слезы, ко-

торыя отъ времени до времени текли по исхудалымъ, желтымъ щекамъ, свидѣтельствовали о бурѣ, кипѣвшей внутри его. Не противорѣча ни словомъ, покорно позволилъ онъ уложить свои смиренные пожитки, и только безмолвнымъ пожатіемъ руки отблагодарилъ за участіе знакомыхъ, которые взяли ему мѣсто въ почтовой каретѣ до Берлина, куда онъ отправился по ихъ убѣжденію.

Въ Веймарѣ, на перемѣнѣ лошадей, кондукторъ при отъѣздѣ напрасно искалъ своего молчаливаго пассажира, и послѣ долгаго ожиданія, принужденъ былъ продолжать путь безъ него.

Несчастный пропалъ безъ вѣсти.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

=

Bald ist es dieß, bald ist es das;
Bald ist es nichts, bald ist es was.

=

Знаменитый датскій поэтъ Адамъ Элленшлегеръ, скончался въ Копенгагенѣ, въ началѣ нынѣшняго февраля. Ему было 78 лѣтъ. Элленшлегеръ по всѣмъ правамъ можетъ назваться Шекспиромъ нашего вѣка. Кромѣ множества поэмъ и мелкихъ стихотвореній, Элленшлегеръ написалъ до пятидесяти драматическихъ твореній, изъ которыхъ большая часть отмѣчены яркою печатью генія, превосходны по мысли и по исполненію. Въ «*Пантеонѣ*», 1841 года, была помѣщена довольно подробная біографія и оцѣнка этаго поэта, написанная Ѳ. Кони; поэтому мы здѣсь не будемъ слишкомъ распространяться о литературныхъ заслугахъ и твореніяхъ Элленшлегера; скажемъ только, что онъ самъ, желая ознакомить Европу съ своими сочиненіями, писанными на малоизвѣстномъ датскомъ языкѣ, переводилъ ихъ на нѣмецкій языкъ, на которомъ писалъ стихами съ необыкновенной легкостію *. Смерть

* Мы надѣемся впослѣдствіи дать въ *Пантеонѣ* одну изъ лучшихъ его трагедій «*Эрихъ и Авель*»

маститаго поэта произвела сильное впечатлѣніе на датчанъ. Всѣ три театра Копенгагенскіе были закрыты на цѣлую недѣлю и всѣ публичныя увеселенія воспрещены на все время, пока тѣло его было выставлено въ соборномъ храмѣ и не предано землѣ. За гробомъ его слѣдовало до трехъ тысячъ человѣкъ. Въ день тризны на Королевскомъ Копенгагенскомъ Театрѣ было устроено празднество въ честь покойнаго. Театръ весь былъ одѣтъ въ траурныя украшенія. Спектакль начался прологомъ, написанномъ нарочно стихами, въ которомъ Данія, подъ видомъ Скандинавской дѣвы, оплакивала своего любимца, покрывшаго ее славою мысли и слова. Потомъ давали одну изъ послѣднихъ его трагедій: «*Амлета*» (Гамлетъ), а въ заключеніе, великолѣпная живая картина представила апоѳеозъ поэта. Почтенную тѣнь его въ горнихъ предѣлахъ принимаютъ въ братскія объятія Шекспиръ, Гете, Шиллеръ и Мольеръ. На сценѣ въ тоже время бюстъ его, изваянный изъ мармора, былъ увѣнчанъ первымъ трагикомъ лавровымъ вѣнкомъ, при похвальномъ гимнѣ, пропѣтомъ всѣми артистами копенгагенскихъ театровъ. Въ этомъ спектаклѣ, данномъ безденежно, присутствовала вся королевская фамилія, всѣ высшіе сановники государства, всѣ ученыя, литературныя и художественныя знаменитости Даніи, многіе шведскіе и германскіе литераторы и ученые, нарочно прибывшіе въ Копенгагенъ, и безчисленныя толпы народа изъ всѣхъ сословій. Въ тоже время въ театральномъ фойе была открыта подписка для сооруженія Эленшлегеру національнаго памятника.

—

Трогательный памятникъ Парижскиго Архіепископа Аффра — оконченъ и на дняхъ долженъ быть поставленъ въ соборѣ Парижской Богоматери. Всѣмъ извѣстенъ геройскій поступокъ Аффра въ смутные дни іюньскаго возстанія въ Парижѣ. Съ крестомъ и миртовою вѣтвію въ рукахъ явился онъ среди неистовыхъ бунтовщиковъ, чтобы словами вѣры, разума и мира обратить ихъ на путь истинный, и тутъ нашелъ смерть отъ предательской пули. Всѣ наши журналы писали объ этомъ печальномъ событіи. Французское правительство, желая почтить и увѣковѣчить память человѣколюбиваго и геройскаго прелата, опредѣлило воздвигнуть ему мавзолей въ главномъ соборѣ столицы и для этого открыло конкурсъ художникамъ. Изъ всѣхъ представлен-

ныхъ проэктовъ памятника, былъ одобренъ планъ скульптора Дебея, отличающійся величественной простотою и нѣмымъ краснорѣчіемъ. Онъ представляетъ саркофагъ, надъ которымъ возвышается пирамида. На саркофагѣ, въ полулежачемъ положеніи представлена фигура Аффра, во весь ростъ, съ крестомъ въ лѣвой, и пальмою мира въ правой рукѣ. Лицо его кротко и выразительно, очи подняты къ небу съ молитвою. Подъ фигурою, на верхнемъ соклѣ саркофага написаны слова: «Добрый пастырь положитъ душу свою за овца своя.» На пирамидѣ, подъ архіепископскою тіарою, видны двѣ сложенныя руки, знакъ мира и согласія, и вокругъ нихъ вырѣзаны предсмертныя слова Аффра: «Дай Богъ, чтобъ кровь моя была послѣдняя, пролитая во Франціи!» На барельефѣ саркофага изображена минута, гдѣ благочестивый пастырь безтрепетною вогою вступаетъ съ увѣщаніемъ на пригорокъ камней, среди разъяренныхъ мятежниковъ. Подъ нимъ вырѣзано: «25-е іюня, 1848.» Отдѣлка мастерская, и памятникъ производитъ глубокое впечатлѣніе на зрителей.

—

Замокъ Монте-Кристо, который устроилъ себѣ въ Сенъ-Жерменѣ многопишущій Александръ Дюма, и который отличался всѣми вымыслами роскоши и комфорта, недавно проданъ съ аукціоннаго торга, для удовлетворенія безчисленныхъ кредиторовъ его владѣльца. Расточительная жизнь вовлека романиста въ разные процессы, не совсѣмъ выгодные для его славы, а смутное время во Франціи доказало ему, что неизсякаемый источникъ литературныхъ доходовъ, есть богатство довольно мечтательное. Финансы Дюма до того разстроились, а кредиторы такъ стали не сговорчивы, что онъ, наконецъ, чтобы избавиться отъ непрошенныхъ визитовъ, рѣшился совершенно исчезнуть изъ глазъ публики и сыщиковъ, и нанялъ себѣ мирный уголокъ въ одномъ изъ захолустій Парижа. Но у кредиторовъ чутье легавой собаки, это дѣло извѣстное. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ Дюма, ѣдущаго по улицѣ, рѣшился его преслѣдовать, цѣлый день гонялся за экипажемъ и наконецъ вечеромъ, въ поту и одышкѣ, настигъ его въ потайномъ убѣжищѣ. Но онъ скоро убѣдился, что въ настоящую минуту, тутъ взятки гладки. Онъ настаивалъ, чтобъ великій романистъ далъ ему покрайней мѣрѣ вексель. Для этого у него уже была приготовлена и гербовая бумага со всѣмъ, что слѣдуетъ.

Дюма съ величайшимъ хладнокровіемъ подписалъ вексель, поднялъ его вверхъ и воскликнулъ: «Боже мой! что за волшебная сила въ моей подписи! За нѣсколько минутъ этотъ гербовый листокъ стоилъ еще два франка... я только подмахнулъ имя, и — теперь онъ ничего не стоитъ!»

—

Князь Барбарини Коллона ди Скіарра — одинъ изъ богатѣйшихъ скупцовъ въ Европѣ, недавно умеръ въ Римѣ. Страсть его была къ книгамъ и онъ скупалъ вездѣ рѣдкія изданія и драгоцѣнныя рукописи, за огромныя суммы. Такимъ образомъ онъ составилъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ библіотекъ въ Европѣ. Между множествомъ твореній среднихъ вѣковъ, въ его книгохранилищѣ находятся подлинныя и полныя рукописи Торковато Тассо и Мильтона. Но онъ самъ не пользовался своими сокровищами и никого не допускалъ въ свою библіотеку, такъ, что всѣ рѣдкія и неизвѣстныя творенія оставались для міра подъ спудомъ. Предки его отличались своею воинственностію и дикимъ гоненіемъ противъ искусствъ и образованности. Имѣя большое вліяніе, они старались задушить всякую литературную славу въ ея зародышѣ и не счадя ничего, истребляли превосходнѣйшія творенія искусствъ. Объ этихъ итальянскихъ Омарахъ римляне сложили пословицу: Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barbarini! (чего не сдѣлали варвары, сдѣлали Барбарини! — barbarini есть уменьшительное имя отъ barbari.)

—

Художественныя извѣстія. Любители отечественныхъ искуствъ съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что у насъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнаруживается мода на скульптурныя произведенія, группы, статуэтки, бюсты. Теперь почти каждая гостиная украшена какою нибудь группою миѳологическою или историческою, въ каждомъ кабинетѣ по стѣнамъ, на хорошенькихъ консоляхъ, вы увидите бюсты знаменитыхъ людей или статуэтки художниковъ и литераторовъ, выходящія изъ подъ замысловатыхъ рукъ нашего отличнаго каррикатуриста Н. А. Степанова. Эта мода подаетъ надежду, что у насъ скоро разовьется скульпторное искусство, которымъ пока занимаются только немногіе из-

бранные. Молодые художники, видя бездоходность этого искусства, обыкновенно мѣняютъ рѣзецъ на кисть и изъ очень хорошихъ ваятелей становятся весьма посредственными портретистами. Но что-же дѣлать; и художнику прежде всего надо имѣть хлѣбъ насущный. Между тѣмъ, развитіе у насъ скульптуры принесло бы большую пользу въ приложеніи своемъ къ практической жизни. Архитектура наша оживилась бы значительно, еслибъ дружески пошла рука объ руку съ ваяніемъ. Посмотрите, какой эфектъ производятъ домы, какъ напримѣръ Пашкова на Литейной, Белосѣльскаго — у Аничкина моста, украшенные каріатидами, статуями и скульптурными рельефами! — Въ мануфактурномъ отношеніи развитіе скульптуры было бы не менѣе полезно. Всѣ наши фабриканты серебряныхъ и бронзовыхъ вещей должны теперь употреблять иностранныя модели для своихъ изиздѣлій, изображенія, которыя чужды намъ по своему значенію и потому не производятъ особеннаго впечатлѣнія. Будь у насъ свои художники, они разработали бы народные наши сюжеты, олицетворили бы сцены изъ русской исторіи, имѣли бы постоянную работу и придали бы русской металлической промышленности жизнь. Но оставимъ надежды впереди, и обратимся къ настоящему.

—

Николай Александровичъ Степановъ, неутомимый нашъ скульпторъ, продолжаетъ дополнять свою коллекцію карикатурныхъ статуекъ. Каррикатуры г. Степанова благородны и замысловаты — два достоинства, весьма рѣдкія и важныя. Главный талантъ г. Степанова состоитъ въ томъ, что онъ мастерски умѣетъ схватить смѣшную сторону въ человѣкѣ, и передавая ее въ рѣзкой формѣ, въ тоже время сохраняетъ въ цѣломъ, въ позѣ, въ движеніи, въ чертахъ и выраженіи лица, удивительное сходство. Передѣлать человѣка въ медвѣдя или бульдога, или насадить пивной котелъ вмѣсто головы на пару соломенокъ, вмѣсто ногъ, по нашему мнѣнію, столько-же не трудно, какъ и не замысловато; но схватить въ человѣкѣ тонкія, часто почти неуловимыя черты и особенности его характера и передать ихъ въ каррикатурѣ — это великое искусство и дѣло ума тонкаго и наблюдательнаго. Въ этомъ отношеніи, не во гнѣвъ господамъ поклонникамъ всего французскаго, мы скажемъ: что господинъ Степановъ въ нашихъ глазахъ стоитъ много вы-

ше прославленнаго Дантана. Всѣхъ статуетокъ Степанова теперь накопилось уже сорокъ три: тутъ вы найдете литераторовъ, журналистовъ, художниковъ, актеровъ, пѣвцовъ, живописцевъ, скульпторовъ, докторовъ и проч. Коллекція богатая, изъ которой каждый можетъ выбрать себѣ тѣ лица, которыя особенно любитъ, и украсить ими свой кабинетъ. Статуетки эти раскрашены съ натуры: эта мысль, хотя противная строгимъ законамъ ваянія, очень счастлива въ каррикатурныхъ изображеніяхъ, потому что оживляетъ самую идею художника. Чтобы и жителямъ провинціи доставить случай пользоваться своими произведеніями, господинъ Степановъ началъ ихъ дѣлать изъ картонной массы, такъ, что онѣ при самой дальней пересылкѣ пострадать не могутъ. За это вѣрно многіе скажутъ ему большое спасибо, ибо о пріобрѣтеніи гипсовыхъ фигуръ въ дальнихъ мѣстахъ не смѣли и думать. И разница въ цѣнѣ самая пустая: гипсовая статуэтка стоитъ одинъ рубль пятьдесятъ коп. а картонная одинъ рубль семьдесять коп. серебр., стало быть весь расчетъ въ двадцати коп. сер. * Скоро, слышали мы, появятся въ свѣтъ еще новыя статуйки изъ мастерской господина Степанова; тогда мы поговоримъ объ нихъ поподробнѣе.

—

Скульпторъ де Префонтенъ, — котораго скульптурными произведеніями любовались всѣ посѣтители прошлогодней Мануфактурной Выставки, — также открылъ на дняхъ свой богатый магазинъ, въ Большой Морской, въ домѣ Жако. Пора! На Выставкѣ всѣ его группы и статуйки были раскуплены на расхватъ и желающіе пріобрѣтать такія-же, не знали, куда обратиться. Префонтенъ художникъ въ душѣ и мастеръ своего дѣла; произведенія его, хотя они изъ гипса и шотландской глины, отличаются чрезвычайной отчетливостію и оконченностію работы, чего въ произведеніяхъ его собратій, производящихъ эти предметы фабричнымъ образомъ, не находишь. Бюсты съ натуры дѣлаетъ онъ съ удивительнымъ сходствомъ; но тутъ нѣтъ еще большаго дива, а вотъ что удивительно: въ одномъ домѣ мы видѣли бюстъ

* При большихъ требованіяхъ дѣлается уступка: за гипсовыя по десяти коп. сереб. а за картонныя по пятьнадцати коп. серебр. съ рубля. Выписывать можно изъ конторы коммиссіонера Языкова и комп. пересылочныхъ денегъ прилагается за каждую фугуру за два фунта.

дамы, до того сходный, что онъ только что не говоритъ, и каково же было наше изумленіе, когда родственники объявили, что этотъ бюстъ сдѣланъ Префонтенемъ по самымъ ничтожнымъ даннымъ и по разсказамъ. Дама эта цѣлый годъ страдала жестокой хронической болѣзнью, которая въ послѣдніе дни обезобразила и измѣнила черты ея совершенно. Маска, снятая уже съ мертвой, показываетъ лицо шестидесятилѣтней старухи; маленькій портретъ, сохранившійся въ семействѣ, изображаетъ ее напротивъ пятнадцати лѣтъ, а она скончалась въ полномъ цвѣтѣ силъ, тридцати двухъ лѣтъ. По этимъ двумъ противоположнымъ даннымъ, Префонтенъ создалъ свой бюстъ. Вотъ это подлинно искусство! Но этотъ же художникъ сдѣлалъ весьма важное изобрѣтеніе для нашей общественной жизни, которымъ вѣрно воспользуются всѣ строители и домохозяева. Онъ дѣлаетъ изъ особеннаго, имъ составляемаго мармора, разноцвѣтныя, мозаическія плиты, самыхъ прелестныхъ рисунковъ и прекрасно полирующіяся, которыя могутъ служить замѣною паркетовъ для лѣстницъ, сѣней, прихожихъ, настилокъ въ церквахъ и публичныхъ залахъ. Масса эта такъ тверда, что подпилокъ ее не беретъ и надо употребить большое усиліе, чтобы разбить ее молотомъ. Массу, изобрѣтенную имъ, онъ назвалъ *Церамическою землею.* Это изобрѣтеніе, сдѣланное въ Россіи, вѣрно найдетъ большой успѣхъ и въ остальной Европѣ.

—

Портретъ въ Бозѣ почившаго, Великаго Князя Михаила—изображенный въ натуральную величину искусснымъ карандашемъ извѣстнаго нашего рисовальщика Жуковскаго, безспорно самый сходный изъ всѣхъ портретовъ Его Высочества. Художникъ нарисовалъ этотъ портретъ въ видѣ этюда, вѣроятно съ цѣлію, чтобы дѣти учебныхъ заведеній, процвѣтавшихъ подъ высокимъ покровительствомъ покойнаго, даже учась, имѣли передъ глазами ликъ своего благодѣтеля и навсегда запечатлѣли его въ своихъ сердцахъ. Мысль и цѣль прекрасныя, дѣлающія честь художнику. Вѣроятно, всѣ облагодѣтельствованные и глубоко любившіе покойнаго Великаго Князя (а ихъ было такъ много) уже запаслись этимъ превосходнымъ портретомъ, тѣмъ болѣе, что онъ продается въ пользу бѣдныхъ; но упоминая объ этомъ новомъ произведеніи Жуковскаго, намъ хотѣлось сказать и нѣсколько словъ

объ отличной литографіи г. Шевалье, гдѣ онъ такъ отчетливо и мастерски отпечатанъ, что, мимоходомъ сказать, въ нашихъ литографіяхъ большая рѣдкость. Шевалье не сдѣлалъ ни новаго изобрѣтенія, ни значительнаго улучшенія въ литографическомъ искусствѣ, онъ, при тѣхъ же русскихъ работникахъ и печатникахъ, завелъ только у себя строгій порядокъ, и его оттиски поспорятъ съ любыми французскими. Въ литографіи все зависитъ отъ чистоты и осторожности. Больше всего надо бояться пыли: пыль, садясь на краску, въѣдается въ валикъ, валикомъ втирается въ камень, а съ камня переходитъ на бумагу, и вотъ рисунокъ обезображенъ, а оттискъ грязный. Печатникъ, промывая камень послѣ оттиска, обыкновенно бросаетъ губку куда попало, въ песокъ, на сальный шандалъ, на пыльный столъ; на ночь не соскоблитъ съ валика краску шарабромъ или шпаклею, не покроетъ рисунка растворомъ камеди, не прикроетъ его даже бумагою. Все это, кажется, мелочи, но отъ нихъ зависитъ весь успѣхъ печатанія. Камень не терпитъ стороннихъ веществъ. Второе важное условіе литографіи, умѣнье вытравлять рисунокъ: это искусство не всѣмъ дается; одна капля крѣпкой водки лишняя, одной минутой больше, чѣмъ слѣдуетъ — и трудъ художника обезображенъ, или пропалъ безъ возврата. Эти-то тайны, простыя, но необходимыя, вполнѣ постигаетъ и строго соблюдаетъ Шевалье, и оттого его литографія у насъ теперь лучшая.

—

Музыкальныя новости нынѣшняго мѣсяца — у насъ не обильны но довольно пріятныя. Укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ. Place aux dames! Пьянистки наши, сестры Наталія и Вѣра Погожевы, издали въ свѣтъ свои первые труды: г-жа Наталья Погожева написала «*Двѣ пѣсни безъ словъ*», довольно мелодическія и дышащія наивностію юнаго воображенія; такія-же «*Двѣ пѣсни*, тоже *безъ словъ*» г-жи Вѣры Погожевой, нѣсколько посерьознѣе и потруднѣе для исполненія. Она-же написала *Романсъ* на слова г. Честнокова:

Поймешь ли ты больной души страданья,
Завѣтныхъ думъ унылую печаль?

Музыка очень миленькая, хотя этихъ больныхъ страданій и

унылой печали въ ней и не видно. Г. Вальцъ подарилъ публику очень граціознымъ маршемъ «Marche d'Alexandre», исполненнымъ въ Александринскомъ театрѣ. На фортепьяно этотъ маршъ много выигрываетъ. Вообще пьесы г. Вальца, исполняемыя оркестромъ Гунгля, выходятъ полнѣе, игривѣе, обличаютъ больше жизни и силы. Въ этомъ молодомъ композиторѣ легкая, бальная музыка пріобрѣла истинный кладъ. Г. Лазаревъ такъ же издалъ новый романсъ: «*Минута молитвы*», на слова Ю. Волкова. Слова эти такъ хороши, что мы рѣшаемся ихъ выписать:

Въ минуту душевной тревоги,
Въ томительный часъ бытія,
Свободно и пламенно льется
Простая молитва моя!
Въ ней нѣтъ ни могучаго слова,
Ни сердца обманчивыхъ грезъ,
Но есть въ ней любовь и прощенье,
За все, что я здѣсь перенесъ;
Да грѣшное есть покаянье
Во всемъ, чѣмъ я былъ увлеченъ,
Что въ жизни душѣ измѣнило,
На вѣкъ улетѣло, какъ сонъ!
И съ нею становится легче
Мнѣ Богомъ указанный путь,
И вздохъ освѣжитъ благотворный
Ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Музыка проста и довольно свѣжа и оригинальна.

—

Знаменитый Британскій живописецъ Серъ-Уильямъ Элленъ — президентъ королевской, Шотландской Академіи Художествъ, скончался въ Лондонѣ, 28 февраля, шестидесяти-восьми лѣтъ отъ роду. Въ молодости своей Элленъ много странствовалъ, былъ во Франціи, въ Испаніи, въ Сѣверной Африкѣ, въ Турціи, Персіи, Россіи, Польшѣ и Германіи. Кисть его изобразила много народныхъ и историческихъ сценъ разныхъ этихъ странъ. Лучшими его произведеніями почитаются: *Торгъ невольницами въ Константинополѣ, Дѣлежъ татарскихъ наѣздниковъ, Польскій плѣнный, Любов-*

ная записка въ Мавританіи, Марія Стуартъ и Давидъ Риччіо. Онъ былъ ближайшимъ другомъ Вальтера-Скотта и принялъ послѣдній вздохъ великаго романиста, держа умирающаго въ своихъ объятіяхъ.

—

БАЛАГУРЪ.

КАКЪ НАДО ЖИТЬ.

Чтобы тепло на свѣтѣ жить,
А не объ ледъ, какъ рыба, биться,
Не только надо услужить,
Но кстати надо подслужиться.
Примѣровъ много: цѣлый вѣкъ
Иной, какъ лошадь, работаетъ,
Вполнѣ отличный человѣкъ,
А ничего не наживаетъ.
За то другой и пустъ, и хилъ,
Да онъ смѣкнулъ, въ чемъ тутъ умѣнье:
Все взвѣсилъ, понялъ, оцѣнилъ
И нажилъ знатное имѣнье.
Умѣнье надо ловко жить,
Умѣніе съ людьми ужиться,
Умѣнье съ пользою служить,
Умѣнье, къ стати прислужиться!
Кто въ этомъ силенъ, ужъ тому
Бороться нечего съ судьбою:

Не одолжаяся уму,
Онъ въ люди выйдетъ самъ собою!

Д. АНДРЕЕВСКІЙ.

—

МАТРОСЪ ВИРТУОЗЪ. (*Замѣтка изъ путевыхъ записокъ.*) Вотъ что разсказали мнѣ въ Н—вѣ: Въ жаркій, даже знойный полдень, послѣ двухъ часовой работы при вооруженіи въ портѣ какого-то судна, матросъ *** экипажа, сведенный въ числѣ другихъ на берегъ и въ числѣ другихъ тутъ же заснувшій праведнымъ солдатскимъ сномъ, просыпается чрезъ полчаса и, къ удивленію баталера, вмѣсто обычной чарки, проситъ у него клочка бумаги и карандашъ.— Карандашъ и бумагу.... на что тебѣ? спросилъ баталеръ.—Эхъ, дѣло то важное, Парамонъ Назарычъ, отвѣчалъ матросъ, — вѣдь вамъ извѣстно, что я на фаготѣ-ли, на скрипки ли, на флейтѣ-ли, ну на што хошь возьми, собаку съѣлъ, а тутъ приснился такой сонъ, такая музыка, такой маршъ, что вотъ и теперь еще поджилки ходятъ, смерть хочется записать—не забыть бы. — Надо сказать, что въ то время, какъ спалъ утомленный музыкальный геній, по херсонской дорогѣ въ городъ входилъ П-ній пѣхотный полкъ, музыканты котораго играли въ первый разъ маршъ, сочиненный капельмейстеромъ полка для сюрприза имянинику, полковому камандиру, и изъ этого марша, подслушаннаго во снѣ, матросъ не проронилъ ни одной ноты, принявъ его за напѣвы своего воображенія. Въ ту же ночь экипажные музыканты разучили пьесу и прекрасно её выполнили на другой день на бульварѣ, подъ окнами адмирала. — Капельмейстеръ-авторъ рвалъ на себѣ волосы, когда услышалъ эту неожиданность; но это бы еще ничего, тутъ только страдало авторское самолюбіе—бѣда была впереди... Вскорѣ полковой камандиръ призвалъ къ себѣ бѣднаго музыканта и замѣтилъ ему о мнимомъ обманѣ и хвостовствѣ.... однако истина скоро открылась.

—

ЕСТЬ ВСЯКІЕ ЗРИТЕЛИ. Ну, что Марѳа, спросила одна дама свою кухарку, которую отпускала на масляницѣ погулять; гдѣ была, что видѣла? — Охъ, матушка — ужъ не говорите; въ театръ ходила.—Вотъ какъ! какъ же тебѣ понравилось?—Ой, тошнехонько вспомнить.... Во всемъ вамъ признаюсь: ужъ лѣтъ двѣнадцать сбиралась, да все бывало и пораздумаю.... А вчера-то ужъ и не выдер-

жала; словно кто присталъ: иди, да иди!... Что станешь дѣлать? и пошла. Сперва на-перво забѣжала на Щукинъ, купила новые башмаки; ну, вѣстимо, што грѣха таить, и платчишко-то надѣла подаренья вашей милости, такъ все, какъ слѣдуетъ, въ авантажъ прирядилась. Прихожу въ Александровскій: сѣни такія важныя, свѣтло таково, официя разная ходитъ и кавалерство.... глядь, а тутъ и подвернись какой-то парень, такой Богъ его люби, масляный, словно свѣтильня. Что, говоритъ тетка, билетъ тебѣ что-ли?—Да, кормилицъ, не будетъ-ли милости? — На, говоритъ, вотъ билетъ, давай двугривенный, выше всѣхъ сидѣть будешь, голубка.—Ахъ ты Господи, думаю, вотъ соблазнъ-отъ—еще выше всѣхъ усядусь—и тутъ невыдержала, взяла билетъ и отправилась.... Шла, шла, Господи твоя воля, индо подъ ложечкой заломило; на силу добралась. Смотрю, какой-то учливый господинъ во фракѣ съ краснымъ воротникомъ, взялъ у меня билетъ и указалъ мнѣ мѣсто на скамьѣ, такое удобное, въ самомъ уголкѣ.... Вотъ, думаю, оказія, какъ взглянула вокругъ себя.... Ой, баба! въ свои-ли ты сани садишься?... Рай, чистый рай—тепло, свѣтло; народу словно бисеру нанизано, а внизъ и взглянуть страшно.... Смотрю и музыка грянула.... Я въ уголъ прижалась и сижу, жара смертная; а ножиньки-то мои вотъ такъ и тоскуютъ въ новыхъ башмакахъ; я башмаки, знаете, тихонько долой, да подлѣ себя и положила и платокъ-отъ тоже. Жду, пожду что-то будетъ, а самой вотъ такъ прикурнуть и хочется,—всю разморило сердечную, словно на полкѣ.... Чтожъ бы вы думали, я вѣдь и заснула.—Вдругъ слышу шумъ, гамъ, крикъ, стукотня такая.... Проснулась, думаю: матушки—пожаръ!... Бѣжать — слышу всѣ кричатъ какого-то Мартына да Самойла—ну, думаю, лови ихъ, скоро тутъ въ народѣ-то поймаешь, а сама все улепетываю, да ужъ у Казанскаго моста очнулась.... слышу, что больно ногамъ холодно, хвать, анъ я на босую, башмаки-то, — сударыня, да платчишко такъ тамъ на вышкѣ и остались.... Тутъ только я смѣкнула, что знать это они ихъ и подтибрили.... вотъ разбойники. Нѣтъ, ужъ сударыня, теперь и проситься стану—не пущайте! зарокъ дала ни въ башмакахъ, ни на босу ногу, ни въ театръ, ни мимо его не ходить. — Богъ съ нимъ!

СЮРПРИЗЪ. Знаменитый Рембрандъ въ проѣздъ свой съ герцогомъ Букингемомъ, которому онъ помогалъ въ интригахъ при французскомъ дворѣ, остановился переночевать въ одной изъ гостинницъ Кале. Во время ужина, случай столкнулъ его съ маркизомъ S** владѣльцемъ прекраснаго подгороднаго замка. Рем-

брандъ тотчасъ узналъ въ немъ врага, когда-то его жестоко обидѣвшаго.... Но маркизъ веселъ, любезенъ, требуетъ бутылку за бутылкою, распиваетъ ихъ вмѣстѣ съ художникомъ, и чрезвычайно жалѣетъ, что прежде не имѣлъ случая познакомится съ такимъ любезнымъ малымъ. — Наконецъ, узнавъ, что этотъ любезный малый слава своего вѣка, великій Рембрандъ, онъ воскликнулъ: Какъ, такъ это вы!... Ахъ, мой Создатель, да мнѣ кажется самъ Апполонъ подтолкнулъ васъ въ мои объятія.... Ну, любезный Рембрандъ, если такъ, я васъ не отпущу; вы должны ѣхать въ мой замокъ.... и.... — Что это значитъ?—Да ужъ какъ хотите, требуйте, что угодно, но вы должны подарить меня картиною вашей работы, тѣмъ болѣе, что скоро день моего рожденья, а въ этотъ день я имѣю обыкновеніе поражать моихъ друзей и знакомыхъ какимъ нибудь сюрпризомъ.... на этотъ разъ сюрпризъ будетъ картина великаго Рембранда. Выборъ сюжета я предоставляю на вашу волю.—Вотъ прекрасный случай отмстить глупцу за дерзость, думаетъ художникъ, и соглашается.—«Я напишу вамъ, говоритъ онъ, картину, изображающую «Гибель египтянъ, преслѣдующихъ евреевъ при переходѣ чрезъ Чермное море.»—Прекрасно! превосходно!—и милые друзья обнялись.—Цѣлыя двѣ недѣли трудится художникъ въ замкѣ, не позволяя никому переступать порога своей рабочей, увѣряя, что картина будетъ сюрпризомъ и для хозяина. Наконецъ настаетъ торжественный день рожденія маркиза и окончанія картины.—Ну, что кончена? спрашиваетъ хозяинъ.—Нѣтъ, остановка за бездѣлицею, отвѣчаетъ художникъ, часъ, или два—и все готово. Съѣхались гости.—Ну, что? спрашиваетъ опять нетерпѣливый маркизъ.—Минуту, одну только минуту!—отвѣчаетъ художникъ.—Такъ стало быть послѣ обѣда, думаетъ хозяинъ и усаживаетъ гостей за раскошный столъ. Среди обѣда является Рембрандъ.—Пожалуйте, говоритъ онъ, все готово!—Но, помилуйте, любезнѣйшій, время ли теперь? отвѣчаетъ хозяинъ.... Неужели же тащить гостей изъ за стола?... повремените.... ужъ послѣ....—Какъ хотите, сказалъ художникъ; только на меня не пѣняйте: я звалъ васъ во время.—Обѣдъ кончился. Самодовольно улыбающійся хозяинъ приглашаетъ толпу друзей взглянуть на диковину, всѣ спѣшатъ въ мастерскую художника. Но при первомъ шагѣ за порогъ всѣ останавливаются въ недоуменіи.—Что же это? спросилъ хозяинъ, уставивъ смущенный взоръ на стѣну, измалеванную синькой и забрызганную мѣломъ.—Это? неужли не узнаете? Чермное море! спокойно и важно отвѣчалъ Рембрандъ. — Но гдѣ же египтяне? — Какъ гдѣ?... я вѣдь звалъ

васъ въ самую торжественную минуту ихъ гибели; но вамъ угодно было обѣдать,—а пока вы кушали—они потонули!...

—

ГАМЛЕТЪ ВЪ ПОЛИЦІИ. Въ глухую осеннюю полночь, полицейскій обходъ провинціальнаго городка набрелъ на человѣка, лѣжавшаго безъ чувствъ, въ глубокой канавѣ. Предводитель патрули, освѣщавшій дорогу товарищамъ, вскрикнулъ—стой! раскинулъ обѣ руки, такъ, что совершенно преградилъ путь шедшимъ сзади его и, покачивая головою, воскликнулъ: Что за диковина! Въ самомъ дѣлѣ незнакомецъ ни какъ не походилъ на тѣхъ инфузорій, которыхъ встрѣчаютъ обыкновенно по ночамъ въ грязныхъ лужахъ и канавахъ.... Правда, онъ былъ съ бородкой, но съ бородкою, подбритою такъ странно, что съ перваго мгновенія она показалась дозорному ползущимъ ракомъ, который добирается до нижней губы незнакомца; на плечахъ его было накинуто что-то въ родѣ бархатной коцавейки, обшитой позументомъ, съ узорами изъ блестокъ.... Поразительно!... кромѣ того, изъ подъ воротника этой странной кацавейки выбивался клокъ кружевной манишки, уже окрашенной въ грязно-кофейный цвѣтъ лужи.... въ сторонѣ валялась поярковая шляпа, украшенная двумя черными перьями и большою золотою пряжкою.— Это не спроста, братцы! сказалъ наконецъ дозорный, это, полагать надо, что нибудь этакое, заморское! попытать нѣшто.... И онъ нагнулся къ незнакомцу, пощупалъ его за носъ, потрепалъ за бороду и заключилъ всю эту операцію легкимъ, даже необыкновенно вѣжливымъ толчкомъ.... Незнакомецъ промычалъ что то о какомъ-то Полоніи, Лаертѣ.... спросилъ объ Офеліи и снова опустилъ на грудь голову....—Что за оказія? сказалъ дозорный. Хоть убей, а такихъ обывателей въ цѣломъ городѣ не помню. Позвольте спросить: кто вы, сударь.— Быть, или не быть!... вотъ въ чемъ вопросъ! — Почему же и не быть, отвѣчалъ дозорный, только на счетъ того, что вы за человѣкъ?—Я?... Лаертъ! и ты меня не узнаешь.... я братъ твоей сестры.... я.... Гамлетъ.... принцъ Датскій.—Тогда одинъ изъ дозора со всѣхъ ногъ бросился къ полицейскому чиновнику и доложилъ, что Гололетъ, принцъ Вятскій, проѣзжая нашимъ городомъ потерпѣлъ несчастіе.... лошади вѣроятно понесли его коляску, разбили ее, а его бросили въ канаву, гдѣ онъ лежитъ теперь безъ чувствъ и памяти... Поднялась страшная суматоха.... Слѣдственный поѣздъ, спустя нѣсколько минутъ, прибылъ на мѣсто.... Но, каково было удивленіе доктора, протянувшаго руку къ пульсу мнимаго больнаго, когда послѣдній, приподнявшись во весь свой гигантскій ростъ, вскрикнулъ могучимъ голосомъ: «А! любезнѣй-

шій докторъ!... Умираю.... угости пуншикомъ.... Убивъ Половія, я бѣжалъ въ буфетъ и потомъ.... какъ видишь! Дѣло объяснилось: мнимый принцъ, надѣлавшій столько тревоги, былъ ни больше, ни меньше, какъ драматическій актеръ и трагическій гуляка, у котораго, сказать между нами, въ условіи, заключеннымъ съ содержателемъ театра, была слѣдующая оговорка: «При чемъ я, антрепренеръ театра, обязуюсь предъ каждымъ спектаклемъ, въ которомъ участвуетъ вырѣченный актеръ, давать ему полъ-кварты очищенной водки.»

—

Актеръ Украсовъ, игравшій съ большимъ успѣхомъ щеголей и бонтонныхъ повѣсъ, любилъ иногда и въ жизни подражать нравамъ своихъ типовъ. Одѣваясь всегда щеголевато, онъ очень неисправно платилъ своимъ портнымъ. Одинъ изъ нихъ, которому онъ уже очень давно былъ долженъ и встрѣчи съ которымъ всячески избѣгалъ, нечаянно столкнулся съ нимъ въ цирюльнѣ, въ самое то время, какъ Украсову уже намылили бороду. Онъ тотчасъ-же приступилъ къ актеру съ требованіемъ долга.—Надо подождать—теперь не могу! отвѣчалъ Украсовъ. — «Нѣтъ! я довольно ждалъ вашей милости, воскликнулъ портной: да ужъ полно, терпѣнья больше не хватаетъ».—Такъ потерпи, по-крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока вотъ этотъ молодецъ обрѣетъ мнѣ бороду.—«Пожалуй, говоритъ портной, на это я согласенъ».—Согласенъ! восклицаетъ Украсовъ: господа! будьте-же свидѣтелями нашего договора! говоритъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ, встаетъ со стула, хладнокровно стираетъ полотенцемъ мыло съ бороды и беретъ свою шляпу.—«Куда-же вы?» спрашиваетъ портной. —А вотъ недалеко: въ другую цирюльню. — «Зачѣмъ же?» — Затѣмъ, что бъ не бриться у этого молодца.

—

Гостинодворецъ съ ужасными клятвами выхвалялъ барынѣ какую то новую шелковую матерію. — Но она, кажется, не прочна! замѣтила дама. — «Помилуйте, сударыня, отвѣчаетъ купецъ: повѣрьте слову: во весь вѣкъ не износите, да и потомъ еще на подкладку пригодится».

—

— Господинъ виз-а-ви! сказала молодая дѣвушка, становясь въ кадриль и подзывая медвѣженка, только что вывезеннаго изъ деревни, котораго имени она не знала. — Ты меня такъ не зови, отвѣчалъ, по видимому, оскорбленный юноша:—я Косьянъ Лужа.

—

Заѣзжій купчикъ зашелъ въ столичный трактиръ. Видя, что всѣ сидятъ съ газетами, онъ также, чтобъ не уронить себя, спросилъ *почитать.* Половой подалъ ему нумеръ «Сѣверной Пчелы.» Купецъ началъ читать съ первой строчки, дойдя до мѣста: «*годовая цѣна* 12 *р. съ пересылкою и доставкою* 15» — онъ вдругъ спросилъ: Эвто у васъ съ пересылкою? — Никакъ нѣтъ-съ, сами добываемъ, а вотъ Московскія такъ съ пересылкой....—Такъ чтожъ ты; любезнѣющій! моя копѣйка тоже не щерба : подавай намъ съ пересылкою; а простыя-то мы и безъ васъ видали.

—

«А, дружище! поздравь меня: жена моя сегодня родила!» — Сына?—«Нѣтъ.» — Такъ дочь. — «А ты почему знаешь?»

—

Въ какой-то оперѣ примадонна должна надѣлить тенора пощечиной; ошибкою она ударила его раньше, чѣмъ слѣдовало.—Что вы? вѣдь еще не время! шепнулъ ей озадаченный теноръ. — Ничего, пролепетала примадонна, если рано, такъ я повторю, когда будетъ надо.

—

Кто-то утверждалъ въ обществѣ, что поединки величайшая глупость и что онъ никогда не находилъ и не найдетъ повода къ дуэли.—«Это мило! вскричалъ одинъ офицеръ, ну, а если васъ кто-нибудь въ глаза назоветъ лжецомъ! Что вы скажете? — Я скажу: докажите, милостивый государь! Мнѣ или докажутъ, или нѣтъ.— Не докажутъ — значитъ лжецъ не я, а противникъ — и драться не за что; а докажутъ — значитъ правда, и опять-таки драться не за что.

—

Градоначальникъ, благодѣтель своихъ подчиненныхъ и всего провинціальнаго городка, поѣхалъ по дѣламъ въ столицу и тамъ умеръ. Тронутые этою потерею граждане поставили ему надгробный памятникъ съ надписью: «Здѣсь покоится прахъ Г.Б., погребеннаго въ Парижѣ.»

—

Въ старину, въ Англіи, женщинамъ не позволялось играть на театрѣ и женскія роли, обыкновенно выполнялись переодѣтыми мужчинами. Разъ, когда Карлъ II досадовалъ, зачѣмъ такъ долго не начинаютъ, директоръ, въ извиненіе, сказалъ: «Ваше Величество, королева еще брѣется.»

—

Восьмидесятилѣтній медикъ пользовался самымъ завиднымъ здоровьемъ — пилъ и ѣлъ за четверыхъ. «Скажите, пожалуйста, спросили у него, какимъ-образомъ вы такъ хорошо сберегли себя? — «Очень простымъ, отвѣчалъ врачъ: я всегда жилъ лекарствами и никогда не принималъ ихъ.»

—

— «Матрена, сказалъ крестьянинъ своей женѣ, управитель, вишь-ли, говоритъ, что замерзшаго не надо вносить въ теплую избу, а клади, говоритъ, въ снѣгъ, да и оттирай снѣгомъ, пока очнется.» — Что онъ те морочитъ, отвѣчала жена; да лѣтомъ-то, чѣмъ его отторешь, коли снѣгу нѣтъ.

—

Кто-то спросилъ у бѣднаго англичанина, какими тремя вещами хотѣлъ бы онъ обладать въ жизни. — Во-первыхъ, я желалъ-бы имѣть портеру вдоволь, сколько могу выпить. — Потомъ?—Столько ростбифу, сколько могу съѣсть. — Ну, а въ-третьихъ? — Въ-третьихъ — сказалъ англичанинъ, подумавъ: — еще немножко портеру.

—

— Куда пріятно быть умнымъ человѣкомъ, сказалъ одинъ скромный провинціялъ, слушая столичнаго болтуна: всегда можешь говорить глупости и — ничего.

—

Герцогъ Ньюкэстль подарилъ Карлу II прекрасную лошадь; король велѣлъ своему конюшему Кильгреву узнать, который ей годъ. Кильгревъ очень серьозно подошелъ къ лошади и принялся

разсматривать у ней хвостъ. «Что ты дѣлаешь?» вскричалъ король, не съ того конца начинаешь!» — Нѣтъ, съ того В. В., потому-что — «*Доровому коню въ зубы не смотрятъ.*»

—

Хотите знать цѣну деньгамъ, сказалъ Франклинъ, попробуйте занять ихъ у пріятеля.

—

Знаменитый астрономъ проѣзжалъ чрезъ столицу одного нѣмецкаго владѣтельнаго князя. Принцъ пожелалъ его видѣть. Ученый, представленный ко двору, очень сконфузился среди блестящей свиты и придворныхъ сановниковъ. Послѣ аудіенціи князь сказалъ окружающимъ: —«Странно! Кто бы подумалъ, что такой великій астрономъ, такъ неловокъ въ обществѣ и не связенъ въ разговорѣ!» — Ваша свѣтлость, отвѣчалъ острякъ, онъ совсѣмъ растерялся. — «Отчего же?» — Оттого, что увидѣлъ такъ много звѣздъ не на своемъ мѣстѣ.

—

Одинъ нѣмецкій профессоръ славился своею разсѣянностію. Разъ, онъ пошелъ въ театръ, а лакей его, по обыкновенію, завалился спать. Въ антрактѣ въ головѣ ученаго мелькнула мысль, которую ему хотѣлось поскорѣй записать, чтобы потомъ не забыть. Онъ бѣжитъ домой, звонитъ. Слуга вскочилъ съ просоньевъ, полуотворилъ дверь, и сказалъ: барина нѣтъ дома! и опять ее захлопнулъ. — Эхъ, жаль! сказалъ ученый и пошелъ опять въ театръ.

—

Одинъ диллетантъ, человѣкъ съ чрезвычайно музыкальнымъ ухомъ, войдя въ комнату, гдѣ его доморощенные музыканты разыгрывали какую то партитуру изъ старомодной оперы, замѣтилъ капельмейстеру, что пьеса исполняется чрезвычайно дурно. — Помилуйте-съ, отвѣчалъ дирижеръ, мудрено-ли, что исполненіе покажется дурнымъ, когда у насъ нѣтъ вовсе резонанса! — Такъ что же вы не сказали прежде, почтенный!.. Можно-бы купить!..

—

— На другой день музыканты играли во время стола. Замѣтя издали, что нѣкоторые изъ нихъ по временамъ совсѣмъ не играютъ, онъ подошелъ къ капельмейстеру: — Что это они, батюшка, у васъ не играютъ? — У нихъ паузы. — Нѣтъ, любезный! у меня,

коли хочешь жалованье брать, такъ изволь всѣхъ обучить, а пазъ твоихъ мнѣ и даромъ не надо.

—

ЛЕТУЧІЯ МЫСЛИ.

—

Бездушная красота похожа на гнилушку: обѣ свѣтятся, но не грѣютъ.

*

На свѣтѣ всего легковѣрнѣе — любовь; всего недовѣрчивѣе — зависть; всего равнодушнѣе — глупость.

*

Мужчищы дѣлаютъ изъ женщинъ многое, чего бы не должно; женщины дѣлаютъ изъ мужчинъ все, что захотятъ.

*

Желать умереть — суета; не хотѣть умирать — то-же суета.

*

Хочешь узнать себя самаго ты? Взгляни на другихъ — и узнаешь.
Другихъ ли ты хочешь извѣдать? Съ сердцемъ своимъ познакомься короче.

*

Умъ многихъ женщинъ тоже, что запахъ многихъ цвѣтовъ: сперва онъ услаждаетъ нервы, потомъ производитъ опъяненіе, а подъ конецъ — и головную боль.

*

Человѣкъ имѣетъ три собственности: душу, тѣло и имущество, и всѣ онѣ подвержены безпрерывно тремъ родамъ зла: душа — искушенію; тѣло — врачамъ; имущество — сутягамъ.

*

Я началъ жить чтобы учиться; теперь учусь, чтобы жить.

*

Нечастіе счастія — есть пресыщеніе; а счастіе несчастія — надежда.

Любить и понимать — двѣ формулы одного и того-же чувства. Понимать — значитъ истинно любить; а любить — глубоко понимать.

*

Тяжба похожа на шампанское: чѣмъ выше поднимаешь бутылку, тѣмъ больше пѣны въ стаканѣ и тѣмъ труднѣе удержать ее. За то послѣ мало остается вина.

*

Я боюсь Бога, а послѣ него только тѣхъ, кто его не боится.

*

Въ свободѣ — тигръ, въ неволѣ — Тартюфъ: вотъ человѣкъ.

*

Мужчины удивляются тому, что любятъ; женщины любятъ то, чему удивляются.

*

Любовь похожа на луну; когда она не ростетъ, такъ убываетъ.

*

Золото испытывается — огнемъ; мужчина — женщиною, а женщина — золотомъ.

*

Дѣлать, что хочешь — это счастіе; хотѣть, что можешь — сила духа; а мочь, что должно — добродѣтель.

*

Кто хочетъ счастливо смѣяться,
Тотъ долженъ быть уменъ,
Кто хочетъ порицать, — тотъ долженъ
Быть чистъ и не смѣшенъ.
Насмѣшка глупаго — не зла;
Хула дурнаго — похвала.

*

Какъ умно — не хотѣть вредить, когда можешь;
Какъ глупо — хотѣть вредить, какъ не можешь.

*

Пиѳагоръ принесъ разъ въ жертву истинѣ сотню ословъ; съ тѣхъ поръ всѣ ослы возстаютъ противъ истины.

*

Все проходитъ — вотъ что дурно въ добромъ; все проходитъ — вотъ что хорошо въ дурномъ.

*

Не удивительно ли, что понятіе о высочайшемъ бытіи человѣка, о мысли, заключается только въ трехъ ничтожныхъ буквахъ: *И. Д. Я.*

Ѳ. КОНИ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 3.

НѢТЪ ДѢЙСТВІЯ БЕЗЪ ПРИЧИНЫ!

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ПЕРЕДѢЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО,

П. С. Ѳедорова.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Семенъ Андреевичъ Мамулинъ (30 лѣтъ).
Ольга Петровна, его жена (20 лѣтъ).
Анисья, работница (25 лѣтъ).

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, въ квартирѣ Мамулина.

Небольшая простенькая комната. Въ глубинѣ, выходная дверь, а лѣвѣе окно. Направо, входъ въ кухню. Налѣво, дверь въ спальню. Направо, на аванъ-сценѣ, столикъ, покрытый скатертью.

I.

МАМУЛИНЪ, поспѣшно входитъ въ среднюю дверь. На головѣ его шляпа, подъ мышкой зонтикъ.

Дверь отворена.... стало, она дома!... Олинька! Олинька!... (*Идетъ налѣво.*) Она, вѣрно, въ спальнѣ.... (*Услыша шумъ направо и*

подойдя къ двери.) Нѣтъ, она должно быть въ кухнѣ.... Я думаю, приготовляетъ мнѣ кофе!... (*Приблизясь къ аванъ-сценѣ*). Боже мой! Что это за глупѣйшее существо — мужъ!.. Шесть недѣль только женатъ и ужъ вообразилъ, что моя жена.... Однако жъ, я отчасти правъ!... Ну, представьте только себѣ.... иду по улицѣ.... гляжу, впереди меня дама.... Ну, совершенно моя жена.... то же розовое кисейное платье.... та же соломенная шляпка съ голубыми лентами.... та же тоненькая талійца.... Въ особенности, эта талійца меня обморочила, потому что я ее уже очень хорошо умѣлъ изучить.... тѣ же маленькія ножки.... ну, словомъ, съ этихъ ножекъ до самой маковки моя жена!... и походка даже ея.... вотъ совершенно такимъ образомъ идетъ.... (*дѣлаетъ маленькіе шаги по сценѣ*). И такъ скоро.... какъ-будто увидѣла меня, да захотѣла улизнуть.... Со мной просто, сдѣлалась лихорадка!... я за ней, она отъ меня.... завернула въ нашу десятую роту Измайловскаго полка.... и я въ десятую роту.... глядь, а ужъ ея и слѣдъ простылъ.... пропала!... Теперь я убѣжденъ, что ошибся.... но съ перваго взгляда былъ ужасно озадаченъ!... И въ самомъ дѣлѣ, къ чему ей бѣгать въ десять часовъ утра по этимъ улицамъ, когда она знаетъ навѣрное, что въ этотъ часъ я постоянно возвращаюсь съ моихъ уроковъ, провожу съ ней какіе-нибудь полчаса, пью въ эти полчаса кофе, приготовленный мнѣ собственными ея ручками, и потомъ опять бѣгу, какъ сумасшедшій, посвящать юношество въ тайны русскаго языка!... Ну, какъ же не назвать послѣ этого глупѣйшимъ существомъ — мужа?... А я еще обѣщалъ ей быть философомъ, имѣть къ ней довѣренность.... Хорошъ философъ!... увидѣлъ розовое кисейное платье и ужъ мурашки пошли по тѣлу!... Не знаю, право, что дѣлается съ тѣми мужьями, которые ужъ привыкли къ разнымъ этакимъ штучкамъ своихъ супругъ.... но для меня, въ началѣ, при первомъ разѣ.... признаюсь.... страшно.... ужасно!...

Мужья у насъ есть разные въ природѣ,
Изъ нихъ я знаю даже и такихъ,
Которые, живя всегда по модѣ,
Глядятъ сквозь пальцы на супругъ своихъ!..
Меня жъ бы ревность ужъ одна убила,
Когда бъ узналъ я, что жена моя
Такой визитъ сосѣду отплатила,
Какіе прежде дамамъ дѣлалъ я!...

Бѣдняжка!... она тамъ и не воображаетъ, что у ея ученаго мужа... у учителя словесности.... изволили родиться въ головѣ

такія глупѣйшія подозрѣнія!... нѣтъ, не надо и вида ей показывать.... а то, пожалуй, моя глупая идея дастъ ей свою идею.... а эта идея разыграется, да дастъ поводъ кому-нибудь составить также не совсѣмъ благоразумную идею.... и такъ далѣе.... и такъ далѣе.... нѣтъ, нѣтъ, надо быть благоразумнымъ, надо быть довѣрчивымъ къ женѣ.... потому что она.... (*говоря, подходитъ къ двери направо и хочетъ ее отворить.*)

—

II.

МАМУЛИНЪ, ОЛИНЬКА. Она одѣта точно такъ, какъ описывалъ ее Мамулинъ въ предыдущимъ монологѣ.

Олинька (*поспѣшно входя въ среднюю дверь*). Кажется, меня никто не видѣлъ!

Мамулинъ (*оборотясь*). Что это?

Олинька (*увидя мужа*). Ахъ!

Мамулинъ. Ты куда-то ходила?

Олинька. Ты кажется, видишь!...

Мамулинъ. Такъ и есть!... розовое кисейное платье!... соломенная шляпка съ голубыми лентами.... и даже талія...

Олинька. Что ты говоришь?...

Мамулинъ. Обернись.... дай мнѣ взглянуть....

Олинька (*снимая шляпку*). На что̀ взглянуть?

Мамулинъ. Да, да.... она!...

Олинька. Ты давно вернулся съ урока?...

Мамулинъ. Нѣтъ.... минутъ пять.... но отчего-жъ дверь не была заперта?...

Олинька (*отворяя дверь на право*). А оттого, что здѣсь Анисья!

—

III.

МАМУЛИНЪ, ОЛИНЬКА, АНИСЬЯ.

Анисья (*выходя изъ дверей направо*). Вы ужъ вернулись, Ольга Петровна?... Я разложила огонь и поставила чайникъ съ водой....

Олинька. Благодарствуй, душенька.... ну, теперь ты мнѣ больше не нужна....

(*Анисья идетъ къ среднимъ дверямъ.*)

Мамулинъ (*въ сторону, садясь на стулъ, налѣво*). Вотъ опять тутъ завертѣло!... (*показываетъ на сердце*).

Олинька. Ахъ!... Анисьюшка!...

Анисья (*остановясь въ глубинѣ*). Чего-съ?

Олинька. Возьми, душенька, въ булочной оплеушку къ кофею для Сенички!

Анисья. Сію-минуту!... (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

—

IV.

МАМУЛИНЪ, ОЛИНЬКА.

Мамулинъ (*размышляя про себя*). По Измайловскому проспекту.... потомъ повернула въ десятую роту.... то же розовое кисейное платье.... та же соломенная шляпка....

Олинька. Тебѣ довольно, мой дружочекъ, одной оплеушки?

Мамулинъ (*опомнясь*). Оплеушки?... какой оплеушки?...

Олинька. Что съ тобой?... о чемъ ты такъ задумался?...

Мамулинъ. Такъ.... ни о чемъ!... Усталъ.... съ восьми до десяти все возвился съ глаголами....

Олинька. Бѣдный Сеничка!...

Мамулинъ (*взявъ ее за руку*). Куда ты ходила?... вѣдь ужъ, кажется, я нанялъ Анисью у нашихъ сосѣдей съ тѣмъ, чтобы она все что нужно у насъ дѣлала?...

Олинька. Ахъ, Боже мой, есть много такихъ вещей, которыя нужно купить самой!...

Мамулинъ. А ты ходила покупать?...

Олинька. Да.... мнѣ нужны были иголки....

Мамулинъ. А тебѣ какія нужны иголки?... то-есть, я хотѣлъ сказать, ты гдѣ покупаешь иголки?...

Олинька (*смѣясь*). Какой ты смѣшной!... Да тебѣ для чего знать?

Мамулинъ. А затѣмъ, что я тебя сейчасъ видѣлъ!...

Олинька. Меня?... (*въ сторону*). Неужли онъ замѣтилъ!...

Мамулинъ. Да, я видѣлъ тебя у Измайловскаго моста.... ты шла впереди меня....

Олинька. Да.... я тутъ близко была въ магазинѣ....

Мамулинъ. Близко?... Ну, а покажи-ка мнѣ, какія ты купила иголки?...

Олинька (*съ смущеніемъ*). Иголки?... ни я.... я не купила.... я не нашла того нумера, какой мнѣ нуженъ!...

Мамулинъ. Что жъ это за необыкновенный нумеръ?... (*въ сторону*). Нѣтъ, тутъ что-нибудь другое.... не даромъ меня опять начинаетъ бить лихорадка!...

Олинька (*въ сторону*). Я должна быть красна, какъ вишня!...

Мамулинъ (*поспѣшно*). Оля!... послушай!... (*она на него смотритъ; онъ кашляетъ*). Гмъ! гмъ!...

Олинька. Что тебѣ, мой дружокъ?

Мамулинъ (*перемѣняя тонъ*). Я не хочу, чтобъ ты ходила одна со двора....

Олинька. Это отчего?...

Мамулинъ. Тебѣ должно брать кого-нибудь съ собою.... ты такая хорошенькая.... а по улицамъ столько праздношатающихся.... пристанутъ.... надѣлаютъ непріятностей....

Олинька. Какой вздоръ!... Кто жъ можетъ пристать ко мнѣ утромъ?... Да я не такъ и одѣваюсь, чтобъ могла кого нибудь прельстить!...

Мнѣ кажется, у всѣхъ людей
Вкусъ одинаковъ безъ изъятья,
И ихъ, повѣрь, плѣнятъ скорѣй
Иль наши шляпки, или платья!

МАМУЛИНЪ.

Мужчинъ не привлечетъ нарядъ,
Мы личность цѣнимъ, а не тряпки....
На шляпки женщины гладятъ,
А мы глядимъ всегда подъ шляпки!

Олинька. Вотъ вы какіе всѣ безстыдные мужчины!...

Мамулинъ. Да ужъ никакъ не хуже васъ женщинъ!... О, этѣ женщины!... Можетъ-ли быть что-нибудь обманчивѣе, лицемѣрнѣе, коварнѣе женщины!...

Олинька (*смотря на него*). Сеничка! да что съ тобою?... ты право, сегодня не въ своей тарелкѣ!... Ну, за что ты насъ бранишь?...

Мамулинъ (*съ жаромъ*). Поневолѣ будешь браниться, когда...

Олинька. Что?...

Мамулинъ. Что?... (*перемѣнивъ тонъ*). А то, что думалъ сегодня получить деньги за десять уроковъ, а кончилось тѣмъ, что и за одинъ не отдали!...

Олинька. Бѣдняжка!... Съ утра до вечера занятъ.... бѣгаешь по городу, трудишься и за все это не пользуешься почти никакими удовольствіями.... Навязалъ ты на себя, Сеничка, большую обузу со мною!...

Мамулинъ. Какіе пустяки!... Ну, не стыдно-ли тебѣ говорить....

Олинька. Вѣдь я все вижу.... ты изъ экономіи лишилъ себя многаго съ-тѣхъ-поръ, какъ женился на мнѣ.

Мамулинъ. Да чего жъ я лишилъ себя?... Что я не пью вина, не курю табаку?... но у меня и прежде никогда небыло страсти къ вину.... а табакъ я, просто, терпѣть не могу.... мнѣ даже запахъ его противенъ!... Фу!... просто, гадость!...

Олинька. Но этого мало.... ты было хотѣлъ даже отказаться отъ кофе, который такъ любишь!...

Мамулинъ. И не пилъ бы.... и нисколько бъ не жалѣлъ.... да все ты настояла!... А зато, чѣмъ вѣдь ты пожертвовала мнѣ для этой пустой прихоти!...

Олинька. Чѣмъ же, Боже мой?... Я отпустила только кухарку!... Да мы безъ нея гораздо спокойнѣе!... Дѣвушка нашихъ сосѣдей, Анисья, заходитъ къ намъ въ теченіе дня но нѣсколько разъ и комнаты уберетъ и купитъ все, что нужно.... ну, а такія бездѣлки, какъ кофе сварить, обѣдъ изготовить, — право, не составляютъ для меня вовсе труда.... напротивъ, это развлекаетъ меня, когда тебя нѣтъ дома.... да я думаю и тебѣ пріятнѣе сѣсть за обѣдъ, приготовленный руками жены, чѣмъ какой-нибудь старой Аграфеной!...

Мамулинъ. Кто жъ объ этомъ говоритъ?... разумѣется пріятнѣе, въ тысячу разъ пріятнѣе!... но все-таки это большія пожертвованія съ твоей стороны....

Олинька. Перестань!... Тутъ нѣтъ никакихъ пожертвованій!...

Мамулинъ. Какъ нѣтъ?... вѣдь тебѣ хотѣлось бы иногда погулять.... послушать музыку, сходить въ театръ....

Олинька. Никуда я не хочу!... мнѣ веселѣе съ тобой вдвоемъ!... Мы сыты, счастливы, и слава Богу!...

Мамулинъ. Ахъ!... Намъ недостаетъ только одного....

Олинька. Чего?

Мамулинъ. Чтобъ вмѣсто двухъ, здѣсь было насъ трое!... такого бы намъ амурчика....

Олинька (*вздыхая*). Да.... я часто мечтаю.... и если бъ онъ былъ похожъ на тебя....

Мамулинъ. И также милъ, также веселъ, какъ ты, Олинька!...

Олинька. И такъ же добръ, также уменъ, какъ ты, Сенечка!... о, тогда я вполнѣ была бы счастлива.

Мамулинъ. А я-то ужъ какъ бы былъ счастливъ!... Ну, что жъ дѣлать.... подождемъ!...

Олинька. Подождемъ!... однако жъ, я тебѣ, варить побѣгу кофе.... (*устанавливаетъ столъ и поправляетъ салфетку*).

Мамулинъ (*въ сторону*). Нѣтъ, нѣтъ, такая женщина не способна обмануть меня!... Боже мой! что за глупѣйшее существо въ мірѣ—мужъ!...

Олинька (*въ сторону*). Кажется, онъ ничего не подозрѣваетъ!...

Мамулинъ (*обнимая и цѣлуя жену*). Душка мы моя!...

Олинька. Ахъ, какое счастіе жить вѣчно въ такомъ согласіи, какъ мы съ тобой!...

Мамулинъ. И такъ любить другъ друга!...

Олинька. Никто намъ не мѣшаетъ.... некому ни подсмотрѣть, ни подслушать....

Мамулинъ. Что ни сдѣлали, все остается между нами.... мы можемъ смѣло хохотать, дурачиться.... во всякое время....

Олинька. И пѣть, и танцовать.... намъ даже и на балы ненужно ѣздить!...

Мамулинъ. Разумѣется!... мы вдвоемъ пропляшемъ и вальсъ, и мазурку, и польку.... (*Музыка играетъ польку.*)

Олинька. И прочее, и прочее!...

вмѣстѣ.

Ахъ, какое восхищенье,
Вѣкъ въ такомъ согласьи жить,
И другъ друга, безъ стѣсненья,
Нѣжно, пламенно любить!..

(*Во время этого куплета, они танцуютъ польку и потомъ, все продолжая танцовать, говорятъ между собою слѣдующее:*)

Олинька. Знаешь ли, тебѣ недостаетъ одной только вещи, чтобъ быть совершенствомъ....

Мамулинъ. Чего-же?

Олинька. Одного маленькаго грѣшка!...

Мамулинъ. Для чего-жъ это?...

Олинька. Для того....

Мамулинъ. Для чего?...

Олинька. Я скажу это тебѣ когда-нибудь въ другое время....

(*Повторяютъ снова вмѣстѣ:*)

Ахъ, какое наслажденье, *и проч.*

Олинька. Нѣтъ не могу больше!.... я, просто, задыхаюсь!... (*Падаетъ на руки Мамулина*).

Мамулинъ. Вотъ тебѣ вмѣсто лимонада или оршада.... (*цѣлуетъ ее*).

Олинька. Неправда-ли, вѣдь мы всегда такъ будемъ жить съ тобою?...

Мамулинъ. Всегда! всегда!... (*замѣчая за ней*). И ужъ у насъ никогда не будетъ секретовъ другъ отъ друга!... вѣдь никогда?... никогда?...

Олинька. Я сію-минуту сварю тебѣ кофе!

Мамулинъ. А я, между-тѣмъ, займусь.... надо приготовиться къ уроку....

Олинька. До свиданіи, мой душка, мой попочка!...

Мамулинъ. До свиданіи, моя прелесть, моя цыпочка!... (*Цѣлуются. Мамулинъ уходитъ въ комнату налѣво, унося съ собою тляпу и зонтикъ и посылая ей поцѣлуи рукою. — Олинька идетъ къ двери направо, но замѣтя, что Мамулинъ ушелъ, возвращается на аванъ-сцену*).

—

V.

Олинька (*одна*). Никакихъ не будетъ секретовъ!... Бѣдняжка!.. если-бъ онъ зналъ, какая у меня здѣсь тайна.... (*показываетъ на сердце*), страшная тайна!... Когда я только подумаю, что онъ могъ видѣть, куда я ходила.... со мной, просто, дѣлается лихорадка!... Боже мой! какъ ужасны всѣ наши страсти!... Ну, что, если Сеничка узнаетъ мою тайну?... Я ужъ и представить не могу, что онъ сдѣлаетъ со мною!... Нѣтъ, тутъ нужна осторожность и осторожность!... Счастливые, право, люди—эти мужчины.... имъ все позволительно!...

Грѣхи ихъ шалостью считаютъ....
Какой бы не было бѣды,
Все съ рукъ сойдетъ, ихъ оправдаютъ,
И сухи выйдутъ изъ воды!
А мы хоть погрѣши немножко,
Бѣда! защиты нѣтъ нигдѣ!
Ну, просто, выскочи въ окошко;
Иль утопись скорѣй въ водѣ!..

—

VI.

ОЛИНЬКА, АНИСЬЯ.

(*Анисья входитъ въ среднюю дверь, держа въ рукахъ тарелку съ оплеушкой*).

Анисья. Вотъ, Ольга Петровна, оплеушка!

Олинька. Благодарствуй, душенька.... (*беретъ отъ нея тарелку и ставитъ на столъ*).

Анисья. Я вамъ больше не нужна?

Олинька Нѣтъ, не нужна.... ступай.... а я пойду варить кофе.... (*Уходитъ направо.*)

Анисья. Представте себѣ, она еще и не думала варить.... а въ чайникѣ я думаю, успѣла ужъ выкипѣть все вода!...

—

VII.

МАМУЛИНЪ, АНИСЬЯ.

МАМУЛИНЪ (*въ испугѣ, поспѣшно выходя изъ комнаты налѣво*). Я не ошибся!... я не ошибся!... здѣсь былъ мужчина!... Тамъ пахнетъ табакомъ.... онъ тамъ курилъ!... Пфу!... Мерзость!...

АНИСЬЯ. Что это съ нимъ?

МАМУЛИНЪ (*подбѣгаетъ къ ней*). Анисья!...

АНИСЬЯ. Что прикажите? (*Мамулинъ схватываетъ ее за руки и подведя къ аванъ-сценѣ, отходитъ направо и прислушивается у дверей; схвативъ снова ее за руку*). Анисья! отвѣчай мнѣ!...

Анисья. Что-съ?

Мамулинъ. Приходилъ....

Анисья. Кто?

Мамулинъ. Кто нибудь?

Анисья. Куда?

Мамулинъ. Сюда?

Анисья. Къ вамъ?

Мамулинъ. Мужчина!...

Анисья. Какой?...

Мамулинъ. Съ сигарой?...

Анисья. Позвольте....

Мамулинъ. Ты знаешь?

Анисья. Высокій?

Мамулинъ. Можетъ-быть....

Анисья. Офицеръ?

Мамулинъ. Ты видѣла?

Анисья. Да-съ!

Мамулинъ. Гдѣ?

Анисья. На лѣстницѣ....

Мамулинъ. Часто ходитъ?

Анисья. Всякій день!

Мамулинъ. Во время моего отсутствія?

Анисья. Случается!...

Мамулинъ. Пошла вонъ!... (*падая въ кресла*). Жена моя измѣнница!...

Анисья (*подходя къ нему осторожно*). А я все думала, что онъ ходитъ въ третій этажъ.... вотъ къ этой дѣвушкѣ, что занимается шитьемъ....

Мамулинъ. Вздоръ!...

Анисья. И мнѣ всегда почти приходилось видѣть, что онъ сходилъ съ лѣстницы, съ этакой папироской во рту....

Мамулинъ (*вскакивая*). Ну, такъ!... нѣтъ больше сомнѣнія!... папироской такъ и пахнетъ!... Пфу!... Это обстоятельство должно имѣть непремѣнно связь съ давишнею прогулкою моей жены!... Анисья!...

Анисья. Что-съ?

Мамулинъ. Ходила она сегодня со двора?

Анисья. Да-съ....

Мамулинъ. Послѣ меня?

Анисья. Да-съ!...

Мамулинъ. Часто ходитъ?

Анисья. Случается!

Мамулинъ. Ты знаешь, куда?

Анисья. Нѣтъ-съ!...

Мамулинъ. А зачѣмъ?

Анисья. Нѣтъ съ!...

Мамулинъ. Пошла вонъ!...

Анисья. Разъ какъ-то я ихъ спросила, куда онѣ ходили.... такъ Ольга Петровна сказала, что имъ нужно было купить иголокъ....

Мамулинъ. Иголокъ!... Это злая насмѣшка надо мною!... Анисья!...

Анисья. Что-съ?

Мамулинъ. Ничего!... пошла вонъ!...

Анисья (*всторону*). Экой онъ сердитый сегодня.... убраться скорѣе!... (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

—

VIII.

МАМУЛИНЪ, одинъ, прохаживаясь нѣсколько времени по сценѣ, останавливается потомъ предъ публикой.

Дѣло мое ясно, какъ солнце!... нѣтъ дѣйствія безъ причины!... всѣ мои сомнѣнія разрѣшены.... Оля!... Оля!... за что ты мнѣ

измѣнила?... Такъ мила, такъ увлекательна — и измѣнила!... могъ-ли я думать, чтобъ этотъ улыбающійся ротикъ.... эти быстрые глазенки.... этотъ увлекательный голосокъ.... такъ жестоко лгали, когда цѣловали меня.... смотрѣли, приводили въ упоительную лихорадочную дрожь, напѣвали нѣжности и увѣряли въ вѣчной любви!... О! кто же этотъ ужасный соперникъ?... кто этотъ безчеловѣчный злодѣй, который вкрался въ ея сердце и изъ нашей очаровательной спальни сдѣлалъ табачную лавку!... Берегись же, несчастный!... Семенъ Мамулинъ жестокъ въ мщеніи! онъ тебя отыщетъ!... Онъ откроетъ твои козни и, какъ новый Отелло, вырветъ изъ твоей груди преступную твою любовь вмѣстѣ съ твоимъ сердцемъ!... (*колотитъ по стульямъ и столамъ*). Берегись!... трепещи!... я.... я.... Брръ!...

—

IX.

Мамулинъ, Олинька. Она выходитъ изъ двери направо, въ ту минуту, когда Мамулинъ опрокидываетъ стулъ. У нея въ рукахъ подносъ съ кофейникомъ, чашками и проч.

Олинька. Что это?... Что ты дѣлаешь?...

Мамулинъ. Жена!...

Олинька. Ужъ не вздумалъ-ли ты переставлять по своему мебель?... Если ты перевернешь все, какъ этотъ стулъ....

Мумулинъ. Мое терпѣніе лопнуло!...

Олинька. Да что съ тобою?

Мамулинъ. Ты спрашиваешь, что со мною?... Я.... я жду вотъ цѣлый часъ кофе!...

Олинька (*ставя подносъ на столъ*). Что у тебя за нетерпѣніе сегодня?... Куда ты такъ спѣшишь?...

Мамулинъ. Кажется, тебѣ хочется, чтобъ я скорѣе ушелъ?...

Олинька. Мнѣ?... съ чего ты это взялъ?... (*вынимая изъ его жилета часы и смотря на нихъ, всторону*). Такъ и есть, мой часъ!... я едва могу выносить....

Мамулинъ. Зачѣмъ ты смотришь на часы?

Олинька. Такъ.... въ самомъ дѣлѣ, я замѣшкалась.... тебѣ ужъ пора на урокъ.... пей же скорѣе кофе....

Мамулинъ. Я не хочу кофе!...

Олинька. Капризъ!... (*смотря на него*). Но что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, съ тобою?... Отъ чего ты такъ раскраснѣлся?...

Мамулинъ. Я красенъ.... тѣмъ лучше!

Олинька. Волоса въ безпорядкѣ.... глаза такіе страшные....

Мамулинъ (*отталкивая ее, съ угрозой.*) Ольга!... Ольга!...

Олинька (*съ испугомъ*). Боже мой!...

Мамулинъ. Ты не понимаешь?...

Олинька. Что?

Мамулинъ. Что?

Олинька. Ну, да, что?...

Мамулинъ (*перемѣняя тонъ*). Налей мнѣ кофе!

Олинька (*хохоча*). Ха, ха, ха!... какой ты смѣшной!...

Мамулинъ (*принужденно смѣясь*). Ха, ха, ха!... (*серьозно*). Я тебѣ кажусь смѣшнымъ?...

Олинька. Да какъ же? Посмотрись въ зеркало, какія ты дѣлаешь гримасы!...

Мамулинъ (*въ сторону*). Тайна ея почти въ моихъ рукахъ.... надобно скрѣпиться и хитростью обнаружить всю глубину ея преступленія!...

Олинька. Ну, садись же къ столу.... (*Мамулинъ садится*). Тебѣ по-крѣпче?...

Мамулинъ (*въ сторону, обнюхиваетъ, обратясь къ комнатѣ налѣво*). Даже еще слышенъ табачный запахъ!...

Олинька. Что?

Мамулинъ (*въ сторону*). Но ужъ только бы мнѣ открыть преступника!...

Олинька. Что?...

Мамулинъ (*кричитъ*). Да что тебѣ нужно?

Олинька (*также кричитъ*). Я спрашиваю, какого тебѣ налить кофе: по-слабже или по-крѣпче?...

Мамулинъ (*такъ же.*) Крѣпче!... (*Она наливаетъ*). Нѣтъ! послабже!

Олинька. Богъ знаетъ, что съ тобой!... то крѣпче, то слабже!... я ужъ налила.... пей крѣпкій.... авось онъ сдѣлаетъ тебя полюбезнѣе!...

Мамулинъ (*стараясь казаться спокойнымъ и ласковымъ*). Любезнѣе?... а развѣ я не любезенъ?... Оля!... скажи откровенно... случалось-ли тебѣ видѣть мужчину лучше меня?... Случалось ли тебѣ любить кого-нибудь больше меня?...

Олинька. Что это тебѣ пришло въ голову?...

Мамулинъ (*разчувствовавшись, нѣжно*). Оля! неужели ты въ состояніи полюбить кого-нибудь больше меня?... Оля, Оля!.. скажи, вѣдь ты меня любишь?... по-прежнему все любишь?.. да?... вѣдь по прежнему?... (*преклоняетъ голову къ ея платью*).

Олинька. Неужели-жъ ты сомнѣваешься!... Какой-же ты рев-

нивецъ!... Берегись отъ этого порока, Сеничка.... ревность, говорятъ, приноситъ несчастіе!...

Мамулинъ. Нѣтъ, нѣтъ.... я не ревнивъ.... ты знаешь сама, что я не ревнивъ!...

Олинька. До-сихъ-поръ, конечно, ты не былъ ревнивъ!... (*въ сторону*). Мнѣ самой досадно, что я должна скрывать отъ него....

Мамулинъ (*обнюхавъ ея платье, съ крикомъ*). Ай!...

Олинька (*испугавшись*). Отъ чего ты такъ закричалъ?

Мамулинъ (*вскакивая, въ сторону*). Даже ея платье.... даже платье пахнетъ табакомъ!...

Олинька. Фу! какъ ты меня испугалъ!... закричишь, какъ съумасшедшій!... да что съ тобой сдѣлалось?... Укололся что-ли, ты?

Мамулинъ. Да.... укололся!... (*стараясь казаться спокойнымъ*). Я знаю.... чтобъ тебѣ понравится..... мнѣ, можетъ-быть, недостаетъ....

Олинька. Чего?...

Мамулинъ. Мало-ли чего!... Я чудакъ!... Другіе, на-примѣръ, позволяютъ себѣ все... все, чего я не терплю.... любятъ табакъ.... курятъ сигарки, папироски....

Олинька (*въ сторону, съ испугомъ*). Боже мой!... неужели онъ догадался?...

Мамулинъ (*замѣчая за ней*). Мало-ли есть вещей, которыхъ я не люблю.... я взялъ табакъ только для примѣра.... потому что нестерпимѣе его уже ничего не можетъ быть для меня!... я не могу выносить его запаха!... Ты, я думаю, помнишь, какъ еще была моей невѣстой, я далъ тебѣ слово, что никогда не буду курить табаку.... я сужу по себѣ.... ну, согласись, пріятно-ли тебѣ будетъ, если я накурюсь и потомъ поцѣлую тебя.... (*въ сторону*). Она покраснѣла!... потупила глаза!... Слова мои задѣли ее за живое!... Ясно! нѣтъ дѣйствія безъ причины!... Я чувствую, что у меня потъ выступилъ на лбу!... (*Отираетъ платкомъ лобъ*).

Олинька. Сеничка! я люблю тебя.... очень люблю!... ты это знаешь.... (*робко*) но если я....

Мамулинъ. Оля! у тебя есть страсть!...

Олинька. Страсть?...

Мамулинъ. Признайся!...

Олинька. Развѣ ты узналъ?...

Мамулинъ. Нѣтъ, я догадываюсь!...

Олинька. Но я....

Мамулинъ. Говори!...

Олинька. Но если я не могла....

Мамулинъ. Такъ это правда!...

Олинька. Если я не въ силахъ....

Мамулинъ. Несчастная!

Олинька. Прости меня!...

Мамулинъ. Никогда!

Олинька. Это капризъ!

Мамулинъ. Капризъ!... капризъ, который, можетъ-быть, начался еще до нашей свадьбы!...

Олинька. Нѣтъ, Сеничка... не больше трехъ дней.... (*движеніе Мамулина*). Но право, я не такъ еще виновата предъ тобой!...

Мамулинъ (*въ сторону*). Еще не виновата!... Слава Богу!

Олинька. Разсуди самъ.... тебя почти цѣлый день нѣтъ дома.... и я остаюсь одна.... вѣдь надо же мнѣ провесть какъ-нибудь время....

Мамулинъ. Это ужасно!.... и ты думаешь, что я....

Олинька. Сеничка!... ну, отчего-жъ бы не дѣлать тебѣ тогоже, что другіе.... что и я....

Мамулинъ. Никогда! я презираю людскія слабости, — я презираю глупыя страсти!...

Олинька. Сеничка! ради Бога, не сердись!...

Мамулинъ. Но я уничтожу все!...

Олинька. Ну, мы еще увидимъ.... я припрячу такъ, что ты не найдешь!...

Мамулинъ. Найду!... открою!... уничтожу!... выброшу въ окно.... выброшу и тебя вмѣстѣ!... (*жметъ ей руку*).

Олинька. Ахъ!... мнѣ больно!...

Мамулинъ. Я приведу твою мать.... я ей покажу твои штуки.... Я увѣренъ, что она такъ же, какъ я, тебя осудитъ!... Она женщина благоразумная и никогда бы не позволила тебѣ дѣлать такія вещи!...

Олинька. Ну, это еще не извѣстно!...

Мамулинъ. Нѣтъ, очень извѣстно!... Я ей скажу: «возьми, несчастная мать, твою непокорную дочь.... я не могу съ ней болѣе жить!...»

Олинька. Стыдитесь!... я никогда не ожидала, чтобъ вы были такъ злы!...

Мамулинъ. Ольга!...

Олинька. Я не понимаю, за что меня такъ обвинять?... Женщина остается одна.... цѣлый день скучаетъ безъ мужа.... и ужъ не позволь себѣ маленькаго удовольствія.... маленькаго развлеченія!... да этимъ удовольствіемъ безпрестанно пользуется ваша братья мужчины....

Мамулинъ. Ольга!... не выведи меня изъ терпѣнія!...

Олинька. Поди!... ты сегодня съ ума сошелъ!... (*уходитъ налѣво въ комнату*).

—

X.

Мамулинъ (*одинъ*). Это ужасно!... это невыносимо!... даже платье ея напитано этимъ мерзкимъ табакомъ!... и вѣдь ни почемъ.... отвѣчаетъ такъ спокойно.... какъ будто въ ея поступкахъ нѣтъ ровно ничего непозволительнаго!... Нѣтъ, ужъ это верхъ безстыдства!... о, я теперь на все готовъ!... я золъ, какъ тигръ!... ревность и досада поглотили всѣ прочія мои чувства!... я изобличу ее.... я напишу ея несчастной матери.... (*спохватясь*). Однако-жъ, прежде надо все-таки удостовѣриться собственными глазами.... но какъ же мнѣ увидѣть этого злодѣя?... когда онъ здѣсь бываетъ?... Анисья говорила, что онъ ходитъ сюда всякій день, во время моего отсутствія.... если-бъ мнѣ подкараулить.... такъ, чтобъ они ничего не знали.... но гдѣ?... (*осматриваетъ кругомъ комнату*).

—

XI.

МАМУЛИНЪ, ОЛИНЬКА.

Олинька (*выходя изъ комнаты налѣво, съ шляпой Мамулина и зонтикомъ*). Вотъ твоя шляпа.... перчатки.... и зонтикъ....

Мамулинъ (*мрачно*). Зачѣмъ ты мнѣ все это принесла?

Олинька. Какъ зачѣмъ?... вѣдь тебѣ пора на урокъ!... Я удивляюсь, что ты такъ сегодня замѣшкался.... кажется, ты такой аккуратный!....

Мамулинъ. Да, да.... (*въ сторону*). Понимаю, для чего ты меня выпроваживаешь!

Олинька. Да при нашемъ положеніи, нельзя тебѣ и не быть аккуратнымъ.... запоздаешь разъ, другой.... пожалуй, и отъ мѣста откажутъ.... и другаго возьмутъ.... вѣдь васъ много.... Но ты на меня не смотришь?... (*приблизясь къ нему, нѣжно*). Неужъ-ли ты все еще сердишься на меня?...

Мамулинъ (*въ сторону*). Какой обольстительный голосъ!.. прости, сирена!...

Олинька. Ну, перестань-же.... поцѣлуй меня.... не хорошо быть

такимъ сердитымъ!... вотъ ты разбранилъ меня, просто, безъ всякой причины.... а вѣдь и ничего.... ну, миръ!... неужели-жъ ты не хочешь.... такъ вотъ же тебѣ!... (*обнимаетъ и цѣлуетъ его*).

Мамулинъ (*въ сторону*). Измѣнница!... она хочетъ меня обольстить!... но нѣтъ.... я твердъ....

Олинька. Ну, ступай-же!... право, тебѣ пора!...

Мамулинъ (*въ сторону*). Я ей мѣшаю!... это ясно!... я ей мѣшаю....

Олинька. Что ты говоришь?...

Мамулинъ. Я говорю, что.... въ самомъ дѣлѣ.... пора.... (*въ сторону*). Ясно! она ждетъ этого разбойника!... у нихъ, вѣрно, назначенъ часъ.... но я не уйду далеко....

Олинька (*поставя зонтикъ къ окошку и вычистивъ щеткой шляпу*). Возьми-же шляпу.... Нѣтъ, постой, дай, я сама на тебя надѣну! (*надѣвъ на него шляпу*). Какой ты молодецъ, право!... какой хорошенькой!...

Мамулинъ (*въ сторону*). Не обольстишь! я тебѣ говорю!.. я твердъ!...

Олинька. Право, тебѣ вовсе не къ лицу сердиться!...

Мамулинъ. Развѣ я сержусь?...

Олинька. Теперь нѣтъ.... но давича.... да я тебя прощаю!... готова даже сама у тебя просить прощеніе.... Нѣтъ, мой дружокъ, намъ надо исправиться.... возьми вотъ перчатки.... не запаздывай къ обѣду.... да когда возвратишься, — звони посильнѣе.... я иногда сижу въ той комнатѣ и ничего не слышу....

Мамулинъ. Такъ ты хочешь, чтобъ я предупредилъ свой приходъ сильнымъ звономъ....

Олинька. Разумѣется!... Но что опять съ тобою?..

Мамулинъ. Ничего.... Прощай!... (*Поспѣшно уходитъ въ среднюю дверь.*)

Олинька. До свиданія, мой дружокъ!...

—

XII.

Олинька, одна.

Онъ меня подозрѣваетъ!... непремѣнно подозрѣваетъ!... Ужъ не даромъ привязывался ко мнѣ.... не даромъ хотѣлъ поссориться.... не даромъ мѣшкалъ идти на урокъ!... я понимаю, ему хотѣлось помучить меня.... онъ видѣлъ, что я едва могла выносить.... Боже мой! что со мною сдѣлалось?... Я обманываю мужа!... мнѣ со-

вѣстно было глядѣть ему въ глаза.... а между тѣмъ, я едва дождалась, чтобъ онъ ушелъ изъ дома!... но наконецъ, я одна.... (*Запираетъ дверь ключемъ*). Наконецъ я могу побесѣдовать съ моимъ милымъ дружкомъ!... наконецъ, могу насладиться!... (*Осматриваясь и вынимая изъ кармана пачку папиросъ въ оберткѣ, беретъ одну туда и показываетъ публикѣ*). Вотъ они!...

Папироска, другъ мой тайный,
Какъ тебя мнѣ не любить?...
Не по прихоти-жъ случайной
Стали всѣ тебя курить!
Силой чудной, непонятной
Ты зажгла во мнѣ любовь,
Дымъ твой легкій, ароматный
Мнѣ пріятнѣй всѣхъ духовъ!
Я курю — а сердце бьется!
Дымъ бѣжитъ — и взоръ слѣдитъ,
Какъ онъ кольцами завьется
Или струйкою летитъ!
Онъ мечты мои покоитъ,
Я вкушаю нектаръ въ немъ,...
И все это въ мѣсяцъ стоитъ
Рубль-шесть гривенъ серебромъ!..

Скорѣе, скорѣе, пока я одна.... Гдѣ спички?... а! вотъ!... (*беретъ спичку*). Ахъ! какъ страшно!... Что, если бъ Сеничка засталъ меня съ папироской?... вѣдь онъ выбросилъ бы меня вмѣстѣ съ нею въ окно!... онъ давича самъ сказалъ!... а курить ужасно хочется!... нѣтъ! я не въ силахъ больше!... (*Зажигаетъ спичку, напѣвая въ-полголоса.*)

Мужъ запретилъ мнѣ нюхать табакъ!...

(*Закуриваетъ папироску*). Ахъ!... ахъ, какъ вкусно!... (*Слышенъ сильный стукъ въ среднихъ дверяхъ.* Боже мой! кто-то стучитъ!... (*Стукъ сильнѣе*). Кто тамъ?... (*Стоитъ въ смущеніи, держа въ рукахъ папироску и спичку.*)

—

XIII.

МАМУЛИНЪ, ОЛИНЬКА.

Мамулинъ, (*за дверьми.*) Это я!...

Олинька (*бросая на полъ спичку*). Сеничка!...

Мамулинъ. Отвори!...

Олинька (*стараясь загасить папироску*). Сейчасъ!... погоди!... сію-минуту!... (*Въ сторону*). Куда мнѣ ее спрятать?... ахъ!...

Мамулинъ. Отвори скорѣе!...

Олинька (*пряча папироску въ карманъ*). Иду!... иду!... (*про себя*). Боже мой!... я, можетъ быть, сгорю!...

Мамулинъ (*стуча еще сильнѣе*). Да что ты дѣлаешь?...

Олинька (*отворяя дверь*). Сейчасъ!... что за нетерпѣніе!...

Мамулинъ (*войдя испуганный въ комнату*). Отчего ты такъ долго не отворяла?... (*Осматривая съ любопытствомъ комнату*). Что ты дѣлала?... (*Обнюхивая, въ сторону*). Пахнетъ!... пахнетъ!...

Олинька (*съ смущеніемъ*). Что я дѣлала?... я.... я готовила обѣдъ ... (*показывая направо*) тамъ....

Мамулинъ (*показывая также направо*). Тамъ?... (*бѣжитъ опрометью въ дверь направо*).

Олинька. Что это съ нимъ?... зачѣмъ онъ туда побѣжалъ?...

Мамулинъ (*выходя изъ двери*). Тамъ нѣтъ!

Олинька. Что тебѣ нужно?... Чего ты ищешь?...

Мамулинъ (*вспыхнувъ*). Чего я ищу?... ты спрашиваешь, чего я ищу?... (*усмирясь*). Зонтикъ!... я забылъ взять.... (*вскрикивая*). Ахъ!... онъ долженъ быть тамъ!... (*Убѣгаетъ опрометью въ комнату налѣво*).

Олинька (*смѣясь*). Постой! куда ты?... тамъ нѣтъ зонтика!... я принесла его сюда.... вонъ онъ!...

Мамулинъ (*показываясь, въ сторону*). И тамъ нѣтъ!... однако жъ, Анисья мнѣ сказала, что сама видѣла, какъ онъ вошелъ къ намъ на крыльцо!... да и пахнетъ!... пахнетъ табакомъ!... а ужъ какъ хотите, нѣтъ дѣйствія безъ причины!...

Олинька. Вонъ твой зонтикъ!

Мамулинъ. Гдѣ?

Олинька (*показывая на окно*). У окна!...

Мамулинъ (*подходя къ окну*). Въ самомъ дѣлѣ.... Я было пошелъ, да такія тучи.... того гляди, дождь польетъ!... (*Незамѣтно для Олиньки отодвигаетъ у окна задвижки*).

Олинька. Такъ ты для зонтика только и вернулся?

Мамулинъ (*взявъ зонтикъ*). Да.... да....

Олинька. Но отчего-жъ ты такой сердитый вошелъ сюда?...

Мамулинъ. Сердитый!... Взбѣсишься по неволѣ, какъ требу-

ешь понапрасну.... (*въ сторону*). Ну, ужъ быть сегодня грозѣ, только не тамъ, а здѣсь!... (*Машетъ зонтикомъ*).

Олинька. Такъ ты не пойдешь на урокъ?...

Мамулинъ. Нѣтъ, пойду!... развѣ ты не видишь?... хоть запоздаю, а пойду!...

Олинька (*ласкаясь къ нему*). Бѣдняжка!... Берегись, пожалуйста.... Если пойдетъ дождь, зайди лучше куда нибудь обождать...

Мамулинъ. Хорошо, хорошо!... зайду!... (*въ сторону*). Пахнетъ!... пахнетъ табакомъ и отъ нея!... о, если ты меня обманула!... берегись!...

Олинька. Ступай же, пока не пошелъ дождь!...

Мамулинъ. Иду.... а ужъ гроза будетъ сегодня!... страшная гроза будетъ!... (*Уходитъ въ среднюю дверь. — Олинька тотчасъ же замыкаетъ ее*).

—

XIV.

Олинька, одна. Она зажигаетъ спичку и закуриваетъ снова папироску.

Ахъ, какъ онъ испугалъ меня съ своимъ зонтикомъ!... я не могу еще успокоиться!... Очень нужно было вернуться.... (*напѣваетъ снова*).

Мужъ запретилъ мнѣ нюхать табакъ....
Одинъ разъ въ день и больше никакъ!...

(*Куритъ*). Ахъ!... ахъ, какъ пріятно.... я готова вмѣстѣ плакать и смѣяться отъ удовольствія!... (*кашляетъ и садится въ кресла*). Даже сердце замираетъ!... (*куритъ*). А дымокъ-то? дымокъ?... вьется.... струится!... клубится!... жаль, что я не умѣю пускать колечекъ... (*продолжая арію*).

Мужъ запретилъ мнѣ нюхать его.... и проч.

(*Оркестръ играетъ подъ сурдиной арію изъ оперы: «Совсѣмъ приборомъ Сатана», мужъ запретилъ мнѣ нюхать табакъ.— Олинька, развалясь въ креслахъ, наслаждается куреньемъ папироски*). Какое наслажденіе сидѣть вотъ такъ.... развалясь въ креслахъ.... съ полузакрытыми глазами.... съ поднятымъ кверху носомъ.... и ничего не дѣлать!... когда я курю и прищурю глаза.... мнѣ

представляются въ клубахъ этаго ароматнаго дыма, какъ въ сладкомъ снѣ, какія-то все чудныя видѣнія и между ними фигура Сенички.... съ необыкновенной, очаровательной улыбкой на лицѣ!... я прихожу въ какое то пріятное опьяненіе.... (*половина окна тихо открывается*) въ какой-то неизъяснимый восторгъ.... мнѣ хотѣлось бы просидѣть цѣлый день, бесѣдуя съ моей милой папироской!...

—

XV.

МАМУЛИНЪ, ОЛИНЬКА.

Мамулинъ (*показываясь въ окнѣ и стараясь быть незамѣченнымъ Олинькой*). Нѣтъ, ужъ ты не услышишь звонка!... (*Почувствовавъ запахъ табака*). Пфу!... какой сильный запахъ!... дымъ такой, что въ горло лѣзетъ!... Гмъ!... (*Переходя изъ окна въ комнату, роняетъ зонтикъ*).

Олинька. Что это!... (*увидя мужа*). А!!... (*поспѣшно встаетъ и хочетъ бѣжать въ дверь направо*).

Мамулинъ. Оля!... останься!...

Олинька (*пряча папироску позади себя*). Что это значитъ?... Отчего это ты въ окно....

Мамулинъ. А!... тебѣ удивительно, что я вошелъ, не предупредивъ тебя?... не давъ этому злодѣю средства убѣжать отсюда?

Олинька. Кому?... какому злодѣю?...

Мамулинъ. Несчастная!... Ты хочешь и теперь лгать!.. тому, кого ты принимаешь здѣсь во время моихъ отсутствій!...

Олинька. Я?...

Мамулинъ. Гдѣ онъ?

Олинька. Да кто?

Мамулинъ. Но развѣ ты не видишь, что я все знаю!...

Олинька. Что же такое?

Мамулинъ. Мой домъ зараженъ запахомъ табаку!... онъ обличаетъ тебя, несчастная!...

Олинька. Боже мой!... я не думала!...

Мамулинъ (*приближаясь къ ней*). Онъ душитъ меня!... тер-

заетъ!... (*она отодвигается отъ него*). Куда?... (*схватываетъ ее за правую руку, въ которой у ней папироска*). Ай!... я обжогся!...

Олинька. Пусти, оставь меня!...

Мамулинъ, (*поднимая ея руку, и замѣтя папироску*). Это что такое?

Олинька. Сеничка! прости меня!...

Мамулинъ. Папироска!...

Олинька. Виновата!... я покупала и курила ихъ тихонько отъ тебя!... вотъ и сегодня я ходила не за иголками, а за папиросками!... Сеничка! Это единственная моя страсть, послѣ моей любви къ тебѣ!... Ты говорилъ такъ много дурнаго о табакѣ.... другіе, напротивъ, хвалили безъ ума.... мнѣ захотѣлось узнать истину самой.... Я пробовала.... и мнѣ понравилось.... очень понравилось!... Вотъ тебѣ важная исповѣдь постигшаго меня несчастія!... но я, право, курю еще немного.... двѣ, три папироски въ день.... не больше!...

Мамулинъ. Ты куришь!...

Олинька (*становясь предъ нимъ на колѣна*). Сеничка!... прости меня!...

Мамулинъ. О, нѣтъ.... бѣдняжка! душка моя!... не ты, а я виноватъ предъ тобой.... я смѣлъ подозрѣвать тебя.... съ ума сходилъ отъ ревности!...

Олинька. Ты ревновалъ меня?...

Мамулинъ. Я думалъ, что ты здѣсь прячешь какого нибудь негодяя — курильщика....

Олинька. Ты ревнивъ!... Ахъ, какъ это дурно!...

Мамулинъ (*становясь также предъ нею на колѣна*). Олинька!... виноватъ!... прости меня!...

Олинька. Ну, ужъ такъ и быть. Простимъ другъ-друга!... Я буду стараться даже не курить, если тебѣ непріятно!...

Мамулинъ. Напротивъ, мы будемъ курить вмѣстѣ!... я постараюсь привыкнуть.

Олинька (*вынимая изъ кармана другую папироску*). Не хочешь ли, я тебѣ дамъ.... вотъ!...

Мамулинъ. Дай, дай!... (*Они оба стоятъ на колѣнахъ. Мамулинъ закуриваетъ папироску, приложа ее къ папироскѣ, которую куритъ Олинька.*)

Олинька (*говоря и куря*). Это чудесныя папироски!...

Мамулинъ (*также*). Странно!... я прежде терпѣть не могъ....

Олинька. Согласись! вѣдь это преглупо... ну, а теперь, что?...

Мамулинъ (*куря*). Ничего!...

Олинька. Постой, ты еще втянешься, покури побольше.... вѣдь ты не можешь представить, какъ пріятно!...

Мамулинъ. Право?... ахъ.... (*кашляетъ*). Пуфъ!...

Олинька. Ничего, не бойся, кури... (*Слышенъ стукъ въ дверь, Они оба быстро встаютъ. Стукъ сильнѣе*).

—

XVI.

Тѣ же, Анисья, за дверьми.

Мамулинъ (*басомъ*). Никого нѣтъ дома!

Анисья. А! Семенъ Андреичъ! вы ужъ вернулись!...

Олинька. Да это Анисья!...

Мамулинъ. Что тебѣ нужно?...

Анисья. Я хотѣла вамъ сказать.... вотъ про офицера.... что ходитъ всякій день по нашей лѣстницѣ.... вотъ что еще куритъ.

Мамулинъ. Ну?...

Анисья. Я теперь узнала за достовѣрное.... онъ дѣйствительно ходитъ въ третій этажъ.... знаете, къ той дѣвушкѣ, что шьетъ!

Мамулинъ. Ну, пускай себѣ ходитъ!... Ступай, отваливай! Ты намъ не нужна!...

Анисья Слушаю-съ!... (*отходитъ отъ двери*).

Олинька. О какомъ это офицерѣ она говорила?... (*куритъ*).

Мамулинъ. Нѣтъ, такъ.... ничего.... я тебѣ разскажу послѣ!... Но, право, вѣдь это премило!... Ты мнѣ очень нравишься съ папироской.

Олинька. Такъ ты прощаешь мнѣ этотъ капризъ?

Мамулинъ. Не только прощаю, даже радуюсь!... Онъ мнѣ даетъ идею....

Олинька. Какую идею?...

Мамулинъ (*взявъ ее за талію*). Вѣдь эта прихоть, можетъ-быть ведетъ....

Олинька. Къ чему?

Мамулинъ. Къ третьему.... знаешь?...

Олинька (*потупивъ глазки*). Ну, полно!...

Мамулинъ. Я вѣрно правъ!... Нѣтъ дѣйствій безъ причины!...

ОБА.

Ахъ, какъ счастливъ мужъ съ женою,
Если нѣжитъ ихъ покой!...
Но чтобъ быть въ ладу съ судьбою,
Нуженъ третій, вотъ такой!...

(*Намекаютъ жестомъ на малютку.*)

МАМУЛИНЪ.

Да у насъ, ужъ безъ сомнѣнья,
Будутъ эти молодцы....

(*Къ публикѣ.*)

Я прошу безъ исключенья,
Всѣхъ васъ въ крестные отцы!..

Олинька.

А теперь для этихъ крошекъ,
Насъ не худо бъ поощрить,
И хоть тѣмъ, въ замѣнъ бомбошекъ,
Водевиль нашъ подсластить!...

ДА ИЛИ НѢТЪ,

ИЛИ

РОКОВОЕ ПИСЬМО.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

П. КАРАТЫГИНА.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Владиміръ Петровичъ Случаевскій.
Александръ Ивановичъ Луринъ.
Софья Ивановна Томилова, его сестра, молодая вдова.
Ѳедоръ Андреевичъ Кольчугинъ, полковникъ.
Артемій } слуги Случаевскаго.
Иванъ }
Семенъ, слуга Кольчугина.

—

Дѣйствіе въ С. Петербургѣ.

Сцена представляетъ порядочно меблированную комнату. По сторонамъ двѣ двери; въ срединѣ общій выходъ.

I.

АРТЕМІЙ и СЕМЕНЪ.

Семенъ (*въ дверяхъ*). Да поди-же братецъ.... доложи ему.

Артемій. Я вѣдь ужъ докладывалъ; онъ велѣлъ подождать.

Семенъ. Да мнѣ дожидаться-то нѣкогда, полковникъ меня будетъ бранить.

Артемій. А мнѣ-то что-же дѣлать? Онъ вѣрно пишетъ отвѣтъ.

Семенъ. Я вѣдь ужъ цѣлый часъ дожидаюсь. Мнѣ полковникъ надавалъ столько приказаній, что къ обѣду не исправишь. Мнѣ пустаго то раздобарывать нѣкогда.... Эхъ, важная квартера! Что, чай, вы дорого платите?

Артемій. Не знаю.... это дѣло хозяйское.

Семенъ. И улица-то веселая.... не дешево, я думаю.

Артемій. Я думаю.

Семенъ. А вы давно у него служите?

Артемій. Лѣтъ пятнадцать, по болѣе.

Семенъ. Стало быть, хорошій баринъ?

Артемій. Стало быть хорошій.

Семенъ. Нѣтъ, мой такъ горячь.... Въ антилеріи служилъ; чуть что не по немъ, тотчасъ вспыхнетъ.... Подиже, братецъ, доложи; мнѣ нѣкогда пустяки-то говорить....

Артемій. Постой, постой.... вотъ онъ и самъ идетъ.... подиже, подожди въ передней. (*Семенъ уходитъ.*)

—

II.

СЛУЧАЕВСКІЙ и АРТЕМІЙ.

Случаевскій (*съ письмомъ въ рукахъ*). Уфъ, голова идетъ кругомъ.... Ничего не могу придумать.... просто хоть въ узелки играй, или полѣзай въ петлю.... Какой чудакъ! Можно-ли этакъ приставать. — Что тебѣ надобно?

Артемій. Да тамъ человѣкъ отъ Ѳедора Андреича дожидается?

Случаевскій. Чего же онъ хочетъ?

Артемій. Отвѣта проситъ.

Случаевскій. Отвѣта! Чортъ возьми, что-же я буду отвѣчать?

Артемій. Не знаю сударь! Что прикажете, то и скажу.

Случаевскій. Ну, такъ вотъ что: скажи ему, чтобъ онъ подождалъ.

Артемій. Да вѣдь онъ ужъ цѣлый часъ дожидается.

Случаевскій. Ну, такъ позови его сюда.

Артемій (*за дверь*). Войди сюда.

Семенъ (*входитъ*). Здравія желаю, ваше благородіе.

Случаевскій. Такъ Ѳедоръ Андреичъ отвѣтъ велѣлъ проситъ?

Семенъ. Точно такъ, ваше благородіе.

Случаевскій (*садясь къ столу*). Хорошо, братецъ, хорошо.... я сейчасъ напишу.

Семенъ. Эге! такъ онъ еще не писалъ!

Случаевскій. Нѣтъ, это неучтиво.... Послушай, любезный, ты лучше скажи ему, что не засталъ меня дома.

Семенъ. Помилуйте, ваше благородіе, вы знаете, его высокоблагородіе такіе горячіе, спросятъ, гдѣ я цѣлый часъ шатался? Вѣдь мнѣ плохо будетъ, ваше благородіе.

Случаевскій. Да, это не хорошо, неловко. Такъ кланяйся же ему и доложи, что я самъ черезъ четверть часа пріѣду; слышишь?

Семенъ. Слушаю-съ.

Случаевскій. Ну, ступай съ Богомъ (*Семенъ уходитъ*).

—

III.

Случаевскій (*одинъ*). Какое дурацкое положеніе! Вотъ люди! они думаютъ, что рѣшиться на женитьбу все равно, что выпить стаканъ воды. Я пятнадцать лѣтъ собираюсь жениться, а тутъ рѣши въ полчаса (*читаетъ*). «Если ты сегодня до 12 часовъ не «пришлешь рѣшительнаго отвѣта, то я рѣшительно отказываюсь «быть твоимъ сватомъ; послѣ приходи ко мнѣ, или напиши, ко«ротко и ясно: *да*, или *нѣтъ*,— и дѣло кончено.»—Да, легко сказать да, а какъ раздумаешь, такъ и выходитъ нѣтъ, погоди, а тутъ погодить то и не даютъ времени, и что за причина, что онъ такъ торопится? Загорѣлось-же этому полковнику, видно, что служилъ въ артиллеріи.... Боже мой! что станешь дѣлать, гдѣ бы мнѣ найти толковаго человѣка.... съ кѣмъ-бы хоть посовѣтоваться.... Эй, человѣкъ! Артемій! (*Артемій входитъ*). Дай мнѣ.... сигару. Нѣтъ, онъ глупъ; впрочемъ и дуракъ можетъ иногда дать дѣльный совѣтъ. Послушай, Артемій, ты не женатъ?

Артемій. Никакъ нѣтъ съ, вольный казакъ.

Случаевскій. Болванъ, есть чѣмъ хвастать.... ну, что тутъ хорошаго, къ чему дураку воля?

Артемій. Да вѣдь и вы Владиміръ Петровичъ, тоже, какъ я, холостые.

Случаевскій. Тоже! я совсѣмъ не тоже!

Артемій. Извѣстно, вы—благородные, а я человѣкъ служащій.... Впрочемъ, коли съ молоду не женился, такъ теперь ужъ, какъ за сорокъ-то перевалило, такъ и поздненько.

Случаевскій. Вотъ, спрашивай совѣта у этого чурбана!... Отчего же поздно? Что-жъ и я, по-твоему старикъ, что-ли?

Артемій. Нѣтъ-съ, я о себѣ говорю, а вы, разумѣется, другое дѣло.

Случаевскій. Отчего-жъ ты прежде не женился?

Артемій. Да невѣсты хорошей не было.

Случаевскій. Ну, а если-бъ была?

Артемій. Ну, у кого есть, такъ почему-же.... можно, очень можно. Да только, чтобъ у ней было приданое, какое-ни на есть.... да чтобъ тещи не было — эта штука, лишнее бревно въ дому.

Случаевскій. Да, и у меня будетъ теща.

Артемій. По нашему глупому разуму надо, чтобъ жена была, такъ сказать, любовная и послушная, умѣла бы шить по выкройкѣ, такъ, что и жилетку смастерила бы, или другое что, и на сторону бы брала работу, и дома, какъ слѣдуетъ, а главное, чтобъ была трезваго поведенія, да и къ кофею не слишкомъ была прилипчива.

Случаевскій. Ну, ужъ ты вздоръ началъ молоть, отъ тебя видно толку не добьешься.... убирайся.

Артемій. Слушаю съ. Впрочемъ, если у васъ, батюшка Владиміръ Петровичъ, есть на примѣтѣ невѣста, такъ я, пожалуй, согласенъ, коли прикажите.

Случаевскій. Вотъ дуракъ! Неужели-жъ ты думалъ, что я о тебѣ хлопочу.

Артемій. Да вѣдь вы изволили спрашивать.

Случаевскій. Пошелъ къ чорту, ты мнѣ надоѣлъ. (*Артемій уходитъ*). Въ самомъ дѣлѣ, если-бъ не было тещи, да если-бъ въ лѣтахъ нашихъ не было такой разницы, такъ оно, конечно, рѣшиться не трудно, а то, какъ подумаешь: мнѣ ужъ подъ сорокъ, а ей восемьнадцать, это ужъ будетъ въ полномъ смыслѣ половина. Не искать же мнѣ невѣсты ровесницы. Пересидѣлая дѣва тоже не находка.... Вотъ, если-бъ молоденькая вдовушка, такъ оно какъ-то приличнѣе нашему брату, да гдѣ жъ ее взять!... однако-жъ время уходитъ.... Скоро двѣнадцать часовъ, старикъ шутить не любитъ, того гляди, самъ прилетитъ за отвѣтомъ.... Да, надо рѣшится; напишу, что согласенъ, а тамъ пусть будетъ, какъ угодно судьбѣ:

«Милостивый государь, Ѳедоръ Андреевичъ! Рука вашей племянницы можетъ вполнѣ меня осчастливить. Увѣренный въ вашемъ

«расположеніи, я поручаю мою судьбу вашему ходатайству» и проч. и проч.

—

IV.

СЛУЧАЕВСКІЙ и ЛУРИНЪ.

Луринъ. Не безпокойся, любезный, я войду безъ доклада!

Случаевскій. Кто тамъ шумитъ? Ужъ не дядюшка-ли?

Луринъ. Вольдемаръ!

Случаевскій. Что я вижу? Луринъ! Ты-ли это? Какими судьбами?

Луринъ. Здравствуй, любезный Вольдемаръ! Извини, если я тебѣ помѣшалъ, но мнѣ хотѣлось удивить тебя моимъ сюрпризомъ.

Случаевскій. Напротивъ, напротивъ, ты явился кстати, какъ нельзя болѣе. Душевно радъ, старый мой дружище. Въ эту минуту я дѣлаюсь настоящимъ фаталистомъ. Четверть часа назадъ, я просилъ судьбу послать мнѣ друга, и она исполнила мое желаніе.... Обними меня еще разъ, мой добрый другъ; давно-ли ты изъ Одессы?

Луринъ. Я здѣсь уже четвертый день.

Случаевскій. Гдѣ же ты остановился?

Луринъ. У Кулона.

Случаевскій. Ну, не стыдно-ли тебѣ со мной церемониться? Ты знаешь, что мои объятія и двери всегда для тебя открыты.

Луринъ. Очень благодаренъ; но я пріѣхалъ не одинъ, со мной моя сестра.

Случаевскій. Возможно-ли? Софья Ивановна! и съ мужемъ?

Луринъ. Какъ съ мужемъ: развѣ ты не знаешь, что она еще въ прошломъ году овдовѣла?

Случаевскій. Неужели? Ахъ бѣдный Кузьма Петровичъ, кажется, вѣдь его такъ звали? Впрочемъ дѣло прошлое, а покойникъ былъ совсѣмъ не пара твоей умной, живой и веселой сестрицѣ.... Ну, да Богъ съ нимъ; объ мертвыхъ не надо дурно говорить.... Какъ бы я былъ радъ увидѣть Софью Ивановну.

Луринъ. О, я увѣренъ, что и ей будетъ пріятно съ тобой встрѣтиться и, знаешь-ли? въ надеждѣ на твою старинную дружбу, мы хотѣли сегодня воспользоваться твоею снисходительностію.

Случаевскій. Зачѣмъ-же дѣло стало? Я весь къ вашимъ услугамъ.

Луринъ. Вотъ въ чемъ дѣло: въ вашемъ Петербургѣ столько новаго и любопытнаго, что такой краснорѣчивый чичероне, какъ ты, былъ бы намъ необходимъ.

Случаевскій. О, для такихъ друзей меня хоть въ ухо вдѣнь.

Луринъ. Я былъ въ этомъ увѣренъ, и такъ по рукамъ: до пяти часовъ мы въ твоемъ распоряженіи, а потомъ ты обѣдаешь вмѣстѣ съ нами.

Случаевскій. Изволь, изволь, дружище.... ну, а на долго-ли вы къ намъ?

Луринъ. Самъ не знаю: если судьба улыбнется, я, можетъ-быть, навсегда здѣсь поселюсь.

Случаевскій. Прекрасно.

Луринъ. Завтра все должно рѣшиться. Поздравь меня, мой другъ, я можетъ быть, здѣсь женюсь.

Случаевскій. Неужели! это безподобно! О теперь то я вижу, что ты мнѣ другъ, что у насъ съ тобой какая то непонятная симпатія.

Луринъ. Что ты хочешь сказать?

Случаевскій. Послѣ, послѣ. Разсказывай прежде свой романъ.

Луринъ. Ты вѣрно не удивишься, если я тебѣ скажу, что я давно уже влюбленъ въ одну милую дѣвицу, институтскую подругу моей сестры.

Случаевскій. Что-жъ тутъ удивительнаго, я самъ тоже.... Но обо мнѣ послѣ — продолжай!

Луринъ. Позволь мнѣ умолчать объ ея фамиліи. Если ты ее не знаешь, — это тебѣ не любопытно, въ противномъ случаѣ, мнѣ не хотѣлось бы ее компрометировать.

Случаевскій. Резонъ, резонъ.

Луринъ. Вчера мы съ сестрой были у ней. Матушка ея меня обласкала, я съ ней объяснился.... и завтра она хотѣла мнѣ дать рѣшительный отвѣтъ.

Случаевскій. Вотъ люблю! весь въ меня, я тоже человѣкъ рѣшительный. Поздравь же и ты меня въ свою очередь — у меня тоже есть на примѣтѣ невѣста.... твоя судьба рѣшается завтра, а моя сегодня.

Луринъ. Неужели? И все кончено?

Случаевскій. Все кончено — надо только отвѣчать *да*, или *нѣтъ*.

Луринъ. И ты отвѣчалъ?

Случаевскій. Нѣтъ еще: но я сегодня непремѣнно рѣшусь на то или на другое.

Луринъ. Въ чемъ же у тебя затрудненье?

Случаевскій. Вотъ хорошъ вопросъ!... Да развѣ это легко? Да развѣ на это не страшно рѣшиться?

Луринъ. Что-жъ тутъ страшнаго? Если женихъ и невѣста любятъ другъ друга, и дѣло кончено. Вѣдь ты, вѣроятно, любишь ее?

Случаевскій. Ее нельзя не любить: она прехорошенькая.

Луринъ. Ну, а она тебя?

Случаевскій. Ну, этого я не могу навѣрно сказать. Впрочемъ, она со мною очень ласкова и любезна, но до объясненія еще дѣло не доходило.

Лугинъ. Такъ, какъ же ты хочешь свататься?

Случаевскій. Ея дядюшка берется все уладить.

Луринъ. Ну, братъ, такое сватовство для меня вещь непонятная. Ты, стало быть, хочешь жениться, такъ, потому-что тебѣ надоѣла холостая жизнь?

Случаевскій. Да, конечно: это во-первыхъ, а во-вторыхъ она прехорошенькая и съ достаточнымъ приданымъ.

Луринъ. Но развѣ этого достаточно для супружескаго счастія?

Случаевскій. Что-же еще нужно?

Луринъ. Надо, чтобы вы взаимно любили другъ друга.

Случаевскій. Полно, пожалуйста, любовь для меня дѣло постороннее. Я на своемъ вѣку бывалъ дружкой на такихъ свадьбахъ, гдѣ молодые съ ума сходили отъ взаимной любви, и чрезъ полъ-года готовы были глаза другъ другу выцарапать и случалось на оборотъ: люди женились безо всякой страсти, а жили очень счастливо; смѣйся надо мною, какъ хочешь, а я фаталистъ въ душѣ; вѣрю, какъ мусульманинъ, въ предопредѣленіе. Кто чѣмъ больше умничаетъ, тѣмъ скорѣе попадется въ дураки. Не даромъ и древніе представляли и Амура и Фортуну съ завязанными глазами.... Все дѣло слѣпаго случая, а мы, какъ дѣти, играемъ въ жмурки. Вотъ моя философія.

Луринъ. Ну, признаюсь, если-бъ я имѣлъ такія правила, я бы никогда не женился.

Случаевскій. Всякій судитъ по своему. У меня на эти вещи своя точка зрѣнія.

Луринъ. Но будешь-ли ты счастливъ? вотъ въ чемъ запятая.

Случаевскій. Въ мои года поздно разыгрывать аркадскаго пастушка и рано отказываться отъ супружеской жизни. Впрочемъ,

если мы съ тобой разно смотримъ на вещи, то можетъ быть, это не помѣшаетъ намъ одинаково быть счастливыми.

Луринъ. Дай Богъ! Душевно желаю.

Случаевскій. Но извини, пожалуйста, ты явился ко мнѣ въ критическую минуту.... а рѣшительный часъ приближается. Письмо у меня почти совсѣмъ готово.... черезъ полъ-часа я къ твоимъ услугамъ.

Луринъ. О, я не хочу тебѣ мѣшать, особливо въ такомъ важномъ дѣлѣ, гдѣ необдуманная поспѣшность можетъ быть причиною несчастія. Мы даже можемъ съ сестрой отложить наше предположеніе до другаго времени и не будемъ тебя сегодня безпокоить.

Случаевскій. Напротивъ.... теперь-то мнѣ и необходимо развлеченіе. Пожалуйста, не церемонься со мною.

Луринъ. Въ такомъ случаѣ черезъ полъ-часа мы пріѣдемъ за тобою.

Случаевскій Прекрасно.... я васъ жду.

Луринъ. И такъ, до свиданія. Только я бы, какъ другъ, посовѣтовалъ тебѣ не торопиться.... Развѣ нельзя отвѣтъ отложить на нѣсколько времени, обдумать?

Случаевскій. Ты все-таки хочешь, чтобы я думалъ по твоему — ты забываешь, что я фаталистъ.

Луринъ. Чудакъ! Ну, дѣлай, какъ знаешь. До свиданія! (*Уходитъ.*)

—

V.

Случаевскій (*одинъ, потомъ* Артемій). Однакожъ, онъ своимъ противорѣчіемъ сбилъ меня съ толку.... Въ самомъ дѣлѣ, не попросить-ли дядюшку объ отсрочкѣ? Нѣтъ; во-первыхъ, это неучтиво, а во-вторыхъ, это ни къ чему не поведетъ: я задамъ себѣ новую пытку и ничего путнаго не придумаю. Цѣлую недѣлю я его мучу своей нерѣшительностію.... Боже мой, двѣнадцатаго половина.... если онъ самъ придетъ.... я погибъ.... Что-же мнѣ дѣлать? Ахъ! какая счастливая мысль! поддержимъ, осуществимъ вполнѣ нашу теорію: пусть рѣшитъ *судьба* мою будущность, она вѣрно умнѣе меня распорядится.... Рѣшено! Вотъ роковое письмо, въ немъ я соглашаюсь на женитьбу — прекрасно! напишемъ же теперь другое съ отказомъ:

«Милостивый государь, Ѳедоръ Андреевичъ! Хотя ваша пле-«мянница вполнѣ бы могла меня осчастливить, но такъ какъ я

«до-сихъ-поръ не имѣлъ ни малѣйшаго случая, замѣтить ея осо-«беннаго расположенія къ себѣ, то никакъ не могу рѣшиться ис-«кать ея руки. Долгомъ считаю благодарить васъ за ваше оте-«ческое обо мнѣ попеченіе, и надѣюсь, что мой отказъ не пере-«мѣнитъ вашего ко мнѣ расположенія». Рѣшено и подписано! (*Звонитъ, входитъ Артемій.*) Подай свѣчку. И такъ — дѣло кончено: въ одной рукѣ согласіе, въ другой отказъ. Вотъ въ полномъ смыслѣ, женитьба на выдержку.

Артемій. Вотъ, сударь, свѣча.

Случаевскій. Хорошо. (*Отвернувшись*). Артемій!

Артемій. Чего изволите?

Случаевскій. На столѣ лежатъ два письма?

Артемій. Лежатъ, сударь.

Случаевскій. Положи ихъ въ одинакіе конверты.

Артемій. Слушаю-съ. Ну, а какъ я ихъ перемѣшаю?

Случаевскій. Дуракъ. Въ одинакіе — понимаешь?

Артемій. Да, да, да, точно — тутъ мудрено перемѣшать. Вотъ нынче намъ какая честь; хоть ни аза въ глаза не знаемъ, а письменными дѣлами занимаемся...

Случаевскій. Ну, что-же, готово-ли?

Артемій. Готово-съ.

Случаевскій. Ну, хорошо, пусти-же меня. Теперь запечатаемъ.... и пусть судьба рѣшитъ остальное!

Артемій. Что онъ за штуки сегодня выдумываетъ? этого съ нимъ не бывало никогда.... должно быть, что нибудь такое...

Случаевскій. Ну, кончено.... что-то будетъ! Дай шляпу.

Артемій. Что это вы сами хотите отнести письма?

Случаевскій. Молчи, не твое дѣло.

Артемій. Какъ, не мое! вамъ самимъ неприлично. Если бъ даже эти письма были съ деньгами, такъ будьте покойны, я въ исправности доставлю.

Случаевскій. Подай шляпу, тебѣ говорятъ....

Артемій. Вотъ шляпа-съ....

Случаевскій. Хорошо. Держи ее такъ.

Артемій. Держу-съ.

Случаевскій. Ну, наступаетъ рѣшительное мгновеніе.... жребій брошенъ! вотъ такъ.... Нѣтъ, мнѣ самому вынимать не годится. Пусть лучше онъ вынетъ. Дай сюда! фу! чортъ возьми, дѣло, кажется, очень просто, а меня ознобъ прошибаетъ....

Артемій. Что же это? вѣрно онъ фокусы хочетъ мнѣ показывать; ха, ха, ха!

Случаевскій. Чему ты смѣешься, дуракъ?

Артемій. Какъ, чему-съ! Я вотъ на масляницѣ былъ въ сарайчикахъ, такъ вотъ ни дать, ни взять тамъ былъ такой же штукарь: накрошилъ въ шляпу бумажекъ, а оттуда вышла яишница! Ей Богу, право! Такъ вотъ всѣ и захохотали.... да фору ему начали бить, а онъ мошенникъ....

Случаевскій. Молчи, болванъ! Ты вѣчно мѣшаешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ.... на.... засунь туда руку....

Артемій. Слушаю-съ.

Случаевскій. Вынь оттуда одно письмо.

Артемій. Которое прикажете?

Случаевскій. Все равно, какое хочешь.

Артемій. Да вѣдь и мнѣ все равно — какое изволите приказать.

Случаевскій. Какое тебѣ попадетъ въ руку.

Артемій. Ха ха ха! да вотъ они у меня оба....

Случаевскій. О, животное! вынь одно изъ нихъ.

Артемій. Ну, вотъ извольте, извольте....

Случаевскій. Уфъ! все кончено! сдѣлаемъ скорѣе адресъ. Послушай, ты вѣдь знаешь, гдѣ живетъ Ѳедоръ Андреичъ?

Артемій. Г. Кольчугинъ, полковникъ?—знаю-съ, на Литейной.

Случаевскій. Ну, возьми скорѣе извощика и отвези ему это письмо.

Артемій. А это-то другое куда прикажете?

Случаевскій. Это подай мнѣ.

Артемій. Ну, это хоть не далеко нести.

Случаевскій. Смотри же, живо, живо! Отдай ему въ собственныя руки и подожди отвѣта.

Артемій. Слушаю-съ.

Случаевскій. Ну, убирайся скорѣй, скорѣй, пока я не раздумалъ.

Артемій. Бѣгу, сударь, бѣгу (*уходитъ*).

—

VI.

Случаевскій (*одинъ*). Ну, выкинулъ же я штуку; вѣрно не одинъ женихъ не сватался такъ сумазбродно. Въ самомъ дѣлѣ, не глупости-ли я надѣлалъ.... не вернуть-ли его?... Эй, кто тамъ? Иванъ!

Иванъ (*входитъ*). Что прикажете?

Случаевскій. Артемій ушелъ?

Иванъ. Ушелъ-съ.

Случаевскій. Догони поскорѣе.... или нѣтъ, оставь, оставь, пусть его идетъ; ступай! (*Иванъ уходитъ.*) Нѣтъ, точно... надо всегда дѣйствовать по первому побужденію. Можетъ быть сама судьба внушила мнѣ эту оригинальную мысль. Вотъ такъ то отъ малыхъ причинъ бываютъ важныя послѣдствія. Дуракъ кинетъ камень въ воду, а десять умныхъ не вытащатъ. Что-жъ я теперь такое? Холостой, или женатый? Чортъ возьми!... дорого бы я далъ, что-бъ узнать, что-бъ приподнять хоть уголокъ таинственной занавѣски.... Зачѣмъ-же дѣло стало? Стоитъ только распечатать это письмо и загадка объяснится.... Нѣтъ, нѣтъ, что за малодушіе.... надо его скорѣе сжечь, чтобъ оно не вводило меня во искушеніе.... Гори, гори огнемъ и концы въ воду. (*Жжетъ письмо*).

—

VII.

СЛУЧАЕВСКІЙ, ЛУРИНЪ и ТОМИЛОВА.

Луринъ. Вотъ и мы, мой другъ.

Случаевскій. Боже мой! Софья Ивановна! Ай, ай! обжогся.

Луринъ. Ха, ха, ха! вотъ горячая встрѣча! что это ты дѣлаешь?

Случаевскій. Ничего, ничего, я сію минуту, мнѣ такъ совѣстно.... Извините, пожалуйста.

Томилова. Напротивъ, мы бы должны были извиняться. Мы вамъ помѣшали.

Случаевскій. Помилуйте, я очень радъ — душевно радъ, я никакъ не ожидалъ, что вы удостоите посѣтить меня.

Томилова. Я всю дорогу спорила съ братомъ; право, это совсѣмъ не деликатно, что онъ хочетъ завладѣть вами на цѣлый день.

Случаевскій. Напротивъ, я въ восхищеніи, что вы обращаетесь со мною безъ церемоніи.

Луринъ. Видишь, я тебѣ говорилъ, что онъ все тотъ же: для старыхъ друзей готовъ на всякую услугу.

Томилова. По-крайней-мѣрѣ, сегодня, мы бы должны были оставить васъ въ покоѣ; братъ говорилъ, что сегодня для васъ самый рѣшительный день....

Случаевскій. Какъ, злодѣй, ты все разсказалъ?

Луринъ. А развѣ это секретъ?

Случаевскій. Нѣтъ, конечно, нѣтъ, но все-таки я думалъ, что.... Боже мой, какъ мы давно невидались съ вами, Софья Ивановна, да вы-ли это? я все еще не могу повѣрить!

Томилова. А что же? Развѣ я такъ перемѣнилась?

Случаевскій. О, конечно, сдѣлались еще прекраснѣе.

Томилова. Право! Благодарю васъ; но извините, если я вамъ въ свою очередь замѣчу, что вы также перемѣнились въ это время.

Случаевскій. То-есть, постарѣлъ, хотите вы сказать.

Томилова. Нѣтъ: льстить выучились! Этого прежде за вами не водилось.

Случаевскій. Можете-ли вы это думать? Я готовъ отвѣчать моей головой, что лучше васъ не встрѣчалъ женщины на свѣтѣ. Ей Богу, не встрѣчалъ!

Томилова. О, какъ рѣшительно! Ну, а что бы сказала ваша невѣста, если-бъ это услыхала?

Случаевскій. Моя невѣста (если только она будетъ моей невѣстой), дѣвушка очень милая, добрая, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Я васъ непремѣнно съ нею познакомлю, если состоится моя женитьба....

Томилова. Какъ! Стало быть это еще не рѣшено?

Случаевскій. Увы! Теперь можетъ быть все кончено.

Луринъ. А, такъ ты послалъ отвѣтъ?

Случаевскій. Послалъ.

Луринъ. То-есть, согласіе на женитьбу?

Случаевскій. Не знаю.

Томилова. Не знаете? вотъ это оригинально!

Случаевскій. Клянусь вамъ, что ничего не знаю. Въ эту самую минуту дядюшка моей невѣсты читаетъ мой роковой отвѣтъ; но хоть зарѣжьте меня, я самъ не знаю, что онъ читаетъ.

Луринъ. Что-же это за исторія?

Случаевскій. Ахъ, не спрашивайте.... Мнѣ самому теперь страшно вспомнить, что я такое напуталъ.

Луринъ. Да что же это такое?

Случаевскій. Я предоставилъ фортунѣ рѣшить мою участь: въ одномъ письмѣ было написано согласіе, въ другомъ — отказъ, — одно послано къ дядюшкѣ, другое—вотъ оно.

Томилова. Ха, ха, ха! это безподобно.

Луринъ. Ну, любезный фаталистъ, изъ этого поступка видно, какъ горячо ты любишь свою невѣсту.

Томилова. Извините меня, Владиміръ Петровичъ; но еслибъ я была на ея мѣстѣ, и узнала-бы объ вашей милой рѣшительности, я бы васъ проучила за эти проказы.

Случаевскій. Что-жъ бы вы сдѣлали?

Томилова. Я бы не пустила васъ къ себѣ на глаза; я бы никогда не простила вамъ эту обиду, я бы васъ возненавидѣла и отказала бы вамъ на отрѣзъ.

Случаевскій. За что-же? Помилуйте!

Томилова. За что? Дурно-же вы знаете женщинъ! женщина все можетъ простить, кромѣ оскорбленнаго самолюбія.... А мужчина, который больше вѣритъ слѣпому случаю, нежели женской любви, не стоитъ быть счастливымъ мужемъ. Да, сударь, мнѣ вчужѣ обидно за вашу невѣсту, и я готова ее предупредить о вашихъ проказахъ.

Случаевскій. О, Боже мой! я самъ бы теперь былъ радехонекъ, если-бъ мнѣ отказали.

Томилова. Вотъ это мило! Такъ за чѣмъ-же вы искали ея руки?

Случаевскій. Да, это ея дядюшка сбилъ меня съ толку, у него глупая страсть сватать; онъ присталъ съ ножемъ къ горлу, а мнѣ совѣстно было отговориться, мы съ нимъ старинные пріятели.

Томилова. Вотъ хороша причина. Скажите, по-крайней-мѣрѣ, любитъ-ли васъ невѣста?

Случаевскій. Богъ ее знаетъ; я думаю, что нѣтъ.

Томилова. Безподобно! Это ужъ лучше всего, ни женихъ, ни невѣста не любятъ другъ друга и хлопочатъ о свадьбѣ! Да гдѣ же это дѣлается?

Случаевскій. Ваша правда. Въ самомъ дѣлѣ, я затѣялъ глупости. Вотъ если-бъ вы четверть часа ранѣе пріѣхали сюда, я бы непремѣнно послалъ рѣшительный отказъ; но мнѣ не съ кѣмъ было посовѣтоваться.

Лурипъ. Однако-жъ я тебѣ давича то же самое говорилъ.

Случаевскій. Ты говорилъ? Ты говорилъ пустяки.... Ты не могъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ, потому, что самъ человѣкъ влюбленный и судишь по своему, а сестрица твоя безпристрастно глядитъ на эти вещи; Софья Ивановна очень благоразумно мнѣ доказала, что я сумасбродъ, а когда мнѣ что ясно докажутъ, я не только не спорю, но готовъ благодарить. Вы видите, какая у меня важная добродѣтель: для свѣтскаго мужа — я сговорчивъ, какъ нельзя болѣе.

Томилова. И такъ, ужъ вы теперь раздумали жениться?

Случаевскій. О, конечно, я не женюсь на той, которую мнѣ сватаютъ, но если-бъ я былъ такъ счастливъ, что нашелъ бы женщину благоразумную, которая бы не искала въ мужѣ пылкой молодости, но любви самой почтительной, характера уступчиваго: то клянусь вамъ, она бы сдѣлала изъ меня образцоваго мужа.

Луринъ. Все это хорошо, мой другъ, но если дядюшка получилъ то письмо, въ которомъ ты соглашаешься на женитьбу?

Случаевскій. Ахъ, варваръ! что ты мнѣ напомнилъ? Въ самомъ дѣлѣ, что я тогда буду дѣлать? Постойте, постойте! кто-то подъѣхалъ; такъ точно, это онъ! онъ самъ! я велю ему отказать; ай, ужъ поздно: онъ меня увидѣлъ. Сдѣлайте милость, уйдите отсюда. Подождите въ той комнатѣ.

Томилова. О, Боже сохрани! мы сами не хотимъ быть свидѣтелями такой курьозной сцены.

Луринъ. Ну, братъ, посмотримъ какъ-то ты съ нимъ раздѣлаешься.

Случаевскій. Онъ ужъ въ передней.... Ступайте, ступайте! Извините, Софья Ивановна. (*Они уходятъ.*) Ну, что то будетъ! Что, если на бѣду онъ еще не получалъ моего письма.... вотъ пойдетъ путаница.... какъ его теперь встрѣтить.... какую мнѣ рожу скорчить? Плакать или смѣяться? Чортъ знаетъ.... Какую глупую сцену я долженъ съ нимъ разыгрывать.

—

VIII.

Случаевскій и Кольчугинъ.

Кольчугинъ. Такъ этакъ-то, милостивый государь?

Случаевскій. Какъ съ?

Кольчугинъ. Что же?

Случаевскій. Что-съ?

Кольчугинъ. Ковчено? и рѣшено?

Случаевскій. Рѣшено и кончено.

Кольчугинъ. То-есть, какъ-же? въ какомъ смыслѣ?

Случаевскій. Какъ, въ какомъ смыслѣ?

Кольчугинъ. Ну да; я васъ, кажется, по русски спрашиваю.

Случаевскій. Точно-съ, по русски, я не спорю.

Кольчугинъ. Такъ отвѣчайте же толкомъ!...

Случаевскій. Да что же мнѣ отвѣчать? Я надѣюсь, что вы человѣкъ, который....

Кольчугинъ. Тьфу, чортъ возьми! да вы-то сударь, вы-то, что за человѣкъ.... вѣдь съ вами нельзя имѣть никакого дѣла.

Случаевскій. Ну, плохо!

Кольчугинъ. Въ какую несчастную минуту связался я съ этимъ шутомъ! О, я себѣ этого никогда не прощу!

Случаевскій. Ну, старикъ расходился! стало быть дѣло разошлось.

Кольчугинъ. Что-же вы думаете.... что кромѣ васъ ей и жениховъ не найти? Моя племянница такая невѣста, что вѣрно всякій бы почелъ за счастье получить ея руку, а онъ еще ломается. Что же вы хотите, чтобъ васъ упрашивали?... Чортъ возьми!

Случаевскій. Помилуйте, Ѳедоръ Андреичъ; вы напрасно гнѣваетесь.... Садитесь, пожалуйста.

Кольчугинъ. Нѣтъ, сударь, я человѣкъ настойчивый, вы меня и такъ посадили въ дураки! Я собою играть не позволю. Я люблю мою племянницу, искалъ ей мужа солиднаго, который бы руководилъ ее, какъ слѣдуетъ. Васъ я зналъ всегда за порядочнаго малаго, а вы просто ведете себя, какъ школьникъ.

Случаевскій. Каково онъ меня щелкаетъ, а они оттуда все слышатъ.... конфузно! очень конфузно!

Кольчугинъ. Что же вы молчите, сударь? Что же вы не оправдываетесь?

Случаевскій. Въ чемъ же мнѣ оправдываться?

Кольчугинъ. Какъ, въ чемъ? Я, какъ дуракъ цѣлое, утро сижу дома: «вотъ, думаю придетъ, потолкуемъ, какъ слѣдуетъ, поѣдемъ къ племянницѣ, я переговорю съ сестрой и сладимъ дѣло!» Посылаю записку, жду битый часъ отвѣта: наконецъ Семенъ возвращается: говоритъ сами-де пожалуютъ. Опять жду.... и что же? Нѣтъ, сударь, съ вами лопнетъ всякое человѣческое терпѣніе.

Случаевскій (*въ сторону*). Что же въ самомъ дѣлѣ, получилъ ли онъ мое письмо?...

Кольчугинъ. Какъ! таки ни одной строчки, ни одной буквы!

Случаевскій (*въ сторону*). Ай, ай, онъ его еще не получилъ!

Кольчугинъ. Отчего же вы, милостивый государь, не хотѣли мнѣ прислать никакого отвѣта?

Случаевскій. Какъ! помилуйте.... я.... я.... васъ увѣряю, я давно послалъ отвѣтъ.

Кольчугинъ. Такъ ты послалъ?

Случаевскій. Послалъ четверть часа назадъ.

Кольчугинъ. Я ровно ничего не получалъ.

Случаевскій. Вы не получали? Ахъ! Боже мой, какая досада, вѣрно мой слуга не засталъ васъ дома.

Кольчугинъ. Очень вѣроятно, но это все равно! теперь я здѣсь на лицо и ты можешь мнѣ сказать, что ты ко мнѣ послалъ.

Случаевскій. Ай, ай, вотъ бѣда! вотъ попался въ тиски.

Кольчугинъ. Но, сударь, что же вы написали?

Случаевскій. Что я ему скажу?

Кольчугинъ. Какой былъ вашъ отвѣтъ?

Случаевскій. Отвѣтъ! Самый рѣшительный отвѣтъ.

Кольчугинъ. Ну, что же: *да*, или *нѣтъ?*

Случаевскій. Повѣрьте, Ѳедоръ Андреичъ, что вы напрасно обвиняете меня.... я вполнѣ умѣю чувствовать ваше расположеніе ко мнѣ.

Кольчугинъ. Все такъ, но какой же отвѣтъ-то ты написалъ?

Случаевскій. О, будьте увѣрены, что я человѣкъ рѣшительный и можно-ли было не рѣшиться съ моей стороны, когда вы такъ заботитесь о моемъ счастіи?

Кольчугинъ. Стало быть, согласенъ?

Случаевскій (*помолчавъ*). Вы прочтете мое письмо и сами увидите.

Кольчугинъ. Но гдѣ же? давай его сюда.

Случаевскій. Оно у васъ.

Кольчугинъ. Какъ, у меня?

Случаевскій. У васъ на квартирѣ.... вѣрно мой слуга дожидается вашего возвращенія.... Пойдемте вмѣстѣ и все объяснится.

Кольчугинъ. Тьфу, чортъ возьми! Люди пишутъ письмо, когда не могутъ увидѣться другъ съ другомъ, а зачѣмъ-же мнѣ идти за твоимъ письмомъ, когда ты можешь сказать на словахъ? Что-жъ это значитъ? Развѣ ты не помнишь, что ты писалъ ко мнѣ?

Случаевскій. Какъ вы можете это думать? Помню слово въ слово.

Кольчугинъ. Ну, такъ прочти наизустъ мнѣ твое письмо— и дѣло съ концомъ.

Случаевскій. Которое письмо?

Кольчугинъ. Какъ которое? То, которое ты послалъ.

Случаевскій. Ну, ужъ извините.... ей Богу, я не могу этого сдѣлать....

Кольчугинъ. Это уже слишкомъ! Вы смѣетесь надо мною. Такъ слушайте-же, сударь: я далъ слово моему покойному брату устроить судьбу его дочери; я ея дядя и опекунъ....Не замѣчая въ ней ни къ кому особенной склонности, я выбралъ ей мужа на свой вкусъ. На дняхъ я долженъ буду уѣхать изъ Петербурга, если не навсегда, то можетъ быть не долго, и я хотѣлъ при се-

бѣ все кончить: вотъ главная причина, почему я такъ тороплюсь.

Случаевскій. О, конечно, вы совершенно правы.

Кольчугинъ. Постойте.... это еще не все: оставшись здѣсь вдвоемъ съ своей матушкой, моя Машенька могла бы, вѣроятно, найти и безъ меня жениха, но я долженъ былъ знать коротко того человѣка, кому, какъ родной дядя, отдаю единственную наслѣдницу. Судьба помогла моему горю: пока вы раздумывали, племянница вчера мнѣ призналась, что давно любитъ другаго.

Случаевскій. Другаго!

Кольчугинъ. Да, сударь. И этого человѣка я также хорошо знаю; онъ честный и благородный малый.... онъ формально на ней сватается. Если бъ я получилъ вашъ рѣшительный отвѣтъ, я бы, можетъ быть, съ ней поспорилъ, даже, можетъ быть уговорилъ бы ее, потому что я далъ вамъ слово, а я своему слову никогда не измѣнялъ.... Теперь мнѣ нужно только одно: чтобы вы мнѣ возвратили слово.

Случаевскій. Помилуйте, Ѳедоръ Андреичъ, насильно милъ не будешь, и если Марья Сергѣевна любитъ уже другаго, такъ, стало быть, больше говорить нечего.

Кольчугинъ. Да, но только я хочу видѣть твое письмо, для успокоенія моей совѣсти, самъ-ли ты прежде отказался, или теперь, когда узналъ объ ея склонности къ другому.

Случаевскій. Надо поскорѣе уничтожить это роковое письмо. Подождите-же здѣсь нѣсколько минутъ, я самъ принесу вамъ мое письмо.

Кольчугинъ. Да скажи просто, что ты писалъ?

Случаевскій. Повторяю вамъ, что не могу, ей Богу, не могу.

Кольчугинъ. Что за вздоръ! Поѣдемъ вмѣстѣ.

Случаевскій. Нѣтъ, нѣтъ, сдѣлайте милость, подождите лучше здѣсь.... Одно средство: пойду и скажу, что Артемій потерялъ мое письмо.

—

IX.

СЛУЧАЕВСКІЙ, КОЛЬЧУГИНЪ, ЛУРИНЪ.

Луринъ. Извини, мой другъ, если я.... Что я вижу? Ѳедоръ Андреичъ!

Кольчугинъ. Какъ! Александръ Иванычъ! Какими судьбами? вотъ задача!

Случаевскій. Какъ! Развѣ вы знакомы?

Кольчугинъ. Еще бы.... да онъ-то вѣдь...

Луринъ. Тсс! молчите, Ѳедоръ Андреичъ, я вамъ послѣ объясняю.

Случаевскій. Такъ вы знакомые люди? Какъ это кстати!

Луринъ. Я нарочно пришелъ тебѣ на выручку.

Случаевскій. Ахъ, какъ я тебѣ благодаренъ. А гдѣ же сестрица?

Луринъ. Она еще тамъ; она съ нимъ незнакома и потому ей неприлично-бы было войти сюда.

Случаевскій. Прекрасно.... поболтай же съ нимъ покуда, а я съѣзжу за своимъ роковымъ письмомъ.... До свиданія, Ѳедоръ Андреичъ, черезъ пять минутъ я ворочусь. (*Уходитъ*).

Луринъ. Вотъ хорошо, что я попалъ къ нему во время.

Кочугинъ. Что тутъ за исторія? Меня просто ошеломило! Я только что говорилъ объ васъ, а вы точно съ неба свалились. Такъ вы пріятели?

Луринъ. Онъ меня называетъ даже своимъ другомъ.

Кольчугинъ. Ха, ха, ха! хорошъ другъ! Удружилъ было онъ вамъ.... Знаете-ли, что онъ вашъ соперникъ?

Луринъ. Что вы говорите? Можетъ-ли это быть?

Кольчугинъ. Какъ же, чортъ возьми! Я его чуть было не сосваталъ на моей племянницѣ, и если-бъ она мнѣ вчера не призналась, что вы хотите просить ея руки, такъ были бы вы съ праздникомъ.

Луринъ. Неужели бы вы рѣшились выдать ее замужъ противъ воли?

Кольчугинъ. О нѣтъ, конечно, нѣтъ. Но вѣдь я далъ слово этому шуту и мнѣ бы только хотѣлось знать, что онъ пишетъ въ своемъ письмѣ.

Луринъ. Ну, этаго онъ и самъ не можетъ вамъ сказать.

Кольчугинъ. Какъ не можетъ! что это за вздоръ?

Луринъ. Хоть мнѣ и совѣстно его выдавать, но тутъ дѣло идетъ о счастіи той, которая мнѣ всего дороже и ктому-же я не давалъ слова молчать. Узнайте же, что онъ вамъ написалъ два письма: одно съ согласіемъ на женитьбу, другое съ отказомъ, онъ хотѣлъ предоставить *случаю:* выдернулъ одно на удачу, а другое сжегъ – вотъ оно, къ вашимъ услугамъ.

Кольчугинъ. Ахъ, чортъ возьми! Такъ вотъ онъ гусь какой! То-то онъ мнѣ и поролъ такую дичь, не зналъ, что отвѣчать.... Да развѣ моя Машенька такая невѣста, что на ней можно жениться только зажмуря глаза.... Постой-же: я его распеку за этотъ фарсъ. Онъ со мной дешево не раздѣлается! Ну братъ, спасибо тебѣ за это открытіе, спасибо!

Луринъ. Ради Бога, не выдайте.

Кольчугинъ. Нѣтъ, сударь, выдамъ! выдамъ за тебя мою племянницу.... Сейчасъ поѣдемъ и ударимъ по рукамъ.... у меня, братъ, по военному.

Луринъ. Возможно-ли! какое счастіе!

Кольчугинъ. Да что тутъ долго думать; вы любите другъ друга.... Моя Машура со слезами меня просила согласиться на вашу женитьбу.... Пойдемъ же, перетолкуемъ о приданомъ, о твоемъ достаткѣ и дѣло съ концомъ.—Ну, отправимся же сію минуту.

Луринъ. Какъ? теперь? А моя сестра тамъ осталась.... Неловко же ее теперь оттуда вывести. Ну, она вѣрно на меня не разсердится.... Надо ковать желѣзо пока горячо!

Кольчугинъ. Но что съ тобой? Ужъ и ты нераздумываешь-ли?

Луринъ. Можете-ли вы это думать.... я только еще не могу повѣрить моему счастію!

Кольчугинъ. Такъ съ Богомъ! Порѣшимъ дѣло и вернемся сюда посмѣяться надъ этимъ шутомъ! Мы еще его помистифируемъ за его проказы. (*Уходятъ.*)

—

X.

ТОМИЛОВА (одна).

Прекрасно! одинъ лучше другаго! Хозяинъ уѣхалъ безъ церемоніи отъ своихъ гостей, а у моего любезнаго братца до того закружилась голова, что онъ забылъ о своей сестрѣ, и оставилъ ее въ чужемъ домѣ у холостаго человѣка. Впрочемъ, для него я готова на всякую жертву. И такъ, мой братъ и Случаевскій друзья-соперники, и оба этого не знали! хороши друзья! Случаевскій хотѣлъ играть судьбой, но она въ свою очередь сыграла съ нимъ довольно забавно.... Впередъ наука вамъ, г-нъ фаталистъ.... Судьба шутить не любитъ.... Однако же, все это прекрасно, что-же я здѣсь буду дѣлать? Что обо мнѣ подумаютъ его люди.... Неужели мнѣ здѣсь оставаться и ждать ихъ возвращенія? Нѣтъ, нѣтъ поѣду къ Маріи. При помолвкѣ моего брата, я тамъ не буду лишняя. Посмотримъ только, оставилъ-ли онъ мнѣ коляску.

—

XI.

ТОМИЛОВА, СЛУЧАЕВСКІЙ И ИВАНЪ.

Случаевскій. Давно-ли онъ приходилъ сюда?

Иванъ. Небольше четверти часа.

Случаевскій. Что за безтолковое животное, ни зачѣмъ послать нельзя—все перепутаетъ, а самъ пропадетъ къ чорту. Поди, сыщи его, гдѣ хочешь, и возьми отъ него мое письмо; пошелъ, пошелъ скорѣе! Что я вижу! Вы здѣсь однѣ? а вашъ братецъ?

Томилова. Надо вамъ отдать справедливость, мосье Случаевскій, что вы умѣете жить въ свѣтѣ.

Случаевскій. Ахъ, простите меня, ради Бога. Вы вѣрно слышали оттуда, въ какіе тиски меня поставила судьба: я готовъ былъ провалиться сквозь землю! Не сердитесь, пожалуйста; я чувствую, что я полоумный сумасбродъ. Все здѣсь собралось, чтобы свести меня съ ума! Но если вы не простите меня, тогда, я просто, совершенно погибну.

Томилова. Что за отчаяніе?

Случаевскій. Какъ-же, помилуйте, развѣ вы не слыхали, что моя невѣста любитъ другаго?

Томилова. Да я это слышала и даже знаю кого....

Случаевскій. Вы знаете моего соперника?

Томилова. Очень хорошо; онъ самъ ее искренно любитъ и вполнѣ ея достоинъ.

Случаевскій. Въ самомъ дѣлѣ! такъ вы и невѣсту мою знаете?

Томилова. И ее знаю.

Случаевскій. И они давно любятъ другъ друга?

Томилова. Очень давно; особенно женихъ, онъ любитъ не по вашему, онъ не думаетъ жениться на выдержку, потому что увѣренъ въ своемъ счастіи.

Случаевскій. Боже мой, вы такъ рѣшительно объ немъ говорите.

Томилова. Потому, что я сама люблю его.

Случаевскій. Какъ-съ, вы его любите? И принимаете такое участіе въ его женитьбѣ!

Томилова. Что жъ тутъ удивительнаго?

Случаевскій. Какъ-что удивительнаго? Вы говорите такими загадками.

Томилова. Почему-же не такъ? Вы, кажется, до нихъ большой охотникъ; вы даже и жениться-то хотѣли на угадъ.

Случаевскій. Ахъ, не напоминайте мнѣ о моей глупости; она причиною моихъ несчастій.

Томилина. Однако-жъ вы, видно, не въ большомъ отчаяніи отъ своей неудачи.

Случаевскій. Да потому, что я фаталистъ! Я вѣрю, что судьба дѣлаетъ все къ лучшему. Я не женюсь на Кольчугиной, стало быть судьба этого не хочетъ.

Томилова. Но эта судьба смѣется надъ вами.

Случаевскій. Напротивъ, она мнѣ улыбается, и, повѣрите ли, я твердо убѣжденъ, что-то письмо, которое я сжегъ, непремѣнно заключало въ себѣ согласіе на мою женитьбу.

Томилова. Почему-же вы это думаете?

Случаевскій. Потому.... потому, что въ ту самую минуту судьба послала мнѣ другое существо, которому, можетъ-быть, суждено составить мое счастіе.

Томилова. Вотъ какъ! Вы мастерски умѣете перетолковывать все въ свою пользу; но знайте, сударь, что это существо не намѣрено быть подставнымъ. Оно привыкло играть только первыя роли.

Случаевскій. Сжальтесь надо мною! Вы только однѣ можете меня образумить и сдѣлать порядочнымъ человѣкомъ.... клянусь вамъ, что....

Томилова. Постойте, постойте; это что-то похоже на объясненіе.

Случаевскій. Неужели-же вы такъ мало увѣрены въ своемъ могуществѣ.... Одинъ вашъ взглядъ можетъ внушить любовь самую чистую, самую пламенную.

Томилова. Полноте, вы меня смѣшите! Я вѣрю, что вы можете также легко воспламениться, какъ-то письмо, въ которомъ было согласіе на вашу женитьбу, но я не такъ легкомысленна, чтобы довѣриться человѣку съ такими странными понятіями о женитьбѣ.

Случаевскій. О, вы способны образумить сумасброда и свести съ ума всякаго философа!

Томилова. Благодарю за это открытіе, я не знала за собою такихъ достоинствъ; надо однако-жъ признаться, что въ васъ *противорѣчіе*: нѣсколько дней вы не могли рѣшиться отвѣчать *да*, или *нѣтъ*, а теперь въ нѣсколько минутъ родилась у васъ такая отважная рѣшительность....

Случаевскій. Но я васъ любилъ уже давно!

Томилова. Вы? меня? ха, ха, ха! вотъ новость, которой вы, вѣроятно, сами внутренно удивляетесь, какъ она вамъ могла придти въ голову?

Случаевскій. Смѣйтесь, смѣйтесь надо мною, какъ хотите, я этого стою, но вы теперь открыли мнѣ глаза и пробудили прежнія мои надежды.

Томилова. Если это правда, то я очень объ васъ сожалѣю. Зачѣмъ открывать глаза такому человѣку, который въ женитьбѣ хочетъ играть въ жмурки.... Кто вѣритъ только одному слѣпому случаю, тому въ свою очередь никто не захочетъ повѣрить.... Но

довольно; пора намъ кончить эту неумѣстную шутку.... Проводите меня къ Кольчугинымъ, тамъ теперь рѣшается судьба моего брата.

Случаевскій. Какъ? вашего брата? Что это значитъ?

Томилова. Это значитъ, что дядюшка повезъ его свататься на вашей невѣстѣ.

Случаевскій. Неужели онъ мой соперникъ! О, теперь я вижу, что онъ былъ мой истинный другъ.... Задушевные друзья всегда такъ дѣлаютъ: я ему очень благодаренъ! Онъ, какъ новый Александръ, разсѣкъ Гордіевъ узелъ.

Томилова. А васъ избавилъ отъ затрудненія играть въ узелки. Я нахожу, что вы очень великодушны: уступаете ему то, отъ чего сами охотно отказываетесь.

Случаевскій. Однако-жъ, если-бъ другой былъ на моемъ мѣстѣ, онъ могъ бы помѣшать его счастію. И потому я надѣюсь, что онъ въ свою очередь поступитъ со мною по-братски и будетъ у васъ моимъ адвокатомъ.... Вы любите его, онъ меня, я васъ: а дружба и любовь должны быть неразлучны.... Какъ же мнѣ послѣ этого не вѣрить судьбѣ!

Томилова. Опять! Знаете ли, какъ вы мнѣ надоѣли съ вашей судьбой.

Случаевскій. Да какъ-же иначе? — Развѣ вы не видите, какъ предусмотрительно она тутъ распорядилась? Пріѣзжайте вы въ Петербургъ двумя днями позже, мы бы съ вашимъ братомъ были несчастные люди.... Отчего же судьба послала ему такого слабаго соперника? Отчего именно *сегодня* онъ вздумалъ посѣтить своего друга, отчего подвернулся тутъ-же дядюшка, отчего этотъ дядюшка не получилъ моего письма? Отчего, наконецъ, вы здѣсь, а онъ тамъ у своей невѣсты? Воля ваша, если все это не фортуна, такъ я готовъ для доказательствъ—повѣситься, потому-что веревка не выдержитъ этого испытанія и непремѣнно оборвется.

Томилова. Все это прекрасно, но вы забываете одно, что для исполненія вашихъ желаній недостаетъ бездѣлицы.

Случаевскій. Какой?

Томилова. Моего согласія.

Случаевскій. О, я готовъ ждать до которыхъ поръ вамъ угодно, готовъ на всякое испытаніе, и увѣренъ, что рано или поздно, а она вѣрно не захочетъ оставить меня въ дуракахъ.

—

XII.

ТѢ ЖЕ, КОЛЧУГИНЪ и ЛУРИНЪ.

Кольчугинъ. А, ты здѣсь, гусь! Ну, братъ, пѣняй на себя!

Поздравь-ко своего друга: не угодно-ли теперь быть шаферомъ, если не успѣлъ быть женихомъ.

Луринъ. Вольдемаръ, извини меня, я слишкомъ былъ увѣренъ въ твоемъ великодушіи.

Случаевскій. Сдѣлай милость, не церемонься; поздравляю отъ чистаго сердца! Друзья должны помогать другъ другу. Я сейчасъ только говорилъ это самое твоей сестрицѣ.

Кольчугинъ. Эге! да здѣсь дамы?

Луринъ. Это моя сестра, любезный дядюшка.

Кольчугинъ. Какъ, Софья Ивановна, объ которой мнѣ всѣ уши прожужжала моя племянница? Честь имѣю рекомендоваться. Мы теперь съ вами породнились. Прошу любить да жаловать. А, повѣса! такъ ты былъ здѣсь въ пріятной компаніи? Вотъ, стало быть причина, почему ты отказывался отъ моей племянницы?

Случаевскій. О, нѣтъ, я.... напротивъ....

Кольчугинъ. Ну, полно, полно, стараго воробья не проведешь. Стало быть, и васъ уже придется поздравить за компанію?

Томилова. Нѣтъ... нѣтъ.... покорно васъ благодарю.

Случаевскій. Александръ! вступись за меня! я тебѣ уступилъ мою невѣсту и готовъ ручаться головой, что лучшаго выбора она не могла сдѣлать. Поручись-же и ты за меня. Увѣрь Софью Ивановну, что я не такой безпутный человѣкъ, какъ она обо мнѣ думаетъ.

Луринъ. Какъ! Неужели? Ахъ, какъ-бы я былъ радъ!

Случаевскій. Ты теперь счастливъ, проси-же, проси за меня.

Томилова. Ну, послѣ, послѣ, дѣло не къ спѣху; вамъ еще будетъ довольно времени передумать.

Кольчугинъ. Прошу покорно, да у васъ здѣсь круговая порука! Ай, молодцы! это по-нашему, по-военному! Но куда-же дѣвалось твое заколдованное письмо? По какой дьявольской почтѣ ты его отправилъ?

—

XIII.

ТѢ ЖЕ И АРТЕМІЙ.

Артемій. Фу! Боже мой! насилу я васъ отыскалъ, Ѳедоръ Андреичъ; я къ вамъ, а вы сюда, я сюда, а вы къ себѣ; я опять туда, а вы ужъ здѣсь! Вотъ-съ письмо, которое баринъ приказалъ отдать вамъ въ собственныя руки.

Кольчугинъ. А, вотъ оно, наконецъ.... Давай, давай его сюда!

Случаевскій. Нѣтъ, теперь ужъ не нужно. Пусть-же никто не узнаетъ что въ немъ было. (*Разрываетъ письмо.*)

Артемій. Вотъ тебѣ разъ! Изъ чего-же я-то мѣтался какъ угорѣлый.... Вѣдь полтинникъ, сударь, проѣздилъ на извощикѣ.

Случаевскій. Десять цѣлковыхъ тебѣ за то, что ты опоздалъ....

Луринъ. И отъ меня столько же....

Артемій. Неужели? Экое счастье прикатило на извощикѣ — кабы по-чаще меня посылали съ такими письмами. Пилъ-бы себѣ на здоровье, да шатался изъ угла въ уголъ!

Случаевскій. Ну, слава Богу! Все устроилось на наше общее счастіе. (*Кольчугину.*) Мы остаемся съ вами друзьями по старому; мой молодой другъ будетъ счастливъ, какъ слѣдуетъ.... Меня хоть и забраковали съ одной стороны, но съ другой я еще не теряю надежды (*Томиловой*). Вы улыбаетесь? Ну, скажите мнѣ въ свою очередь: *да* или *нѣтъ*?

Томилова. Ни да, ни нѣтъ....

Случаевскій. Ну, merci, и то хорошо, за неимѣніемъ лучшаго.

Луринъ. Будь покоенъ, мой другъ — я буду твоимъ сватомъ.

Случаевскій. Неуже ли? Ну такъ тебѣ русское спасибо! О! теперь я такъ счастливъ, такъ доволенъ своей судьбой, что даже готовъ пѣть на радости: хоть это въ комедіяхъ и не водится, да ужъ просто на свою голову!

ДА и **НѢТЪ**, два эти слова
Нашъ вседневный лексиконъ;
Въ нихъ значенья роковаго
Смыслъ глубокій заключенъ:
Сколько-бъ въ жизни, въ самомъ дѣлѣ,
Мы избавилися бѣдъ,
Если-бъ во время съумѣли
Отвѣчать: и *да* и *нѣтъ*.

Какъ-бы коротко и ясно,
Все рѣшалъ судьи отвѣтъ,
Если-бъ только безпристрастно
Говорилъ онъ *да* и *нѣтъ*.

Здѣсь-же времени не тратятъ
Судьи добрые у насъ;
И за судъ свой сами платятъ
И рѣшаютъ все какъ разъ!
Да и *нѣтъ* мы вамъ сыграли,
Что-жъ услышимъ мы въ отвѣтъ?
Лишь-бы вы не промолчали,
А то будетъ: *да* и *нѣтъ*!

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ *„Репертуаръ Русской сцены“* печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, а иногда и картинки.

Цѣна за годовое изданіе:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

„Кто не имѣетъ Пантеона за 1848 годъ, и желаетъ подписаться на 1850 годъ, тотъ получитъ въ видѣ подарка Пантеонъ за 1848 годъ, прилагая къ подписной цѣнѣ въ Петербургѣ 2 р. с., а Иногородныя 3 р. 50 коп. пересылочныхъ денегъ.“ Но это относится только до тѣхъ подписчиковъ, которые выпишутъ журналъ изъ Главной Петербургской Конторы.

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Печатать позволяется, 17 Марта, 1850 года. Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. КРАЙЯ.

Редакторъ *Ѳ. Кони.* — Издатель *В. Печаткинъ.*